

# ИСПОВЕДЬ ЦАРЯ БОРИСА



Сергей  
Калабухин

Сергей Калабухин

# НЕПОВЕДЬ ЦАРЯ БОРИСА

РОМАН

*История — ложь, которую  
никто не оспаривает.*

Наполеон Бонапарт



Коломна  
Серебро Слов  
2018

УДК 821.161.1-3  
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

К17

**Калабухин С.В.**

**К17 Исповедь царя Бориса** Роман / Сергей Калабухин —  
Коломна: Серебро Слов, 2018. — 300 с.; ил.

Московия времён царя Ивана Грозного и современная подмосковная Коломна переплелись на страницах этой книги. Измены бояр, битвы с татарами, турками и ливонцами, интриги иезуитов, реалии провинциальной литературной тусовки и происки спецслужб — всё это вы найдёте в романе коломенского писателя Сергея Калабухина «Исповедь царя Бориса».

ISBN 978-5-907026-53-7

© Сергей Калабухин, 2018

© Наталья Ковалёва, обложка, 2018

© Серебро Слов, 2018

## 1. Витёк и "черти"

*Для побеждённых спасенье одно —  
о спасенье не думать!*

**Вергилий**

Голоса явно шли из-под земли.

— Допился! — обречённо вздохнул Витёк. — Опять теперь в психушку Клавка засунет...

«Гнилушка», как презрительно называла жена родовые «хоромы» бывшего майора Российской армии, а ныне давно и безнадежно безработного военного пенсионера Виктора Семёновича Круглова, стояла на самом берегу Москва-реки в исторической части подмосковной Коломны.

Когда ошалевшие от радости либералы, легко захватившие выпавшую из рук выродившихся «коммунистов» власть, начали лихо крушить государство и армию, майор Круглов потерял не только работу, но и смысл жизни. Он с верной женой Клавдией вернулся в родной город, оставив квартиру недавно женившемуся сыну, помыкался годик в поисках новой службы, похоронил родителей, не принявших реалии новой «независимой» России и тихо угаснувших практически одновременно, а потом глухо и беспробудно запил, превратившись в глазах окружающих в обыкновенного забулдыгу.

В пьяном виде бывший майор не был буйным, с кулаками на окружающих и уж тем более на жену не бросался, но становился не в меру болтлив и слезлив. А так как пил Витёк каждый день, то Клавдия перестала пускать его на ночь в дом. Когда это случилось в первый раз, бывший майор, поматерившись недолго перед запертой дверью, в конце концов, отправился спать в сарай, где давно уже не осталось никакой живности. Зато на сеновале сохранилась небольшая горка из смеси трухи и полусгнившей соломы. Витёк бросил на неё свой старый армейский ватник, в котором в былые годы помогал отцу копать картошку, и самодовольно усмехнулся.

— Русский солдат и из топора кашу сварит! И без перин выпится!

Однако вскоре Витёк перину всё же на сеновал приволок. Когда-то, почти тридцать лет назад, она была частью «приданого», тёщин подарок новобрачным на свадьбу. С годами перья местами сбились в отдельные комья, а между ними зазияли обширные провалы.



Клавдия, которую в последние годы начали мучить боли в спине, велела Витьку выкинуть пришедшую в негодность перину, заменив её современным матрасом, благо они теперь свободно продавались отдельно от кроватей. Витёк, не будь дурак, отволол перину на сеновал, заменив ею ватник.

Теперь, когда изрядно «приняв на грудь» в компании столь же безжалостно выкинутых «дерьмократами» из привычной жизни собутыльников Витёк, возвратясь домой, упирался в запертую женой дверь, то просто покорно отправлялся спать на сеновал. В этом году лето пришло довольно рано, и когда дневная жара стала плавить асфальт улиц, Витёк оборудовал себе «гнездо» подальше от дома, в кустах чёрной смородины на самом краю сада. Ветхий деревянный забор, огораживающий участок Кругловых, в этом месте давно рухнул, открыв почти двухметровый проход к берегу Москва-реки.

В общем-то, и раньше именно в этом месте в заборе находилась небольшая калиточка, от которой по крутому, заросшему кустарником склону мужскими представителями семьи Кругловых была ещё со времён царя-батюшки (какого именно — выяснить не удалось) протоптана узкая извилистая тропка к воде. Но рыбалка уже давно не интересовала бывшего майора, и Клавдия резонно требовала, чтобы муж восстановил забор, пусть даже и без калитки к реке.

— Да зачем он нужен? — вяло огрызался Витёк. — Кто к нам полезет? Что у нас воровать?

— Да уж, ты постарался! — кричала Клавдия. — Всё из дома вынес и пропил!

— Да что там у нас было? — отмахивался Витёк. — Было б об чём жалеть...

— Чтоб забор был! — твёрдо приказала Клавдия. — Колхозы вокруг давно позакрывались. Или не видишь с пьяных глаз на том берегу заросшие сорняком совхозные поля? А жрать каждый день просишь! Забыл, как в прошлом году у нас почти всю капусту с огорода вынесли? Я что, на чужого дядю после работы на грядках больную спину гну?

— Ладно, — хмуро согласился Витёк. — Чего сейчас-то орать? Один чеснок пока на твоих грядках зеленеет. Как капуста кочанчики завяжет, я забор сбацаю...



Но такой ответ Клавдию не устроил.

— Вот как починишь забор, тогда и в дом ночевать пущу, — решительно сказала она. — Можешь теперь хоть пьяный, хоть трезвый приходить — моё слово окончательное.

— Не больно-то и надо! — фыркнул Витёк, но упавший кусок забора пошёл осмотреть. За жарким летом-то скоро и холодная осень придёт.

Штакетины, конечно, прогнили давно. По-хорошему, надо ставить новый забор, а не латать старый. Витёк пнул бывшую калитку носком дырявого кеда, и та неожиданно легко соскользнула вниз по откосу к реке, застряв через пару метров в кустах.

— Хорошо, что забор упал наружу, а не на кусты малины, — буркнул Витёк, осматриваясь, — а то бы Клавка меня вообще...

Что «вообще», он додумать не успел, так был поражён иной мыслью: местечко-то здесь замечательное! Упавший забор открыл живописный вид на Москва-реку, вымахавшие ввысь кусты малины и смородины прекрасно укроют от палящих лучей солнца, и места для устройства лёжки между ними для одного человека не богатырской комплекции вполне достаточно. Опять же, прохлада от воды, что в нынешнюю жару немаловажно. А главное, далеко от всевидящего ока жены!

Когда Клавдия ушла на работу, Витёк вытащил из огромного, прадедовского ещё сундука пёстрое, пошитое из лоскутов двухспальное ватное одеяло и устроил из него в облюбованном у пролома месте между кустами чёрной смородины «гнездо». Чтобы уберечься от сырости, майор предварительно подстелил под одеяло свою старую плащ-палатку. Вместо подушки он бросил принесённый с сеновала ватник и с удовольствием улёгся в новую постель, чтобы как следует обдумать предстоящую починку забора.

Главный вопрос: где взять доски? Своровать негде, и денег на них нет. Свою пенсию Витёк почти полностью пропивает в первые же две недели после получения. У жены деньги просить бессмысленно — ни за что не даст! Научена горьким опытом. Да и откуда у неё? Работает в регистратуре городской больницы. Зарплаты еле хватает на еду и коммунальные платежи. Как только на новый матрас наскребла?

«Кстати, о деньгах, — встрепенулся Витёк, обшаривая собственные карманы. — Какое сегодня число?»



Мучительные подсчёты и безрезультатность поисков убедили бедолагу, что впереди его ждут две недели горестного безденежья. Какой там, к чёрту, забор? Возник более актуальный вопрос: на что пить сегодня и в последующие дни? Ну, первую неделю, как обычно, будут выручать дружки-собутыльники, а потом и их заначки закончатся. В оставшиеся перед пенсией дни придётся воровать и продавать, кто что сможет. Обычно обшаривали кладбища, тянули вещи из дома. Однако теперь домашние запасы «ненужного» у всех закончились. Да и покупатели стали чересчур разборчивы. Не то что стеклянные банки брать не хотят, но и от «хрусталя», «гжели» и «хохломы» нос воротят! Лёжа в новом «гнезде», Витёк принял роковое решение и посягнул на святое: стал воровать и продавать книги из домашней библиотеки, благо их было много, и жена, чуть ли ни с религиозным почтением относящаяся к печатному слову, быстро обнаружить пропажу не могла.

Когда Кругловы вернулись в Коломну, чтобы окончательно здесь поселиться, Клавдия устроилась работать в библиотеку Коломенского артиллерийского училища, и была своей участью весьма довольна. Начальство её уважало за аккуратность и обширные литературные познания, а курсанты — за приветливость и желание помочь, объяснить, подсказать.

Когда-то, в далёких восьмидесятых годах прошлого века, и сам будущий майор Круглов здесь учился и посещал эту библиотеку. Славные были деньки! По выходным девушки так и вились вокруг курсантов, многим из них хотелось стать женой офицера. Да и матери подзуживали подросших дочек: если станешь женой военного, будешь кататься, как сыр в масле! У офицеров-то повсюду почёт, высокие зарплаты, дополнительное материальное обеспечение, одеждой и жильём государство снабжает. То, что семье новоиспечённого лейтенанта придётся сначала помыкаться по отдалённым гарнизонам и военным городкам, матери как-то упомянуть забывали. Но сами курсанты об этом обстоятельстве знали твёрдо, а потому старались поскорее найти себе невесту и обязательно жениться на последнем курсе. В отдалённых-то гарнизонах свободных девушек-невест не бывает!

Виктору Круглову с женой повезло. Многие его товарищи по военному училищу развелись в первые же годы службы. Их жён, разочарованных безрадостной жизнью в закрытых военных городках,





не остановили от разрыва даже родившиеся дети. А вот Клавдия оказалась верной женой. Она полюбила самого Виктора, а не его военную форму, а потому безропотно несла нелёгкое бремя офицерской жены. Она всегда фактически жила заботами мужа, поддерживала того во время неприятностей по службе, искренне радовалась его успехам, прощала мелкие шалости на стороне.

Когда работать в семье стала одна Клавдия, а Виктор неожиданно оказался бездельником, семейная жизнь Кругловых дала трещину. Центром внимания и темой разговоров вместо мужа и его службы постепенно стала жена и её работа в библиотеке Коломенского артиллерийского училища. Сначала Виктора это даже забавляло. Он ещё не понимал, что жизнь переместила его на задний план, потому что Клавдия заваливала его вопросами о том, как устроено училище, какова его история, что интересует курсантов в плане литературы и реалии их повседневной жизни. И Виктор с удовольствием жену просвещал. Он искренне радовался её интересу, потому что всегда гордился своим училищем. Да и не могло быть иначе!

Коломенское артиллерийское училище имело давнюю и славную историю. Оно было создано в Санкт-Петербурге в далёком 1820 году. В память о Великом князе генерал-фельдцейхмейстере Михаиле Павловиче Романове в 1849 года училище получило название Михайловского. После революции 1917 года по приказу Революционного Военного Комитета училище было расформировано. Но вскоре большевики начали создание Красной армии, и уже в марте 1918 года в бывшем Михайловском училище открылись 1-е экстренные курсы по подготовке командиров артиллеристов из рабочих и бывших солдат. Пережив несколько реорганизаций, бывшее Михайловское училище в 1937 году превратилось во 2-е Ленинградское артиллерийское училище, а в январе 1953 года его передислоцировали подмосковную Коломну.

Здесь вновь последовали череда реорганизаций и переименований, и Виктор Круглов уже заканчивал «Коломенское высшее артиллерийское командное ордена Ленина Краснознамённое училище имени Октябрьской революции». А вот его жене Клавдии пришлось работать в библиотеке «Михайловского высшего артиллерийского командно-инженерного училища».

— И откуда у российского генералитета такая тяга к переименованиям? — спросила мужа Клавдия.





Тот только усмехнулся в ответ.

Вскоре Виктора стали раздражать вопросы жены. Он стал воспринимать их как намёки на то, что из офицера превратился в бездельника. Жена работает в поте лица, а он, здоровый мужик, грубо говоря, «груши околачивает»! И Виктор начал попивать...

Но прошло ещё несколько лет, и тема коломенского военного училища из разговоров четы Кругловых исчезла окончательно. По распоряжению премьер-министра Российской Федерации Виктора Зубкова 30 декабря 2008 года Коломенское артиллерийское училище закрыли за ненадобностью ввиду отсутствия у демократической России военных врагов. Вот такой вот подарочек под Новый год!

Библиотеку тоже расформировали. Специальную литературу, аккуратно упаковав, куда-то увезли. А вот «художке» был предназначен прямой путь на свалку. Когда Клавдия узнала об этом, она поняла смысл чисто литературного и нелепого, как ей до этого казалось, выражения: «сердце облилось кровью». Наиболее ценные, редкие и интересные книги забрало себе начальство, что-то взяли коллеги, а остальное «прихватизировала» Клавдия. Бывшие курсанты помогли ей перевезти книги и сложить их на чердаке кругловского дома.

И вот теперь окончательно опустившийся Витёк потихоньку от жены «толкал» книжки по двадцатке за штуку всем желающим, лишь бы поскорее набрать на бутылку. Сегодня бизнес удался, непроданными остались всего две книжки. Вернувшись поздним вечером в своё «гнездо», Витёк привычно сунул пластиковый пакет с ними в тайник, сооружённый под досками упавшего забора. Для жены, если она случайно на них наткнётся, у Витька была заготовлена «железная», как он считал, отмазка: взял для чтения в свободное время. Не лазить же, в самом деле, каждый раз на чердак! Вот и заначил.

Собственно, именно в эту часть сада Клавдия почти не ходила. У неё уже не было сил обрабатывать весь участок. А ягоды созреют ещё не скоро. Но вот прийти проверить, как идёт ремонт, вполне могла в любой момент.

— И чего пристала со своим забором? — недовольно бурчал Витёк, кряхтя укладываясь на сложенное вдвое ватное одеяло. — Пересадила бы в этот проём куст шиповника или ту же малину — дёшево и сердито! Какой дурак сквозь эти колючки полезет? И на доски тратиться не надо...



Вольготно раскинувшись, Витёк полностью отдался во власть алкогольных волн, привычно качавших его исхудавшее тело вверх-вниз. Содержимое желудка временами подкатывало к горлу, но Витёк героически удерживал его внутри. Глупо избавляться от того, на что потрачены с таким трудом добытые денежки. И вскоре долгожданный сон пришёл...

Что его разбудило, приподнявшийся с ложа Витёк сначала не понял. Вроде, всё было, как обычно. Внизу, под обрывом, слабо плескалась Москва-река. Где-то недалеко, через дом или два, шумела молодёжная компания. Со стороны Кремля привычно гудела автомобильными моторами главная улица Коломны. Но было же что-то, выдернувшее бывшего майора из безмятежного сна! Витёк медленно опустился на комковатое, провонявшее его потом одеяло и вдруг услышал голоса, невнятно что-то бубнившие под землёй!

— Что за чёрт?!

Витёк резко сел. Голоса исчезли. Лёг, и они вновь появились. Именно в этот момент перспектива психушки, где бывшему майору уже приходилось избавляться от «белочки», замаячила перед ним в полный рост.

А голоса всё усиливались, по-прежнему оставаясь невнятными. Вдобавок к ним слышались глухие удары. И вдруг где-то на склоне обрыва что-то шумно осыпалось и с громким плеском ухнуло в воду. Жутко, как в каком-нибудь киноужастике, закрипели ржавые петли. Подземные голоса сразу вырвались на свободу, обозначились восторженным матом и тут же резко стихли.

— Вы что, совсем охренели? — чётко прозвучал возмущённый девичий голос, хоть его обладательница и попыталась снизить его до шёпота. — Хотите, чтобы сюда на шум сбежалась куча народа?

— Извини, Нинель, — прохрипел в ответ юношеский, не уставившийся пока окончательно басок. — Это мы на радостях. Ведь думали, что уже каюк: сзади — обвал, впереди — железная дверь. Повезло, что замок прогнил чуть ли не насквозь...

— Ладно, кончай базар! — жёстко приказала невидимая девушка. — Надо выбираться отсюда, пока нас не заметили. Вот и тропа какая-то наверх ведёт...

— А что с дверью делать? — робко прошептал третий голос, половую принадлежность которого Витёк определить на слух не смог. — Так оставим?



— Ты что, совсем со страху ополоумел? — гневно прошипела девица.

— Так ведь всё равно ход засыпало...

— И что? А если кто из детей полезет или рыбак какой? Нам повезло, а другие могут и не вернуться. Давайте в темпе: закройте лаз, завалите дверь комьями земли, плавником, всем, что найдёте поблизости. Вон, наверху, какие-то доски валяются...

Вновь послышался металлический скрежет, мат сквозь зубы и возмущённое шипение юной атаманши. Услышав приближающееся пыхтение, очумевший Витёк юркнул поглубже в кусты смородины, утянул за собой «гнездо» и затаился. По доносившимся звукам он понял, что подземные «черти» пытаются спешно доломать упавший забор и что-то с его помощью прикрыть на склоне к реке.

— А это что такое? — прозвенел удивлённый голос атаманши.  
— Откуда здесь пакет с книгами?

— Интересное что-нибудь? — поинтересовался басок.

— В темноте не понять, а включать фонарь стрёмно. Ладно, потом разберёмся...

При свете луны работа продвигалась довольно быстро. Но вот кто-то из парней вогнал в ладонь болезненную занозу. Другой, еле сдерживая голос, материл гвоздь, пропоровший ногу. Наконец, закончив работу, выбравшаяся из-под земли троица, прокравшись через огород Клавдии («А ведь достанется за потоптанные грядки мне!» — мысленно возмутился Витёк), выскользнула за калитку и растворилась в темноте.

На всякий случай выждав ещё несколько томительных минут, протрезвевший Витёк выполз из своего убежища и, как мог, осмотрелся. Доски рухнувшего забора переместились вниз по склону, образовав что-то вроде кучки строительного мусора.

— Сейчас не полезу, — решил Витёк, потирая давно не бритый подбородок. — Ноги ломать в темноте — дураков нет.

Тут он усмехнулся, вспомнив троицу «чертей».

— Есть, однако! Но я лучше подожду, когда рассветёт. Витёк шагнул назад, чтобы привести в порядок своё «гнездо», и чуть не грохнулся в колючую малину. Громко и от души матерясь, — ему-то кого бояться? — Витёк нагнулся посмотреть, обо что это он споткнулся, и был приятно поражен, обнаружив свой пакет с книгами. Видать, атаманша в спешке его забыла. Витёк поднял пакет и



удивился — тот явно потяжелел. Бывший майор не знал, что его находка в дальнейшем приведёт к цепочке событий, изменивших жизнь нескольких человек...

## 2. Задание

*Из всех потерь самая тяжёлая —  
утрата надежды.*

**Теофрит**

Настроение у Игоря Лидина всё больше портилось. Он пришёл сюда, в редакцию «Коломенской правды», в которой когда-то подрабатывал фельетонистом, за простой рекомендацией в Союз журналистов, а в результате влип в какой-то совершенно идиотский диалог. И с кем? С Зинкой Ляпиной! Когда-то та была простым корректором, исправляла ошибки в его статьях и смотрела на Игоря снизу вверх, а ныне вышла в начальство: ответственный секретарь, замещает главного редактора — как всё же не вовремя ушёл тот в отпуск! Бодайся теперь с этой вздорной бабёнкой. А ведь он и на неё рассчитывал и небезосновательно...

— Да, обещала. — Зинаида скривилась. — Но пойми, Игорёк, вот повезу я тебя в Москву на утверждение, а с чем, не подскажешь?

— У меня же есть публикации! — напомнил Лидин. — Две рекомендации только нужны...

— Две рекомендации — тьфу, не проблема: одну сама напишу, другую практически любой здесь накатает, стоит только мне попросить. Проставишься, конечно, не без этого. А вот публикации... Ну, сам подумай: когда они были-то? Сто лет с тех пор прошло, страна изменилась!

Это раньше ты сюда буквально через день шастал, статьи приходилось даже под псевдонимами давать, чтобы номер не перегружать твоим настоящим именем. А потом как в воду канул! Последний раз материал приносил, если память мне не изменяет, лет пятнадцать назад?

— Да засосало! Ты ж знаешь, у меня небольшая фирма по ремонту станков. Тогда как раз подфартило мне сразу несколько долговременных и денежных договоров с коломенскими предприятиями заключить. Пришлось даже ещё нескольких толковых ребят в штат набрать. Дел навалилось столько, что за все эти годы ни разу в отпуске не был.



— А сейчас-то что изменилось? Зачем бизнесмену корочки Союза журналистов?

Лидин вздохнул:

— Издеваешься, да, Зинуль? Неужели не знаешь, что сейчас изменилось? Про очередной мировой кризис не слышала? Про Крым и Донбасс ничего не знаешь? Мы сейчас еле трепыхаемся, того и гляди окончательно утонем. Завод тяжёлых станков чуть дышит. На Текстильмаше я даже не знаю, что теперь производят. На Коломзаводе, с которым мы пока продолжаем сотрудничать, с каждым годом положение всё хуже. Почти не выделяют нынешние хозяева заводов денег на ремонт станков и прочего оборудования...

Зинаида сидела со скучающим видом, даже не пытаясь скрыть, насколько ей безразличны проблемы этого бывшего внештатника, то бишь внештатного корреспондента. Перегорело... А ведь всё могло быть совсем иначе. В прошлом году они с Лидиным случайно встретились на презентации очередного номера альманаха «Коломенский текст». Зинаида никогда не пропускала это событие, а вот Игорь забрёл на него от нечего делать — его жена с дочкой в это время отдыхали на море, в Кабардинке. Лидин сидел рядом с Зинаидой и вздыхал. Он был какой-то грустный и неприкаянный, её, очевидно, не узнал, хоть и несколько раз оглядывался вокруг в поисках знакомых.

На сцене менялись выступающие, что-то говорили, пели, читали стихи, но Зинаида как будто оглохла и ослепла: она не понимала слов и не узнавала лиц. Ведь рядом сидел он — тот, при виде которого у неё когда-то замирало сердце и начинали пылать щёки. Щёки и сейчас горели, а вот сердце колотилось всё сильнее и быстрее. «Что ж я сижу-то? — с ужасом подумала Зинаида. — Скоро всё кончится, и он уйдёт. Опять уйдёт на годы, если не навсегда!» Она решительно повернулась к Лидину и с кокетливой, как ей тогда казалось, улыбкой спросила:

— Вы меня не узнаете, Игорь?

Лидин удивлённо всмотрелся в её искажённое напряжённой гримасой лицо.

— А мы знакомы?

— Я ваш неизвестный соавтор!

Зинаида истерично хихикнула. Что она говорила потом, и что отвечал ей Игорь, оба впоследствии так и не смогли вспомнить.



Главное свершилось: они уже не были одинокими малознакомыми зрителями. Более того, диалог, общение между собой интересовали их гораздо больше того, что происходило на сцене. А когда презентация закончилась, и все потянулись на выход, Игорь вдруг позвал её в гости, и ночь была такая, что Зинаида до сих пор краснела и бледнела, вспоминая, что они тогда вытворяли. Как-то само собой всё происходило, из неведомых глубин рвалось. Она отбросила и осторожность, и стыд. Лидин тоже не строил из себя скромного юношу. Он с готовностью откликался на все её пожелания, и сам не стеснялся делать с её телом всё, что хотел. Да и чего деликатничать? Чай, не юные оба, скоро шестой десяток разменяют.

И что потом? За прошедшие с той ночи десять месяцев Игорь Зинаиде ни разу не позвонил, не поинтересовался, как она, что с ней, ни с одним праздником не поздравил. А она ждала, гадала, почему он не звонит. Встретиться негде? Нашла бы. Ради такого дела всех подруг бы на уши поставила. Конечно, кто-то из них обязательно рано или поздно настучал бы об этом её мужу. Ну и что? Тоже мне муж — объелся груш. Не то, что ласки или внимания — самого примитивного супружеского секса, считай, уже лет пять у них вообще не было. И как только терпит, старый козёл? Или сам давно любовницу завёл? Интересно, какая она, чем привлекла?

— ...А до пенсии ещё ого-го сколько! — зло напирал Лидин. — Стали ремонтировать особняки, квартиры, ставить изгороди из сетки-рабицы дачникам, словом, подрабатываем, где только можем, ни от чего не отказываемся.

— Ну, а чем членская книжка Союза журналистов тебя спасёт? — Зинаида ухмыльнулась, радуясь, что в своих эротических раздумьях пропустила мимо ушей большую часть слёзной исповеди. — Во внештатники мы тебя и так возьмём. Перед своими работниками пофорсить хочешь? Тогда, может, сразу в Союз писателей рванёшь? Рассказов у тебя полно. Я недавно в интернете наткнулась на твою страничку и прочла несколько. Вполне приличные тексты.

— Рассказов-то много, но нет ни одной опубликованной книжки! — хмуро ответил Лидин. — А статьи и фельетоны есть.

Книжка членская! Недавно она Игорю и даром не была нужна. Да вот зашёл у него пару дней назад спор с одним хмырём на литературном сайте «Стихи & Проза», на котором Лидин выложил несколько своих рассказов. На каждом сайте всегда складывается



некий кружок старожилов, в котором имеются свои лидеры, общепризнанные корифеи, критики и прочие рядовые члены стаи. Новичков стая, как правило, встречает насторожённо и сразу попытается «обтесать» под свои установившиеся стандарты. Лидин всё это прекрасно знал и, будучи новичком на сайте «Стихи & Проза», не собиравшись сразу же вступать в какие-либо споры и конфликты со старожилами. Но когда местный корифей, прочтя один из рассказов Игоря, неожиданно обвинил автора в неумении оформлять прямую речь, Игорь не сдержался.

Разгорелся спор, в котором обе стороны ссылались на имеющийся у каждой из них справочник, написанный общепризнанным авторитетом в области правил русского языка Дитмаром Эльяшевичем Розенталем. Корифей апеллировал к «Справочнику по правописанию и литературной правке для работников печати», а у Лидина был «Справочник по русскому языку. Пунктуация». В ходе ожесточённого спора выяснилось, что хоть автор у справочников один, правила оформления прямой речи в них несколько отличаются: в книге Игоря оказался ещё один дополнительный пункт, объясняющий, в каком случае слова автора, следующие сразу после прямой речи, надо писать с большой буквы. И в тексте Лидина было как раз несколько таких случаев. Их сайтовый «корифей» и объявил примерами неправильного оформления прямой речи, с чем Игорь, разумеется, никак не мог согласиться.

Стая, естественно, дружно набросилась на чужака. Но Игорь не сдался, твёрдо отстаивая свой вариант справочника Розенталя как более подробный и полный. В конце концов, хамоватый корифей выдвинул аргументом собственной правоты то, что он — профессиональный литератор и член Союза журналистов России. А кто такой Игорь Лидин? Инженер-технарь без какого-либо гуманитарного образования. В запале Игорь заявил, что данный аргумент просто смешон, и наличие какой-либо «корочки» вовсе не гарантирует правоту того, кто ею обладает. И если он, Игорь Лидин, захочет, то максимум через месяц и у него будет такая же членская книжка Союза журналистов. Корифей и его стая тут же поймали Игоря на слове. Вот только совсем не обязательно Зинке Ляпиной знать такие подробности.

— Я понимаю, конечно, что ничего не дают сейчас эти членства, и всё-таки... — Игорь обворожительно улыбнулся Зинаиде. — Ты





же сама предлагала помочь, помнишь? — с намёком на нечто другое выделил это «помнишь» Игорь.

— Я и не отказываюсь, — вздохнула Зинаида и вдруг неожиданно для себя покраснела, поняв намёк Лидина. — Но публикации, Игорёк, публикации! Как говорится, вынь да положь. И не столетней давности, а свеженькие.

— Где ж я тебе их возьму? — вспыхнул Лидин. — Нужен материал. Дай хоть какую-нибудь наводку.

— Нет, ну ты и нахал! — возмутилась Зинаида. — А самому пошустрить лень?

— Да дело не в лени, — сбавил тон Игорь. — Пойми, Зинуль, я ж кучу времени убью на поиски материала, а у тебя наверняка что-нибудь уже есть на примете. Давай поможем друг другу?

— Ну, ладно, — сдалась вдруг Ляпина. — Есть и в самом деле у меня небольшой заглавничек, я его так и называю: «мечты идиотки». Никому пока не удалось, попробуй ты. Три, всего лишь три интервью, и ты сразу в дамках. Записывать будешь?

— Конечно, — бодро отозвался Лидин и вытащил из внутреннего кармана пиджака блокнот.

— Хорошо. Вариант первый, — со злорадной усмешечкой начала Зинаида. — Доктор исторических наук, профессор, наш, коломенец, но давно уже, как ты сам понимаешь, в Москве проживает. Преподаёт в Суриковском и Щукинском. С актёрами, которых ты только в кино видишь, каждый день за руку здоровается. Монографий, книг — выше головы. Из-за «бугра» не вылезает. Совсем недавно в Ватикане лекцию о православии читал на примере маленького провинциального российского городка. Угадал, какого?

— Неужто, нашего? — подыграл Ляпиной Лидин, старательно изобразив удивление.

— А разве мало в Коломне церквей? — клюнула та на его крючок. — Монастырей одних, знаешь сколько?

— Посчитаю, — покорно кивнул головой Лидин.

— То-то! Молодец мужик, не чета некоторым! Вон каких высот достиг, а малую родину свою не забывает.

А вот насчёт того, чтобы с репортёром «за жизнь» поговорить, извини-подвинься. Многие зубы обломали. Но уж для тебя-то взять у него интервью — плёвое дело! Верно? Фамилию и телефончик называть?



Игорь угрюмо промолчал, гадая, каким будет продолжение. Ехать в Москву и терять целый день ради гипотетического интервью ему совершенно не хотелось.

Зинаида, между тем, сияла, как новый противень из нержавеющей стали.

— Ладно, второй вариант: нынешний мэр город наш совершенно преобразил, честь ему и хвала за это, но и смену он себе подготовил достойную. Потихоньку натаскивает одного классного мужичка, в курс дела вводит, в Белый дом — наш, местный, не американский, конечно, — перетасил. Как, поговоришь по душам с человеком, кандидатом этим? Я тебе и фотографа дам.

Лидин мрачно взглянул на Зинаиду и обиженно засопел. О чём сейчас говорить с кандидатом, если до очередных выборов несколько лет? Да и кто в наше время может точно знать, какой кандидат победит: тот, которого мэр готовит, или кто-то другой?

Игорь вдруг застыл, настигнутый внезапной догадкой. Ну да, как же до него раньше-то не дошло? Мстит ему Зинаида, и будет мстить до победного конца. Женщины не прощают пренебрежения. А он-то, дурак, ещё и сам ей о той ночи напомнил. О единственной ночи, других не последовало. Не то чтобы Зинка ему тогда не понравилась — оторвались они оба по полной! Но на следующий день вдруг подвалил срочный и весьма денежный заказ, они с ребятами с головой окунулись в работу, а вскоре и жена с дочкой с юга вернулись. Словом, не до Зинки было. Жену свою Лидин любил, но считал, что для мужчины пересып — не недосып, вещь естественная и для здоровья, если не слишком злоупотреблять, даже полезная, а потому мелкие грешки свои за измену не считал и всерьёз не воспринимал.

Так как же ему сейчас поступить? Покорно принять наказание, пересилить себя? Для дела же! Или проще завалить Зинку под каким-нибудь кустом, чем бегать, высунув язык в поисках материала для статей? Она явно опять «голодная». Таких сексуально неудовлетворённых баб Игорь определял без особых усилий, как бы они ни маскировались. «Нет, не получится, — с сожалением понял он. — Теперь не получится — уж больно сильна пока у неё на меня женская обида».

— Ну и совсем плёвое дело, — продолжила экзекуцию Зинаида, — интервью с неизвестным писателем.

— Неизвестным? — недоверчиво переспросил Игорь. — И кому такой фрукт, интересно, ни с того, ни с сего вдруг понадобился? Да



и вообще, что значит «неизвестный»? В наш век повального интернета даже графоман имеет в Сети кучку-другую поклонников своей «нетленки», то есть, что называется, «широко известен в узких кругах». И у меня фанатки есть. Сидит такая дама где-нибудь в Тмутаракани, с мужем у неё нелады, выпустить пар не с кем, вот и придумывает себе какой-нибудь виртуальный роман. Я с одной такой поэтессой недавно чуть ли не матом по Скайпу ругался, прилипла, как банный лист...

— Неизвестен в Коломне, — уточнила Зинаида, старательно пропуская мимо ушей пассаж Лидина о даме, имеющей нелады с мужем. — В нашей местной творческой тусовке. Не ходит на презентации и прочие сборища, в магазинах нет его книг, в прессе о нём ни слова. Но зато успешно издаётся в Канаде, уже полтора десятка книг наваял, публикуется в Дании, Финляндии, Германии, Новой Зеландии даже.

— И что, тоже на контакт не идёт? — недоумённо спросил Лидин.

— А вот представь себе, — ехидно улыбнулась в ответ Зинаида.

— А тебе-то он зачем? — сдаваясь, спросил Игорь. — Чем тебя известные-то не устраивают?

— Да надоели! — Зинаида раздражённо взмахнула холёной ручкой с кроваво-красным маникюром. — Ну что тут нового можно написать? Всё уже давно наперёд известно и не раз сказано. Тоска! А я хочу взбаламутить это устоявшееся болото, внести свежую струю.

— Ох, смотри, Зинуля, — вздохнул Лидин. — На опасную территорию хочешь влезть, и меня за собой тащишь. Вляпаться в писательские разборки легко, а вот вылезти из них...

— Ты мне материал принеси хоть какой-нибудь, а там посмотрим. — Зинаида встала из-за стола, давая понять, что разговор окончен. — Не устраивают мои темы — ищи свои. В «Дом Озерова» сходи, может там что-то интересное проходит или намечается.

— А что, — задумчиво пробормотал Лидин. — «Дом Озерова» — беспроектный вариант, наверняка там выставка какая-нибудь или презентация.

— Вот-вот. — Холодно улыбнулась Зинаида. — Пусть замечка будет всего лишь небольшая, но с чего-то ведь надо начинать.

И, захлопывая за Лидиным дверь, ядовито прошипела:

— Раз уж ты на что-то большее пока не готов...



Выйдя из редакции, Лидин остановился. Куда теперь? Напротив, через дорогу, отражённым солнцем зазывно сверкал в стёклах окон и дверей книжный магазин. Давно в нём Игорь не бывал, а ведь когда-то чуть ли не каждый день заскакивал. Лидин посмотрел налево — до подземного перехода метров пятьдесят, да потом ещё столько же пилить обратно. Направо, до светофора на перекрёстке, метров тридцать. Получше, конечно, но в такую жару тоже не сахар. И, подождав, пока поток машин несколько поредеет, Игорь решительно бросился через дорогу. Водители возмущённо загудели разноголосыми клаксонами, но он, с ловкостью балетного танцора лавируя между визжащими тормозами иномарками, благополучно пересёк шоссе и ворвался в кондиционерную прохладу магазина.

Лидин не стал задерживаться у заваленных развлекательным чтивом прилавков и сразу же направился к небольшому отделу, где были выставлены на продажу книги коломенских авторов. Их обложки не пестрели полуобнажёнными блондинками, драконами или окровавленными мордами вампиров. Большую часть составляли краеведческие сборники, рекламные буклеты, карты города и района, путеводители, а также однообразные высокие, толстые тома альманаха «Коломенский текст» аж за семь последних лет. Далее шли тощенькие авторские сборники стихов, а уж проза вообще терялась, оттеснённая куда-то на задворки.

Много лет назад, увидев на полке книжного магазина объёмистый том первого выпуска «Коломенского текста», Лидин не поверил собственным глазам и искренне позавидовал его авторам: такое дело провернули — собрались, договорились, отобрали тексты, нашли спонсоров и издали сборник! А уж когда через год вышел второй номер, Игорь сразу же загорелся мечтой напечататься в появившемся в родном городе альманахе. Но никаких контактных данных в журнале указано не было: ни адреса редакции, ни телефона. Вот тут и пригодились Лидину его связи в редакции «Коломенской правды». Он встретился с автором заметки о выходе в свет очередного выпуска нового коломенского ежегодника и узнал у того номер домашнего телефона Главного редактора.

Эдгар Иванович Мыльников тогда ещё не был «столпом коломенского общества», не забурел во славе и почёте и дал согласие на встречу сразу же, не ломаясь и не выискивая свободное окно в своём напряжённом рабочем графике. Однако терять время на поездку



в офис ради встречи с возможным автором альманаха Мыльников не пожелал и дал Лидину адрес своей квартиры, предложив либо прислать тексты по почте, либо принести их лично.

— Если меня не будет дома, оставьте рукопись в почтовом ящике, — напоследок сказал Эдгар Иванович и положил трубку.

Охваченный радостным нетерпением, Игорь отложил все дела, распечатал на принтере три лучших на тот момент рассказа и поспешил по указанному адресу. На звонок долго не открывали, и Лидин уже повернулся, чтобы пойти к почтовым ящикам, как в глазке что-то мелькнуло, замок вдруг щёлкнул, и дверь открылась. Август в тот год был жарким, но всё же Игорь не ожидал увидеть перед собой высокого матёрого мужика в длинных семейных трусах и майке.

— Вам кого? — хмуро спросил мужик.

— Вас, наверно, — выдал из себя Игорь. — Вы — Эдгар Мыльников?

— Ну, я, — неприязненно ответил мужик. — А вы — кто?

— Я — Игорь Лидин, мы с вами пару часов назад разговаривали по телефону, помните? Вот, принёс свои рассказы...

— А-а, — прояснел лицом Мыльников и, чуть поколебавшись, распахнул дверь пошире. — Проходите на кухню. Разуваться не обязательно. Вот сюда. Посидите пока, мне надо там закончить...

Поставив перед Игорем стакан и литровую пластиковую бутылку холодной жёлтой газировки, Эдгар Иванович ушёл в комнату, прикрыв за собой дверь кухни. Послышалась какая-то возня, явно возмущённый женский голос, и вскоре Мыльников кого-то выпроводил из квартиры.

Ещё через пару минут он пригласил Лидина в комнату. На обычном письменном столе рядом с портативной пишущей машинкой стояли полупустая бутылка шампанского и пара высоких бокалов, лежала початая коробка шоколадных конфет, в пепельнице дымилась недокуренная сигарета с отчётливым следом от губной помады на длинном фильтре.

— Присаживайтесь, — указал Мыльников на явно только что собранный диван, небрежно бросив скомканную простыню и пару подушек в кресло. — Я сейчас.

Он брезгливо затушил тлеющий окурок, ловко подхватил одной рукой бутылку и бокалы, в другую взял коробку конфет и отнёс всё



на кухню, принеся взамен всё ту же запотевшую бутылку газировки и стаканы.

— Вы курите? — спросил Эдгар Иванович.

— Бросаю, — вздохнул Игорь.

— Тогда я уберу это тоже, — решительно схватил пепельницу Мыльников. — Здесь и так дышать нечем.

И вот, наконец, они усадились почти напротив друг друга: Лидин — на диване, хозяин — на стуле у письменного стола, поближе к распахнутой балконной двери.

— Извините за мой вид, — притворно скорчил покаянную гримасу Мыльников. — Жара!

И началась долгая, подробная беседа. Игорь рассказывал о себе, о своём литературном хобби. Мыльников слушал, задавал вопросы, подливал в стаканы газировку.

Когда раздался звонок в дверь, Эдгар Иванович посмотрел на часы и вздохнул.

— Как время летит! Вот и ещё один автор пришёл...

Сняв с вешалки лёгкий цветастый халат, более подходящий женщине, а не разменявшему пятый десяток лет мужчине, Мыльников накинул его на свои богатырские плечи, небрежно завязал узел пояса и выразительно посмотрел на Лидина. Тот встал и направился в прихожую. Звонок вновь требовательно тренькнул, и Игорь отпер замок. Дверь распахнулась, и на грудь Лидину чуть не упала ворвавшаяся в квартиру дама. Окутанный облаком терпких духов и опалённый жаром разгорячённого женского тела Игорь поспешно отступил в кухню. Ошарашенно взглянув на него, дама скрылась в комнате.

— Мы обсудим ваши тексты с другими членами редколлегии, — выпроваживая Лидина сказал Мыльников. — Позвоните недельки через три.

Эти три недели тянулись для Игоря, как три года. Но чуда не произошло: его рассказы отвергли.

— Фантастика — низкий жанр, — заявил Мыльников. — Наш альманах настроен на публикацию настоящей литературы, а не развлекательной. Пишите реальную прозу, Игорь, и тогда у вас появится шанс.

Лидин ужасно тогда обиделся на Мыльникова. С годами это чувство несколько притупилось, но не прошло. Игорь взял с полки



последний номер «Коломенского текста». Официальная его презентация должна состояться осенью, в сентябре, но новенький том уже поступил в продажу. И никакого читательского ажиотажа, очередей в кассу, статей в местной прессе.

— Странно, — удивился Игорь, открывая пахнувший свежей типографской краской ежегодник. — Тираж всего одна тысяча экземпляров. В Коломне сейчас, кажется, живёт где-то сто пятьдесят тысяч человек, а тут на полочке стоят совершенно новые тома за несколько лет. Неужели в городе не нашлось тысячи читателей, интересующихся местной поэзией и прозой?

Лидин полистал тяжёлый (наверно, не меньше килограмма!) том альманаха. Отличная бумага, цветные вклейки с картинками известного коломенского художника, иллюстрации к текстам, на последних страницах, как обычно, поимённый список спонсоров, благодарности. Солидный редакторский совет — сплошь знаменитые писатели и артисты. Почему же эти килограммы лучшей (по словам критиков) местной поэзии и прозы сиротливо тоскуют на полке, а потенциальные покупатели толпятся совсем у других прилавков, жадно разглядывая блестящий глянец боевиков, фэнтези и дамского детектива? Самого Игоря начинало тошнить от одного только взгляда на подобное чтиво. Нет, поначалу, когда рухнула власть КПСС, и в Россию хлынул обильный поток этого заграничного «продукта западной культуры», он тоже хватал и читал всё подряд. Но быстро «объелся», «отравился» и больше не притрагивался, поняв, что новизна превратилась в однообразную жвачку. С тех пор прошло два десятилетия, а поток низкопробного чтива на прилавках не иссякает. Зарубежных авторов значительно потеснили наши, российские, пусть качеством похуже и тиражом пожиже, зато их теперь так много! Читай — не хочу!

«Вот именно — не хочу!» — подумал Игорь. Он бегло просмотрел содержание альманаха и вздохнул. Чуда не произошло: всё те же, давно знакомые фамилии авторов, новых почти нет. Какие-то статьи преподавателей коломенского пединститута — зачем они здесь, в альманахе? Кто их читает? Это же не специализированный научный сборник, а ежегодник поэзии и прозы. Лидин бегло пробежался по текстам. Так и есть: авторы статей даже не попытались превратить свои сухие научные тексты с массой ссылок на первоисточники хоть в какое-то подобие научно-популярных статей,





понятных и интересных не только специалистам. А объём в сборнике эти тексты занимают о-го-го какой!

К тому же, москвичей и прочих иногородних авторов в коломенском альманахе печатается всё больше и больше. В какой-то хвалебной статье в одной из местных газет по этому поводу была высказана мысль, что альманах поднялся на более высокую ступень, вырвался за пределы Коломны и стал поистине междугородним, чуть ли ни общероссийским изданием. Но Лидин воспринимал это иначе: очевидно, по мнению составителей альманаха в Коломне и районе просто нет необходимого количества текстов местных авторов, которые соответствовали бы установленным редакцией критериям.

И всё же обидно и не верится, что нет в Коломне достойной прозы. Сам Лидин, будь он на месте обычного коломенского прозаика-реалиста, ради публикации в городском ежегоднике вывернулся бы на изнанку, но нашёл бы время, чтобы отшлифовать текст, довести его до нужной кондиции. За год-то вполне можно управиться. Свои фантастические рассказы Лидин всегда старался «вылизывать», очищать от ошибок и ляпов. Но попасть в альманах те всё равно не имеют ни малейшего шанса — Мыльников не соврал: в ежегоднике не было и нет ни детективов, ни фантастики.

Когда-то Лидин старался купить каждый новый номер «Коломенского текста». Не всегда это ему удавалось — ежегодник не заляживался на прилавках книжных магазинов, и тогда Игорь шёл в библиотеку, кланчил у более счастливых и расторопных друзей или знакомых. Он жадно хватал новинку, прочитывал от корки до корки, мечтал напечататься в нём.

А последние лет восемь просто пролистывает, как сегодня, смотрит содержание и не берёт. Как, очевидно, и другие бывшие читатели-почитатели, раз все эти тома аж за семь лет свободно стоят на полке магазина. Новинка стоит! Что же изменилось? Авторы стали неинтересны, или читатели перешли на чтиво в глянцевых обложках?

Да, можно, конечно, накатать об этом статью для «Коломенской правды», дать Зинке тот «камень», который она так жаждет «бросить в болото». Можно, но никому не нужно. Другого альманаха в Коломне всё равно нет, и вряд ли будет. А критиковать других, как известно, гораздо легче, чем сделать самому.



Лидин поставил книгу на место и вышел из кондиционерного рая в жар улицы и удушающую вонь выхлопных газов.

Культурный центр «Дом Озерова» находился совсем недалеко от редакции «Коломенской правды». Уже через несколько минут неторопливой ходьбы Лидин остановился у пересечения улиц Красногвардейской и Яна Грунта перед старинным двухэтажным зданием. Считалось, что этот кирпичный, с белокаменной отделкой, мезонином и колоннами в стиле классицизма дом построен на рубеже XVIII-XIX веков по проекту знаменитого архитектора Матвея Казакова. Тот прибыл в Коломну в 1778 году по повелению императрицы Екатерины II. А своё название дом получил по фамилии последнего владельца, купца первой гильдии Алексея Семёновича Озерова, оставившего о себе добрую память щедрой благотворительностью.

Озеров был по местным меркам весьма богатым человеком, владел паровым водочным заводом, несколькими трактирами и магазином. В отличие от нынешних меценатов, тратящих миллионы на яйца Фаберже и иностранные футбольные клубы, виноторговец Озеров жертвовал довольно большие деньги на строительство больниц для бедных, богаделен для бездомных, приютов для вдов и сирот, а также на нужды Красного Креста. Причём, не только в родной Коломне, но и в Москве. Именно за свою бескорыстную благотворительность купец Алексей Семёнович Озеров был награждён золотой медалью «За особые заслуги, оказанные обществу Красного Креста» и орденами Святой Анны III степени и Святого Станислава II степени. Кроме того, родной город присвоил ему звание «Почётный гражданин Коломны».

С тех пор прошло сто двадцать лет, а имя Озерова не исчезло, не стёрлось в памяти людей, хоть он и не был знаменитым полководцем или популярным писателем. Семьдесят лет советские идеологи внушали народу, что купцы — это зло, эксплуататоры трудового народа, спекулянты и мироеды, а дом Озерова стоит и не собирается менять своё название. Хроники, летописи и учебники истории можно «подкорректировать» в угоду очередному князю, царю, генсеку или президенту. Но народную память переписать нельзя. Она передаётся от родителей к детям, минуя официальную цензуру.

В 1980 году в доме бывшего виноторговца начал работать Культурный центр Коломны. Лидин не раз бывал здесь с женой,



а последнее время чаще с дочерью, на выставках местных и заезжих художников, концертах, вечерах, юбилеях и презентациях. Вот и теперь, войдя в здание, он сначала направился в художественный салон, где любой посетитель мог не только посмотреть, но и приобрести произведения местных талантов: батик, живопись, графику, фотографии, книги, каталоги художников, изделия народных промыслов.

Бегло скользнув взглядом по развешанным на стенах картинам, Игорь сразу же подошёл к стенду с книгами, но с досадой увидел за стеклом витрины всё тот же знакомый ассортимент книг, что он недавно рассматривал в книжном магазине. Разочарованно вздохнув, Лидин отправился на второй этаж.

Директор «Дома Озерова», Соловьёва Ирина Владимировна, встретила его весьма приветливо. Сочувственно выслушав Игоря, она с сожалением покачала головой.

— Ничем не могу помочь. Лето! Пора каникул и отпусков. У нас сейчас некоторое затишье. Конечно, уж совсем без дела не сидим. Проводим выставку картин Николая Силина. Очень интересный художник, недавно переехал в Коломну из Мурманска. Делает картины по фотографиям, портреты в основном. Не интересуется?

— Нет, — покачал головой Игорь. — Я люблю традиционную живопись, с натуры.

— Вот я и говорю: затишье, — вздохнула Ирина Владимировна. — Повесили мы афишу при входе, дали объявления о выставке в коломенские газеты, а народу-то идёт мало. На открытие и то пришли только бабульки-пенсии. Они — наш постоянный контингент.

— Неужели же в Коломне сейчас ничего не происходит? — в отчаянии воскликнул Лидин. — Ну, не может же такого быть! Ирина Владимировна, подумайте. Вы же должны знать. Не можете не знать. Не обязательно официальное. Я слышал, что молодёжь где-то проводит свои, так сказать, альтернативные тусовки, концерты и тому подобное.

— Дом Озерова — муниципальное предприятие. Мы работаем в тесном контакте с отделом культуры администрации Коломны. Публика у нас в основном солидная, в возрасте.

Конечно, и молодёжь где-то проводит что-то своё, неформальное. Согласует ли она свои акции с властями, мне не известно. Но



я знаю, что в бывшем кинотеатре «Русь» бывают рок-концерты коломенских групп, и даже из других городов, говорят, приезжают ансамбли.

В одном из частных домов где-то на улице Светлой порой собираются какие-то, как вы говорите, тусовки. Иногда поэты, в основном молодые ребята и девчонки, собираются прямо на улице и чуть ли ни целый день читают свои стихи. Но я к подобным мероприятиям не имею никакого отношения, поэтому ничем вам помочь не могу. Хотя...

Послушайте! Сейчас рядом с Коломной, в Песках, проходит Всероссийский фестиваль авторской песни, поэзии и прозы «Госпожа Вьюга». Завтра как раз у них там последний день, можете ещё успеть.

— Фестиваль? — задумчиво переспросил Игорь. — А там есть кто-нибудь от Коломны?

— А как же! — с жаром воскликнула Соловьёва. — Вы знаете Татьяну Корнееву? Она работает доцентом на кафедре литературы в нашем пединституте. А кроме того пишет замечательные стихи и исполняет их под гитару. Пойдёмте, спустимся вниз, у нас в салоне должны быть её книжка и диск с песнями. Танечка — один из основных организаторов фестиваля. Конечно, она пригласила на него коломенских авторов и исполнителей песен. А как же иначе?

### 3. Жизнь по науке

*Опыт — это не то, что происходит с человеком, а то, что делает человек с тем, что с ним происходит.*

**О. Хаксли**

Лидин не спеша шёл к автобусной остановке. А куда было спешить? Дела его фирмы шли всё хуже, объёмы работ, а вместе с ними и заработки упали, молодёжь постепенно разбежалась в поисках более высоких зарплат, в штате остались только те, кому до пенсии было рукой подать — этим уходить было некуда. Если где и требовались работники, то обязательно молодые, не старше тридцати пяти лет. В нынешние нелёгкие времена фирма Лидина держалась на плаву только благодаря заказам Коломзавода на ремонт станков, но и эти заказы становились всё реже и денег приносили всё меньше. Эх, работа, работа, где же ты притаилась, и как бы тебя



отыскать? Он вспомнил завод, на который двадцать пять лет назад, окончив московский институт, пришёл молодым, засучившим в трудовом энтузиазме рукава специалистом. Работы вокруг было полно, и всё же Игорь потратил почти месяц, пока, наконец, ему дали конкретное дело.

Советское государство потратило на обучение Лидина пять лет и немалые средства, но его, пусть даже и скудные на тот момент знания и умения, оказались на заводе никому не нужны! Отдел кадров направлял Игоря то в один отдел, то в другой. Престарелые начальники петушиным взглядом окидывали свои дружно вяжущие шапочки и свитера «гаремы» и... Лидин возвращался в отдел кадров с отказом.

А ведь у него была совершенно дефицитная по тем временам специальность: инженер-электромеханик по автоматизации производства. Все стенды отделов, куда Лидина не хотели брать, были увешаны планами необходимых рацпредложений и изобретений как раз по автоматизации и модернизации всяческих процессов и устройств. Но на практике оказалось, что в СССР планы были планами, а жизнь текла по своим законам. И, что удивительно, все планы при этом регулярно выполнялись и перевыполнялись!

Заводские Главные инженеры, Главные сварщики, Главные технологи и прочие «главные» выросли на убеждении, что кибернетика — это лженаука. Все они, как правило, имели вечернее или заочное образование, полученное в местном филиале московского политехнического института, и как огня боялись новшеств. Да и зачем что-то менять? Процессы и технологии давно отлажены, план худо-бедно завод выполняет. Да, со штурмовщиной в конце каждого квартала и, тем более, года, но где дела обстоят иначе?

Нет, конечно, некий Главный конструктор что-то там изобретает новое. В плане улучшения старого. Ему это по штату положено. Ну, а всем остальным, не главным, и уж тем более таким молодым специалистам, как Лидин, положено ездить в колхозы и совхозы на уборку урожая, на овощные базы, на стройки, участвовать в субботниках по уборке мусора и заниматься общественной работой. А в свободное от всего этого время работать обычными чертёжниками, копируя гениальные наброски Главного.

Женщинам не возбранялось в рабочее время вязать, читать журналы и просто сплетничать, если нет какого-либо срочного



дела, потому что все их мысли всё равно были не о работе, а о семье. Вернее, о том, где и почём что-то достать из продуктов, одежды или мебели. А мужчины в отделах надолго не задерживались из-за низких окладов, установленных для рядовых конструкторов. Неудивительно, что наши отечественные технологии столь отстали от западных.

«Да, СССР был богат, — с горечью подумал Лидин. — Потому что только несметным богатством можно объяснить то царившее вокруг полнейшее безразличие начальства и парткомов к повсеместному и бездарному разбазариванию материальных и кадровых ресурсов. Неукоснительно соблюдалось только одно правило: люди не должны богатеть! Все мы обязаны были оставаться приблизительно на одинаковом материальном и духовном уровнях. И только так называемая номенклатура пользовалась дополнительными льготами в виде спецбольниц, спецпайков, спецраспределителей и госдач».

Лидин мог бы, конечно, наплевать на полученную в институте специальность и пойти по административной линии. Ему предлагали в отделе Главного энергетика завода должность инспектора по технике безопасности. В том бюро тогда было всего два человека: старичок-начальник, мечтавший побыстрее уйти на пенсию, и девица, оформлявшая всяческие акты и прочие документы. Лидин мог через полгода-год занять место своего маленького начальничка и со временем вырасти до большого, возглавить какой-нибудь отдел, например. Но подобная карьера его никогда не интересовала, и он пошёл работать в структуру, занимавшуюся ремонтом и наладкой станков. Здесь, по крайней мере, Лидин мог на практике применить полученные в институте знания и набраться практического опыта.

В той структуре, как оказалось, всё было устроено согласно партийным лозунгам и установкам. В штатном расписании бюро ремонта и наладки особо сложного оборудования были инженеры-электрики и электромонтёры, хотя все делали одно дело — ремонтировали и налаживали сложную электрику и электронику станков и установок. Но «гегемоны» (те, кому посчастливилось попасть на «рабочую сетку» в виду отсутствия на момент трудоустройства высшего образования) получали зарплату на тридцать-сорок процентов больше, чем «прослойка» (инженеры с



институтскими дипломами). Таким образом, Лидину пришлось с самого начала своей трудовой деятельности прочувствовать на себе всё презрение «рабочего» государства к интеллигенции.

Гегемоны, конечно, со временем тоже получали дипломы вечерних или заочных институтов, но никто не требовал у них после этого перехода на инженерные должности. А обладателям дипломов дневных факультетов, тем более молодым специалистам, закон категорически запрещал устраиваться на рабочие сетки. Они почему-то должны были работать на низких инженерных окладах. Где тут логика, Лидин тогда не понимал. Теперь, на старости лет — полтинник скоро стукнет! — он, наконец, уяснил, в чём тут дело: по политическим мотивам богатое советское «государство рабочих и крестьян» могло себе позволить платить рабочим зарплату больше, чем инженерам! Вне зависимости от квалификации и образования как первых, так и вторых.

«А куда бы мы делись? — злобно хмыкнул Лидин. — Никому не нужных инженеров в СССР было много, а рабочих рук всегда не хватало». И этот идиотизм явного унижения и принижения значения инженерных кадров — всего лишь один из тех примеров бесхозяйственности от богатства, с которым Лидину пришлось столкнуться в молодости. Но были и другие.

Во времена «перестройки» и «ускорения» на заводе решили попробовать ввести хозрасчёт. Лидин в то время работал инженером-электроником гальванического участка Термического цеха. Следил за работоспособностью электроагрегатов автоматической линии. Тут его поджидали те же грабли: рабочим шёл «горячий стаж», давали талоны на молоко и дополнительный отпуск за вредность, а Лидину ничего этого не полагалось только потому, что его инженерная специальность отсутствовала в списке вредных профессий! То, что он фактически весь рабочий день дышал той же гадостью, что и рабочие гальванического участка, государство не волновало ни в малейшей степени. Обидно, конечно, до скрежета зубового, но Лидин смирился: зарплата в Термичке была выше, чем в отделе на целую тридцатку. К тому же он сидел на месте, в своей стеклянной камерке, обслуживая всего один участок, а не мотался, как раньше, в любую погоду по всем цехам завода. Игорь был молод, и насущные нужды семьи волновали его больше гипотетических проблем со здоровьем в будущем. Ну да речь не об этом.





Участок, на котором работал Лидин, был выбран в качестве опытного — на нём решили опробовать так называемый «бригадный подряд». Партия же требует перестройки и ускорения! Народ обязан исполнить наказ. Мастер гальванического участка немедленно уволился. На его место желающих не нашлось: никто не хотел брать на себя ответственность за столь новое и непонятное дело. В конце концов, начальство обратилось к Лидину, так как тот после ухода мастера остался единственным мужчиной с высшим образованием на участке гальваники. Была ещё женщина — начальник химической лаборатории, но та отказалась от предлагаемой должности сразу и бесповоротно.

— Ты ж ничем не рискуешь, — уговаривал Игоря начальник цеха. — Меньше своего оклада так и так не получишь.

И Лидин согласился. Напечатали официальный договор между заводом и гальваническим участком Термического цеха. Участок в заданные сроки выполняет оговоренный в договоре объём работ, а завод выплачивает бригаде весь фонд заработной платы, положенный по штату. А штаты тогда нигде и никогда не были заполнены на все сто процентов. Тем более, в «горячих» и вредных цехах. Кроме того, в бригаде, как и везде, имелся балласт в виде числящихся, но не работающих дармоедов. Ведь в СССР все были обязаны работать. Или хотя бы числиться работающими. Эти работнички аккуратно ходили на завод, отбывали свои восемь часов и уходили. Заставить их что-либо сделать, было невозможно, а уволить — не за что, так как эти люди старались не нарушать режим. Числились они, как правило, в рядах обслуживающего персонала — электромонтеры, слесари-механики, сантехники и тому подобное. Когда что-либо ломалось по их части, они, не спеша, выползали из куртилок и бытовок, расслабленной походкой брели к вышедшему из строя устройству и до конца рабочего дня делали вид, что занимаются ремонтом. Но на самом деле просто ждали, когда придёт другая смена с настоящими работниками и всё починит. Завод-то тогда работал в три смены!

Все вокруг всё прекрасно знали и понимали, но уволить такого работника по закону было нельзя: он же не отказывается от работы, не опаздывает, пьяным на рабочем месте не появляется. «Обучайте, воспитывайте, перевоспитывайте!» — вот и весь рецепт профсоюзных боссов и кадровиков.



И Лидин при подписании договора подряда настоял на внесении в него пункта, что с согласия общего собрания бригады он может увольнять нерадивых работников. Начальство с большим скрипом согласилось, но предупредило, что замены выгнанным из бригады не будет. Переманивать кадры с других участков и цехов ему никто не позволит. А «с улицы» в отдел кадров приходят, как правило, те, от кого избавились другие предприятия: либо алкаши, либо такие же дармоеды.

Но Лидин не испугался и не отступился. Никто: ни цеховое, ни заводское начальство — не удосужились вникнуть в пункты заключаемого с его бригадой договора. Они видели только ответственность нового дела, но не выгоды. А Лидин отлично знал, что от дармоедов как не было никакой пользы, так и в дальнейшем не будет, а вот зарплату им платить придётся. Зачем же тратить деньги на бездельников, раз их работу всё равно кому-то в бригаде придётся делать?

План, разумеется, бригада выполнила. А почему нет? Для рабочих бригады ничего ж не изменилось — работали, как всегда. Лидин представил в бухгалтерию завода ведомость на зарплату и соответствующую справку о выполнении месячного плана, которую кроме него подписали: мастер ОТК (отдел технического контроля) и диспетчер Термического цеха; мастер ОТК, старший мастер и начальник цеха-заказчика; директор производства и начальник ОТК завода. Заводская бюрократия подстраховала себя в новом деле по полной программе!

Бухгалтерия согласно договору выплатила бригаде весь фонд заработной платы. Лидин распределил свободные деньги, положенные отсутствующим, но необходимым по штатному расписанию работникам, на тех, кто выполнял их обязанности. Лодыри и скептики, работавшие с прохладцей, «остались при своих» и были жутко недовольны, зато энтузиазм остальных резко возрос.

В следующем месяце бригада не только перевыполнила план, но и значительно сократила брак. Собственно, уменьшение брака и способствовало перевыполнению плана. Завод — это большой конвейер, и гальванический участок Лидина мог обрабатывать только то количество деталей, какое поступало в него из других цехов. Гальваника, ведь, как и Термичка в целом, сама ничего не производит, а только наносит на детали специальное покрытие.



Но, согласно договору, раз бригада перевыполнила план, к возросшей зарплате добавилась и немалая премия! Раньше на этот пункт никто не обращал особого внимания, так как перевыполнить план при конвейерном производстве весьма проблематично, тем более при том проценте брака, что был ранее на гальваническом участке. Еле-еле план вытягивали! Штурмовщина в конце каждого месяца была обычным явлением. Но Лидин в бухгалтерии завода настоял на выполнении договорных обязательств, и работники его бригады получили ещё и премию. И в следующем месяце получили. И в последующие.

И тогда Лидин вновь вплотную столкнулся с тем, что в богатом государстве нельзя много зарабатывать! В нём можно получать небольшую зарплату за отбывание рабочего времени на производстве, но вот зарабатывать большую категорически нельзя! Разве что только на далёком и холодном Севере, но там большие заработки обусловлены совсем иными причинами.

На заводе каждый месяц всем работникам раздавали талончики на зарплату, в которых подробно расписано, сколько человек отработал времени, какая ему за это начислена зарплата, премия или оплата за больничный, сколько и за что вычтено. Выдавали их обычно табельщицы вместе с пропусками по окончании смены. И, разумеется, талончики гальванического участка, а вернее указанные в них суммы, стали предметом обсуждения и возмущения сначала Термического цеха, а потом и администрации завода. Вдруг оказалось, что работники бригады Лидина «получают бешеные деньги ни за что»! И что самое противное — простой инженеришка, временно исполняющий обязанности мастера участка и бригадира, то есть сам Лидин, получает зарплату больше, чем его непосредственный начальник!

— Мы не получаем, а зарабатываем, — говорил Лидин начальству всех инстанций, куда его вызывали для объяснений. — Вы сами просили меня внедрить бригадный подряд. Кто вам мешает перевести на него весь цех? Пусть недовольные и завистники прочувствуют на собственной шкуре, как нам достаются эти «бешеные деньги ни за что».

Но оказалось, что все вокруг хотят получать большие деньги, но никто не хочет их зарабатывать! Жалобы недовольных в администрацию завода не прекращались, и та вскоре отреагировала на



«возмущение трудящихся». Когда Лидин в очередной раз принёс в бухгалтерию ведомость на зарплату, главный бухгалтер отказался её подписывать.

— У вас слишком большие суммы! — заявил он Лидину. — Откуда такие цифры?

— Из договора, — ответил тот. — Что вас так удивляет-то? Ведь суммы те же, что и в прошлом месяце. Лично я совмещаю две должности: мастера и инженера-электроника. Другие члены бригады тоже что-то совмещают. Некоторые, подменяя заболевших, работали по полторы смены. В ведомости распределён по работникам фонд заработной платы, положенный нашему участку согласно штатному расписанию, плюс премия за перевыполнение плана. Вот соответствующая справка, подписанная всеми нужными лицами. Всё согласно договору. Чужого или лишнего мы не требуем. Чем вы, собственно, недовольны?

Главный бухгалтер долго мялся, пыхтел и, в конце концов, тихо сказал:

— Мне запретили подписывать вашу ведомость, если в ней будут указаны суммы более трёхсот рублей на человека.

— Вы хотите расторгнуть договор? — прямо спросил Лидин. — Заплатите нам за отработанный месяц, и мы вернёмся к прежнему режиму работы. Думаю, начальство быстро найдёт нового мастера на наш участок. Бывшего, в крайнем случае, вернут.

Главбух вновь запыхтел. Потом оглянулся по сторонам и, убедившись, что их никто не подслушивает, шёпотом сказал Лидину:

— Да разделите вы превышающие лимит суммы на тех членов бригады, у кого зарплата меньше трёхсот рублей. А те вам их пусть при получении отдадут.

— Всё равно остаётся немалая сумма излишков, — быстро прикинул Лидин, пробежавшись взглядом по ведомости. — У нас в бригаде нет лишних людей и дармоедов. Мы их выгнали ещё в самом начале.

— Да и чёрт с ней! — взъярился главбух. — Вам уже почти весь завод завидует. Хорошо ещё, что в Москве, в министерстве, о ваших успехах пока не знают. Всё начальство трясётся, как бы и другие участки и цеха, а то и весь завод не заставили перенимать ваш опыт. Им проще прикрыть вашу бригаду, чем... Словом, довольствуйтесь тем, что вам предлагают, не лезьте на рожон.



Лидин посоветовался с бригадой, объяснил, что и как, и люди смирились. Лучше иметь что-то, чем ничего. Зарплаты сжались, как и энтузиазм. В отличие от недовольства окружающих. Ведь мастера других участков термического цеха получали сто шестьдесят-сто семьдесят рублей, рабочие — около двухсот. А Лидин и его бригада — по триста! Завистливое шипение и жалобы в администрацию и партком не прекращались.

И вдруг завод неожиданно приобрёл в Германии новую линию гальваники. Немцы быстро завезли и отладили оборудование. Цех в кратчайшие сроки набрал и обучил необходимый штат работников. Как только заработала немецкая линия, участок Лидина закрыли за ненадобностью, его бригаду немедленно расформировали, оборудование пустили под пресс, а работников распахали по другим участкам и цехам.

О бригадном подряде в дальнейшем больше никто из начальства не вспоминал. А Лидин ещё долго бегал по разным инстанциям, пытаясь сдать килограмм технической платины, которая осталась в разрушенной лаборатории. Никто её не хотел у него принимать, так как всё оборудование участка было уже списано с учёта. А Лидину и в голову не пришло тогда заныкать бесхозный драгоценный металл. Как бы он мог ему пригодиться всего через несколько лет, когда все заводчане в одночасье из советских граждан превратились в нищих «россиян». А тогда, в богатом СССР, ни бригадный подряд, ни какой-то килограмм ценного металла, оказались никому на заводе не нужны, и платину, наверно, просто выкинули вместе с отходами производства, чтобы не засорять отчётность.

Но полученный опыт зарабатывания сравнительно больших денег малой бригадой очень помог Лидину, когда тот ушёл с завода, чтобы организовать свою небольшую фирму по ремонту электрооборудования. Поначалу дела шли совсем даже неплохо. Фирма Лидина ремонтировала станки на заводах города, штат работников был небольшой, но не раз проверенный в деле и надёжный. Вскоре Лидин купил большой гараж и подержанный уазик-«буханку», чтобы было на чём возить запчасти. Потом садовый участок, чем весьма порадовал жену и дочь. Поменял двухкомнатную квартиру на трёхкомнатную.

И вдруг грянул дефолт! Предприятия сидели без денег, сокращали работников. Фирма Лидина осталась практически без заказов.



Пришлось ему тоже уволить большинство сотрудников и перейти на ремонт телевизоров, холодильников и прочей бытовой техники горожан. Фирма была на грани закрытия.

Вспомнили стройотрядовский опыт: прокладывали электропроводку в гаражах, на дачах и в растущих, как грибы, особняках появившихся неведь откуда нуворишей. Даже клали одно время кирпичи на постройке гаражей.

Уазик вскоре пришлось продать. И это было единственное, о чём Лидин не жалел, потому что крутить баранку для него оказалось немислимой мукой. Правила дорожного движения и знаки он выучил легко, но вот следить за ситуацией на дороге и одновременно справляться двумя ногами с тремя педалями, да, к тому же, успевать орудовать рычагом переключения скоростей, как следует так и не научился.

Были в дальнейшем у фирмы Лидина и крутые подъёмы, и небольшие спады. Стабильности вот только никогда не было. Едва предприятия оправились от дефолта, Лидин вновь заключил договора с заводами, расширил штат, обустроил офисное помещение, заполнил полки склада необходимыми для ремонта станков запчастями. Жизнь, вроде бы, налаживалась.

И вдруг начался мировой кризис. Предприятия разорялись, меняли собственников и закрывались. Деньги на заводах опять исчезли. Фирма Лидина вновь оказалась на грани закрытия. Молодёжь уволилась, а старички предпенсионного возраста опять взялись за ремонт телевизоров, холодильников и компьютеров, прокладку электропроводки в гаражах и домах толстосумов. Летом кое-как пробавлялись постройкой туалетов, сараев и установкой изгородей из сетки-рабицы в садовых товариществах, с трудом конкурируя с бригадами таджиков и узбеков.

«Так что, правы классики материализма, — подумал Лидин, выходя на площадь Двух революций. — Если где-то что-то прибывает, то, соответственно, в другом месте убывает. Нынче у нас, в России, олигархи и чиновники богатеют, а страна и народ нищает. Так и живём. По науке».

Часы на ослепительно сверкающей в жарких лучах июльского солнца колокольне Иоанна Богослова пробили одиннадцать раз. Лидин нырнул в душную прохладу подземного перехода, оказавшись в узком туннеле всевозможных киосков.



Не глядя на сверкающие искусственным светом витрины, он постарался поскорее преодолеть подземелье, ловко избегая столкновений с потными представителями встречного потока.

У выхода из подземного перехода Игорь на секунду застыл в раздумьях. Нужная ему автобусная остановка была в двух шагах направо, и там, в облаке сигаретного дыма и мата что-то шумно обсуждала компания подростков. Автобуса пока не было, и Лидин шагнул налево.

Здесь начиналась легендарная коломенская Стометровка, где можно было купить всё, что угодно: одеться, обуться с ног до головы, подобрать букет цветов для любимой, любую снедь к столу. Узкая лента тротуара от шоссе до трамвайной линии, ограждённая по бокам сплошными рядами торговых палаток, магазинчиков и лотосниц, была забита народом.

Скользя равнодушным взглядом по горкам фруктов и овощей, стопкам платков, трусов и носков, Лидин вдруг увидел разложенные прямо на земле на листах газеты книги. Над ними мялся в явном похмельном угаре бомжеватого вида небритый мужичок неопределённого возраста. Его тоскливые, как у бездомного кота, глаза с надеждой впились в подошедшего Игоря.

— И тут та же фигня, что и везде, — разочарованно чертыхнулся Лидин, увидев яркие глянцевые обложки дамских романов и боевиков, потрёпанные советские детективы, разрисованные шариковой ручкой томики школьной классики, и вдруг зацепился за название: «Мифы, предания и сказки фиджийцев». Игорь собирал сказки, две полки его книжного шкафа были плотно заставлены разномастными томиками сказок разных народов. Нагнувшись, он поднял книгу. Мужичок шумно задышал и чуть ли не заплясал от нетерпения, переминаясь с ноги на ногу. Его дырявые кеды, из которых торчали грязные пальцы ног, противно заскрипели об асфальт. Запах перегара заставил Лидина сместиться к соседнему лотку с китайской расписной посудой. Он листал редкую книгу и удивлялся: судя по отличному состоянию, её никто ни разу не открывал после покупки.

Вдруг мужичок замер, и скрип резины прекратился. Игорь оторвал взгляд от книги. Продавец с ужасом смотрел на парочку полицейских. Два сержанта, один высокий и мордастый, другой маленький и толстый, лениво шли вдоль лотков. Торговки молча совали им мятые купюры, и те, открыто пересчитав полученную дань, небрежно





бросали деньги в большой пластиковый пакет с нарисованной на нём полуголой блондинкой. Покупатели старательно делали вид, что ничего не видят.

— Ну? — Полицай остановились рядом с посторонившимся Игорем. — Чего менжуешься? Давай!

— Нет у меня, — хрипло пробормотал трясущимися губами мужичок. — Не продал ещё ничего. Хотите, берите любые книги...

— Ты что нам втюхиваешь? — с угрозой процедил высокий мент и пренебрежительно пнул стопку книг. — Давно в «обезьяннике» не сидел? Мы тебе сейчас устроим культпоход в библиотеку! Пойдём.

Полицай ловко выдернули мужичка из ряда продавцов и куда-то поволокли.

— А мои книги? — завопил тот.

— Кому нужен твой хлам? — заржал толстяк.

— Бедолага! — завздыхали торговки. — Изобьют опять ироды мужика до полусмерти.

— А мне-то как же теперь быть, — растерянно спросил их Лидин. — Я вот книжку эту хочу купить...

— А Витёк все свои книжки по двадцать рублей продаёт, — живо откликнулась продавщица китайского «фарфора». — Давайте мне, я ему передам.

Игорь достал портмоне, вынул пятидесятирублёвую купюру и протянул торговке.

— А у меня, милок, сдачи нет, — поджала губы та. — Не расторговалась пока. Сам видал: всё, что было, тем иродам отдала. Возьми ещё что-нибудь.

Лидин нагнулся и стал перебирать пыльные книжки. И вдруг наткнулся на фолиант, обтянутый потёртой кожей, со следами мышиных зубов.

Игорь поднял тяжёлую книгу и открыл. На него с толстых пожелтевших, обгрызенных по краям страниц красочно блеснула разноцветная рукописная вязь старорусской буквы. Руки Лидина затряслись. Такая книга стоит бешеные деньги! Откуда она у явного пропойцы?

— И эту тоже за двадцатку? — дрогнувшим голосом спросил он.

— Я ж говорю: все. Стало быть, и эта, — равнодушно ответила торговка.



Лидин лихорадочно просмотрел остальные книги. Старинных больше не было. Он сунул женщине пятидесятирублёвку и начал поспешно засовывать покупки в вынутый из барсетки пакет с эмблемой и названием известной торговой сети.

— Сдачи не надо! — Махнул он рукой сердито смотревшей на него женщине. — Некогда мне разменивать.

И бросился на остановку, к подошедшему автобусу, даже не посмотрев на его номер.

К счастью, автобус оказался тот, что нужно, и вскоре Игорь, ввалившись в свою квартиру, бережно выложил покупки на письменный стол.

Бегло пролистав сборник сказок фиджийцев, Лидин с трудом воткнул его в свободный просвет на полке непрочитанных книг.

«Эх время, времечко! Где ж тебя взять, чтобы всё это прочесть?» — вздохнул он и осторожно открыл старинный фолиант. Книга была явно рукописной. Страницы до сих пор сохраняли аромат воска свечей и ещё чего-то такого, чем пахнет обычно в церкви. Лидин листал толстые хрустящие листы, скользил взглядом по непонятным чёрным строчкам. Картинок не было, но каждый абзац начинался кроваво-красной заглавной буквой.

Игорь не знал церковно-славянского языка. Он и дореволюционные-то книги с ятями и фитами не пытался читать, хоть в его семейной библиотеке и была парочка таких: том Алексея Толстого с рассказами о вурдалаках и романом «Князь Серебряный» и какой-то сборник стихов без начала и конца, так что определить название книги и автора Лидин не мог. Он держал их на «чёрный день» в надежде продать в случае острой нехватки денег какому-нибудь любителю или букинисту. А теперь к тем двум добавилась и настоящая древность.

Интересно, что это за книга, о чём? У кого бы проконсультироваться? Игорь закрыл фолиант, погладил мягкую кожу переплёта и, на ходу сдирая с себя мокрую от пота одежду, поспешил в ванную, чтобы принять, наконец, прохладный освежающий душ.

Отбросив книжку Корнеевой, Лидин с тоской посмотрел в окно. День угасал. Жара спала, но духота никуда не делась. Тексты Корнеевой разочаровали Игоря. Проза её оказалась типично женской. Ему было откровенно скучно и неинтересно: женская проза никогда Игоря не привлекала. Кроме того, Лидин заподозрил, что Корнеева



наполнила свою повесть некими намёками на какие-то известные её друзьям события и людей. Но он-то, Игорь, не знал ни этих событий, ни тех людей, а потому чувства и переживания персонажей были ему не вполне понятны.

«Что ж, послушаем, как она поёт», — без особого энтузиазма подумал Игорь и сунул компакт-диск в плеер. Лидин не был филологом, воспринимал поэзию, так сказать, на вкус и цвет, на уровне нравится — не нравится. Стихи Корнеевой были технически выверены и безупречны, но отклика в его душе не вызвали. Проблема, видимо, была в том, что Корнеева пыталась совместить в своих текстах несовместимое: женственность с феминизмом. Лидин не мог заставить себя пожалеть Джульетту, стирающую носки Ромео. С какой стати? Если подавляющее большинство жён это делают, почему Джульетта должна быть исключением?

Лидин выключил плеер, включил ноутбук и вышел в интернет. Интересно, есть тут что-нибудь про фестиваль «Госпожа Бьюга»? Есть! Вот она, страничка. Игорь защёлкал кнопкой мышки по пунктам меню. Через минуту он разочарованно выругался и выключил ноутбук. Страничка фестиваля не дала ему практически никакой информации, кроме фамилий лауреатов и дипломантов прежних лет. А лет этих было пока всего только два...

Лидин выключил компьютер, рухнул на диван и задумался. Может, всё же съездить завтра в Пески? А вдруг случится чудо, и там найдётся интересный материал для статьи? Кому бы сесть на хвост? Не охота двадцать минут трястись в душной электричке, да и до вокзала из его микрорайона добираться на маршрутке полчаса. А в Песках, как сказала Соловьёва, от станции ещё километра два по лесу пилить...

Игорь начал перебирать в уме известных ему коломенских поэтов и бардов.

— Петров! — вскрикнул он. — Вот кто мне нужен

Александр Николаевич Петров был известным в Коломне бизнесменом. Что он конкретно делал, каким бизнесом занимался, Игорь не знал и не интересовался. Он со своими ребятами просто занимался отделкой нового особняка Петровых. Дом был довольно большим, и к нему прилагался огромный участок земли.

Оксана, жена Петрова, конечно, нигде не работала. Но она была дипломированным специалистом по ландшафтному дизайну, о



чём с гордостью поведал Игорю Петров при первой же их встрече. Оксана сама разработала дизайн сада, и ребята Лидина помогли воплотить её фантазии в реальность. Там был и бассейн, и выложенный камнем небольшой пруд, в который Петровы запустили каких-то рыб, и искусственный водопад, и горбатые мостики над узким ручьём, и ажурные беседки, и цветочные клумбы и прочие «чудеса природы».

В свободное от «заколачивания бабок» время Петров сочинял стихи и даже печатал их в «Коломенском тексте», одним из постоянных спонсоров которого являлся. Не мог он пропустить фестиваль в Песках! Лидин достал визитницу.

Петров снял трубку почти сразу, на втором звонке.

— Да, я там участвую, — обрадовал он Игоря. — Завтра как раз будут подводить итоги, так что ты, друг, немного опоздал. Но можешь посмотреть, как будут награждать победителей.

— А ты не мог бы взять меня с собой? — спросил Лидин.

— Что за вопрос? — засмеялся Петров. — Будь готов к девяти утра, я за тобой заеду.

«Одна проблема решена», — с облегчением улыбнулся Игорь.

Вдруг громко хлопнула входная дверь, и в комнату влетела Галка.

— Ты почему не на даче, с мамой? — встревожился Лидин. — Случилось чего?

— Да вот пришлось Светку из Песков в медпункт везти, — с досадой пробурчала дочь. — Клещ её укусил.

— А чего вы забыли в Песках? На фестивале, что ль, тусовались?

— Да, — удивлённо взглянула на отца Галка. — А ты откуда знаешь про фестиваль?

— Завтра еду на закрытие, — многозначительно ответил Лидин.

— С чего вдруг? — подозрительно сощурилась Галина. — Ты ж современных бардов не признаёшь, слушаешь только Высоцкого да Визбора.

— Не только. Ещё Булата Окуджаву уважаю.

— Так их там не будет! — съязвила Галка. — Они ж умерли давно.

— И это очень жаль, — вздохнул Лидин. — Мне посчастливилось живьём одного лишь Высоцкого повидать, когда тот приезжал к нам в Коломну с концертом. Визбора с Окуджавой только по телевизору видел. А тебе кто нравится?

— Из нынешних? — уточнила Галина.



— Из тех, кто сейчас в Песках.

— Некоторые. А что?

— Да вот, хочу статью об этом фестивале написать для «Коломенской правды». Материал нужен.

— Правда? — обрадовалась Галка. — Ты опять будешь писать для газеты?

— Попробую. Так что ты мне можешь рассказать?

— А чего зря болтать? — пренебрежительно махнула рукой Галка. — Завтра сам всё увидишь. На Голубых озёрах было интересней. Народу там собиралось до десяти тысяч, а в Пески сотни три-четыре всего приехало. Да ещё клещи эти дурацкие! Сам видишь, какая сейчас жара, а тут эти сволочи весь лес заполонили. Светке в такое место один залез, что...

— Ладно, ладно, — прервал дочь Игорь. — Про Светку мне не интересно. Ты про бардов давай.

— А что про них говорить-то? — дёрнула плечиком Галка. — Их слушать надо. Конечно, в Песках знаменитостей меньше, не то что на Голубых озёрах, но зато и выступления бездарей гораздо меньше терпеть пришлось. Сейчас же любой, кто научился брэнчать на гитаре и рифмовать кое-как слова считает себя бардом.

— Много там знакомых встретила? Кто там верховодит-то?

— Да там большинство — песковские, коломенцев мало. Рекламы-то никакой нигде не было, ты вот слыхал что-нибудь про этот фестиваль? Вот и мы со Светкой случайно узнали. Приезжих я вообще никого не знаю. А шустрят в основном наши, институтские, — скривилась Галина. — Главная — Корнеева, моя преподавательница, русскую литературу нам читает. Подруги её поварами устроены, кашу и чай варят. И студенты-любимчики на подхвате.

— А ты в любимчиках не состоишь?

— И я состою! Но территорию от мусора чистить, — начала загибать пальчики на руке Галка, — палатки ставить, гробы эти — биотуалеты — устанавливать, сцена, аппаратура, щиты рекламные, скамейки... Оно мне надо?

— Так не бесплатно же, наверно?

— А я знаю? Мне это — до лампады. Пахать в такую жару!

— Значит, доча, ты мне ничем помочь не можешь?

— Ладно, поеду с тобой завтра, покажу там всё. С Корнеевой познакомлю...



#### 4. Откровение первое

— Проходи, Фёдор. — Царь со стоном сел на постели и опёрся спиной на высокую стопу набитых птичьим пухом подушек. — Все вон! — Махнул он вялой рукой. — Будете нужны — покличу.

Царевич проводил тревожным взглядом испуганных холопов, несущих окровавленные рушники и ендову, наполовину полную чёрной густой крови, кивнул озабоченно хмурающемуся Фидлеру. Личный лекарь царя поклонился Фёдору и, пряча глаза, быстро прошмыгнул за дверь.

— Садись сюда, у меня в ногах, — хрипло приказал Годунов, вытирая чистым рушником выступившую на лице испарину. — Тихо говорить будем, неча страже и холопам нашу беседу слушать.

— Может, я завтра приду, батюшка? — робко спросил Фёдор, нерешительно садясь на краешек царской постели. — Вижу, нездоров ты...

— Не перечь мне! — Грозно сверкнул воспалёнными очами Годунов. — Потому и позвал тебя сегодня, что нездоров. Видать, недолго мне осталось... Не перечь, говорю! Фидлер юлит, виляет хвостом, лиса немецкая, но я-то вижу: боится он мне правду сказать. Значит, всё — хана.

Царь окинул тоскливым взглядом горящие свечи, груды книг и свитков на столе и перекрестился на иконостас.

— Ты, сын, после меня на русский трон сядешь. — Царь испытующе взглянул на Андрея. Тот поёжился и тоже перекрестился. — Что, страшно?

— Очень, батюшка... — Царевич облизнул пересохшие губы.

— Знаю. — Годунов вздохнул. — И мне страшно было, хоть я и правил Россией вместо царя Фёдора почти тринадцать лет до того дня, как он умер, и народ позвал меня на трон. Трижды отказывался от чести и муки этой. А сейчас ещё страшнее. Знаешь, почему?

— Самозванец... — робко начал Фёдор.

— Нет! — с горечью выдохнул царь. — Не Лжедмитрий меня заботит — правда об этом проходимце скоро народу откроется. Ты меня заботишь, Фёдор.

— Я? — удивился царевич.

— Сможешь ли дело продолжить, на которое я всю свою жизнь положил?



— Какое дело, батюшка?

— Какое дело? — Годунов задумался. — Так сразу и не скажешь, в двух словах не объяснишь. Надо, как говорят у нас, на Руси, от печки плясать. Чего губы лижешь? Вон, на столе, квас стоит. Налей мне и сам испей.

Когда чаши опустели, царь сел поудобнее и начал рассказ.

— Ты, наверно, слышал: сейчас по Москве кто-то слухи распускает, будто наш с тобой предок был татарским мурзой, приехавшим на Русь во времена Великого князя Московского Ивана Калиты?

— Нет, батюшка, не слышал.

— Услышишь — не верь. То бояре злобствуют, всё принизить меня хотят. До сих пор, мне доносят, шипят, что, дескать, худородный на троне сидит. А ныне вот и татарского мурзу приплели, чтобы вообще нас чужаками на русской земле выставить. А Годуновы, Федя, всегда были московскими дворянами. Не из важных, правда, но истинно русские, не татары. Наш предок в составе войска Великого князя московского Ивана Третьего ходил на Вязьму, отличился в бою и получил в тех местах землю за хорошую службу. С тех пор Годуновы стали служить князьям Вяземским.

О своём детстве я тебе рассказывать не буду. Начну с главного, поворотного события в моей жизни. Мне тогда пятнадцать годов было, как тебе сейчас. Читать и писать умел, а вот Священное писание знал плохо. Девки и охота меня интересовали больше, чем книги. И отправил меня батюшка от греха подальше в Москву, к брату своему, Димитрию, чтобы тот пристроил меня на какую-нибудь службу. Дядя мой уже в то время больших чинов достиг: был постельничим при царе Иване Васильевиче, коего ныне Грозным кличут. Так что в Москве я почти и не был — сразу же поехал в Александрову слободу, где находились тогда царь со своей семьёй и вообще весь царский двор.

Дядя моему приезду обрадовался, взял к себе на службу в Постельный приказ стряпчим. Но я там почти и не бывал. Царским сыновьям, Ивану и особенно Фёдору, нужен был товарищ для игр и развлечений. Кому ещё царь мог поручить такое дело, как не племяннику своего постельничего, которому полностью доверял?

Нет, конечно, Иван Васильевич меня сначала осмотрел и испытал. Но малый я был весёлый, красивый, язык имел хорошо подвешенный, в беседе не робел, так что царю понравился.



— Для Ивана годится, — сказал он моему дяде. — А вот для Фёдора нет. Пущай как следует изучит Священное писание. — И, нахмурившись, повернулся ко мне. — Федя наш, Бориска, ты сам скоро увидишь — настоящий постник и молчальник. Он, в отличие от брата, более для кельи, нежели для власти державной рождён. Но ты, если хочешь остаться при мне, сумей понравиться обоим моим сыновьям! Уразумел?

Так началась моя служба при царе Иване Васильевиче. Весёлые мгновения в обществе царевича Ивана и скучные бесконечные часы за чтением молитв и священных книг с царевичем Фёдором.

Через два года мой батюшка, а твой дед Фёдор Никитич Годунов скончался. Ирина, сестра моя, ещё сопливой девчонкой по дому бегала. Всего семь годков ей тогда было. Пока отец в опричном войске воевал, земля наша запустела, крестьяне разбежались. Мать не пожелала без батюшки жить и постриглась в монахини. Взял тогда и Ирину к себе в семью дядя мой, Димитрий Годунов.

С царевичами к тому времени я крепко сдружился. Иван-то похлеще меня был ходок по девкам, но больше любил кровавые забавы. Парней из охраны между собой или со зверем заставлял чуть ли не голыми руками биться, с медведем там или волком. Но и сам, между прочим, боец был отменный. В общем, в отца своего пошёл, в Ивана Васильевича. Тот тоже, говорят, в юности таким был. Да, покуролесили мы тогда с царевичем Иваном...

Годунов потянулся к чаше, и вскочивший сын услужливо наполнил её квасом. Отхлебнув пару глотков, царь поставил тяжёлую чашу себе на живот, придерживая её слегка дрожащей от слабости левой рукой, чтобы не расплескалась, а правой смахнул со лба обильный пот.

— Но самое удивительное, Федя, — хрипло продолжил Годунов рассказ, — что неожиданно для всех, и для себя в первую очередь, сдружился я с царевичем Фёдором. После шумных и часто кровавых забав с Иваном в покоях Фёдора я отдыхал душой и телом. Отрок сей был удивительно добр и ласков. Никогда, в отличие от Ивана, не показывал окружающим своего царственного превосходства. Со всеми был ровен и приветлив. Улыбка не сходила с его лица, когда он говорил с кем-нибудь.

Сначала часы в компании царевича Фёдора тянулись для меня ужасно медленно и, казалось, бесконечно. Я скучал. Но со временем





волей-неволей стал прислушиваться к тому, что говорили и читали царевичу наставники. А учили Фёдора не хуже Ивана. Царь Иван Васильевич совершенно правильно полагал, что его сыновья должны получить все знания, необходимые наследникам престола российского, чтобы им в будущем было легче управлять государством. Конечно, все думали, что следующим царём будет старший сын Ивана Васильевича царевич Иван. Фёдора всерьёз никто наследником не считал, но учили царевичей одинаково. И я учился вместе с ними, полюбил книги, и вскоре общество царевича Фёдора перестало меня тяготить.

Царевич Иван, надо сказать, не очень-то старался вникать в книжную премудрость, а наставники не смели ему возражать, когда он отмахивался от книг и поучений, предпочитая охоту, девок и прочие забавы. Фёдора же больше интересовали Священное писание и жития святых. Науки не давались ему, наставникам приходилось повторять урок вновь и вновь. В конце концов, Фёдор с кроткой улыбкой просил меня решить за него задачу или ответить вопрос на учителя. И когда я выполнял его просьбу, царевич радовался, как дитя, и предлагал почитать что-нибудь из Священного писания. Вот так вот, ещё с юных лет, Фёдор привык перекладывать на меня решение всяческих задач.

Он часто посещал меня в доме дяди, где и познакомился с моей сестрой. Та, воспитанная матерью в строгости и молитве, сразу понравилась Фёдору. И вскоре Ирину по его желанию всегда вызывали с женской половины, когда царевич приходил ко мне. Фёдору нравилось обсуждать с ней жития святых и уроки из Священного писания. Из меня собеседник на эти темы в то время был неважный, хоть я и вступил в орден.

— В какой орден, батюшка? — удивился Фёдор.

— Опричный, конечно, — ностальгически улыбнулся Годунов.  
— В какой же ещё?

— А разве был такой орден? Я ничего об этом не слышал.

Годунов хлебнул из чаши и укоризненно взглянул на сына.

— Эх, Федя, и чему тебя только учат?! Когда царь Иван Васильевич объявил об опричнине, мы воевали с Ливонским орденом. Конечно, устройство того рыцарского ордена, его порядки были царю хорошо известны и очень нравились. Он отобрал триста лучших опричников в свой личный орден, в котором сам стал игуменом,



князь Афанасий Вяземский — келарем, а Малюта Скуратов — параклисиархом. В Москве бояре и завистники шипели, что царь зашёл у себя в Александровой слободе монастырские порядки. Но это был именно военный орден, где все не только совместно молились в церкви и принимали трапезу за общим столом, но и каждый носил оружие и участвовал в походах и битвах, чего монастырские монахи, как ты знаешь, не делают.

Князь Афанасий Вяземский в то время был ближайшим другом и наперсником царя Ивана Васильевича. И, конечно, царь в числе первых взял в опричнину Вязьму, а князь Афанасий стал одним из первых и наиважнейших опричников. Ну, а мы, Годуновы, должны были последовать за своим господином. Поэтому, как человек князя Вяземского и наперсник обоих царевичей, я не мог оставаться вне ордена или хотя бы опричного войска. Никогда не забуду, как впервые надел чёрный кафтан, сшитый из грубого сукна и подбитый козым мехом, чёрную островерхую шапку и дал обет, слова которого помню до сих пор:

«Я клянусь быть верным Государю и Великому князю и его государству, молодым князьям и Великой княгине и не молчать о всём дурном, что я знаю, слышал или услышу, что замышляется против царя и Великого князя, его государства, молодых князей и царицы. Я клянусь также не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ничего общего. На этом целую я крест».

Глаза Годунова блестили, как будто он пил из чаши мёда, а не квас. Согнутые заботами плечи расправились, руки перестали дрожать.

— Князь Афанасий Вяземский немедленно приписал свежеепечённого опричника Бориску Годунова в дворцовый полк. Он знал нашу преданность его роду и хотел иметь рядом с собой как можно больше верных людей. Так в восемнадцать лет я стал опричником царя Ивана Васильевича, а вскоре был принят и в орден. Тебя учат лучшие наставники, Фёдор, а ты не знаешь, что такое опричнина.

— Знаю, батюшка...

— Нет, не знаешь.

— Сегодня, сынок, я расскажу тебе об опричнине. Для вас, нынешних, опричники — звери лютые, крошечники, слуги грозного царя! Даже слово это запрещено употреблять.

Да, были среди нас и душегубы, и воры, и предатели. Кто-то подался в опричники ради мести врагам и обидчикам своим, князьям



да боярам, до коих прежде ему было не дотянуться. Но большинство шло ради земли. Царь Иван Васильевич всю землю русскую поделил: лучшую часть в опричнину взял и из неё некоторые города и земли своим сторонникам и опричникам роздал, а на окраинные и худые земли тех князей, бояр и дворян переселил, кои не желали принять его новшества, и назвал те земли и людей «земщиной». Потому опричники и клятву такую давали: не общаться с врагами царя и государя — земщиной. Тут два мира столкнулись: старый, родовой, и новый, имперский. Понимать надо!

— Но, батюшка, как же можно у безвинного боярина землю отнять и совершенно постороннему человеку отдать? — робко спросил царевич. — Это же несправедливо! Потому народ и зовёт опричников ворами. Прости меня, батюшка...

— А ты не бойся, спрашивай, — улыбнулся Годунов. — Для того и позвал тебя, чтобы царской мудрости научить. Несправедливо, говоришь? А справедливо, что ты вскоре на царский трон сядешь, а не в холопы к какому-нибудь князьку или боярину пойдёшь, как я, твой отец? Я ведь всего на два года постарше тебя был, когда мой отец отдал Богу душу.

— Но, батюшка! — Вскочил на ноги Фёдор. — Я же...

— Что ты же? — насмешливо спросил Годунов. — Царевичу не пристало в холопы идти, да? А давно ль ты — царевич? То-то! Да ты садись, в ногах правды нет. До опричнины, сынок, у каждого человека на Руси судьба была — прямая колея: по стопам отцов своих. А в опричнине худородный дворянин мог над родовитым боярином возвыситься. Если заслужит, конечно. Не по родовитости, а по делам и заслугам царь Иван Васильевич должности и награды жаловал. Способный человек многого мог достичь и достигал. Вот тебе несколько примеров.

Дед твой, Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта, был из очень захудалого рода Плещеевых и из простого сына боярского дослужился в опричнине до думного дворянина, возглавив, в конце концов, отряд личной охраны царя. Родич Малюты Богдан Бельский стал думным дворянином и имел огромное влияние. Бывший сын боярский Василий Грязной тоже заседал в опричной думе и был одним из самых близких к царю людей. Да что там далеко ходить — вот он я перед тобой, живой пример.



Да, поначалу пришлось и мне в рындах\* походить, на плече алебарду потаскать, показать храбрость и усердие в Ливонской войне. Там и заметил меня будущий дед твой, Малюта Скуратов, стал отмечать, сдружился мы. Умный был человек, верность ценил, и сам служил царю, как собака, любое желание исполнял. Вот только замыслов царских не понимал, да и не стремился к тому. Поэтому, несмотря на всю свою преданность и заслуги, так и не получил из рук царя боярство. А я в мысли государя проник, и случай свой поправиться царю не упустил...

— Какой случай, батюшка? — поторопил замолчавшего Бориса Фёдор.

— Я же в царской охране службу нёс. — Годунов улыбнулся нетерпению сына. — А царь наш, Иван Васильевич-то, часто ночами бродил по хоромам. А мы у каждой двери на страже стояли. Ходит царь, бормочет что-то, спорит с кем-то воображаемым, кричит порой в гнев так, что у стражников от страха ноги подкашиваются. И стал я прислушиваться, вникать в царские слова. И как-то, забывшись, ответил царю, когда он проходил мимо. Тот в недоумении остановился и спрашивает:

— Это ты, Бориска? Как смеешь без разрешения царю слово молвить?

Тут откуда-то Малюта появился. Он всегда в царских покоях ночами оставался, когда Иван Васильевич не мог уснуть: мало ли чего царю захочется, а ждать тот ох как не любил! Бросился Григорий Лукьяныч мне на выручку, но царь его вдруг остановил и с интересом взглянул на меня.

— Ну-ка повтори, что ты мне сейчас сказал?

Я ответил. Царь мне другой вопрос, я отвечаю, а сердце у самого аж в горле бьётся. Иван Васильевич-то в гнев весьма несдержан был, мог меня за дерзость и в темницу бросить. Так что, рисковал я знатно.

— Замени его на посту, Малюта, — вдруг говорит Иван Васильевич. — А ты, Бориска, за мной иди.

Пришли мы в его опочивальню и почти всю ночь проговорили. Три кувшина кваса выпили! Вопреки всяким слухам вино государь не любил, а пьяных терпеть не мог. Не оказалось в окружении царя человека, кто бы замыслы его великие понимал. Не там он искал

---

\* Рында - царский телохранитель (Здесь и далее примечания автора)



себе единомышленника. Все эти бояре, князья и прочие дворяне, пошедшие в опричники, только выгоду свою искали, земли и богатства алкали. Каждый был сам себе царь в своём уделе и никаких изменений не желал. Оставшиеся же в земщине бояре тосковали по совсем ещё недавним временам, когда они безнаказанно грабили казну и помыкали малолетним Великим князем. А уж царь Всея Руси им и подавно был не нужен и даже опасен. Идти с ним на сближение они не хотели.

Да и он, Иван Васильевич, не забыл, как рос сиротой, которого любой боярин шпынял и оскорблял. Вот и не спал по ночам царь, ломал голову, как лучше государство русское устроить, чтобы окончательно извести на Руси боярский произвол. Часто после той ночи Иван Васильевич звал меня к себе на беседу. Так вот и узнал я его великие замыслы и проникся ими. Поразились грандиозности задачи. Налей-ка квасу, Федюша, от этих речей у меня всё горло пересохло.

Фёдор торопливо наполнил и поднёс отцу чашу. Борис видел нетерпение сына и нарочно пил не спеша. Интерес царевича радовал Годунова: знать, не зря он решил поделиться своими мыслями и воспоминаниями с наследником. Тот не просто отбывает скучную повинность беседы с умирающим отцом, а старается понять, вникнуть в его слова. Авось, из Фёдора выйдет толк!

— Решил царь Иван Васильевич всё древнее устройство русской власти поломать и создать новое, — продолжил рассказ Годунов, отдавая сыну опустевшую чашу. — Известить засилье бояр на Руси. Не отомстить им за все свои детские унижения, как до сих пор думают многие, а заставить служить государству нашему.

Ведь что было раньше-то, Федюша? Любой русский князь был сам себе хозяин. Его интересовали только собственные интересы, свой родовой удел. Нравится ему Великий князь московский — он признаёт его власть над собой. Не нравится — переходит со всеми своими людьми и землями под власть польского короля или литовского герцога. Что такое интересы государства, им было неведомо. И приходилось воевать, лить кровь русскую, чтобы вернуть изменников под власть Великого князя.

Вот даже князь Андрей Курбский, любимец царя, во время Ливонской войны сбежал в Литву. А ведь он был тогда воеводой! Командовал всем русским войском. А Курбский не только сбежал, но и выдал врагам наши военные планы и лазутчиков царя в Ливонии,



а потом принял участие в войне на стороне поляков и литовцев. Каково? И никто из бояр Курбского изменником не считает! Он, говорят они, был в своём праве сам определять, какому королю служить. И за то, что Курбский привёл врагов на землю нашу и вместе с ними лил кровь русскую, бояре Курбского не осуждают! А сколько таких курбских ещё было и по сию пору есть среди князей и бояр наших...

Годунов замолчал. Тяжёлые воспоминания избороздили морщинами его лоб, кисти рук сжались в кулаки.

— Прости меня, батюшка, — нерешительно прервал размышления Бориса царевич. — Я никогда раньше не задумывался над этим. Но чем же тут могла помочь опричнина?

— Князья были сильны своими уделами, Федя. У них там свои войска, свои крепости, давние связи с соседями, со многими из которых они к тому же и породнились. Огромные угодья с налаженным хозяйством обеспечивали все их нужды, в том числе военные. Поэтому князей и не интересовали заботы русского царства. Государство для них — их удел, где они чувствовали себя полновластными хозяевами.

Царь Иван Васильевич разрушил уделы, отменил их. Он разрезал боярские земли на части и роздал опричникам, а боярам дал земли в других, менее обустроенных уделах. Царь перетасовал бояр, как колоду карт, лишил их привычных связей с соседями и богатых земель. Лучшие земли и города царь Иван Васильевич забрал в опричнину. Многих князей и бояр царь не просто лишил привычной власти над своими людьми и землями, но и попросту разорил, а самых непокорных казнил.

С тех пор все — и земщина, и опричнина — стали полностью зависеть от воли царя. Он мог дать землю за хорошую службу, но мог и отобрать за плохую. Волей-неволей всем пришлось служить царю, а, следовательно, и государству российскому. Иван Васильевич решительно создавал единую державу. Для того и стал царём. Не просто Великим князем московским, а царём Всея Руси! Конечно, и кровушки людской пролил немало, но как было иначе? В муках рождалась единая Русь, а роды, сынок, без крови не бывают. Чего морщишься?

— Говорят, батюшка, что царь Иван Васильевич всё же слишком много безвинной крови пролил...



— Это как посмотреть, сынок. За годы правления царя Ивана Васильевича Грозного было казнено около четырёх тысяч человек, включая разбойников и убийц. Это известно довольно точно, потому что имена всех умерщвлённых записаны в Синодике царя, поминальном церковном списке, который составлялся на основе земских и опричных приказов. Иван Васильевич всегда заносил имена приговорённых к смерти в поминальные списки и рассылал пожертвования монастырям, чтобы там молились за души умерших преступников. Заметь, Федя: Иван Васильевич просил монахов молить Бога не о прощении царя за отправку людей на смерть, а об избавлении душ казнённых преступников от дьявольского огня и страданий на том свете!

— И всё же четыре тысячи убито!

— Не торопись, Фёдор. Давай теперь посмотрим, что происходило и происходит в Европе. Во времена опричнины на Руси католическая инквизиция осудила на смерть всех голландцев как еретиков, а испанский король Филипп II приказал привести этот приговор в исполнение. К счастью, его приказ не удалось выполнить до конца, однако испанская армия только в Харлеме убила двадцать тысяч человек, а всего в Нидерландах уничтожили около ста тысяч жителей, из которых было сожжено живьём на кострах двадцать восемь с половиной тысяч человек!

— Но, батюшка, там же была война! А царь Иван казнил собственных людей...

— Что ж, вот тебе другие примеры. Приблизительно в те же годы во Франции в Париже только за одну ночь убили три тысячи гугенотов, а в остальной стране за две недели ещё более тридцати тысяч.

— То из-за религии... — буркнул царевич, но Годунов гневно прервал его:

— А из-за религии, значит, убивать можно? Изменник князь Андрей Курбский себе в оправдание тоже обвинял царя Ивана Васильевича в чрезмерных казнях воевод и бояр русских, писал, что он разрушал в Литве церкви и убивал людей прямо в храмах, стараясь как можно лучше выполнить царский приказ. На его ложь Иван Васильевич так Курбскому ответил, подай-ка мне, Федя, вон тот свиток, что на столе лежит.

— Этот, батюшка?



Борис Годунов дрожащими от слабости и волнения руками взял поданную сыном бумагу, развернул, быстро проглядел и, найдя нужное место, громко прочитал:

«Не предавали мы своих воевод различным смертям, а с божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников. А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить...

Кровью же никакой мы церковных порогов не обагрjali, мучеников за веру у нас нет. Когда же мы находим доброжелателей, полагающих за нас душу искренно, а не лживо, не таких, которые языком говорят хорошее, а в сердце затевают дурное, на глазах ода-ряют и хвалят, а за глаза расточают и укоряют, когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, которые служат честно и не забывают порученной службы, то мы награждаем их великим жалованьем.

Тот же, который, как я сказал, выступает против нас, заслуживает казни за свою вину. А как в других странах карают злодеев, сам увидишь — не по-здешнему! Это вы по своему злобесному нраву решили любить изменников, а в других странах изменников не любят и казнят их и тем укрепляют власть свою. А мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумывали: если же ты говоришь об изменниках и колдунах, так ведь таких собак везде казнят».

Царь Борис отдал сыну свиток, и тот положил его на прежнее место. Немного отдышавшись, Годунов продолжил своё повествование:

— Так-то, Фёдор! Много лжи о том, как много якобы безвинно казнил царь Иван Васильевич князей и бояр русских понапридумывали разные предатели, вроде князя Курбского, нарушившего крестное целование о верной службе царю и Отечеству. И даже свои грехи постарались на Ивана Васильевича переложить — дескать, по его приказу зверствовали! Враги наши в Европе эти лживые измышления с удовольствием подхватили и распространили по всему миру. И не тебе бы, русскому царевичу, этим лживым слухам верить, а тем более — повторять!

— Прости, батюшка...

— Не у меня прощенья проси! Слушай дальше.

В Англии по приказу Генриха VIII повесили семьдесят две тысячи человек, виновных только в том, что они нищие и бездомные.





А в те годы, когда возраст английского монарха или время его правления было кратно числу семь, по стране происходили ритуальные человеческие жертвоприношения, чтобы, как там говорят, «невинной кровью смыть грехи королевства»! Английская королева Елизавета Первая, которую Иван Васильевич называл «пошлой девкой», казнила почти девяносто тысяч своих подданных!

Вдумайся в эти огромные числа, Фёдор! И никто из европейских монархов никогда не каялся в содеянных по их приказу зверствах и не просил монахов молиться за упокой души умерщвлённых, как это делал царь Иван Васильевич Грозный, на чьей совести всего-то около четырёх тысяч человек.

Так-то вот, сын! Всё познаётся в сравнении. Своим умом старайся жить, Федя. Думай, прежде чем что-либо сказать, а тем более сделать. Царь замолчал, тяжело дыша.

Фёдор взял свежее полотенце и осторожно отёр с лица отца вновь обильно выступивший пот.

— Устал, батюшка? — встревожено спросил он. — Может, лекаря кликнуть?

— Вот деда твоего, Малюту Скуратова, «кровавым псом» и «палачом» в народе кличут, — хрипло проговорил Годунов. — Да, тот пытал и казнил по приказу царскому. Но ведь он не только опричное сыскное ведомство возглавлял! Не хотят вспоминать хулители, как Григорий Лукьянович по поручению царя Ивана Васильевича успешно вёл переговоры с Крымом и Литвой, как геройски сражался со шведами в Ливонской войне, командуя государевым полком, как погиб в бою за землю русскую, лично возглавив штурм крепости Вайсенштайн.

А почему так? Да потому что людей больше волнуют свои личные обиды и болячки, чем интересы государства. Не зря говорят: своя рубашка ближе к телу. Мало кто до сих пор считает государственную «рубашку» своей. В этом-то, Федя, и состоит главная беда Руси, с которой я борюсь всю свою жизнь, продолжая дело царя Ивана Васильевича Грозного. Затем и позвал тебя, чтоб успеть передать свои замыслы, научить и направить. Понял?

— Понял, батюшка, — нерешительно промямлил царевич. — Но не всё. Мне бы обдумать...

— Что ж, подумай, дело хорошее, — мрачно ответил Годунов. — Иди. Завтра вечером придёшь.



Фёдор встал, поцеловал горячую руку отца и пошёл к двери. Царь Всея Руси Борис Годунов проводил взглядом уходящего сына и закрыл глаза. По щекам его потекли слёзы разочарования...

## 5. Эдгар Мыльников

*Честный и бесчестный человек познаются не только из того, что они делают, но и из того, чего они желают.*

### Демокрит

Увидев Галину, Петров немедленно распустил павлиний хвост. Выскочил из машины, распахнул перед дочерью Лидина переднюю дверцу.

— Нет, мы сзади сядем, — возразил Игорь. — Мне по дороге с Натальей обсудить кое-что надо.

Разочарованно захлопнув дверцу, Петров сладко улынулся.

— Что же ты скрывал, Игорёк, что у тебя такая красавица-дочь?

— Ну, куда ей до твоей жены, — отшутился Лидин, стараясь сбить донжуанский настрой Петрова. — Долго нам до места добираться?

— Да не волнуйся ты, успеем, — ответил Петров, заводя машину. — Вот только заедем за Мыльниковым...

— За Мыльниковым? — удивился Лидин. — Главным редактором «Коломенского текста»?

— За ним, — кивнул Петров, выруливая со двора на дорогу.

— Он тоже туда?

— Ага, судит прозу, — хохотнул Петров. — Слава богу, я — поэт. Вы любите стихи, Галочка?

— Конечно! Не может студентка филфака не любить поэзию, — сумничала дочь Лидина.

— Я вам обязательно почитаю, — обернулся к ней Петров.

— Следи за дорогой! — встревожено воскликнул Игорь.

— Ерунда! — хохотнул Петров. — Я тут с закрытыми глазами могу проехать. Хотите посмотреть, Галочка?

— Ты-то можешь, — предупреждающе сжал руку дочери Лидин. — А как насчёт других водителей? Сейчас идиотов с купленными правами развелось...



— Это точно! — энергично хлопнул ладонями по рулю Петров.  
— Вот я на днях...

Досказать он не успел, так как увидел ожидающего на обочине Эдгара Ивановича Мыльников.

Иван Петрович Мыльников прошёл три войны: сначала была Финская, потом Отечественная, а из Германии его часть напрямую отправилась громить Квантунскую армию японцев. Наконец, демобилизовавшись подчистую, он уже готов был вернуться в родную подмосковную Коломну, где его с нетерпением ждали мать и две младшие сестры (отец погиб под Кёнигсбергом), но в последний момент Ивана уговорил погостить у него хотя бы пару недель Пашка Кунгуров.

Кунгуров, коренной сибиряк, весельчак и балагур, был закадычным фронтовым другом Ивана Мыльникова. Они прошли в одном танке пол-Европы и Монголию. И раз уж поезд всё равно шёл мимо Пашкиного родного посёлка (всего каких-то сотня километров от Тобольска), то Иван согласился погостить у друга несколько дней. А задержался на полтора года! Столько ему потребовалось времени, чтобы уговорить Ингу Мелдере, чьи прозрачные ледяные глаза и толстая белая коса лишили Ивана Мыльникова покоя, выйти за него замуж.

Инга была единственной дочерью в семье ссыльных поселенцев. Чем уж Мелдеры не понравились новым советским властям Латвии в 1940-м году, Иван никогда не интересовался.

Через год после знакомства ледышки глаз Инги при виде Ивана стали превращаться в тёплые светло-голубые озёра, а ещё через полгода родители девушки, наконец, согласились отдать дочь замуж за русского парня.

Не успела пройти неделя после свадьбы, как молодожёны собрали свои невеликие пожитки, простились с Сибирью и поехали в Коломну, где давно уже жаждали Ивана мать и сёстры.

Первые годы жили тесно и скудно. Работать устроились на Коломзавод. Иван ушёл в армию практически прямо со школьной скамьи и никакой гражданской специальности не имел. Он устроился сталеваром в Чугунку, а Инга пошла на курсы крановщиц. Сёстры Ивана вскоре завели собственные семьи, в стареньком родительском домике стало просторнее, и мать Ивана периодически начала заводить разговоры о том, как ей хочется понянчить внуков.



Эдгар родился, когда первый советский Спутник сделал виток вокруг Земли. Глаза его оказались светлыми, как у матери, а волосы русые, как у отца. Шли годы, парнишка рос крепким, шепутным. Бабушка недолго радовалась внуку — многочисленные невзгоды и болезни укоротили её жизнь. Она умерла, когда Эдгару исполнилось всего три года, так что он практически не помнил её и знал только по немногочисленным фотографиям и рассказам отца и тёток.

Однажды домик-развалюху снесли, и семье Мыльниковых дали двухкомнатную квартиру в только что построенной четырёхэтажной «хрущобе». Обосновавшись на новом месте, Иван тут же уволился с завода и завербовался шофёром на строительство КАМАЗа. Оставшись одна, Инга не смогла удержать сына в руках. Пятнадцатилетний Эдгар до позднего вечера пропадал на улице, связался с компанией отпетых хулиганов, стал грубить матери в ответ на её расспросы и упрёки. Часто он приходил домой в синяках, и от его одежды пахло папиросным дымом.

Бедная Инга писала слёзные письма в далёкий Татарстан, просила Ивана поскорее возвратиться домой, в Коломну. В погоне за «длинным рублём» они могли потерять единственного сына. Но к тому времени, когда Иван, наконец, приехал, привезя жене в подарок новенький пылесос, Эдгар уже сам бросил лихую компанию и всё свободное от школы время безвылазно сидел дома, слушая радио или читая книгу.

Парнишка резко изменился после того, как увидел своего лучшего друга, Сашку Косого, в гробу. Более взрослые парни, некоторые из которых уже побывали за решёткой, однажды схватили Сашку за ноги и вниз головой сбросили со второго этажа будущего магазина, строящегося через дорогу от хрущобы, где жили в соседних подъездах семьи Мыльниковых и Косых. Компания картёжников собиралась на этой стройке каждый вечер. Сашка проиграл крупную сумму и не смог расплатиться. Он не сумел, как Эдгар, вовремя остановиться и выйти из игры. Вид Сашки в гробу с грубым швом через всю голову так поразил и испугал Эдгара, что тот на долгое время прервал все связи с дворовой бандой подростков и засел в четырёх стенах. Матери, а тем более милиции, он, конечно, ничего не рассказал.

А Ингу не очень-то интересовали причины того, почему её сын вдруг стал домоседом. Она радовалась, что он больше не шляется



неизвестно где и с кем допоздна. К тому же и в школе его оценки стали расти, и восьмилетку парень закончил почти отличником — всего три четвёрки!

Разумеется, родители решили, что Эдгар должен продолжить учёбу и по окончании десятилетки поступить в институт. А ведь всего несколько лет назад они были твёрдо уверены, что их сыну придётся, как и им, дышать пылью чугунок.

И Эдгар выполнил-таки, когда пришло время, родительский наказ и поступил без какого-либо блата в Московский институт инженеров транспорта. Вообще-то, Инга и Иван, «пашущие» в Чугунолитейном цехе Коломзавода, были уверены, что их сын поехал сдавать экзамены в Московский институт стали и сплавов. Но Эдгар решил, что лучше сидеть за кульманом в каком-нибудь конструкторском бюро, чем дышать пылью и прочей гадостью в «горячем» цеху.

— Чего вы расстраииваетесь-то? — сказал он родителям. — Всё равно же будем, в конце концов, работать на одном заводе. Он же в основном тепловозостроительный!

— Так инженер-то получает в полтора раза меньше цехового мастера, — с язвительной усмешкой ответил отец. — И «горячий» стаж ему не идёт.

— Зато и здоровье молоком «за вредность», как вам, мне поправлять не придётся, — отпарировал Эдгар.

Иван с Ингой смирились с выбором сына. Да и какой теперь был смысл спорить? И осенью Эдгар уехал учиться в Москву.

Однако неожиданная свобода сыграла с ним злую шутку. Институт — это не средняя школа, где ученик должен ходить каждый день на уроки и делать домашнее задание. Это в школе достаточно вызубрить «от сих до сих», ответить учителю, получить отметку и тут же забыть чуть ли не весь материал. В институте оказалась совершенно иная система обучения. На лекции ходить никто не заставляет! Родительского надзора у живущих в общежитии студентов нет. Уроков на дом преподаватели не задают. В общаге постоянно шум, компании, словом — «дым коромыслом». Кругом взрослые соблазны: гулянки, вино, девочки.

Первый семестр Эдгар ещё держался: ходил на все занятия, усердно писал конспекты, вникал в учебный материал. А вот во втором — «сорвался с резьбы»! Стал пропускать лекции и семинары,



ночи напролёт тусовался в различных весёлых компаниях, начал постигать прелести секса с одной общедоступной красоткой. И в результате Эдгар завалил почти все экзамены. Преподаватели, оказывается, заметили его регулярные прогулы и не простили. Вместо второго курса института Эдгар Мыльников неожиданно для родителей и себя, любимого, «загребел» в армию.

Служить ему пришлось в Латвии. Дед с бабушкой к тому времени уже вернулись из Сибири на родину, и, отслужив два года, Эдгар решил погостить у них в Сигулде, не торопиться пред скорбные материнские и грозные отцовские очи. Да и что его ждало в Коломне? Жаркая и вредная для здоровья пыль Чугунки?

Но дед не пожелал кормить здорового нахлебника и устроил внука слесарем в местное железнодорожное депо. Работа была, в общем-то, не трудная, не чугунок, хоть и чистой её назвать тоже нельзя. Эдгар быстро обзавёлся новыми друзьями, вернее — друзьями, и «закрутил любовь» с молодой, смазливой поварихой из ведомственной столовой. Однако вскоре повариха предпочла Эдгару другого, более солидного кавалера, и неожиданно для себя он вдруг начал писать жалостливые стишки о несчастной любви и даже печатать их в городской русскоязычной газете.

Вдобавок к личной трагедии Эдгара дед стал требовать, чтобы его внук как можно скорее изучил латвийский язык и разговаривал только на нём! Это явилось последней каплей, Эдгар решил, что сыт Латвией по горло. Но и в родную Коломну возвращаться пока не хотел.

Так началась многолетняя одиссея Эдгара Мыльникова по городам и весям СССР. Он рубил уголь на шахтах Донбасса и Казахстана, ходил по сибирской тайге с геологами, ловил рыбу на Дальнем Востоке, колесил проводником почтового вагона. Кем он только не был, но нигде надолго не задерживался и везде писал в местные многотиражки стихи и небольшие рассказы.

И вот однажды в редакции небольшой газетки одного из поволжских городов он неожиданно встретил девушку из подмосковной Коломны! Вера Автаева отработывала там положенные три года после окончания филфака Коломенского педагогического института. Вообще-то её распределили в одну из тамошних школ учителем русского языка и литературы, но пока она туда добралась, место уже занял другой человек. Вере предложили на выбор: ехать



учителем в одну из сельских школ района или работать корректором в местной городской газете. Девушка предпочла селу город.

Эдгар и Вера стали встречаться, вспоминали родную Коломну, обсуждали прочитанные книги, ходили в кино. Через год, когда у Веры закончился срок отработки, они вместе вернулись в Коломну и вскоре поженились. Молодожёны поселились в двухкомнатной «хрущобе» Мыльниковых, в комнате Эдгара.

Через полгода после свадьбы у них родилась дочь. Иван с Ингой нанчились с внучкой, стараясь всячески облегчить бытовые хлопоты снохи. Они радовались, что блудный сын, наконец, вернулся домой и остепенился. Но радость их была недолгой.

И в родной Коломне Эдгар ни на одной работе не мог удержаться. Ему хотелось писать книги, а не «пахать» у станка на заводе или фабрике. Он даже одно время устраивался сторожем на склад, лишь бы иметь возможность и время для обдумывания сюжетов и написания рассказов и стихов. Идеалом Эдгара Мыльникова и образцом для подражания стал коломенский писатель Валерий Королёв. Эдгар Мыльников постарался познакомиться и подружиться с Валерием Королёвым. Тот стал не только наставником, но и жёстким критиком текстов Эдгара. В дальнейшем Эдгар Мыльников успел, как всегда недолго, поработать в нескольких городских и районных газетах. Организация альманаха «Коломенский текст» стала вершиной его начинаний.

Администрация города быстро взяла под своё крыло ежегодник и его главного редактора, не смотря даже на отсутствие у последнего не только высшего, но и какого-либо специального образования. И на этом многолетние мытарства Эдгара Мыльникова в поисках работы закончились. Отныне он занимался тем, чем хотел: писал стихи и рассказы и публиковал их в собственном журнале.

Ему даже не приходилось заниматься поиском денег на издание и сбытом номеров альманаха, так как расходы взял на себя городской бюджет, и львиную часть тиража забирал Комитет культуры для вручения в качестве призов на городских мероприятиях различным ветеранам и передовикам. Оставшиеся тома расходились по библиотекам и школам Коломны. Конечно, что-то доставалось и авторам, а какую-то часть номеров Мыльников сдавал на реализацию в книжные магазины города, что приносило дополнительный доход в его семейный бюджет.



После того, как Мыльников стал печатать в своём альманахе стихи и рассказы редакторов московских газет и журналов, а те в ответ публиковать в своих изданиях его тексты, Эдгар Иванович Мыльников стал считаться в местной культурной богеме ведущим писателем города. Он даже не постеснялся провозгласить себя Председателем творческого объединения писателей Коломны, и вскоре уже многие горожане поверили в его литературный гений.

Однако, сам Эдгар Иванович в глубине души прекрасно знал себе цену, и это знание постоянно грызло его изнутри. Он ежегодно выпускал сборники своих стихов и рассказов, вступил в Союз писателей России, регулярно получал всяческие грамоты и медали от Администрации Коломны и Союза писателей, но всё же чувство неуверенности в своих литературных силах не покидало Эдгара Мыльникова. Когда в жизни россиян появился интернет, Эдгар Иванович зарегистрировался на самом большом и известном литературном сайте, стал выкладывать на нём свои тексты, но никто их почему-то долгое время не замечал.

Вскоре Мыльников понял, что на сайте действует неписанный закон: похвали чужое произведение — и твоё в ответ похвалят, поругай или просто покритикуй чей-нибудь текст, и тут же сам огребёшь в ответ ушат грязи. Но как же тогда узнать правду о своём творчестве?

Чтобы привлечь к своим текстам объективное внимание читателей и незаинтересованных критиков, Мыльников зарегистрировался на этом же сайте под несколькими вымышленными именами и от их имени стал нахваливать свои стихи и рассказы. Но и тут результат был плачевным: мало кто подхватывал его похвалы, скорее наоборот — либо выражали недоумение, либо ругали с ещё большей яростью! Эдгара Ивановича несколько раз разоблачали и стыдили, он на некоторое время исчезал с сайта, ждал, пока скандал забудется, и тогда вновь принимался за старое. Уж больно ему хотелось похвал и подтверждения собственного литературного мастерства!

Число хвалельщиков резко возросло только тогда, когда Мыльников указал, что является главным редактором альманаха «Коломенский текст». Однако теперь появившиеся дифирамбы часто сопровождались просьбами о публикации в коломенском ежегоднике произведений новоявленных поклонников литературных успехов





Эдгара Ивановича. Стоило Мыльникову заявить, что портфель редакции переполнен произведениями коломенских авторов, как просители тут же исчезли с его странички, а вместе с ними и их дифирамбы. И это обстоятельство, в свою очередь, тоже заставляло Эдгара Ивановича постоянно испытывать унижительное чувство неуверенности в собственном литературном мастерстве, несмотря на многочисленные официальные награды и лесть многих представителей коломенской литературной тусовки.

Мыльников решил усовершенствовать старый приём: он перестал резко отказывать просителям в публикации в коломенском альманахе, обещая рассмотреть их тексты в редакции и даже опубликовать что-нибудь в одном из следующих номеров. А так как «Коломенский текст» выходит раз в год, то беднягам-претендентам приходилось нахваливать творчество Мыльникова до тех пор, пока они не понимали, что превратились в осла, которого манят видом свежей морковки.

Но чтобы удержать поклонников Эдгар Иванович всё же начал публиковать в своём альманахе тексты особенно стойких льстецов. Этим он добился сразу нескольких целей. Во-первых, ему нравились похвалы в свой адрес. Он жаждал их, как наркоман дозу, и не хотел терять.

Во-вторых, прочие «ослы» наглядно убедились на примере счастливиц, что морковка всё же реальна и достижима, и это обстоятельство заставляло их ежедневно торчать на литературной страничке Мыльникова и петь тому дифирамбы, что не могло не радовать Эдгара Ивановича.

В-третьих, коломенские авторы, поняв, что их легко могут отеснить настырные «варяги», тоже теперь вынуждены были нахваливать литературный и редакторский таланты Мыльникова. Никакой критики в адрес его стихов и прозы отныне быть не могло, так как каждый понимал, что подобное действие немедленно закроет ему возможность публикации в коломенском ежегоднике.

Так Эдгар Иванович Мыльников в глазах окружающих превратился в «ведущего писателя Коломны». Внешне казалось, что и он сам, в конце концов, уверовал в это. Но это только казалось. В глубине души Эдгар Иванович прекрасно знал истинную цену и собственному литературному мастерству, и похвалам льстецов. Это знание заставляло его вновь и вновь регистрироваться на



литературном сайте под вымышленными никнеймами и от их имени нахваливать свои тексты в тщетной надежде, что кто-то присоединится к этим похвалам не ради возможной публикации в коломенском альманахе, а от чистого сердца.

Шли годы, а таковых бескорыстных читателей не находилось. Бывали, конечно, восторженные отзывы, не сопровождавшиеся просьбой о публикации, но, в конце концов, оказывалось, что они написаны ради такого же ответного положительного отзыва по неписанному правилу этого литературного сайта. У Эдгара Ивановича даже не было уверенности, что его произведение вообще прочитано, ведь на сайте множество авторов пишут отзывы ради начисляемых за них баллов.

И в родной Коломне Мыльникову жилось не столь уж комфортно, как казалось окружающим. Да, как писатель он был здесь вне конкуренции. Эдгар Иванович давно являлся почётным гостем на любом культурном мероприятии. От него ждали выступлений, к его мнению прислушивались. И это было для Мыльникова невыносимой пыткой! Не имея высшего образования и соответствующих знаний, Эдгар Иванович обязан был публично выражать своё мнение по различным вопросам, давать оценку чужим произведениям и поступкам. Будь Мыльников недалёким выскочкой, его бы это нисколько не волновало. Дураки безапелляционно высказываются по любому случаю, считая собственное мнение единственно правильным. Однако, Эдгар Иванович дураком не был. И не хотел таковым выглядеть в глазах окружающих. Но и самостоятельно повышать собственные знания то ли не хотел, то ли не мог, то ли не находил времени.

Он пошёл другим путём: обзванивал друзей и знакомых, в долгих беседах узнавал их мысли по нужному ему вопросу, а потом, выбрав более ему понятные и близкие, выдавал чужое мнение за своё собственное. И как-то это прокатывало, тем более, что ловить его на плагиате никто не пытался — себе дороже выйдет.

Но вот его пригласили на фестиваль «Госпожа вьюга» судить прозу. Мыльникову это польстило, и он согласился. И только потом до него дошло, что тут консультироваться будет не с кем и придётся давать оценку чужим произведениям самостоятельно. Однако отказываться уже было поздно, и Эдгар Иванович решил: будь, что будет! Да и кто посмеет усомниться в его суждении?



Когда главный редактор «Коломенского текста», благоухая французской туалетной водой, грузно плюхнулся на переднее сиденье рядом с водителем, Лидин понял, что он в машине лишний. Оба известных в Коломне донжуана распушили перед Галиной свои павлиньи хвосты, совершенно игнорируя сидящего рядом с ней Игоря. Очевидно, Мыльников Лидина не узнал. Он явно удивился их с Галкой присутствию в машине Петрова, но не задал по этому поводу ни одного вопроса.

Следя за петушиной пикировкой ловеласов, Лидин вдруг понял, насколько они разные. Мыльников был напорист до грубости и даже порой откровенно хамоват, явно не замечая и не понимая этого. Очевидно, любовь для него была не чувством, а физиологической потребностью, удовлетворяемой сексом. В литературных кругах города ходят слухи, что всех женщин Мыльников делит, как и Михаил Лермонтов когда-то, на тех, что дают, и тех, что не дают. Количество первых резко увеличилось, а вторых, соответственно, уменьшилось после того, как Мыльников стал главным редактором коломенского ежегодника.

После череды скандалов последовал неизбежный развод, и Эдгар Иванович из новой холодной панельной многоэтажки переехал в скромную тёплую однокомнатную квартирку в кирпичной низенькой хрущобе, где без всяких помех теперь занимался любимым делом. Здесь он сочинял собственную нетленку и «работал с авторами», лишь изредка появляясь в выделенном администрацией города под редакцию альманаха офисе.

Петров же, бывший офицер, воевавший, как знал Лидин, в нескольких горячих точках, был рыцарски учтив и благороден, благоговел перед женщинами, вне зависимости от их возраста и внешности.

Лидин подивился тому факту, что представитель культуры ведёт себя в беседе с девушкой, как тупой хам-солдафон, а бывший офицер культурен и вежлив, хотя по идее всё должно бы быть наоборот, о чём свидетельствуют многочисленные анекдоты о поручике Ржевском. Размышляя над этим парадоксом, Лидин не заметил, как машина домчалась до места. Просто за окнами вдруг замелькали деревья, между которыми тут и там виднелись палатки. Петров нашёл свободное место на импровизированной стоянке, запер машину, и всей компанией они вступили на тропинку, ведущую в лагерь.



## 6. «Госпожа вьюга»

*В серьёзных делах люди выказывают себя такими, какими им подобает выглядеть; в мелочах — такими, какие они есть.*

**Н. Шамфор**

Лагерь ещё спал. Входы большинства палаток были наглухо застёгнуты. На краю большой вытоптанной поляны Игорь увидел раскрашенную в цвета радуги надувную ракушку небольшой эстрады, закреплённую на высоком деревянном помосте. Посреди поляны стояли три коротких (чуть шире эстрады) ряда узких, выкрашенных в зелёный цвет скамеек. Ряды казались короткими из-за того, что сама поляна по форме напоминала длинную кишку.

— Пошли в столовую, позавтракаем, — предложил Мыльников.

— Да мы — уже, — нерешительно промямлил Лидин.

Но Мыльников решительно направился к большой палатке, рядом с которой толпился полусонный народ.

— Там что, всех кормят? — спросил Игорь Петрова.

— Нет, — ответил тот. — Только участников фестиваля и организаторов. Для гостей чуть дальше есть коммерческие киоски с напитками и закусками.

— Ну что вы там застряли? — обернулся к ним Мыльников.

Переглянувшись, все последовали за ним. А что ещё оставалось делать: торчать посреди пустой поляны?

— Теперь понял, почему мы сюда в такую рань приехали? — подмигнул Лидину Петров. — После развода Мыльников один живёт, завтраки ему готовить некому.

Две сдобных женщины бальзаковского возраста в поварских колпаках и фартуках встретили их приветливо. На столике рядом с кухонной палаткой громоздились стопки одноразовых пластиковых тарелок и стаканов.

— Проходите, садитесь, — радушно улыбались поварихи. — У нас сегодня очень вкусная каша. Геркулесовая!

— Я, пожалуй, пройдуся, — шепнула Игорю Галка. — Поищу знакомых.

Лидин с Петровым взяли по стакану чая и сели за один столик с Мыльниковым, жадно уплетавшим кашу. Очевидно, тот либо не



успел, либо не пожелал позавтракать дома. Скорее, второе — вспомнил Лидин подмигивание Петрова. А стал бы он сам тратить утром время на приготовление тостов и кофе, если б знал, что здесь его угостят бесплатным завтраком? — подумал Игорь. И тут же решительно ответил: да, стал. Потому что, во-первых, со студенческих времён терпеть не мог общепит, а во-вторых, с детства ненавидел геркулесовую кашу. Прихлёбывая невкусный горячий чай, Лидин огляделся. За соседними столиками сидели полуодетые парни и непричёсанные девицы. Одни из них что-то весело обсуждали, другие вяло ковырялись ложками в своих мисках.

У входа в палатку собралась небольшая очередь, ждущая, когда освободятся места за столиками. Почувствовав себя ещё более неудобно из-за того, что не только незаслуженно пьёт бесплатный чай, но и занимает чужое место, Лидин быстро вышел и сунул стаканчик в мусорный мешок.

Его, оказывается, уже ждали.

— Вот, знакомьтесь, — представила Лидину невысокую крашеную блондинку Галка. — Это — Корнеева Татьяна Сергеевна, а это — мой отец, Лидин Игорь Владимирович.

— Мне Галина сказала, что вы хотите написать о нашем фестивале статью, — сразу перешла к делу Корнеева. — Но сейчас у меня совершенно нет времени на интервью. Через полтора часа начинается церемония награждения победителей, а у нас тут возникли непредвиденные проблемы с принтером, на котором мы печатаем грамоты. И ещё кое-какие вопросы надо утрясти с Эдгаром Ивановичем Мыльниковым. Так что у меня сейчас есть всего пара минут, пока он завтракает.

— Тогда, может, после церемонии встретимся и поговорим? — предложил Лидин.

— Конечно! — горячо поддержала его предложение Корнеева. — Я к вам подойду, когда освобожусь. Эдгар Иванович, — бросилась она к вышедшему из столовой Мыльникову. — Как хорошо, что вы приехали пораньше. Нам надо окончательно определиться с дипломантами и лауреатами.

— Так мы же, вроде, вчера ещё всё с судьями обсудили и решили, — недовольно пробухтел Мыльников.

— Возникли некоторые обстоятельства, — тархтела Корнеева. — Пойдёмте, я вам сейчас всё объясню...



— Всё ясно, — хмыкнул вслед уходящей паре Петров. — Кому-то не тому присудили победу.

— Или наоборот, — поддержал его Лидин. — Кому надо — не присудили.

— Может, и так, — кивнул Петров. — Что будем делать? У нас ещё как минимум час есть до начала. Прогуляемся?

— Пошли, — пожал плечами Лидин.

Осматривать, собственно, было совершенно нечего. Поляна перед эстрадой была довольно маленькой, и Лидин никак не мог поверить, что на ней смогли разместиться несколько сотен человек. Он без особого интереса осмотрел пару крошечных беседок, где, по словам Петрова, проходили мастер-классы поэтов и прозаиков. Около одной из них им повстречался высокий небритый парень, лет тридцати.

— Знакомьтесь, — представил его Петров. — Это — Денис Минаев, мой соперник по поэзии.

— Я и в прозе поучаствовал, — улыбнулся парень, пожимая им руки. — Но вряд ли удачно.

Оглушительно грянули гитарные аккорды, и хриплый мужской голос затянул популярную песню Владимира Высоцкого о зарядке.

— Что это? — ужаснулся Лидин.

— Будильник, — пояснил Минаев. — А то все до обеда спать будут. Вчера вечерний концерт почти до трёх ночи был.

— А чего так громко-то? — поморщился Лидин. — Не рок-концерт же...

— Наверно, спец по аппаратуре ещё спит, — предположил Петров. — А вон и Мыльников идёт. Пойдёмте в кафе, пивка возьмём, а то у меня от ихнего чая во рту такой привкус остался, что...

— Идём, — согласно кивнул Минаев. — Посидим, пока народ не набежал. В ногах правды нет.

— Представляете, она заявила мне, что обещала своей студентке-помощнице сделать её лауреатом по прозе! — возмущённо проревел Мыльников, стараясь перекричать рёв выступающего на эстраде барда. — Та, видите ли, очень много сделала и делает по организации фестиваля.

— Да ладно, чего ты так нервничаешь? — успокаивающе ответил Петров. — Вполне нормальное явление. Девочку же надо как-то отблагодарить!



— Нет, я не позволю! — продолжал кипятиться Мыльников. — Так и сказал ей: ищите иные способы благодарности, но причём тут лауреатство по прозе? Помогите своей студентке довести её тексты до нужного уровня, наконец. Но награждать то, что та представила на наш суд сейчас, это — явная профанация. Я как судья не могу на это пойти. Тем более, что собираюсь рассказы и стихи лауреатов и дипломантов фестиваля опубликовать в следующем номере моего альманаха.

— Хорошо, хорошо, — усадил расхोлившегося Мыльникова за столик кафе Петров. — Успокойся, наконец. Хочешь пивка? А вы что будете? — обратился он к остальным.

— Да у нас всё с собой, — смущённо забормотал Лидин. — Галка, доставай бутерброды, огурчики...

— Нет, это всё потом, — решительно прервал его Петров. — У меня в машине тоже бутылочка хорошего вина лежит и небольшой торт. Позже отъедем куда-нибудь, отметим на природе награды, вот тогда ваши запасы и пригодятся. А как вы, Денис?

— Да я только недавно позавтракал, — пожал плечами Минаев.

— Всё ясно, — засмеялся Петров. — Придётся простому коломскому миллионеру поухаживать за вами. Когда ещё такое случится? Будете потом своим детям и внукам рассказывать.

Он решительно шагнул к прилавку и заказал пиво на всех мужчин и бутылочку пепси для Галины. Они молча сидели в тени больших голубых зонтов, распахнутых над столь же голубыми пластиковыми столиками, и потягивали напитки. Разговаривать было практически невозможно: с находящейся рядом эстрады оглушающее ревело попури из популярных эстрадных и авторских песен в исполнении коренастого мужичка восточного типа. Жара усиливалась. У Лидина начала болеть от всего этого голова. И вдруг наступила тишина.

— Похоже, пора занимать места, — предположил Мыльников.

Все встали и потянулись за ним к стоящим на самом солнцепёке зелёным скамьям.

— Может, лучше сядем на травке под деревьями, в тенёчке? — нерешительно предложил Лидин.

— Нет, садимся здесь, в первом ряду, — решительно возразил Мыльников. — Это места для почётных гостей. К тому же, тут вам будет всё отлично видно и слышно.



— Да уж, — покорился Лидин. — Насчёт «видно» — согласен, а вот насчёт «слышно», это что — шутка такая?

Галка громко хихикнула, переглянувшись с улыбнувшимся Денисом Минаевым.

Демонстрируя зрителям увесистый том «Коломенского текста», экземпляром которого будет награждаться каждый лауреат и дипломант фестиваля, первым на эстраду Корнеева пригласила Мыльников. Тот был явно ошеломлён этим, но встал с лавочки и под жидкие аплодисменты пошёл к микрофону. Поднявшись на эстраду, Мыльников с недовольным видом сказал Корнеевой пару слов, та в ответ что-то смущённо ответила и уступила место у микрофона.

— У каждого из нас есть какая-то детская неосуществлённая мечта, — сипло сказал Мыльников. Откашлявшись, он продолжил нормальным голосом. — В детстве я мечтал о гитаре.

— Что же это за мечта? — удивится современный мальчишка. — Другое дело...

Впрочем, я не знаю, о чём мечтают современные дети. Ведь мечты сильно зависят от времени на дворе, возраста человека и окружающей его обстановки. К тому же они бывают разные. Есть мечты глобальные, практически недостижимые. И есть локальные, бытовые. Например, когда мир узнал о подвиге Юрия Гагарина, мечтой миллионов людей по всему миру стал полёт в космос. Но осуществить это смогли лишь единицы, и всех первых космонавтов мы тогда знали по именам. Говорят, что некоторые из тех ребят, кто был вместе с Гагариным в первом отряде космонавтов, так и не увидели Землю из космоса. Случай не представился. А сейчас космонавт — обычная профессия! Все уже и следить-то перестали, кто там полетел на МКС и зачем. Даже космические туристы появились. Время на дворе изменилось, и то, что когда-то было недостижимой мечтой, стало обыденностью.

Лидин переглянулся с Галиной и Денисом.

— Чего это он за пургу несёт? — тихо сказал Игорь. — Каким боком Гагарин относится к его детской мечте о гитаре?

— А Эдгар кратко говорить не умеет, — высунулся из-за Дениса Петров. — Слушайте и учитесь!

— Ну а девушки всегда мечтали о принце на белом коне, — продолжал вещать прописные истины Мыльников. — Правда, сейчас





коня заменил «бентли», владелец которого совсем не обязательно должен быть непременно принцем. У многих ли сбылась эта извечная девичья мечта? В большинстве случаев глобальные мечты мальчишек и девчонок так и остаются несбыточными детскими грёзами.

Но есть мечты вполне реальные, достижимые, бытовые. В советском фильме «Курьер» главный герой, парень лет семнадцати, подходит к своему другу и спрашивает, есть ли у того мечта?

— Да, — ответил друг. — Я мечтаю о тёплом зимнем пальто.

— Как это? — удивился парень.

— Скоро зима, — сказал друг. — А у меня — только лёгкая курточка. Денег на тёплое пальто у родителей нет. Значит, опять мне придётся мёрзнуть всю зиму, болеть.

Парень снял с себя новенькое пальто и отдал другу.

— На, носи. И мечтай о чём-нибудь возвышенном.

И таких вот людей, мечтающих о самых простых вещах, всегда и везде было очень много. Собственно, каждый из нас имел или имеет подобные мечты. И я вот в детстве мечтал о гитаре. В смысле — хотел научиться играть и петь под неё собственные песни.

— Вот чёрт! — выругался Лидин, изнывая от жары. — Он вернулся к началу.

— Я ж говорю: настоящий мастер! — вновь высунулся из-за Дениса Петров и ехидно усмехнулся.

Лидин тоскливо оглянулся на сидящих в тени деревьев зрителей. И чего он, дурак, уселся на самом солнцепёке?

— Откуда взялась такая мечта у провинциального мальчишки из обыкновенной рабочей семьи, спросите вы? — демагогически обратился Мыльников к слушателям.

— Похоже, это надолго, — пробурчал Денис, выключая миниатюрную видеокамеру. — Поберегу память.

— Подмосковная Коломна в шестидесятых годах прошлого века представляла собою конгломерат квазидеревень, — усиленный микрофоном голос Мыльникова заглушал недовольный ропот Лидина, ехидные комментарии Петрова и смешки небольшой компании молодёжи в тени деревьев. — Каждый район — это отдельный мир со своим населением, где почти все друг друга знают. Да, в это время уже начали строить четырёх — и даже пятиэтажки, переселяя в них людей из рабочих бараков и частных домов.



И всё же квартиры в этих «хрущобах» были в большинстве своём коммунальными. Мало какая семья жила в отдельной. И в каждом дворе, конечно, существовала своя мальчишеская банда, бдительно следящая за соблюдением чисто деревенских порядков. Мы тоже смотрели в оба, чтобы ни один чужак не мог безнаказанно пройти по нашим улицам и, уж тем более, поговорить с нашими девочками.

Иногда мы делали набеги на соседний, не застроенный пока панельными или кирпичными многоэтажками «частный сектор», воруя в садах яблоки и груши. А сектор этот был ох как не прост! В Москве существовала знаменитая Марьино роща, в Ленинграде — Лиговка, а у нас в Коломне — Репинка, и наша новенькая многоэтажка стояла на самой границе этого бандитского гнезда. Но кто же из пацанов может проигнорировать вызывающе брошенное: «А слабо...?» И мы лезли в репинские сады за вкуснейшими (после успешно пережитого страха!) яблоками и грушами.

Неожиданно Лидин поймал себя на том, что слушает рассказ Мыльников с нарастающим интересом. Компания под деревьями тоже перестала хихикать и уставилась на эстраду. А Мыльников, казалось, совершенно отрешился от всего. Его взгляд блуждал где-то над кронами деревьев, а, может быть, вообще в прошлом.

— В домах, окружавших наш двор, жили в основном работники коломенских заводов, — продолжил рассказ Эдгар Иванович. — Это был рабочий район. Все жили одинаково бедно. Телевизоры — и те были далеко не у всех. У моей бабушки, жившей на другом конце города, стоял на комоде тяжёлый ящик с малюсеньким экранчиком. Чтобы можно было более-менее нормально что-то увидеть, перед экраном висела огромная стеклянная линза, наполненная водой. Изображение, конечно, было не очень, да и интересных для меня передач почти не было, поэтому телевидению я предпочитал кино.

А кинотеатры нам в то время заменяла кинопередвижка. Когда она приезжала, со всех окрестных домов сходились люди, и прямо на торце нашего четырёхэтажного дома, построенного из белого силикатного кирпича, возникал волшебный экран.

Фильмы были, конечно, чёрно-белые. Только совсем недавно я с большим удивлением увидел по телевизору их в цветном варианте. Просто цветная плёнка в те времена была очень дорогой, и поэтому



гораздо дешевле для государства было снять с цветного оригинала фильма необходимое количество чёрно-белых копий и разослать во все концы Советского Союза. Так что миллионы советских людей с огромным удовольствием смотрели чёрно-белое кино и считали, что другого не бывает.

Кинопередвижка приезжала, обычно, по выходным. Её ждали, и весть о том, что приехало новое кино, мгновенно облетала окрестные дома. Кто-то приходил со своей табуреткой, но в основном зрители стояли весь сеанс. Это было, конечно, неудобно, и вскоре во дворе нашего дома построили деревянную эстраду и поставили несколько рядов длинных скамеек перед ней. Смотреть фильмы стало гораздо удобнее, но сидячих мест всё равно никогда на всех не хватало. И вот на экране этой эстрады я впервые увидел рояль и даже целый оркестр необыкновенных инструментов. До этого я знал только гитару и гармонь. Под гармошку пели и плясали все свадьбы нашего двора.

А примитивная семиструнная гитара была у одного из наших ребят. Именно, семиструнная, о шестиструнных никто тогда даже не слышал. Летом почти каждый вечер мы собирались тесной компанией на скамейках у эстрады и пели под эту гитару песни, которые теперь называют дворовыми, хотя большинство из них были уголовно-тюремными романсами или балладами — влияние близкой Репинки.

Я жутко завидовал владельцу той гитары, который разрешал нам её немного подержать и побренчать по струнам, пока он сам закуривал папиросу, украденную кем-нибудь из нас у отца, или найденный на улице и бережно сохранённый для него сигаретный «бычок». Тогда вот и родилась моя мечта, и я поделился ею с мамой.

Мыльников замолчал, весь отдавшись воспоминаниям.

— Он опять вернулся к началу! — восхищённо сказал Лидин, и высунувшийся из-за Дениса Петров подмигнул ему в ответ, дескать: а я что тебе говорил? Настоящий мастер!

Лидин уже не чувствовал жары, ему не было скучно и тоскливо.

— Ты опять снимаешь? — спросил он Дениса. Тот кивнул, сжимаемая в дрожащей от напряжения руке цифровую камеру. — Авось, хватит памяти и на меня.

У одной из женщин громко пискнул сидящий на её коленях трёхлетний ребёнок:



— Мама, пить хочу!

Мыльников вздрогнул, возвращаясь к действительности, и продолжил рассказ.

— Однако, гитары на прилавках коломенских магазинов появлялись крайне редко и были очень дорогими, а вот полубаян кто-то из знакомых как раз продавал по дешёвке. И мне купили этот красивый, сверкающий хромовой отделкой и лаком тяжеленный для моих пока ещё детских рук инструмент. Я был страшно разочарован, и мама утешала меня тем, что баян пригодится мне в жизни гораздо больше, чем гитара.

— Научишься, потом будешь играть на свадьбах — всё верный приработок, — говорила она. — А гитара — баловство одно.

И пошёл я в музыкальную школу. Думал: «Чёрт с ним, с баяном. Главное — научиться играть. А потом как-нибудь и на гитару переберусь». Но не тут-то было! Вместо разучивания нужных мне песен, в школе заставляли пикивать гаммы и упражнения. Да ещё начались эти совершенно ненужные, как мне казалось, уроки сольфеджио. Недели проходят, а я занимаюсь какой-то, на мой взгляд, ерундой! А на гитаре-то достаточно выучить всего четыре «блатных» аккорда, и пой любую песню.

Но на все мои возмущения мама отвечала, что деньги за баян отданы немалые, и, хочешь-не хочешь, надо их отрабатывать, пусть даже учёба и кажется мне каторгой.

Может быть, со временем я бы и полюбил баян. Для учителя уже была кое-как разучена мелодия песни «Во поле берёза стояла», а для себя я начал подбирать «По тундре, по железной дороге», как вдруг конец моим мучениям положил несчастный случай. В одной из дворовых драк я повредил кисть правой руки. В кости запястья, сразу за указательным пальцем, образовалась трещина.

Мыльников выставил мясистую кисть перед собой и показал, где именно была рана.

— Врач наложил гипс, и на этом мои упражнения с баяном закончились. С тех самых пор указательный палец моей правой руки несколько потерял подвижность, что поставило на мне крест как на музыканте.

Мыльников скорбно потупил голову. Над поляной прошелестел сочувствующий гул голосов. Эдгар Иванович, как опытный актёр выдержал паузу и, улыбнувшись, бодро продолжил своё выступление.



— Однако, всего через несколько лет, став студентом московского института, я всё же научился играть на гитаре и даже что-то там пел в тесной компании себе подобных. В общежитии у многих имелись гитары, правда, уже шестиструнные. Вот уж когда я отвёл душу! Каждый вечер брал в руки гитару и разучивал новые аккорды, переборы, песни.

Теперь уже над поляной зазвучали смех и аплодисменты. Но Мыльников, переглянувшись с Корнеевой, не ушёл с эстрады, а, дождавшись тишины, продолжил свою речь.

— У меня была заветная записная книжка с текстами песен и значками гитарных аккордов над строчками. Металлические струны в то время были жёсткими и часто рвались. Кончики пальцев на руках у меня поначалу болели нестерпимо, игра на гитаре превратилась в пытку. Но это была сладостная пытка, ведь боль сопровождалась удовольствием от чувства, что у меня всё получается, что моя детская мечта осуществляется. Вскоре кожа на кончиках пальцев загрубела. Это были мои первые трудовые мозоли. Позднее будут и кровавые на ладонях: пришлось перекидать не один кубометр бетона на строительстве, да и в шахте уголёк порубить.

В семидесятые, в самый разгар так называемого «брежневского застоя», в нашу жизнь массово ворвались телевизоры и магнитофоны. Причём, нормальные телевизоры, с большим экраном, пусть и чёрно-белым. И это был не импорт, а наши советские телевизоры и магнитофоны, разнообразных размеров и моделей, изготовленные на заводах СССР. Огромные гробы плёночных магнитофонов, дорогих и редких, сменили вполне компактные модели.

А вскоре уже многие ребята гордо фланировали по улицам с лёгкими кассетниками в руках. Вместо стационарных ламповых радиол в домах появились транзисторные проигрыватели и переносные радиоприёмники. Строились кинотеатры, развивалось телевидение, выпускались сотни новых пластинок и книг, регулярно выходили десятки журналов.

Жизнь людей менялась просто стремительно. Так что, мне всегда было странно слышать презрительные реплики о каком-то «застое». На моих глазах во времена Брежнева у нас в стране свершилась просто небывалая техническая революция в бытовой технике, повлёкшая за собой и культурную! Причём, повторяюсь, это была наша, советская техника, а не импорт, как сейчас. Какой же это застой?



И я отлично понимаю ностальгическую тоску моих ровесников по тем временам. Потому что для миллионов советских граждан духовное развитие было важнее материального. Интересная книга, занимательный фильм или новая запись концерта авторской песни разыскивались с большим усердием, чем кусок мяса или колбасы. Журналы издавались миллионными тиражами и зачитывались до дыр. Авторская песня зазвучала по всей стране, начались регулярные слёты исполнителей и любителей. Сколько новых песен мы тогда услышали, сколько знаменитых нынче имён узнали: Окуджава, Высоцкий, Визбор, Галич, Никитин.

Лидин поморщился. Упомянуть на фестивале авторской песни имена классиков жанра просто смешно. Их и так все знают!

— Но сейчас мне хочется вспомнить Михаила Анчарова, сразу и бесповоротно ставшего одним из моих кумиров, как только я услышал его песни, — неожиданно произнёс Мыльников. — К сожалению, сейчас мало кто знает имя первого советского барда.

Лидину показалось, что он ослышался.

— Это был замечательный человек, обладавший многими талантами, — продолжал Мыльников. — Художник, поэт, прозаик, сценарист. Свою первую песню на стихи Александра Грина Михаил Анчаров написал в далёком тридцать седьмом году, когда ему было всего четырнадцать лет. Когда началась война с немцами, он добровольцем ушёл на фронт, служил в полковой разведке и в знаменитом СМЕРШе.

Там, на войне, Михаил Анчаров начал писать песни на собственные стихи. После окончания войны, он вернулся в Москву и часто пел свои песни под семиструнную гитару в кругу друзей и знакомых. Булат Окуджава, между прочим, начал писать песни и исполнять их на пятнадцать лет позже Михаила Анчарова. Владимир Высоцкий прямо называл Анчарова своим учителем. Собственно, все наши тогдашние барды учились у Анчарова, подражали ему, но только Высоцкий откровенно признался в этом. В начале семидесятых в студенческой общаге я просто балдел от песен Анчарова, Высоцкого, Галича, Кима. Я знал многие из них наизусть, подбирал на гитаре, пел в компании друзей. Это были совершенно иные песни, не те, что мы с пацанами когда-то пели во дворе.

Над поляной пронёсся гул возбуждённых голосов. Дождавшись тишины, Мыльников продолжил свой рассказ.



— По телевидению шли телеспектакли и фильмы, созданные по сценариям Михаила Анчарова. И в этих фильмах звучали песни на его стихи. Анчаров, кроме всего прочего, создал первый советский телесериал. Он назывался «День за днём», и в нём показывали будни нескольких семей, живущих в одном доме, в коммунальной квартире, их радости и проблемы. День за днём. Потом был сериал «В одном микрорайоне». И смотрелось это всё с неослабевающим интересом!

В одном из фильмов прозвучала песня на стихи Михаила Анчарова «Стою на полустаночке», и её тут же запела вся страна. А я пел другие:

*«Мы ломали бетон  
И кричали стихи,  
И скрывали  
Боль от ушибов.  
Мы прощали со стоном  
Чужие грехи,  
А себе не прощали  
Ошибок...»*

— Чёрт! — прошипел сквозь зубы Лидин. И пояснил удивлённо посмотревшей на него Галина: — Я не знал, что это песня.

— Всего каких-то десять — пятнадцать лет отделило Михаила Анчарова от магнитофонной эры, давшей широкую известность и популярность его ученикам и последователям, — грустно сказал Мыльников. — Когда появились магнитофоны, Анчаров уже заканчивал писать песни, перейдя на прозу, поэтому записей авторского исполнения осталось очень мало.

Но всё же фирма «Мелодия» нашла старые магнитофонные плёнки любительских записей, отобрала наиболее хорошо сохранившиеся фонограммы песен Михаила Анчарова и выпустила единственную авторскую грампластинку. У меня этот диск есть, и где-то лежат старые плёнки, которые уже, к сожалению, не на чем слушать.

Вот так вот распорядилась судьба: появление магнитофонов сделало знаменитыми на всю страну учеников Анчарова, а имя родоначальника авторской песни осталось широкой публике практически неизвестным. Как много зависит в нашей жизни от таких вот случайностей, предугадать которые невозможно.



Зато... Ох уж это «зато»! Всегда, ведь, хочется сказать: пусть то не сбылось, зато вот это случилось! Да, имя Анчарова-барда не столь широко известно. Зато он написал несколько замечательных книг, популярности которых могут позавидовать авторы многих нынешних бестселлеров и дамских романов. Остались прекрасные фильмы и телесериалы. Да и его песни продолжают жить, по крайней мере, в памяти тех, кто их хоть раз услышал. А слава... Мне б хоть частичку тех талантов и той славы, что были у Михаила Анчарова! Остаётся только мечтать...

— Ох, артист! — восхищённо прокричал сквозь гром разразившихся аплодисментов, перегнувшись к Лидину, Петров.

— Да, — вынужден был признать его правоту Лидин. — Могёт!

Но Мыльников и теперь не покинул эстраду, а дождавшись прекращения оваций, непринуждённо сказал:

— Кстати, о мечте: что же в итоге? Более-менее бренчать на гитаре я научился. И даже пару красивых переборов изобразить могу. Однако, петь чужие песни я больше не хочу — лучше, чем у автора, у меня всё равно не получится, — а свои писать так и не научился: не дано мне поэтического песенного таланта, не говоря уж о композиторском. Многих нынешних «бардов», как вы знаете, подобные «мелочи» ничуть не смущают, и они даже имеют немалое количество поклонников, но я предпочитаю ностальгически вспоминать о своей детской мечте, чем мучить слушателей.

Так что мечта моя детская, увы, сбылась не полностью. Но и такой результат всё же лучше, чем вообще ничего. Иногда, когда у меня что-нибудь не получается и настроение ни к чёрту, я ловлю себя на том, что машинально напеваю слова некогда знаменитой песни Михаила Анчарова:

*«День проходит без следа —*

*Кап-кап.*

*Ночь проходит. Не беда —*

*Кап-кап.*

*Между пальцами года*

*Просочились — вот беда.*

*Между пальцами года —*

*Кап-кап».*

За эти просочившиеся между пальцами года в моей жизни было много и других бытовых мечт. Какие-то из них осуществились,





большинство же так и остались грёзами. И это прекрасно! Потому что жизнь без какой-либо мечты — это не жизнь, а бессмысленное существование. Я понял главное: надо бороться за осуществление своей мечты, а не просто грезить, уповая на случай. Ведь случай может как помочь, так и помешать.

Корнеева подошла к Мыльникову и что-то ему шепнула. Тот кивнул и широко улыбнулся зрителям.

— И последнее, что я хочу вам сказать. Редакцией альманаха «Коломенский текст» принято решение о создании специального раздела, посвящённого фестивалю «Госпожа вьюга». В следующем номере нашего ежегодника мы опубликуем тексты лауреатов и дипломантов, имена которых сейчас узнаем.

Мыльников уступил место у микрофона Корнеевой, и та стала горячо благодарить его за интересное выступление. Свист и гром оваций стояли над поляной

— Ну, ты — гигант! — Петров с чувством пожал Мыльникову ему руку. — Целую речь задвинул.

— А, ерунда, — отмахнулся Мыльников, но было видно, что он польщён. — Отец Кирилл запаздывает, вот Корнеева и попросила меня потянуть время.

— Что ещё за отец Кирилл? — удивился Лидин.

— Да вон он, приехал, наконец.

Лидин с удивлением увидел, что на эстраду с букетом цветов в руках бодро поднимается молодой бородатый парень в длинной серой рясе с массивным серебряным крестом на груди. За ним семенила закутанная в платок тощая девица, прижимающая одной рукой к плоской груди стопку книг, а в другой неся явно тяжёлую картонную коробку.

— Извините за опоздание — пробки! — весело улыбаясь, сказал в микрофон поп. — Первым делом разрешите вручить эти цветы Корнеевой Татьяне Сергеевне.

Зрители разразились аплодисментами, а Корнеева, всячески демонстрируя, что всё происходящее для неё неожиданно и приятно, принимала из рук отца Кирилла букет и какие-то грамоты. Конвейер награждения начал, наконец, свою работу. Невзрачная помощница подавала молодому священнику грамоты, крестики и прочие призы, и тот вручал их от имени церкви счастливым победителям фестиваля. В картонной коробке оказался главный приз — чайный



сервиз ручной работы, сделанный монахами какого-то монастыря. Вручив его, отец Кирилл передал эстафету награждений Корнеевой и, покинув эстраду, уселся со своей помощницей на свободную лавочку в первом ряду.

Церемония награждения не вызвала у Лидина никакого интереса. Он не знал всех этих людей, не слышал их песен, никогда не читал их рассказов и стихов.

Пухленькая Корнеева в коротких, до колена, брючках и пёстрой маечке, обтягивающей довольно объёмистую грудь, каким-то сюсюкающим голосом вызывала победителей фестиваля на эстраду. По ступенькам поднимались и спускались маленькие мальчики и девочки, юноши и девушки, зрелые мужчины и женщины, и ко всем к ним Корнеева обращалась тем приторно-сладеньким голосом, которым обычно говорят с маленькими детьми пришедшие в гости к их родителям женщины.

Какой-то одетый в потёртые старые джинсы и невзрачную футболку мужичок, представленный как известный московский прозаик, поэт, бард и телеведущий, вручал награждённым дипломы и грамоты. Блондинистая помощница подавала Корнеевой призы — стопки книг и томики «Коломенского текста».

Лидин пожалел, что приехал сюда. Рутинная неимоверная! Конвейер. Жара. Накатившую тоску немного скрашивали шутки и комментарии московского гуру. Мужик, похоже, был умным, с юмором. В другое время Лидин с удовольствием бы с ним познакомился, и им наверняка было бы о чём поговорить, но сейчас его раздражали солнцепёк и жёсткая неудобная скамья.

Вдруг сидящий рядом Денис сунул ему видеокамеру, на которую снимал происходящее на эстраде. Лидин очнулся от невесёлых раздумий.

— Снимите пожалуйста, — попросил Денис. — Меня вызвали.

Ошарашенный Лидин постарался поймать в ракурс ракушку сцены, на которую уже поднимался по ступенькам взволнованный Денис. Получив диплом и стопку книг из рук натушно улыбавшейся Корнеевой, счастливый лауреат вернулся на своё место.

— Поздравляю! — Лидин вернул Денису видеокамеру. — Не зря мы, оказывается, здесь паримся.

— Это я тебя отстоял, — наклонившись к Минаеву с другой стороны, негромко, чтобы не услышали на эстраде, сказал Мыльников.



— Видишь ту белобрысую девицу, что подаёт Корнеевой призы? Вот её-то она и хотела на твоё место пропихнуть.

— Спасибо, — всё ещё не верил своему счастью Денис. — Неожиданно. Я ж в основном стихи пишу, а лауреатом стал по прозе. У меня и рассказов-то пока всего три написано...

— Заслужил, — похлопал его по руке, сжимающей диплом, Мыльников. — Я ведь не один за тебя голосовал — другие судьи со мной полностью согласились. Видели бы вы рассказы той девицы! А другие претенденты вообще какую-то ерунду фантастическую представили.

Лидин подумал, что лучше бы он сегодня остался дома и попробовал найти в интернете какую-нибудь информацию о купленной вчера старинной книге. И вдруг его осенило! Он решительно встал и пересел на свободное место рядом со священником.

— Простите, отец Кирилл, меня зовут Игорь Лидин, можно задать вам один вопрос?

— Конечно.

Священник немного развернулся лицом к Игорю и приветливо улыбнулся.

— Мне недавно попала в руки старинная книга, — решительно начал Лидин. — Я хотел бы вам её показать, проконсультироваться, так сказать.

— Какая книга? Библия? Псалтырь?

— Не могу сказать точно. Она ещё рукописная, а я не знаю древнерусского языка, вот и подумал, что вы можете мне помочь.

Отец Кирилл покачал головой.

— Боюсь, уважаемый Игорь... как вас по батюшке?

— Владимирович.

— Боюсь, Игорь Владимирович, вы обратились не по адресу. Я ничем не смогу вам помочь.

— Почему?

— Дело в том, что древнерусский язык в семинариях и духовных академиях не преподают.

— Как это может быть? — удивился Лидин.

Отец Кирилл вздохнул и пощипал свою жидкую бородёнку.

— Это мирское, нам такое знать не положено.

— А как же вы библию читаете? — недоверчиво поинтересовался Лидин.



— Библия, уважаемый Игорь Владимирович, на церковно-славянском написана. Тут есть некоторая разница. Но сейчас не место и не время мне вам её объяснять.

— Извините, отец Кирилл, — не отступал Лидин. — Я в этих вещах — полный профан. А вдруг моя книга как раз на церковно-славянском написана? Может, вы всё-таки посмотрите? Я мог бы принести её к вам в церковь в любое удобное для вас время.

— И не просите, Игорь Владимирович, — мягко, но решительно ответил священник Лидину. — Даже в руки вашу книгу не возьму. И не обижайтесь. Видите ли, книги бывают разные, в том числе «чёрные», «отречённые», очень опасные, большой соблазн заключён в них. А судя по описанию, ваша книга может оказаться как раз из таких.

— Отречённые? — переспросил Лидин. — Что это значит?

Отец Кирилл вздохнул.

— Игорь Владимирович, я же вам уже сказал: сейчас не время и не место обсуждать подобное вещи.

— Извините, — с досадой проговорил Лидин и вернулся на свою скамейку.

Галка уже заняла его место рядом с Денисом Минаевым и с интересом рассматривала подаренные тому в качестве приза книги. Церемония награждения шла своим чередом. Счастливые дипломанты и лауреаты сменяли друг друга на сцене, зрители громко аплодировали, а Лидин ломал голову над тем, к кому же теперь ему обратиться за консультацией.

Вдруг острый локоток Галины чувствительно вонзился ему между рёбер.

— Ты чего? — повернулся к дочери Лидин.

— А ты чего? — огрызнулась та. — Я тебя уже в третий раз спрашиваю, а ты не отвечаешь. Спишь, что ль, с открытыми глазами?

— Ты меня спрашивала? О чём?

— О том! — повела глазом в сторону соседней лавочки Галка. — Ты зачем к попу ходил?

— Надо было, — хмуро ответил Игорь. — Отстань, не до тебя.

Галка обиженно отвернулась, а Лидин достал записную книжку и записал: «Отречённые книги».

Наконец, все призы и грамоты были вручены, и Корнеева объявила об окончании церемонии. Петрову, вопреки ожиданиям, не



досталось ничего. Он с укором посмотрел на Мыльникову, но тот в ответ лишь пожал плечами: дескать, за поэзию я не отвечаю.

— Ну что? — сказал Лидин дочери. — Я, пожалуй, домой поеду. Ты остаёшься на заключительный концерт?

— Не-а. Лауреаты и дипломанты будут петь свои песни, читать стихи. Я их уже всех видела и слышала.

— Я тоже не останусь, — неожиданно сказал Минаев. — Три дня дома не был. Жена с дочкой, небось, заждались.

— Тогда прошу в мою машину, — любезно предложил Петров. — Мне тем более здесь больше делать нечего.

Он обернулся он к Мыльникову.

— А ты, Иваныч, как? Останешься на сабантуй?

— И я, пожалуй, с вами, — неожиданно ответил тот. — Устал я от этого трёхдневного орева и мельтешения людей.

И они всей компанией дружно двинулись по тропинке к стоянке машин. И тут к ним подбежала радостно-возбуждённая Корнеева.

— Эдгар Иванович, вы куда? А концерт?

— Спасибо, Татьяна Сергеевна, — смущённо ответил тот. — Жарко очень. Да и дела у меня есть неотложные...

— Жа-аль, — протянула Корнеева и повернулась к остальным. — А вы что ж, тоже уезжаете?

— Вам сейчас не до меня, — улыбнулся ей Лидин. — Я позвоню вам завтра, и мы договоримся о встрече, хорошо?

— Хорошо, — с готовностью согласилась Корнеева. — Только лучше дня через два. Завтра мы тут будем гостей провожать, сцену, аппаратуру паковать и вообще порядок наводить. Ну а вы, господин Петров, почему нас покидаете? Неужели вам не понравилось?

— Всё было замечательно! — восторженно поднял вверх большой палец правой руки Петров. — Только в следующий раз, Татьяна Сергеевна, не жалейте бумаги.

— В каком смысле? — опешила Корнеева.

— Мало грамот вручаете, — пояснил Петров. — Больше дипломантов и лауреатов надо. Больше! И люди к вам потянутся.

— Какой вы всё-таки злой и ядовитый человек! — воскликнула враз потухшая Корнеева. — Как вам только не стыдно такое мне говорить?

В глазах у неё блеснули слёзы, и, отвернувшись, она медленно пошла прочь.



— Татьяна Сергеевна! — Бросился вслед за Корнеевой Мыльников. — Подождите...

Он догнал её и, остановив, стал что-то горячо говорить, но в это время с эстрады оглушительно затянул популярный шлягер какой-то лохматый парень, заглушив и оглушив всё вокруг.

— Чего это она? — спросил вернувшегося Мыльникова Петров. — Шуток, что ль, не понимает?

— Перенервничала с этим фестивалем, — пробурчал тот в ответ. — Да и я тоже. Вытащила меня на сцену без предупреждения, без подготовки! В следующем году пусть ищут в судьи кого-нибудь другого.

— Не скромничай! — засмеялся Петров. — Ты прекрасно выступил. Лучше скажи, как тебе удалось так долго импровизировать?

— Да, меня вы тоже поразили, — сказал Минаев.

— И меня, — признался Лидин.

— Ну, на самом деле мне не пришлось особо напрягаться, — самодовольно усмехнулся Мыльников. — Так и быть, открою вам секрет. Дело в том, что я сейчас пишу новую книгу. Это будет такой сборник мемуаров и эссе. На фестивале два дня подряд вокруг меня мельтешили парни и девчонки с гитарами. Это вызвало у меня определённые воспоминания, и сегодня почти до трёх часов утра я как раз вчерне набросал тот текст, который и пересказал вам с эстрады. По-моему, неплохо получилось.

— Ну ты и хват! — Довольно потёр руки Петров. — Ладно, раз уж лауреат едет с нами, предлагаю, как и планировалось, остановиться где-нибудь на природе и отметить его победу, а также прекрасное выступление Эдгара Ивановича. Вы как, Галочка?

— Я не против, — кокетливо повела плечиком дочь Лидина.

— Я — тем более, — смущённо улыбнулся Денис. — Вот только...

— У нас всё есть! — понял его с полуслова Петров. — Бутылка отличного вина и торт ждут в машине, а у Наташеньки, как мы знаем, есть ещё и домашние закуски. Разовые стаканчики и салфетки я заранее прихватил в буфете. Поехали?





## 7. Пикник на берегу

*Критик обязан знать всё, а о прочем — догадываться.*

**М. Пруст**

Они остановились на берегу Москва-реки.

Лидин расстелил в тени ивы на пыльной, пожухлой от жары траве плащ, взятый на случай обещанного синоптиками дождя. Галина достала из сумки пластиковые контейнеры с варёными яйцами, свежими пупырчатыми огурчиками, маленькими, как сливы, оранжевыми помидорчиками, пластинками сыра, развернула свёрток с бутербродами.

Денис аккуратно порезал на куски перочинным ножом шоколадно-вафельный торт. Петров картинно откупорил бутылку красного вина и разлил его по стаканчикам.

— Сейчас «ядовитый» поэт вас напоит. Вы — счастливые люди, можете выпить бокал вина, а я только так, понюхать, ощутить аромат и позавидовать.

— Ну, может, чисто символически? — предложил Мыльников.

— Я за рулём, — решительно отказался Петров. — Да и праздновать мне сегодня нечего.

— У нас есть домашний компот, — достала из сумки пластиковую бутылку Галина.

— Вот! — обрадовался Петров. — Это то, что нужно. Из сухофруктов?

— Нет, смородина: чёрная, красная и белая, — ответил Лидин. — Жена всегда замораживает несколько целлофановых пакетов свежих ягод. Когда надо, достаём из морозилки и варим компот. Это, по-моему, лучше, чем в магазине неизвестно что покупать.

— Здорово! — Петров с удовольствием налил в стаканчик бордовую жидкость. — Надо будет взять на вооружение. Давайте выпьем за наше творчество, творчество всех людей и даже за мэтра — Эдгара Ивановича Мыльникова. Благодаря ему, мы все сегодня здесь встретились, он на этот фестиваль нас подтянул, пригласил, судил.

Все молча выпили. Садиться никто не стал. Мыльников, Петров и Лидин были в белых брюках и не хотели пачкать их о траву. Галина не боялась за свои шорты, сделанные путём обрезания старых



джинсов, а Денис за три дня успел посидеть не только на траве, его брюкам бояться уже было нечего, но компания есть компания, так что все закусывали стоя.

— Хотя я и съел кусочек торта, но так на яйца смотрю... — сказал Петров, облизывая шоколадный крем с пальцев. — Галочка с таким аппетитом яичко съела. Так они меня влекут.

— Ну, так надо поддаться искушению, — ответил Лидин, хрустя огурчиком. — Чтобы потом не было мучительно больно за упущенную возможность.

— Люблю я это дело, — очищая пёструю скорлупу, причмокнул Петров. — Перепелиные, крупные...

— Это разве перепелиные? — удивился Мыльников и тоже потянулся за яйцом.

— Крупные, — подтвердил Петров.

— Серьёзно? — всё ещё не верил Мыльников.

— Нет, это мелкие страусиные, — хихикнула Галина, и Минаев с Лидиным рассмеялись вслед за ней.

— Вот и провели мэтра, — присоединился к их веселью Петров.

— Хорошо хоть не крокодилы, — сказал Денис.

— А почему? — спросила Галина. — Я бы попробовала.

— У нас в столовой когда-то давали перепелиные яйца, — улыбнулся, наконец, и Мыльников. — Никто не брал, все отодвигали тарелки.

— А, между прочим, я читал в газете, — сказал Минаев, тоже начав очищать яйцо, — что у перепелиных яиц каких-либо супердиетических и каких-то ещё свойств нет, это то же самое куриное яйцо, только от другой птицы. Вот и всё.

— Да, я тоже это слышал, — подтвердил Лидин.

— Галочка, а что это за яйца? — спросил Петров. — Случайно, не домашние?

— Конечно, домашние, — усмехнулся Лидин. — Не дикие же!

— У меня знакомые держат кур, — пояснил Петров. — У них свой дом в деревне. Так вот они нам периодически десяток-другой яиц подбрасывают.

— Ну и? — повернулась к нему Галина.

— Яркий желток, — показал ей надкусанное яйцо Петров. — Яркий. Видите, у этих яиц такой же розовый желток, как и у тех, домашних, что мне привозят.





— В магазине тоже часто продают яйца домашних кур, — пожал плечами Галина.

— В газетах пишут, что в корм курам добавляют какую-то химию, чтобы был такой яркий цвет, — сказал Мыльников.

— А я слышала, что цвет желтка ни о чём не говорит, — хмыкнула Галина, — что это зависит от окраса кур.

— У меня мама живёт в деревне, — сказал Денис. — Никаких там, само собой, химических подкормок не делает. И вот что я заметил. Летом, если курочка на траве пасётся, у её яиц насыщенный желток. И не по цвету курицы, как вы говорите, Галина. По цвету только скорлупа. У белой курицы — белые яйца, у пёстрой — пёстрые.

— А, не важно! — взмахнул рукой Петров. — Мужчинам нужен только белок.

— Точно, — подтвердил Лидин. — Желток у мужчин повышает холестерин в крови, а у женщин — нет.

То ли вино было крепкое, то ли жара и пережитое волнение сделали своё дело, но все как-то вдруг немного опьянели, даже Петров, пивший только тёплый, слегка забродивший компот.

— Как же тут красиво! — оглядываясь вокруг, воскликнула Галина. — Пожелтевшие от жары поля, зелёный прибрежный кустарник и сверкающая в лучах солнца река. Вот бы выбраться сюда как-нибудь с мольбертом...

— А вы рисуете? — заинтересовался Петров. — Маслом или акварелью?

— Пишу, — улыбнулась Галина. — И маслом, и акварелью, и на компьютере.

— А в какой манере? — не унимался Петров. — Я люблю классическую живопись: картины Шишкина, Васнецова и так далее. А есть супрематизм, кубизм — вот эти картины я не приемлю. Есть импрессионизм, да? Я его люблю. А вот это, когда грудь женщины на голове мужчины, и вместо фигуры что-то типа карикатуры изображено...

Или вот квадрат Малевича, ну какое это произведение? О чём оно говорит?

— Ты знаешь, что я недавно про квадрат Малевича прочитал? — подался к Петрову Мыльников. — Оказывается он не просто чёрный, а там сто оттенков чёрного цвета!



— Это всё равно не искусство! — вспыхнула Галина. — Я вообще не понимаю, почему это выставляют где-то на выставках. Это не искусство, это — философия!

— Философия? — повернулся к ней Мыльников. — Знаете, если у человека жизнь переходит из белого в чёрное и обратно — это нормально. А бывает такая жизнь, которая переходит из чёрного в чёрное, только с небольшим оттенком.

— Ну, вот у меня одна подруга видела эту картину воочию, — не слушала Мыльникова Галина, стараясь высказать до конца свою мысль, пока та не ускользнула. — Говорит, там такая красота, там трещинки, оттенки. — Галина возбуждённо всплеснула руками. — Во-первых, трещинки — это от старости, а оттенки — бог его знает! Может, Малевичу просто чёрной краски не хватило. Всё равно, это — просто квадрат.

— Я как-то с одним художником разговаривал, — буркнул Петров. — Он сказал, что в живописи вообще не должно быть чёрного цвета.

— Да, — согласилась Галина. — Но как бы там ни было, у Малевича не получилось изобразить беспредметное, потому что он использовал помимо цвета и форму.

— Но всё-таки Малевич всех возмутил, — сказал Мыльников. — Все до сих пор говорят о его чёрном квадрате...

— Мне кажется, он просто на этом сыграл, не более того, — ответила Галина. — Хотел привлечь к себе внимание...

— Вы спорите ни о чём, — вмешался Лидин. — Какая, к чёрту, философия? У Малевича есть не только чёрный квадрат. У него есть и синий, и красный, словом, там у него десятки квадратов чуть ли ни всех цветов радуги. Чёрный — просто самый известный. На самом деле их там навалом, этих квадратов.

— Он так видел мир, — сказал Петров. — И нам предлагает точно так же посмотреть и как-то пофилософствовать на тему мира.

— И как же ты считаешь: наш мир — это чёрный квадрат, розовый или синий? — спросил его Мыльников.

— Всё это ерунда! — раздражённо воскликнул Лидин. — Нет там никакой философии. Все они: и Малевич, и прочие кубисты, авангардисты и тому подобное — начинали как традиционные художники. Писали свои картины нормально, как все, и не особо в этом преуспели.



Тогда они решили создать что-то новое, необычное, и начали экспериментировать с формой и содержанием. Из-за того, что они были первыми на этом пути, им и досталась вся слава. То же самое происходило и в литературе.

— Да, — согласился с Игорем Лидиным Денис Минаев. — Чем взял Есенин поэтический мир? Тем, что он каждую веточку, каждый листочек одушевил. Помните: «где-то на поляне клён танцует пьяный»? Мы пишем о клёне, как о дереве, а Есенин даёт ему жизнь одухотворённую. Он воспринимает каждую травинку как живое существо, чуть ли не сравнивает её с человеком. Этим Есенин был первый в поэзии, первый, кто сделал это, потому и запомнился.

— Вообще в начале двадцатого века они все экспериментировали, — сказал Лидин. — Абсолютно все. И Маяковский в том числе. Он тоже начинал писать стихи вполне нормально, традиционно, а потом начал экспериментировать с формой. Многие тогдашние знаменитости — экспериментаторы сгинули. Их имена знают, конечно, специалисты, но вот произведения никто не читает. А вот Маяковский по-прежнему остаётся величайшим поэтом.

— Ну, а здесь, может быть, уже брэнд работает? — с сомнением произнёс Денис.

— Мне кажется, очень сложно перевести Маяковского, — поддерживал его Мыльников. — Ведь почему, когда спрашивают в Европе и в Америке: «Ваш любимый писатель из русских?», все называют Достоевского? Его легко перевести. Пушкина абсолютно никто не знает! Попробуйте адекватно перевести Пушкина. Вообще русскую поэзию трудно переводить.

— Любую поэзию трудно переводить, — отмахнулся Лидин. — В среде переводчиков тоже ходят споры, как нужно переводить: дословно или по смыслу. Первый способ проще, второй требует от переводчика литературных способностей. Иными словами, переводчик сам должен быть, по меньшей мере, хорошим поэтом или прозаиком.

Лидин повернулся к Минаеву.

— По поводу брэнда. Да, это тоже играет роль. Но основной причиной успеха Маяковского за рубежом я считаю мастерство поэта. Маяковский же сам образно говорил, что он обрабатывал тонну словесной руды, чтобы написать одну строфу. Он тщательно работал над каждым словом, над каждой строчкой. Поэтому и



переводить его проще, гораздо проще. Всё в стихах Маяковского отточено, до каждой буквы, до каждой интонации. Поэтому во всём мире его понимают.

И даже, несмотря на то, что Маяковский ненавидел Америку и прочее зарубежье, на то, что он был глашатаем революции и врагом капитализма, всё равно и в Америке, и в других странах мира его уважают как поэта. До сих пор. Потому что он был первый, кто этот эксперимент в поэзии провёл и довёл результат до совершенства. После Маяковского были только бледные подражатели, среди которых встречались и талантливые поэты.

— Сегодня, когда эта толстущечка, дипломант фестиваля, читала свой стих, — сказал вдруг Петров, — мне показалось, что это больше как бы прозаические строки. Может быть, это как бы модель поэзии в прозе, да?

— Может, это был верлибр? — спросил Лидин.

— Эта толстущечка и в прозе участвовала, — с досадой про бурчал Мыльников. — Когда она читала нам, членам жюри, свой рассказ про кошечку, я поразился: передо мной сидит студентка четвёртого курса литературного института, не просто филологического отделения какого-нибудь педа, а литинститута, и пишет такую фигню! И что особенно поразило — пишет-то безграмотно!

— Она дипломантом стала? — удивился Минаев.

— Она стала дипломантом по поэзии, — уточнил Мыльников.

— Надо мне посмотреть, что это за верлибр такой, — с укоризной посмотрел на него Петров.

— Вообще на этом фестивале я заметила, что многие авторы просто тупо подражают знаменитым поэтам, а исполнители старательно копируют известных бардов, — сказала Галина.

— Ну, видимо, здесь было много начинающих, — смущённо улыбнулся ей Денис. — Таких, как я, например. Нам надо на кого-то ориентироваться. До нас столько написано и сделано, что просто глупо, да и невозможно, начинать своё творчество с нуля. Я где-то читал, что каждый поэт начинает с подражания кому-то.

— Это надо ещё уметь — подражать! — воскликнул Мыльников.

— Приходится начинать с подражания, — задумчиво ответил ему Денис. — Потому что чужое уже сидит в нас, уже где-то отложилось внутри. Тебе приходится основываться на нём. А вот когда ты найдёшь что-то своё, тогда уже — да.



— Этот путь очень долг, — сказал Мыльников. — И некоторые вообще не могут с него сойти.

— Да, — согласился Лидин. — Некоторые так и остаются подражателями. Это — ремесленники от искусства, а не творцы, что о них говорить? Гораздо интереснее другой случай: человек написал всего одну вещь и стал знаменитым. И больше после этого ничего похожего по значению не сделал. Например, «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла, «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Властелин колец» Толкиена...

— Да, и в музыке так бывает, — воскликнул Денис. — Например, группу «Европа» мы знаем всего по одной песне. А ведь они и ещё что-то написали. Или в живописи можно взять всё тот же «Чёрный квадрат» Малевича...

— Такое во всех областях случается, — кивнул ему Лидин. — Мы знаем кого-то всего по одной знаменитой вещи. Да, честно говоря, и зачем нам больше? Кстати, есть и ещё одна важная тема: угодить народу и угодить ценителям. Это — разные вещи.

— Да, очень, — горячо поддержал его Минаев. — Зачастую, очень разные!

— Многие наши авторы катят бочку на пиратов, — возбуждённо продолжал Лидин. — Они, дескать, не могут заработать на своём творчестве, потому что пираты выкладывают их вещи в интернет. Но ты, извини, ради чего пишешь? Чтобы что-то важное сказать людям или тупо заработать денег? Если первое — пираты помогают донести твои мысли до более широкой аудитории понимающих и способных оценить читателей. Заработать на подобных, часто элитарных, вещах невозможно, так как вдумчивых читателей всегда значительно меньше, чем обычных потребителей развлекательного чтива.

Так что, на пиратов могут жаловаться только авторы массовой литературы. Имя им — Легион, и жалеть их совершенно не хочется. Одним больше, одним меньше, для настоящего искусства их количество не имеет никакого значения.

— Народ тоже не ест всё подряд, — возразила отцу Галина. — Подстраиваться под него не надо. Я считаю, что нужно просто делать для себя, вот и всё.

— Не для себя, — возразил ей Денис Минаев. — Делай то, что тебе самому нравится. Это — две разные вещи.



— Да, — согласилась Галина. — Я просто не так выразилась.  
— Востребованности не будет, если ты только для себя делаешь,  
— возразил Мыльников.

— Для себя, но хорошо! — уточнил Петров.

— Подожди, дай сказать, а то я забуду эту мысль, — прервал его Мыльников. — Вот Игорь тут сказал: для народа и для избранных. Когда Лев Толстой впервые написал «Войну и мир», у него не было сносок переводов с французского. А там, ведь, целые страницы на нём! Толстой писал свой роман для избранных, для интеллигенции. А уж потом, когда уже и народ стал читать книги, имея четыре класса приходского училища, издатели сделали сноски.

— Это не издатели, а сам Лев Толстой перевёл, — поправил Мыльникова Лидин.

— Пусть так, — кивнул тот. — Я просто хочу сказать, что в угоду народу авторы стали упрощать свой материал. Чтобы продать побольше книг и заработать. А бывает, угождают начальству. Один латвийский писатель, как же его, он был ещё их первым министром культуры...

— Я только Лациса знаю, — с ухмылкой брякнул наугад Лидин.

— Да, Вилис Лацис, — радостно воскликнул Мыльников. — Он переписал все свои произведения в угоду советской власти. Его в Латвии за это не любили тогда, а сейчас и подавно.

— Я этого не знал, — удивился Петров. — Переработал все произведения? И те, что написал до советской власти?

— Да, — кивнул Мыльников.

— Это, в общем-то, ни о чём не говорит, — сказал вдруг Лидин. — Знаменитый и уважаемый во всём мире советский писатель Александр Казанцев свой первый роман «Пылающий остров» тоже переписывал несколько раз. Роман издавался много раз в разных редакциях, и всё равно оставался шедевром научной фантастики. Это зависит от автора: как он сделает. Не важно, в угоду власти или нет. Всё зависит от мастерства художника. Не знаю, как Лациса, а Казанцева читают до сих пор.

И Толстой перевёл свои французские страницы вовсе не для того, чтобы продать побольше книг, а чтобы расширить читательскую аудиторию. Его роман «Война и мир» не стал проще для понимания, он просто стал доступнее тем, кто не знает французского языка.



Но, конечно, Эдгар Иванович прав: есть литература элитарная, и есть массовая.

— Да, сложные темы мы сегодня тут затронули, — задумчиво протянул Петров.

— Пойду-ка я искупаюсь, пока речка рядом, — вытирая руки салфетками, сказала Галина. — Никто больше не желает?

— Мы лучше по второй выпьем, — сказал Петров, поднимая бутылку.

— Ты поосторожней там, — предупредил дочь Лидин. — Не на пляже.

— Ну что, выпьем за лауреата! — предложил Петров, разлив остатки вина по стаканчикам. — А ведь у меня есть приятный сюрприз для Эдгара Ивановича, — вдруг повернулся он к Мыльникову, проглотив свою порцию компота. — Вот ты мои стихи в своём альманахе не стал печатать, на фестивале меня тоже прокатили мимо кассы. А через месяц-два именно эти стихи напечатают два известных толстых журнала.

— Напечатают? — удивился Мыльников. — Где?

— А вот когда выйдут, я тебе принесу, покажу. Порадую, ты же — мой мэтр, наставник.

— В российских журналах? — недоверчиво уточнил Мыльников. — Дали согласие?

— В московских, — самодовольно кивнул Петров. — Так что я для себя решил: больше ни в каких конкурсах и фестивалях не участвую. Но я, Денис, буду искренне радоваться вашим новым произведениям, вашим новым победам.

— Это ты напрасно, — возразил ему Лидин. — В конкурсах главное не победа!

— А что же, олимпийский принцип, что ли, — пренебрежительно усмехнулся Петров. — Главное не победа, а участие! Демагогия, утешение для проигравших. Нет, все эти конкурсы — только потеря времени и нервов. Работать надо! Писать, писать и писать, а не терять время на всякую чепуху.

— Да нет, олимпийский лозунг тут совершенно не причём, — ответил Лидин. — Я, например, участвую в интернет-конкурсах ради увеличения количества своих читателей и получения хоть какой-то критики и отзывов на мои тексты. А где их ещё взять? Да, конструктивная критика и внятные отзывы бывают редко, в основном



соперники стараются смешать тебя с дерьмом, но всё же это лучше, чем ничего. Вариться в собственном соку гораздо хуже.

— Это точно! — неожиданно поддержал Лидина Минаев. — Вот если б не этот фестиваль, я б и дальше считал свои опыты с прозой всего лишь неудачными попытками, а поэзию — единственно правильным направлением. А тут вот видите, как всё вышло.

— А вы что, тоже пишете? — спросил Мыльников Лидина. — Стихи или прозу?

— Я фантастику пишу, — горько усмехнулся Лидин. — Ваш альманах такое не печатает. Вы мне это ясно объяснили лет десять назад, не помните?

— Правда? — удивился Мыльников. — То-то я смотрю, лицо мне ваше знакомо. Так чего ж вы, батенька, столько лет ерундой занимаетесь? Занялись бы реальной прозой. За десять-то лет многому научиться можно.

— Так это для вас фантастика — ерунда, — огрызнулся Лидин. — А для миллионов людей — любимый жанр.

— Ну так и не жалуйтесь тогда, что вас не печатают в серьёзных журналах, — теряя к Лидину интерес, сказал Мыльников.

— Это ваш альманах, что ли, серьёзное издание? — начал заводить Лидин. — Я вот знаю, что в Коломне есть писатель, с успехом издающийся за рубежом. И пишет он ту самую реалистическую прозу, за которую вы ратуете. Однако в «Коломенском тексте» его вещей нет. Или он — наглядный пример того случая, когда «нет пророка в своём отечестве»? А может, под словом «реальная» вы подразумеваете что-то другое?

— Я знаю, о ком вы, — побагровел Мыльников. — Да, сейчас наметилась такая тенденция: зарубежные журналы берут из интернета плохие произведения российских авторов и публикуют их на своих страницах, чтобы показать своим читателям, что русская литература теперь — это не литература уровня Толстого или Достоевского.

А наш, вот этот российский писатель, радуется. Здесь-то, на родине, у него никаких публикаций нет! Ты должен плакать, что тебя там выбрали, и не соглашаться, если ты — патриот. Но многие этого не понимают, потому что для любого творческого человека это — шанс, и он хватается за любую публикацию. Тем более, тебе предлагают!





— Знаете, Эдгар Иванович, — тихо сказал Лидин, — вы сейчас, извините, какую-то чушь сморозили. Не ожидал я от вас такое услышать, особенно после того, как ещё совсем недавно с огромным интересом слушал ваши воспоминания. Мне действительно было интересно вас слушать, хоть и жил я в другом районе Коломны и кино смотрел в новеньком кинотеатре, а на Репинку мы без какой-либо опаски бегали купаться в одном из тамошних прудов. А ведь ваше детство и моё разделяет каких-нибудь десять лет! Застойных брежневских лет, за которые Коломна столь разительно изменилась. Там, на эстраде, вы были убедительны, и я даже позавидовал вашему таланту рассказчика. Но вот про зарубежные журналы давайте лучше не будем...

— Да уж, — поддержал его Петров. — Меня ты, Иваныч, тоже поразил. Ладно, тогда, во времена идеологического противостояния СССР и Запада, тамошние издания печатали всякую муру типа Бродского и Солженицына, но сейчас-то им это зачем? Мы уж третий десяток лет идём тем путём, по которому нас направили американцы во времена Ельцина.

— А-а, — отмахнулся Мыльников. — Не будь так наивен! Политика Европы по отношению к России всегда была одна: опорочить и уничтожить. Менялись только поводы нападков. Во времена СССР это была идеология, сейчас они вновь пытаются представить нас дикарями.

— В этом я с вами согласен, Эдгар Иванович, — сказал Лидин. — Но тут есть одна существенная разница. Во времена противостояния с СССР Запад издавал большими тиражами тексты диссидентов, чтобы поддержать этих людей морально и материально, а также досадить нашим руководителям. Это был один из способов идеологической борьбы. Никого на Западе не интересовало качество тех текстов, и правду ли пишут их авторы о реалиях советской жизни. Была пущена в ход даже Нобелевская премия! Тексты диссидентов читали не только эмигранты, их переводили на английский, французский, испанский и прочие европейские языки. Проводились мощные рекламные кампании под видом защиты политических жертв коммунистического режима.

Нынешние же публикации российских авторов в зарубежных русскоязычных изданиях происходят исключительно для наших бывших соотечественников, эмигрантов разных лет, для тех, кто



там интересуется современной русской литературой. Нет никаких шумных рекламных кампаний и прочей политической шумихи.

— Хорошо, не будем спорить, — раздражённо буркнул Мыльников. — Всё равно мы тут с вами к согласию не придём.

На несколько минут разговор прервался. Все дружно набросились на остатки продуктов, молча жевали, стараясь не глядеть друг на друга.

— Знаете, Эдгар Иванович, — вдруг сказал Лидин. — В моей юности уже вовсю были в ходу телевизоры, переносные магнитофоны и транзисторные радиоприёмники.

— Вам повезло, — флегматично пробурчал Мыльников, отрезая себе кусок торта.

— Не особо, — хмуро возразил Лидин. — Потому что всего этого не было в нашей семье. Я рос без отца, и мама вынуждена была работать на двух работах, извините за тавтологию. Она уходила рано утром и возвращалась поздно вечером, когда всех моих друзей уже давно родители загнали по домам, накормили и спать уложили. А я сидел, голодный, в тёмной комнате — электричество надо было экономить, — ждал маму и слушал радио. Это была старая ламповая радиолка, здоровенный ящик на длинных тонких ножках, занимавший целый угол. Когда я её включал, загорался яркий зелёный огонёк, а огромная шкала подсвечивалась слабым жёлтым цветом. Частоту волны каждый раз приходилось немного подстраивать.

Словом, я сидел на полу рядом с радиолой и слушал какой-нибудь спектакль. Не знаю, как сейчас, а в то время по радио звучало много спектаклей. Это были записи из театров, в которых диктор время от времени комментировал происходящее на сцене: вошёл тот, вышла эта и тому подобное. Но гораздо больше передавали радиопостановок по известным книгам и пьесам.

Я никогда не забуду тот пульсирующий зелёный огонёк в темноте, открывший мне целый мир. Эта старенькая ламповая радиолка до сих пор хранится на одной из полок в моём гараже, и когда я в нём бываю, то иногда включаю её, жду, когда нагреются лампы и разгорится зелёный индикатор, зашипит мощный динамик и... выключаю. Потому что не хочу осквернять её той гадостью, что звучит теперь по радио.

— Да вы, батенька, не тем занимаетесь, — облизывая с пальцев крем, сказал Мыльников. — Бросайте бездарно тратить своё время



на фантастику и пишете реальную прозу. Однако, я никак не пойму, к чему вы всё это рассказали?

— Да, я тоже как-то не уловил связи, — поддержал Мыльников Петров. — Я, например, часто слушаю в машине аудиокниги.

— Это была преамбула, — возбуждённо ответил Лидин. — Аудиокниги — это не то.

— Да, — согласился с Лидиным Денис. — Часто их читают такими монотонными или неприятными голосами, что я просто физически не могу слушать.

— Я буду рассказывать так же подробно, как это сегодня делали вы, Эдгар Иванович, — саркастически усмехнулся Лидин. — Для меня это дело новое, а как мы тут недавно дружно решили, все начинающие обычно кому-нибудь подражают. Мне ваша манера понравилась, так что я решил брать пример с вас.

— Я польщён, — улыбнулся Мыльников. — Продолжайте.

— Дело в том, что спектакли по радио передавали не каждый день, — спокойно продолжил свой рассказ Лидин. — И многие вечера мне приходилось слушать обычную советскую эстраду тех времён. Я вырос на ней, а не на дворовых песнях. И ничуть об этом не жалею. Не зря представители нынешней попсы регулярно пытаются петь популярные советские шлягеры.

— Точно! — воскликнул Денис. — «Старые песни о главном».

— Да, — кивнул ему Лидин. — Магнитофона у меня не было, но у многих моих друзей он был, и те постоянно крутили записи западных рок-групп и наших доморощенных подражателей. Конечно, слушали и бардов. Я тоже люблю Высоцкого, Визбора, Окуджаву и многих других. Анчарова вот только записей ни у кого не было, врать не буду. Приду домой, поищу его в интернете. Спасибо за наводку!

— Пожалуйста, — пожал плечами Мыльников. — Но я всё равно не вижу связи...

— Связь сейчас будет, — грубо прервал его Лидин. — Вы в своём выступлении подошли к Анчарову издалека. Я беру с вас пример.

— Но сначала давайте выпьем за бардов! — стараясь разрядить накалившуюся вдруг атмосферу, открыл новую бутылку вина Петров. — Вот и Галочка опять к нам присоединилась. Как вода?

— Тёплая, — вытирая мокрые руки салфетками, ответила Галина. — Но грязная!



— У меня есть в машине полотенце, — с неприкрытым интересом разглядывая покрытую каплями воды стройную девичью фигуру в открытом пёстром купальнике, сказал Петров.

— Спасибо, не надо, — отрицательно мазнула тёмными от влаги концами коротких светлых волос по мокрым плечам Галина. — Пусть солнце поработает, да и мне не так жарко будет.

— Ну что ж, — подал ей стаканчик Петров. — Тогда поднимем, как поётся, бокалы и содвинем их разом!

— И где ж ты её взял? — указал на новую бутылку вина Мыльников. — Говорил, что у тебя в машине только одна.

— Джентльменский энзе, — косясь на Галина, ответил Петров и с треском вскрыл обёртку большой плитки шоколада. — Прощу вас, Галочка!

Та, благосклонно улыбнувшись, отломил коричневый квадратик.

— О чём вы тут спорили, пока я купалась?

— Мы? Спорили? — деланно удивился Мыльников. — Просто ваш папа рассказывал нам о своём нелёгком детстве.

— Правда? — повернулась к Лидину Галина. — А мне ты никогда ничего о себе не рассказываешь. Как жаль, что я всё пропустила!

— Не волнуйтесь, — заговорщически шепнул ей Денис, кивнув на свою видеокамеру, якобы небрежно лежащую на капоте машины. — Я пришлю вам на е-мэйл запись, если хотите.

— Конечно, хочу, — так же вполголоса ответила Галина. — Пишите адрес.

Денис вынул из кармана рубашки сотовый.

— Бумажка может затеряться, а телефон всегда со мной, — пояснил он удивлённой Галина.

— О чём это вы тут шепчетесь? — ревниво поинтересовался у них Петров.

— Да вот, показываю Наталье фотки с фестиваля, — не растерялся Денис. — Я и на телефон снимал. — Так за что пьём?

— За наше счастливое детство! — провозгласил Мыльников. — Ибо детство всегда счастливое, что мы начинаем понимать только в старости.

— Это — камень в мой огород? — поинтересовался Лидин.

— Нет, это я так, безадресно, — усмехнулся Мыльников. — Вообще. Но вы продолжайте свой рассказ. Интересно, к чему вы ведёте.

— Ладно, — хмуро промолвил Лидин. — Слушайте.



Так вот, однажды, когда по радио не было спектакля и сидеть в темноте у радиолы не было причины, я зачем-то полез в кладовку и обнаружил там книги. Нет, они всегда лежали там стопками на одной из полок, но ранее я просто не обращал на них внимание. Я вытаскивал их и стал рассматривать. Как сейчас помню, это были романы Эмиля Золя, Льва Толстого, Стендаля, Жюль Верна, Александра Казанцева, Ивана Ефремова, пятитомник Сервантеса, толстенный двухтомник французских новелл, десяти томник Алексея Толстого, несколько книжек о войне, сборники стихов, словом — небольшая домашняя библиотека. Интересный набор, не правда ли?

— Да, — кивнул Мыльников. — И что?

— А то, что они раз и навсегда определили мой литературный вкус. — Вызывающе вздёрнул подбородок Лидин.

Мыльников хмыкнул, но ничего не сказал.

— Начал я, конечно, с фантастики, — продолжил Лидин. — Жюль Верн, Казанцев, Ефремов, Толстой...

— Причём здесь Толстой? — удивился Мыльников.

— Вы никогда не читали «Аэлиту» и «Гиперболоид инженера Гарина»? — ехидно поинтересовался Лидин.

— Ах, это! — отмахнулся Мыльников. — Не эти тексты определяют значение Толстого как русского писателя.

— И кто же это решил? — набычился Лидин.

— Ну, батенька, — снисходительно усмехнулся Мыльников. — Положите на одну чашу весов реальную прозу Толстого, а на другую эти его фантастические шалости, и посмотрите, что перевесит. Результат будет очевиден.

— Вы что, серьёзно? — поразился Лидин. — По-вашему, количество всегда побеждает качество?

— Да, Иваныч, — вмешался Петров. — Ну ты и выдал пёрл!

— Есть такой закон Старджона: девяносто процентов всего — дерьмо! — засмеялся Лидин.

— Вы меня неправильно поняли, — заюлил Мыльников. — Конечно, не всё, что написал Толстой — шедевр, глупо с этим спорить. Я просто хотел сказать, что реальной прозы у него написано гораздо больше, чем фантастики, а это значит, что он отдавал предпочтение именно ей. А фантастика — это так, несерьёзно.

— Несерьёзно? — возмутился Лидин. — Вы всё равно судите по количеству, а это неверный подход.



— Неужели? — начал злиться Мыльников. — Даже если взять только общеизвестные шедевры Толстого: роман «Пётр Первый» и трилогию «Хождение по мукам», то они кроют «Аэлиту» с «Гиперболоидом», как бык овцу.

— Полегче, Иваныч, — укоризненно сказал Петров. — Выбирай выражения, здесь дама.

— Извините, — галантно склонил голову в сторону Галины Мыльников. — Это была просто цитата.

— И всё же нельзя судить по количеству, — упрямо гнул свою линию Лидин. — Многие классики пытались писать фантастику, но далеко не у всех это получалось. Это вовсе не так легко, как вам кажется, Эдгар Иванович. Вы сами-то пробовали?

— Вот ещё! — презрительно фыркнул Мыльников. — Ваше утверждение абсурдно.

— Ну почему же, — неожиданно подал голос Минаев, до этого старавшийся не вмешиваться в спор. — У первого Алексея Толстого, того, которого мы знаем в основном по роману «Князь Серебряный», есть увлекательнейшие рассказы про вампиров. Валерий Брюсов написал несколько фантастических рассказов и повестей. Можно ещё вспомнить Михаила Булгакова...

— Вот только «Мастера и Маргариту» сюда приплетать не надо! — раздражённо прервал Минаева Мыльников.

— Почему? — спокойно спросил Денис. — К тому же у Булгакова есть и другие фантастические вещи...

— Не ставьте Булгакова в один ряд с Толстым, — повысил голос Мыльников. — Это — дутая величина. Я несколько раз пробовал читать его роман, но так и не смог осилить до конца. Вся эта шумиха вокруг «Мастера и Маргариты» вызвана чисто политическими причинами, ведь это скорее сатира, чем фантастика. А Брюсова мы чтим как поэта.

— Я не хочу с вами спорить, Эдгар Иванович, — мягко ответил Денис. — Просто привёл несколько примеров в подтверждение слов Игоря Владимировича о том, что многие классики русской литературы писали фантастику.

— У каждого человека есть свои недостатки, — успокаиваясь, сказал Мыльников. — Эйнштейн, говорят, ходил без носков, а Фарадей обладал скверной памятью. Я допускаю, что кто-то из классиков литературы баловался фантастикой. Ну и что?



— Удивляет то, что вы упорно считаете фантастику баловством и даже недостатком писателя, — с горечью ответил Лидин. — Но гораздо хуже то, что так думаете не только вы, но и большинство чиновников от литературы.

— Не знаю, кого вы называете чиновниками от литературы...

— Руководство Союза писателей и его территориальных отделений, редакторов толстых журналов, созданных ещё в СССР, профессиональных критиков и прочих людей, решающих, что можно напечатать, и что нельзя, кого считать настоящим писателем, а кого графоманом, кого награждать, а кого не замечать в упор, и тому подобное. Словом, тех, кто почему-то взял на себя смелость и право определять, что является настоящей литературой, а что нет.

— Что ж, очевидно, все эти, как вы выразились, чиновники от литературы имеют полное право принимать соответствующие решения, — невозмутимо произнёс Мыльников. — Будь иначе, их мнение ничего бы не значило. Насколько мне известно, все они сами являются известными писателями, разве нет? Так что я могу только гордиться, что моё мнение о фантастике совпадает с мнением лучших представителей нашей литературы.

— Мы можем легко проверить, действительно ли это так, — саркастически усмехнулся Лидин. — Вот вы сегодня вдохновенно хвалили творчество Михаила Анчарова. — Он достал из кармана блокнот. — Во всеуслышание заявили с трибуны, что Анчаров, цитирую: написал несколько замечательных книг, популярности которых могут позавидовать авторы многих нынешних бестселлеров и дамских романов. — Лидин убрал блокнот. — Я не раз с огромным интересом и удовольствием прочитал практически все повести Анчарова, а вы их читали?

— Нет, не приходилось, — нехотя ответил Мыльников. — Просто, когда я искал материал об Анчарове, мне не раз встречались восторженные отзывы известных и уважаемых в литературе людей о его прозе.

— Я так и думал! — с довольным видом произнёс Лидин.

— И почему же?

— Да потому что Анчаров писал самую настоящую фантастику! — торжествующе выкрикнул Лидин. — Его книги никогда не залёживались на прилавках магазинов, их раскупали мгновенно, передавали из рук в руки, разбирали на цитаты. А вот официальная



критика в упор не замечала — фантастика же, а не настоящая литература. А ведь, несмотря на жанр, книги Анчарова вовсе не были развлекательным чтивом. Это была фантастика высшей пробы, она так сплетена с реальностью, что почти невозможно отделить одно от другого.

Анчаров, как и его кумир Александр Грин, был романтиком. Героям его книг хочется подражать. И во всех повестях присутствуют стихи, те самые стихи, которые по вашим словам Анчаров пел под гитару. Вот почему его книги было не достать и их популярности могут позавидовать авторы многих нынешних бестселлеров и дамских романов.

— Что, Иваныч, — засмеялся Петров, — уел тебя Игорёк?

— Ничуть, — хладнокровно ответил Мыльников. — Он только подтвердил мои слова.

— Какие? — удивилась Галина.

— О том, что у каждого человека есть свои причуды, — снисходительно улыбнулся ей Мыльников. — Настоящий поэт и замечательный бард Михаил Анчаров точно так же баловался фантастикой, как и Алексей Толстой, например. Не зря же его книги сравнивают с дамскими романами и так называемыми бестселлерами: всё это развлекательная массовая литература.

— Нет, они непробиваемы! — развёл руками Лидин. — Стена. Не могут понять, что дело не в жанре книги, а в мастерстве автора. Вы, Эдгар Иванович, напоминаете тех, кто когда-то кричал о Пастернаке: «Не читал, но осуждаю!». А что вы скажете о Гоголе, в рассказах которого украинский кузнец летает верхом на чёрте в Петербург, а мертвецы под землёй грызут кости? А знаменитый «Вий»? Тоже шалости гения?

— Не передёргивайте! — вскинув руку, погрозил Лидину ломтиком огурца Мыльников. — Я читал, во всяком случае — пробовал читать фантастику. И на фестивале мне пришлось...

— Всего каких-то двести лет назад литературу никто не разделял на реализм и фантастику, — не унимался Лидин. — Это сделали паразиты, возникшие на теле литературы — критики и литературоведы, — чтобы оправдать собственное существование. Именно они объявили развлекательные жанры низкими, недостойными внимания и постепенно заставили всех поверить в эту чепуху. Даже Артур Конан-Дойл презирал собственные детективные рассказы





о Шерлоке Холмсе, считая главным объектом своего творчества исторические романы.

Кстати, Конан-Дойл написал и несколько интересных фантастических романов, самым известным из которых является «Затерянный мир», не раз экранизированный, как и приключения знаменитого сыщика. А кто читал его исторические романы или, хотя бы о них слышал? А Томас Мор с его «Утопией», породивший целое направление в фантастике? А Герберт Уэллс? Вы и их лишите звания настоящих писателей? Фантастика, Эдгар Иванович, это просто способ поставить героя произведения в необычные для того условия и посмотреть, как он себя поведёт. Вот и вся разница между нею и реализмом.

— Вы нам прям целую лекцию прочли! — хмыкнул Мыльников.

— Собственно, и ваш реализм, по сути, тоже фантастика или фантазия. — Всё не мог успокоиться Лидин. — Вы же не реальных людей описываете, а придумываете события, персонажей, их поступки и мысли. Речь не о мемуарах или документалистике, конечно. Так что, вы, Эдгар Иванович, такой же фантаст, как и я! Просто в ваших повестях и рассказах нет какого-либо фантастического допущения, и ваши герои действуют в рамках нашей реальности.

— Ладно, — сдался Мыльников. — Сейчас слишком жарко, чтобы спорить о таких вещах. Может быть, в чём-то вы и правы. Принесите мне два-три своих рассказа, посмотрим. В конце концов, я не один всё решаю, у нас есть редакция...

— Браво, Игорь! — взмахнул бутылкой Петров. — Протолкнул-таки свои рассказы в альманах. За это надо выпить!

— Ну, я, в общем-то, не с этой целью... — ошарашено начал Лидин.

— Поздравляю! — подал ему наполненный стаканчик Минаев.

— Ну, поздравлять-то пока не с чем, — сказал Мыльников. — Я ничего не гарантирую. Мы почитаем, посмотрим на уровень исполнения, содержание. Могу обещать только непредвзятое отношение к вашим текстам.

— Спасибо, — смущённо поблагодарил Лидин. — На большее я и не рассчитываю.

— И напрасно! — сказал ему Денис. — Как говорится: плох тот солдат, который не стремится стать генералом. Я надеюсь, что вскоре увижу ваши рассказы в альманахе «Коломенский текст».



— Ура! — воскликнула Галина. — Давайте же, наконец, выпьем за это!

## 8. Откровение второе

Сегодня, Фёдор, я расскажу тебе о событиях, сильно повлиявших на мою судьбу. Я уже был опричником и тесно сблизился с царской семьёй и Малютой Скуратовым, когда государь наш решил жениться сам и женить сына своего старшего, царевича Ивана. Впервые тогда я увидел в действии старый византийский обычай смотра невест, перенесённый на землю русскую Великим князем московским Василием сто лет назад. Царь Иван Васильевич издал указ:

«Когда к вам эта грамота придёт, и у которых из вас будут дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр, а дочерей девок у себя ни под каким видом не таили бы. Кто же из вас девку утаит и к наместникам не поведёт, тому от меня быть в великой опале и казни».

Ослушаться царского указа никто не посмел, и во всех дворянских семьях стали отбирать девушек для царских смотрин. Началась смертельная борьба боярских родов за то, чтобы протолкнуть в царские невесты именно свою девку. Ведь царица важна не только тем, что рождает государю детей. Гораздо важнее для окружающих то, что вместе с ней в ближнем круге царя появляются её родичи, которые стараются оттеснить всех прочих и захватить как можно больше важных чинов и постов.

Конечно, страсти закипели нешуточные. Некоторые в этой схватке вообще лишились головы. Например, когда ясельничий Булат Арцыбашев, опричник из ненавистного уже к тому времени всем кавказского клана, попытался сосватать царю Ивану Васильевичу свою сестру, его убили более именитые соперники, а несчастную девушку отдали стрельцам на поругание.

Свезти всех девиц в Москву было невозможно, да и где бы их там держали? Москва ещё отстраивалась после сильного пожара, уничтожившего множество домов. Поэтому первоначальный отбор шёл прямо на местах. Отбирали девок высоких, красивых и здоровых из семей, в которых всегда было много детей, ведь царица должна рожать наследников престола. Словом, привезли в Александрову слободу аж две тысячи девиц и поселили в специальных палатах по



двенадцать девок в комнате. Каждый день кого-то из них царь по какой-либо причине отсеивал и отправлял домой.

Я тогда был ещё очень молод, и меня, естественно, весьма интересовали царские невесты. Конечно, в обычных обстоятельствах увидеть их я бы не смог. Ход на женскую половину царского дворца посторонним мужчинам запрещён, как и сейчас. Но я же был другом и наперсником царевича Ивана, который тоже воспользовался случаем выбрать себе невесту. А потому мы с ним каждую ночь обходили комнаты, в которых спали отвергнутые по разным причинам девушки перед тем, как на следующий день покинуть Александрову слободу и отправиться по домам. Я нёс горящую лампу, а царевич Иван внимательно рассматривал лица спящих девиц.

Столько красавиц сразу, Федя, я с тех пор никогда больше не видел! Если царевичу Ивану нравилась какая-нибудь девушка, её задерживали во дворце и отправляли в специальные покои. Царевич не хотел спешить с выбором, решив ещё раз осмотреть всех понравившихся ему девиц при свете дня, когда его отец, наконец, выберет себе невесту.

С каждым днём количество девушек уменьшалось. Наконец их осталось всего двенадцать, и отбор резко ужесточился. Пригласили личного лекаря царя Елисея Бомелия, приехавшего на службу в Россию из Англии, и повитух. Девушек раздели догола и каждую тщательно осмотрели. Действительно ли она — девственница, нет ли каких тайных физических изъянов или болезни, сможет ли нормально родить ребёнка. Кроме того, Бомелий осмотрел в стакане, понюхал и попробовал на вкус мочу каждой девушки, чтобы убедиться в её здоровье. И потом уже царь Иван Васильевич окончательно остановил свой выбор на Марфе Собакиной и, согласно обычаю, отдал своей наречённой богато вышитый платок и кольцо.

Царевич Иван тоже, наконец, присмотрел себе невесту, и отец одобрил его выбор. В конце июня 1571 года народу было объявлено о помолвке царя Ивана Васильевича с Марфой Собакиной и царевича Ивана с Евдокией Сабуровой-Вислоухой.

Малюта был просто счастлив, ведь будущая царица приходилась ему пусть дальней, но всё же родственницей, и через неё он теперь породнится с царём, и весь род Скуратовых небывало возвысится.

Собакины не были коренными коломенцами. Их переселили в родовую царскую вотчину из Новгорода. Конечно, своих богатств



и новгородских имений Собакины при этом лишились, превратившись в бедных коломенских дворян. И это вряд ли добавило им симпатий к царю. Однако, Собакины не посмели нарушить царский указ и послали свою девятнадцатилетнюю дочь на смотр невест. Неожданная победа Марфы перевернула всю их жизнь. Свахами Марфы стали жена Малюты Скуратова и его дочь Мария.

Первую свою жену, царицу Анастасию из рода Захарьиных, Иван Васильевич очень любил. Они прожили вместе тринадцать лет и родили шестерых детей. Однако первый сын и три дочки умерли в маленьком возрасте, выжили лишь царевичи Иван и Фёдор. Царица Анастасия заболела и умерла, не дожив до тридцати лет. Царь Иван Васильевич не сомневался, что жену отравили. Вторично он женился на Марии Темрюковне из влиятельного клана кабардинских князей. Но и эту царицу тоже отравили!

Ты знаешь, Фёдор, что по нашим христианским законам нельзя жениться более трёх раз, и царь Иван Васильевич не желал вновь овдоветь. Малюта тоже не хотел потерять новую царицу, тем более что та стала самой важной его родственницей. Марфу Васильевну поселили в отдельном покое царского дворца, где она жила под круглосуточным присмотром лично Малюты Скуратова и его жены, и те, конечно, стерегли и берегли царскую невесту, пуще зеницы ока.

Конечно, враги Малюты были в ярости. Точно так же, как и кавказские родственники прежней царицы, чьи власть и влияние на царя отныне заканчивались. Малюта ожидал удара с их стороны, а потому сделал и меня, единственного человека, которому полностью доверял, дружкой царя на свадьбе. Мне надлежало, как и самому Малюте, не столько веселиться, сколько следить за тем, что ест и пьёт царская невеста.

Свадьбу гуляли осенью, 28 октября, в Александровой слободе. Кроме нас с Малютой за молодой царицей присматривало и около десятка её ближайших родственников: отец, дяди, двоюродные братья и их жёны. Кто-то из них тоже дружкой царя был, кто-то с осыпалом, кто-то за санями шёл, кто-то колпак держал, а кто-то в бане присутствовал.

Признаюсь тебе, сынок, мне нелегко пришлось на той свадьбе. А тут ещё и царевич Иван часто отвлекал меня от тайного поручения и даже упрекал, что я не желаю пить с ним и всё время верчусь рядом с новой царицей. Но всё равно было очень весело. Из Великого



Новгорода родственники и друзья Собакиных прислали целую ватагу скomoroxов и подводы с ручными медведями.

Как я уже сказывал, мы с Малютой не спускали с царицы глаз, и её не могли отравить во время пира, но Марфе Васильевне вдруг стало худо прямо за свадебным столом, и она потеряла сознание. Царицу отнесли в покои, однако царь, не пожелал ложиться в одну постель с полумёртвой новобрачной ни в первую ночь, ни в последующие. Бомелий, царский лекарь, не мог найти причину внезапного недуга молодой царицы. Он клялся, что перед венчанием тщательно осмотрел невесту, и та была полностью здорова.

Иван Васильевич не терял надежды, что жена его поправится и через неделю после собственной свадьбы позволил царевичу Ивану обвенчаться с Евдокией Сабуровой. А ещё через неделю, 13 ноября, царица Марфа скончалась.

Царь был очень расстроен. Он приказал Малюте во что бы то ни стало найти отравителей. Но Малюте и не надо было этого приказывать. Он и так уже рыл землю в поисках злодеев, посмеявшихся встать у его рода на пути к власти и возвышению. И меня привлёк к этому дознанию. Так я стал нести службу не только в царской охране, но и в тайном приказе, ведавшим внутренним и внешним сыском. Нет, Фёдор, сам я никогда никого не пытал. На это у Малюты были другие мастера. Хотя, конечно, и мне приходилось иногда присутствовать в пыточных подвалах на дознании. Как и царевичу Ивану, кстати, который делал это вовсе не из врождённой кровожадности, как утверждали тогда некоторые бояре.

Открою тебе тайну, Фёдор. После казни за измену князя Афанасия Вяземского, царевич Иван в тайном приказе возглавлял нашу внешнюю разведку. Его лазутчики были везде: при шведском и польском королях, в припортовых тавернах Англии и городов Ганзы, в замках и крепостях Ливонии, в Крыму и даже при дворе турецкого султана. Иностранцы шпионы заполонили и наши земли. Ведь Россия почти непрерывно вела в то время войны с Крымом, а также со Швецией, Польшей и Литвой. Люди Малюты и царевича Ивана выявляли засланных в нашу страну под видом путешественников и купцов шпионов и передавали их в руки палачей.

И вот теперь люди царевича Ивана, отложив другие дела, стали помогать нам с Малютой в поисках отравителей молодой царицы. Ведь внезапная смерть жены серьёзно отвлекала русского царя от



войны в Ливонии, заставляя искать врагов в своём ближнем окружении. Десятки людей прошли через пыточные подвалы Малюты.

Мы скоро узнали, что Евдокия Сабурова, жена царевича Ивана, считала себя жестоко оскорблённой тем, что стала всего лишь царевной. Она, оказывается, мечтала быть царицей, ненавидела Марфу Собакину и жаждала отомстить за то, что та перешла ей дорогу к престолу. Евдокия открыто говорила об этом всем подряд, в том числе и своему мужу.

Малюта, конечно, с пристрастием допросил всю родню царевны, но доказательств вины кого-либо из Сабуровых в отравлении царицы не нашёл. Однако царь Иван Васильевич не оставил злобные слова и намерения снохи в адрес Марфы Васильевны без воздаяния, и через месяц после свадьбы бывшую царевну Евдокию отправили в монастырь.

Конечно, мы с Малютой вскоре дознались, кто и как отравил царицу, к которой никого, кроме близких родственников не допускали. Отец Марфы, Василий Собакин, получил титул боярина, а его два брата стали окольничими.

Попав в ближний царский круг, бывшие опальные новгородские, а потом коломенские дворяне Собакины быстро сдружились с прежним царским любимцем, родным братом предыдущей супруги Ивана Васильевича Михаилом Темрюковичем.

На одной из пирушек дядя будущей царицы Варлаам Собакин спьяну проговорился, что мать Марфы прислала дочери какое-то снадобье для успешного чадородия и перед самым венчанием братья передадут его новобрачной. Теряющий влияние Темрюкович увидел простой способ устранить соперников и подменил снадобье на смертельную отраву.

Варлаама Собакина царь пощадил, и тот был просто пострижен в монахи. А вот двоюродные братья царицы, передавшие ей яд, были казнены. Михаила Темрюковича посадили на кол. Ещё один бывший царский любимец, Григорий Грязной, знавший о подмене снадобья и не донёсший об этом, тоже умер на колу. Не избежали наказания все, кто присутствовал на предсвадебном пиру у Собакиных, слышал о снадобье, но не рассказал о нём сразу же после отравления царицы.

Меня эта печальная история ещё больше сблизила с Малютой. На той роковой свадебной церемонии я познакомился с Машей,



твоей будущей матерью, и в том же году Малюта отдал её за меня. На сегодня хватит, сынок, устал я...

## 9. Начальник турбазы

*Твоё дело — хорошо исполнить  
возложенную на тебя роль, выбор же  
роли — дело другого.*

### Эпиктет

— Что это? — Ляпина брезгливо бросила на стол листы распечатки и с недоумением посмотрела на Лидина.

— Это заметка про вашего мальчика, — голосом почтальона Печкина из популярного мультфильма ответил Игорь. — Ты прочти. Гонорар можешь оставить себе — не ради него пахал!

— Зачем ты ко мне пришёл? — тихо спросила Ляпина, но в её пока спокойном голосе Лидин отчётливо уловил нотки закипающей ярости.

— Так вот, — указал он на отброшенные Зинаидой скреплённые степлером странички. — Материал в вашу газету принёс. Как договаривались...

— Издеваешься? — Побагровела Ляпина. — Разве мы об этом договаривались? Я дала тебе три конкретные темы...

— Да какая разница? — вскипел Лидин. — Те темы могут подождать, а я тебе принёс горячий материал. Ты посмотри — это же интервью Корнеевой о только что прошедшем в Песках фестивале «Госпожа Вьюга»!

— Горячий, говоришь? — внезапно успокоилась Ляпина. — Скажи, Игорёк, а ты местные газеты читаешь?

— Зачем? — удивился Лидин. — Там одна реклама да телепрограмма. Новости я в интернете узнаю.

— О как! — притворно восхитилась Ляпина. — Нас осчастливил своим визитом великий босс маленькой фирмы, чтобы показать, как надо работать.

Она нажала кнопку на селекторе и сказала:

— Катюша, принеси, пожалуйста, вчерашний номер.

Буквально через пару секунд дверь в кабинет открылась, и молоденькая секретарша, одетая в потёртые, рваные над коленями джинсы и полупрозрачную светло-голубую блузку, процокала



высокими каблуками к столу и положила перед начальницей красочную, как детская книжка, газету.

— Что-нибудь ещё, Зинаида Па-ална? — спросила девица, стреляя умело подкрашенными глазами в сторону застывшего в нехорошем предчувствии Лидина.

— Нет, спасибо, дорогая, — шелестя страницами «Коломенской правды», ответила Ляпина.

Секретарша мгновенно испарилась из кабинета, оставив после себя слабый запах жасмина.

— Вот, глянь на это. — Зинаида подвинула в сторону Лидина раскрытую на нужной странице газету, и тот с ухнувшим в желудок сердцем увидел крупный заголовок: «Госпожа Вьюга» отбушевала!» — Ты что, Игорёк, всерьёз думал, что мы тут только рекламой и телепрограммой живём? Забыл уже, что репортёра ноги кормят?

— Но, Зинуль, тут же просто статья, — убито забормотал Лидин. — А у меня интервью...

— Не строй из себя ещё большего идиота! — ядовито-насмешливо процедила Ляпина. — Что нового могла рассказать тебе Корнеева, о чём уже не написано в нашей статье? Вчерашняя новость, господин бизнесмен, сегодня уже — «осетрина второй свежести», в какой бы форме её ни преподнесли. Тухлятина!

— Может, в другие газеты толкнуться? — убито спросил Лидин.

— Попробуй, — насмешливо посмотрела на него Ляпина. — Только сюда, ко мне, больше не приходи.

— Прости, Зинуль, — взмолился Лидин. — Ну, сморозил глупость, признаю. С кем не бывает? Дай мне ещё один шанс!

— Проваливай, — махнула в сторону двери Ляпина. — Ты и так отнял у меня кучу времени. Я уже дала тебе три темы. Берёшься?

— Я, пожалуй, начну с неизвестного писателя. Эта тема мне ближе. Не подскажешь, как мне его найти?

— Вот так бы сразу! — Удовлетворённо расплылась в победной ухмылке Ляпина. Она открыла толстую записную книжку, что-то переписала из неё на вынутый из ажурной коробочки розовый квадратик бумаги. — Держи, тут и адрес, и телефон.

Лидин бережно взял розовый билетик в мир журналистики и склонился в глубоком поклоне, метя пол воображаемой мушкетёрской шляпой.

— Зинуля, я навеки твой раб!





— Шут ты, а не раб! — Засмеялась Ляпина, зардевшись на этот раз от удовольствия. — Выметайся, наконец. Не мешай работать!

Выйдя из кабинета, Лидин подмигнул скучающей секретарше и достал записную книжку, чтобы вложить в неё заветный розовый квадратик. Мельком взглянув на бумажку, Игорь прочёл написанную каллиграфическим почерком Зинаиды фамилию писателя и обомлел. В Коломне не могло быть двух человек с таким именем.

С Николаем Васильевичем Гоголевым судьба сводила Лидина дважды. Впервые они встретились, когда Игорь после окончания института в поисках работы пришёл на Коломзавод. Отдел кадров тогда изрядно погонял молодого специалиста по разным отделам. Одна из вакансий как раз была в конструкторском бюро, возглавляемом Гоголевым. Бюро оказалось небольшим, человек десять. Все помещались в одной светлой комнате, уставленной столами и кульманами.

Начальник был молод и красив. Выгоревшие до белизны несколько длинноватые для его должности густые русые волосы волнами спадали на широкие плечи, обтянутые чистейшим, выглаженным до крахмального хруста халатом. Голубые глаза льдисто сверкали на загорелом лице. Спортивная фигура излучала несокрушимое здоровье и физическую мощь.

— Через пару недель одна из наших работниц уходит в декретный отпуск, — приветливо улыбаясь Лидину, сказал Гоголев. — Я могу взять вас на её место. Это, конечно, временная работа. Но, как вы видите, коллектив здесь практически женский, так что вполне возможны и другие декреты. Оклады у нас в бюро, прямо скажем, небольшие, перспектив в плане карьеры никаких нет, но зато вы сможете не особо торопясь подыскать себе более привлекательное место в каком-нибудь ином отделе.

Лидин вежливо поблагодарил и пообещал подумать. Однако ждать две недели, пока освободится место, он не стал и попросил в отделе кадров подыскать ему другой вариант. Через пару дней он оформился на работу в бюро по ремонту электрооборудования особо сложных станков и установок.

Летом следующего года судьба вновь свела Лидина с Гоголевым. На заводе случилось ЧП вселенского масштаба — на турбазе «Чайка» пропало электричество. Турбаза располагалась за городом, в лесу, на берегу Оки. Здесь отдыхали работники Коломзавода.



Казалось бы — подумаешь, электричество пропало! Ну что за беда? Дни летом длинные, развлечений полно: грибы, орехи, ягоды, библиотека, пляж с лодочной станцией. Ну не играет радио, и не будет дискотеки. Взрослые люди всегда найдут, чем заняться вечером. Баяниста можно пригласить, в крайнем случае. А на следующий день, глядишь, и электричество появится.

Так, да не так! Случилось ЧП в пятницу межсезонья. То бишь одна смена отдыхающих закончилась, а вторая ещё не началась. И в эти субботу и воскресенье на «Чайку» привыкло съезжаться заводское начальство, чтобы без помех и чужих глаз культурно отдохнуть от трудов праведных, текучки и партийных собраний в компании смазливых секретуток и девушек без комплексов. Приглашались и городские тузы из администрации, а также нужные люди из Москвы. А начальство, как известно, любит комфорт и соответствующую культурно-развлекательную программу. И поэтому Лидина и пару ребят-высоковольтников начальство в срочном порядке отправило на турбазу, чтобы запустить в работу имеющийся там на такой случай дизель-генератор. По крайней мере, именно такое задание им дали.

Когда быстроходный катер высадил троицу бедолаг, не успевших даже сообщить жёнам о срочной командировке, — сотовых телефонов тогда ещё ни у кого не было даже в мечтах — на пристань турбазы, вскрылась вся неприглядная правда.

Дизель-генератор в отдельно стоящем кирпичном сарайчике был, но его никто никогда не проверял и не запускал! Даже щётки на кольцах коллектора были целомудренно обёрнуты в промасленную упаковочную бумагу. И это было бы ещё не так страшно, если бы не пара убитых горем мужичков-механиков, с самого утра приводивших дизель в порядок. Именно они сообщили Лидину, что с дизеля кем-то давно и безвозвратно снят топливоподающий насос!

Своему начальству механики сообщили об этом катастрофическом факте несколько часов назад и ждали, что им привезут новый насос или, в крайнем случае, старый, снятый с другого дизеля. Но Лидина и инженеров-элетриков на турбазу посылал Главный энергетик завода, а не Главный механик, и, соответственно, ни о каком насосе ничего не сказал.

Вот тогда-то Лидин и понял, почему именно его, молодого неопытного специалиста, начальство послало разгребать это дерьмо.



Высоковольтники отвечают только за турбазовскую подстанцию. Их дело отключить внешнюю линию, на которой ремонтники усиленно ищут место короткого замыкания на землю, и подать электричество в местную сеть с дизель-генератора. Механики дизель почистили, топливо залили, а насос — штука, работающая на электричестве, то бишь не их зона ответственности. И крайним остаётся кто? Лидин! Потому что именно он отвечает за работу электрической части дизель-генератора.

Разумеется, Главный энергетик ни секунды не верил, что кто-либо сможет запустить дизель-генератор, а потому надо было срочно найти козла отпущения! Когда правда о халатном отношении к столь важному объекту выйдет наружу и дойдёт до высшего начальства, благо оно как раз и будет лично присутствовать на месте катастрофы, то Главного энергетика могут взгреть не только административно, но и по партийной линии! Поэтому, видимо, тем и было принято «гениальное» решение: снять ответственность за сорванное удовольствие начальства с себя и переложить её на молодого специалиста, наказать которого по закону нельзя! Ну не справился парнишка с агрегатом, не сумел запустить. Но зато у нас тут вот водочка холодненькая, грибочки свежие пожарены, активистки-комсомолочки в купальничках заждались...

Наивный Лидин побежал в домик начальника турбазы, чтобы сообщить Главному энергетнику об обнаружившихся проблемах, где и столкнулся нос к носу с Николаем Гоголевым. Тот валяжно сидел на небольшой террасе в кресле-качалке, одетый лишь в плавки и цветастую рубашку, завязанную узлом на плоском бронзовом животе. Рядом с крыльцом красивая девица в открытом зелёном купальнике что-то стирала в тазу, другая, не менее симпатичная, тоже в купальнике, сидела на периллах, курила и читала вслух Гоголеву какую-то книгу.

— О, кто к нам пришёл! — воскликнул Гоголев, вскидывая в римском приветствии мускулистую руку. — Молодой и очень гордый специалист. Какими судьбами?

— Позвонить надо... — растерянно проблеял Лидин. — Там проблемы с дизель-генератором.

— А, так это ты его, что ли, запускать будешь? — удивился Гоголев. — А сможешь?

— Говорю ж, проблемы! — нетерпеливо буркнул Лидин.



Он был обижен этим неожиданным тыканьем и равнодушными взглядами полуголых красавиц. — Где начальник?

— Я — начальник, — улыбнулся Гоголев. — Не знал? Иди, телефоны там, на столе. Белый — городской, чёрный — заводской.

Лидин протиснулся мимо качалки в дверь. В домике было три комнаты: спальня, кухня и зал. В спальне стояла широкая аккуратно заправленная кровать, в изголовье которой почему-то возвышалась горка из нескольких подушек. Из кухни одуряющее пахло жареной картошкой с грибами, и слышалось шипение масла на раскалённой сковородке. В зале у окна стоял стол, пара стульев с причудливо изогнутыми спинками, у стены напротив чернел потёртой кожей низкий диван. На стенах висели какие-то рисунки и фотографии. Лидин подошёл к столу, снял трубку чёрного телефона и набрал номер.

— Разбирайтесь там сами, по обстановке, — отрезал Главный энергетик. — У вас есть время до утра. Завтра начнётся заезд заводского начальства. Часов в десять придёт катер. Заночуете на турбазе, Гоголев найдёт вам какой-нибудь домик. Всё, больше не беспокойте меня по пустякам.

— Ничего себе — пустяки! — возмутился Лидин, с силой опуская трубку на рычаг, и громко высказал то, что он думает о заводском начальстве вообще и Главном энергетике в частности.

Из кухни выглянула ещё одна красotka в поварском фартуке и шапочке.

— Чего буянишь? — строго спросила она, поигрывая огромным ножом. — Иди матерись в лес, а здесь нечего язык распускать.

— Извините, — смутился Лидин. Он никогда не матерился в присутствии женщин, хотя в мужской компании не считал зазорным «выть с волками по-волчьи». — Достали!

— Есть хочешь? — улыбнулась смазливая повариха.

— Спасибо, некогда.

— Спешка, знаешь, когда нужна? — И она убежала на кухню.

Лидин посмотрел на часы: без четверти шесть вечера. Жена с работы уже ушла, а домой ещё не пришла. С завода в этой дурацкой спешке Игорю позвонить ей не удалось. Не зная, что ему теперь делать, Лидин вышел на террасу.

— Зря отказался, — лениво потягиваясь, сказал Гоголев. — Маша отлично готовит, а дизель вы всё равно не запустите.



— Посмотрим, — хмуро ответил Лидин. — Я зайду попозже жене позвонить?

— Заходи, — благодушно улыбнулся Гоголев. — Домик себе можете сами любой выбрать. Никого ж пока нет, все пустые стоят.

Ещё с час Лидин с высоковольтниками потратили на марш-бросок в пионерский лагерь, находящийся в километре от турбазы «Чайка». Там был такой же кирпичный сарайчик с дизель-генератором, но местный электрик категорически отказался снять и отдать им топливный насос. Пионерлагерь тоже сидел без электричества, так как находился на одной линии с турбазой. И тоже ожидал в понедельник заезд очередной смены детей.

Вернувшись на «Чайку», злой, как чёрт, Лидин собрал всю команду и сказал:

— Они из нас дураков хотят сделать. Не выйдет! Давайте запустим этот поганый дизель-генератор. Можно это сделать без насоса?

— Можно, — пожал плечами пожилой механик. — Только придётся вручную вёдрами топливо таскать и заливать через воронку. Ваша-то машинка заработает?

— Заставим! — решительно рубанул раскалённый воздух рукой Лидин.

И они заставили! Оглушительно загрохотал дизель, мигнули и ярко загорелись контрольные лампы, стрелки вольтметров взметнулись и мелко задрожали, показывая чуть повышенное напряжение по всем трём фазам.

«Ничего, — подумал Лидин, смахивая заливающий глаза пот. — На холостом ходу так и должно быть. Лишь бы нагрузку держал».

— Подключай турбазу! — срывая связки, заорал он высоковольтникам, выглядывавшим из дверей подстанции, и те, кивнув, начали включать автоматические выключатели. Загорелись разноцветные лампочки праздничных гирлянд, развешанных между домиками, заорал колокольчик радио на столбе. Прибежал Гоголев.

— Ну вы, ребята, даёте! — восхищённо прокричал он, оттаскивая Лидина подальше от грохочущего дизеля. — Не ожидал.

Подошёл чумазый механик, вытирая руки ветошью.

— У вас, конечно, радость, — хмуро сказал он. — Но мы не железные, чтобы двое суток таскать вёдра с горючим.

— Телефон в вашем распоряжении, — махнул в сторону своей резиденции Гоголев. — Договаривайтесь со своим начальством.



Главный энергетик Коломзавода долго не мог понять, о чём речь. Только когда Гоголев подтвердил, что дизель-генератор действительно запущен и даёт электроэнергию, он не удержался от восклицания:

— Не может быть! Я не верил, что вам это удастся. Молодцы!

— Можно нам теперь домой? — спросил Лидин.

— Да вы что? Конечно, нет. А вдруг с генератором что-то случится во время визита отдыхающих?

— Что ж нам тут до понедельника торчать? — уныло спросил Лидин.

— А чем вы недовольны? Бесплатно отдохнёте по высшему разряду. Купайтесь, развлекайтесь. Ещё и отгулы за сверхурочные получите. Всё, вопрос решён!

— Слыхали? — положив трубку, сказал Лидин высоковольтникам. Те кивнули. — Купайтесь, говорит! А в чём? Плавок-то нет...

И всё же они пошли к реке. Злые и грязные механики, матерясь, по очереди таскали вёдра с топливом от бочки к дизелю.

— Чего вы корячитесь? — Пожалел их Лидин. — Солнце ещё высоко, турбаза пуста, отдыхающие только завтра приедут. Глушите машину, утром заново запустим.

На пляже никого не было. Раздевшись догола, все бросились в тёплую воду, стараясь смыть с себя грязь, пот и заботы. Лидин впервые в жизни прокатился на водном велосипеде, но сверзился с него, подняв фонтан брызг, когда услышал женский смех. На берегу хихикали девицы Гоголева.

— Вылезайте, герои, — крикнула одна из них. — Ужин стынет.

К счастью, ремонтников, видимо, тоже как следует взгрело и накрутило их начальство, потому что линию починили как раз к окончанию ужина. Повариха у Гоголева действительно умела классно готовить, да и проголодались ребята в тот день неслабо, бегая по лесу в пионерлагерь и обратно, а потом налаживая работу дизель-генератора в тесном и душном помещении.

Никто не захотел оставаться на турбазе и любоваться пьяным начальством, не любящим посторонних свидетелей, а потому, вновь подключив подстанцию к линии и законсервировав дизель-генератор, все пятеро дружно погрузились на катер и отплыли в Коломну.

Позднее Лидин узнал, каким образом Гоголев стал начальником турбазы «Чайка». За десять лет до Лидина Николай Гоголев тоже



молодым специалистом пришёл по распределению на Коломенский тепловозостроительный завод. Его направили в только что созданное бюро, которое должно было заниматься радиокранами, то есть, цеховыми мостовыми кранами, управляемыми по радио.

Кому пришла такая идея, неизвестно, но соответствующее подразделение в одном из конструкторских отделов было создано, начальником назначили старичка пенсионного возраста, от которого никто не знал, как отделаться в отделе Главного сварщика. В подчинение старичку перевели из других бюро столь же бесполезных девушек и женщин, в основном вяжущих на рабочих местах свитера, носки и шапочки. И работа «закипела». Старичок ничего не понимал в радиосхемах и микросхемах, всю жизнь занимаясь трансформаторами и реле. С женщин какой спрос?

Приход молодого специалиста-электронщика в бюро восприняли как подарок судьбы. И Николай Гоголев сначала с энтузиазмом впрягся в работу. Но чем дальше, тем больше, он понимал, что занимается марьяшкиным трудом. Помощи ни от кого не было никакой. Старичок-начальник вообще не понимал ни одной задумки молодого конструктора, не говоря уже о предоставляемых им на одобрение руководства схемах радиоустройств.

Замужних женщин волновали только их мужья и дети, что и где можно достать, как смыться пораньше с работы. Незамужних девушек волновал сам Николай, но не его заботы и проблемы.

В результате вся работа бюро свалилась на одного молодого инженера. Гоголев разрабатывал схемы, самолично паял и собирал модели, но вот продвинуться дальше уже не мог. Где и как испытать собранную модель? Заводские цеха в то время работали в три смены. Кто позволит какому-то пацану из конструкторского бюро остановить кран на неопределённое время, переделать на нём схему управления и испытывать в условиях действующего производства?

Завод — огромный конвейер. Остановка крана в одном из пролётов — это простой всего цеха. Затем встанут уже другие цеха, в которые перестанут поступать детали из первого. А план? А кто оплатит рабочим простой? А если с краном что-то случится, кто будет отвечать? А не пошёл бы этот экспериментатор по известному адресу в пешее эротическое путешествие!

И Гоголев затосковал. Он начал обивать пороги начальников конструкторских отделов и бюро в поисках другой работы. Уйти с



завода, не отработав положенных молодому специалисту трёх лет, Николай не мог. Конечно, такого специалиста в других бюро приняли бы с распростёртыми объятиями, но старичок-начальник, а за ним и отдел кадров были непреклонны: а кто же тогда будет разрабатывать радиокраны?

Гоголев озлобился и заявил в отделе кадров, что отработав три года, он уйдёт с Коломзавода, где его ни во что не ставят, заставляя за нищенскую зарплату протирать штаны и терять квалификацию без каких-либо реальных перспектив. И тогда был найден компромисс. Старичка, наконец, окончательно отправили на пенсию, поставив во главе бюро Николая Гоголева.

— Найди себе замену, и я тут же переведу тебя в любое конструкторское бюро, в которое ты захочешь, — сказал Гоголеву начальник отдела кадров.

Новая должность не намного увеличила оклад Николая, но тут освободилось место начальника заводской турбазы «Чайка». И раз уж Гоголеву всё равно на его основном рабочем месте делать было практически нечего, ему предложили совместительство.

И теперь каждой весной в бюро радиокранов начиналось паломничество девушек и женщин, желающих на всё лето попасть в «гарем» молодого и красивого начальника турбазы. Они были согласны на всё: готовить, стирать и всячески ублажать Николая. Ведь всё лето они могут провести на турбазе не только бесплатно, но ещё и получить за это добавку к сохраняемой на рабочем месте зарплате! Да и перспектива заарканить в мужья столь завидного жениха — тоже не последнее дело.

Однако Гоголев жениться не спешил. Зачем? Межсезонные поездки начальства дали ему важные знакомства и связи. Квартиру он получил, минуя даже льготную очередь молодых специалистов, причём, несмотря на семейное одиночество, двухкомнатную. Зарплата его давно не волновала, так как к окладу регулярно добавлялись немалые премии, хоть его бюро так и не выдало ни одного работоспособного устройства радиоуправления краном.

Кроме того, долгими осенне-зимне-весенними месяцами бюро Гоголева в рабочее время клепало за наличный расчёт переливающиеся по нескольким программам новогодние ёлочные гирлянды для всех желающих, усилители и устройства цветомузыки для местных официальных вокально-инструментальных ансамблей и





неофициальных рок-групп, потом пошли заказы на телефонные автоответчики, затем на кустарные мини-компьютеры «Синклер». Словом, Николай Гоголев перестал переживать по поводу своего положения, инженерной квалификации и карьерного роста. Его вполне всё устраивало.

И вот теперь Лидин неожиданно для себя узнал, что Николай Гоголев ещё и романы пишет!

Выйдя из редакции, Лидин пошёл к остановке автобуса. Рынок Стометровки как всегда бурлил продавцами и покупателями. Игорь увидел впереди знакомую бомжеватую фигуру продавца книг и обрадовано направился к ней. Вдруг опять повезёт, и он за бесценок приобретёт ещё какую-нибудь библиографическую редкость?

Неожиданно кто-то цепко схватил его за руку.

— Стой! — прошипела, приветливо улыбаясь, торговка, и Лидин узнал в ней давешнюю продавщицу китайского фарфора. — Куда прёшь? Не видишь, там тебя уже какой день поджидают.

Это жуткое несоответствие застывшей на лице женщины улыбки и злобного шипения сквозь сжатые зубы повергло Лидина в ступор.

— Да сделай же вид, что рассматриваешь товар! — прошипела торговка, и Игорь стал с деланным интересом разглядывать аляповато раскрашенные чайные сервизы. — Эти ироды тебя зачем-то ищут, а Витёк у них навроде живца.

Лидин искоса бросил взгляд в сторону продавца книг и увидел, что невдалеке от того, опершись задом на невысокую бетонную изгородь подземного перехода, стоят два полица-рэкетира. Высокий сержант с подозрением смотрел прямо на Игоря, а маленький толстяк как раз направился к Витьку, с которым расплачивался за купленную книгу молодой парень. Поворачивать вспять было поздно.

— Спасибо! — помертвевшими губами прошептал торговке Лидин и на негнущихся ногах двинулся дальше вдоль торгового ряда.

— Ну? — услышал он хриплый голос толстяка.

— Не он, — зачастил в ответ Витёк. — Тот постарше был. У этого сумка спортивная, а у того была такая маленькая, коричневая. В неё только кошелек да пачка сигарет влезет.

— Барсетка, что ль?

— А хрен её знает! Может, и она.

— Ну, гляди! — с угрозой прохрипел толстяк и направился к напарнику, бросив на Лидина злобный взгляд.



Игорь старательно выставил вперёд свой чёрный портфель, вроде как чтобы не мешать прохожим, скользнул равнодушным взглядом по разложенным на газете книгам и отвернулся в сторону продавца фруктов. В собачьих глазах с надеждой посмотревшего на него Витька что-то дрогнуло. По спине Лидина ручьём потёк пот. Повертев в руке огромную грушу, Игорь положил её на место и пошёл дальше. Высокий сержант продолжал следить за ним. Кадык Витька судорожно дёрнулся на тощей шее, мужичок перевёл глаза с Лидина на полицаев. Во взгляде его мелькнула такая ненависть, что заметивший её Лидин содрогнулся. Витёк нагнулся и стал бесцельно перекладывать свои книги с места на место.

Дойдя до автобусной остановки, Лидин буквально рухнул на замызанную скамью. Сердце билось где-то в горле. Почему его ищет полиция? Неужели Витёк торгует крадеными раритетами? Но где этот алкаш мог украсть старинный фолиант? Где вообще хранятся подобные книги? Как же Лидину повезло, что сегодня он вместо привычной барсетки взял портфель! А всё потому, что не хотел мять файл с распечаткой интервью Корнеевой. Что же теперь делать? Ясно одно — «светить» загадочный фолиант налево и направо теперь нельзя. Но как же тогда узнать, что за книгу Лидин купил?

Вернувшись домой, Игорь сразу же включил ноутбук и вышел в интернет. На запрос «отречённые книги» поисковик выдал массу ссылок. Покликав по ним, Лидин вскоре узнал, что «ложными» и «отречёнными» книгами называются старославянские рукописные книги, признанные в Московской Руси вредными и еретическими. Все они были включены в специальный индекс запрещённых книг. К разряду ложных книг относились так называемые апокрифы — неканонические сочинения по христианско-библейской тематике, которые разрешались только для домашнего чтения.

К разряду же отречённых книг были отнесены старославянские эзотерические сочинения, в том числе и по астрологии и гадательной магии, которые считались особо вредными и еретическими и подлежали изъятию и уничтожению. Индекс запрещённых книг содержал более шестидесяти наименований апокрифов и свыше двадцати наименований отречённых книг.

Большинство отречённых книг беспощадно уничтожено при царе Алексее Михайловиче, отце Петра Великого: их свозили и сжигали целыми возами.



Во второй половине XIX и начале XX веков, когда влияние Церкви ослабло, тексты некоторых ложных и отречённых книг были опубликованы русскими и западными славистами. Но тиражи этих изданий были столь мизерны, что практически недоступны и неизвестны современному читателю.

— Дела... — обескуражено выдохнул Лидин, выключая ноутбук.  
— Как же узнать, что за книга досталась мне?

Хлопнула входная дверь, и в комнату влетела Галина. Увидев дочь, Лидин сначала обрадовался, а потом встревожился.

— Привет! Ты чего опять не на даче?

— Привет, — с обидой посмотрела на отца Галка. — Такое ощущение, что ты мне не рад. В гости, что ль, кого-то ждёшь? Слушай, папуля, а ты не завёл ли тут без нас какую-нибудь бабёнку?

— Не пори чушь — ей больно! — рассмеялся Лидин, целуя дочь в нахмуренный лоб. — Как раз сейчас мне очень нужна твоя помощь, так что я вдвойне рад тебя видеть. Как там мама?

— У мамы всё в порядке, — всё ещё с подозрением глядя на отца, ответила Галина. — Ты, наверно, забыл, что завтра суббота?

— И что?

— Так у нас на даче мамины подруги собираются, чтобы отметить чей-то день рождения. Она ж тебе говорила!

— Точно, — хлопнул себя по лбу Лидин. — Совсем вылетело из головы. Они каждый год в это время свой девичник устраивают, без мужей и без детей. Отрываются по полной программе. А тебя, значит, выперли?

— Вот ещё! — фыркнула Галка. — Я сама решила уехать. Отосплюсь хоть завтра, а то ведь мама с утра бы подняла салатики готовить, картошку варить и тому подобное. И наверняка они что-нибудь забудут купить и меня тут же припрягут, как в прошлом году: «Галочка, ты у нас самая молодая, сбегай в магазин, купи!» Оно мне надо? А тебе-то я зачем понадобилась?

— Слушай, тут такое дело: мне надо интервью взять у одного мужичка. У твоих подруг нет случайно диктофона? Сама понимаешь, просить, как студент Шурик в комедии: «Помедленней, я записываю», не очень-то комильфо.

— У кого-то, может, и есть, — задумчиво сказала Галина. — Только на каникулы же все разбежались. Да и зачем тебе диктофон? Возьми мой эмпатришный плеер! В нём есть функция записи звука



и встроенный микрофон. Я даже как-то записывала на него ради прикола какую-то лекцию.

— Ну, давай попробуем, — с сомнением протянул Лидин. — А памяти в нём хватит?

— Конечно, хватит! — с энтузиазмом бросилась искать плеер Галина. — Музыку сотрём, и пиши своё интервью хоть несколько часов.

Когда маленький, как спичечный коробок, плеер был найден, заряжен, испытан, и Лидин уверенно научился им пользоваться, он достал из записной книжки розовый квадратик и набрал номер Николая Гоголева. Как это ни удивительно, тот его сразу вспомнил, стоило только Лидину упомянуть турбазу «Чайка» и дизель-генератор.

— А-а, ты — тот парнишка, что тогда испугал голой задницей моих девочек?

— Ну, не такой уж я теперь и парнишка, — вздохнул Лидин. — Как-никак два десятка лет с тех пор прошло. Да и девочек ваших вряд ли голой попой испугать можно было.

— Так чего звонишь-то? Проблемы какие?

— Да, есть одна. — Лидин в нерешительности замялся. — Встретиться бы нам, поговорить...

— Ну, ладно, — помолчав пару секунд, уже деловым тоном ответил Гоголев. — Подгребай ко мне завтра, часам к четырём.

— К четырём вечера? — ступил от неожиданно быстрого согласия Лидин.

— Нет, блин, утра! — рявкнул Гоголев. — Ты там трезвый или как? С утра до обеда я работаю, потом часик отдыхаю, а с трёх до четырёх гуляю. Ну, а после, часов до шести, совершенно свободен. И не вздумай притащить какую-нибудь бутылку! Я теперь пью только чай. Записывай адрес.

Оказалось, что Лидин и Гоголев живут в одном микрорайоне, но в разных его концах. «Минут десять — пятнадцать неторопливой ходьбы, — мысленно прикинул расстояние Игорь. — Но лучше выйти за полчаса до встречи, на всякий случай. Надо будет ещё конфет каких-нибудь к чаю купить — не с пустыми же руками в гости идти».

Лидин был поражён внешним видом Гоголева. Вместо статного красавца он увидел перед собой тощего морщинистого старичка. Даже ростом тот, вроде как, стал меньше. Аккуратный седой ёжик



не мог скрыть наметившуюся «тонзуру», на длинном носу криво сидели старомодные очки с толстыми стёклами. Одет Гоголев был в некогда чёрную, а ныне вылинявшую до серости чистую футболку с полустёртой непонятной надписью на груди и голубые «треники» ещё советского производства с вытянутыми пузырями на коленях.

— Ну что, — принимая из рук растерявшегося Лидина коробку шоколадных конфет, спросил Гоголев. — Сначала чай, потом разговоры? Или сперва разговоры, а потом чай?

— А нельзя и то, и другое? — пришёл в себя Игорь и попытался улыбнуться. — В процессе, так сказать.

— Легко! — в свою очередь продемонстрировал на удивление ровные и белые зубы Гоголев. — Прощу на кухню.

И вскоре они сидели на маленькой кухне стандартной «двушки» брежневских времён и пили ароматный зелёный чай.

— Что, удивляешься, как я дошёл до жизни такой? — усмехнулся Гоголев.

Лидин пожал плечами, не зная, что сказать в ответ.

— Старость — не радость, — вздохнул Гоголев. — Когда рухнул Советский Союз, закончилась и моя красивая жизнь. Помнишь, как народ побежал с завода? Многомесячные задержки зарплат? Дефолт? Завод стал переходить из рук в руки, и каждый новый хозяин всё больше разграблял его фонды, выжимал сиюминутную прибыль. Непомерные налоги заставили Коломзавод отдать городу парк с детскими аттракционами и фонтаном, потом Дворец культуры тепловозостроителей. Продали подсобное хозяйство, пустив свиней под нож, а затем пришла очередь и турбазы «Чайка».

Так я стал никому не нужен. Из начальства, конечно. Потом начались регулярные сокращения штатов, и моё бюро закрыли в первую очередь. Новый Генеральный директор к тому времени везде расставил своих людей, так что и заводские связи у меня исчезли. Новой должности для меня не нашлось. Ты знаешь, что коломенское телевидение возглавляет бывший начальник отдела кадров Коломзавода?

— Конечно, — кивнул Лидин. — Меня не увольняли, я сам ушёл с завода, чтобы организовать свою фирму по ремонту станков. А Куликов не хотел меня отпускать, чинил всяческие препятствия. Помнится, даже до взаимных оскорблений дело дошло. Мы неожиданно примирились, когда он сам ушёл с завода, чтобы возглавить



коломенское телевидение. Как-то при случайной встрече Куликов даже приглашал меня к себе, на работу.

— Вот и меня он пригласил. Я ж по образованию инженер-электроник. Но ему нужны были практики, а не начальники. А какой из меня практик? Я ж привык к свободному графику и отсутствию начальственного окрика. Это вы бежали утром на завод, боясь опоздать на работу, а у меня был свободный пропуск. Приходил, когда хотел, и уходил, когда хотел. Забыл, что такое производственная дисциплина.

Словом, не сработались мы с Куликовым. Пробовал я и другие свои связи подключать — считай, всё городское и партийное начальство на моей турбазе побывало и не раз. Но оказалось, что связи — понятие обоюдное. А когда ты ничем не можешь быть полезен, все связи рвутся. Да и дурная слава впереди меня бежала, уж Куликов постарался.

Последние годы до пенсии я работал простым рабочим в нашей котельной. Слава Богу, она работает на газе, так что ни дрова, ни уголь подбрасывать не пришлось. Сиди себе, следи за приборами. Шумно, правда, и жарко. И здоровье вдруг стало пошаливать. Подробности рассказывать не буду, сам видишь, на кого я теперь стал похож. Доктора меня ещё год назад похоронили, но, как говорится — не дождутся! Однако ни прежних связей, ни денег у меня сейчас нет. Так что, Игорь, вряд ли я теперь чем-либо смогу тебе помочь.

— Можете, — отставил пустую чашку Лидин. — Видите ли, Николай Васильевич...

— Ой, давай только без этой официальщины, и на ты! — вскочил с табурета Гоголев, вновь ставя чайник на огонь. — Перед тобой простой пенсионер, старый, можно сказать, знакомый. На брудершафт мы, конечно, не пили, но и церемонии тут разводить не к чему. Согласен?

— Хорошо, — кивнул Лидин. — Николай, меня, собственно, интересует другая сторона твоей жизни. Я сам практически с детства пишу научно-фантастические рассказы. И вот недавно узнал, что и ты, оказывается, писатель. Это правда?

— Кто тебе это сказал? — нахмурился Гоголев. — Мыльников? Главный редактор «Коломенского текста»?

— Причём здесь Мыльников? — опешил Лидин. — Разве вы знакомы?



— Ещё бы! — Зло ощерился Гоголев. — Когда я был начальником турбазы, он попросил меня помочь ему устроиться в редакцию одного из коломенских еженедельников. Потом я помог ему найти спонсоров для первого номера «Коломенского текста». По дурости лично знакомил Мыльников с ними, так как одновременно со спонсорской помощью в издании альманаха, Эдгар старался заключить и договор на публикацию рекламы в его еженедельнике. Ну, я и таскал его с собой, чтобы не ходить по одним и тем же людям дважды. И стал ему не нужен.

Но в первых трёх альманахах Мыльников всё же напечатал мои рассказы, под псевдонимом, конечно. Сам, наверно, догадываешься, как меня за глаза называют те, кто знает о моём увлечении литературой. Вот ведь наградили родители имечком! Но с другой стороны, оно и обязывает, так сказать, соответствовать. Приходится буквально вылизывать свои тексты. Так кто же тебе рассказал обо мне?

— Не сердись, Николай, — выключив закипевший чайник, ответил Лидин. — Если ты не захочешь, разговора не будет. Просто меня попросили взять у тебя интервью как у писателя. Да мне и самому интересно, что и как ты пишешь!

— Кто? — продолжил настаивать Гоголев.

— «Коломенская правда».

— Ах, эти! — Внезапно успокоился Николай. — Зинка Ляпина, что ль, всё никак не успокоится?

— Ты и её знаешь? — Почему-то неприятно удивился Лидин.

— Ты спроси, кого я не знаю? — Махнул рукой Гоголев. — Ну что? Ещё чаю, или пойдём в мой рабочий кабинет?

— В меня больше не влезет, — признался Лидин.

В маленькой комнате квартиры была, по-видимому, спальня, а кабинетом Гоголев называл часть большой комнаты, отгороженную книжным стеллажом. Здесь у окна стоял старенький двухтумбовый письменный стол и удобное новенькое офисное вращающееся кресло на колёсиках. Из правой тумбы были вынуты все ящики, и на их месте сверкал светодиодами системный блок компьютера. На столе мерцал абстрактной заставкой плоский монитор, некогда белая клавиатура посерела, некоторые буквы наполовину стёрлись. Дверь слева от стола вела на захламлённую лоджию.

— Вот здесь я работаю по утрам, — вздохнул Гоголев. — Как видишь, нам тут будет тесновато, так что давай перейдём в зал.



Они обошли книжный стеллаж и устроились на двух низких потёртых креслах, между которыми втиснулся журнальный столик. У стены напротив оказались тумба с новеньким жидкокристаллическим телевизором и сервант, за стеклом которого виднелись стопки тарелок, несколько сервизов и рюмочных наборов.

— Итак, что же тебя интересует? — спросил Лидина Гоголев, поглаживая вспрыгнувшую ему на колени старую трёхцветную кошку. — Только учти, я пока согласен на беседу, а не на публикацию интервью.

Игорь вытащил плеер, включил его на запись и положил микрофоном вверх на журнальный столик.

— Когда и как всё началось? Что подвигло тебя к написанию прозы?

— Вообще-то я начал со стихов, — откинул голову на спинку кресла Гоголев и прикрыл глаза, словно белый потолок слепил его. — Это было в Угличе. Я там родился и жил до поступления в московский институт. В Коломну-то меня прислали по распределению, но я так здесь и остался.

Словом, было это наверно в классе пятом. Я влюбился в одну девочку с нашего двора. Назовём её, скажем, Света. Она была на год младше меня, а потому мы учились в одной школе, но в разную смену, и виделись только по вечерам и выходным. И вот у нас завязался роман в письмах. В компании ребят и девчонок мы старались не обнаруживать свои чувства, так как не хотели, чтобы нас травил дурацкими насмешками.

Помнится, я тогда учился во вторую смену, а Света — в первую. Когда я приходил в школу, мы незаметно для окружающих в раздевалке обменивались записками. По выходным мы, как шпионы какие-то, пользовались тайниками. У нас было несколько таких точек на разные случаи жизни.

Это случилось зимой. В порыве чувств я написал такой стишок:

*«Ты очень красива при свете луны,*

*Смотреть на тебя бы всегда!*

*Люблю я тебя, очень люблю*

*И хочу, чтобы ты была моя!»*

Я тщательно переписал его на вырванный из тетради листок, как обычно, сложил записку солдатским треугольником и в школе передал своей любимой.





Ты не представляешь, Игорь, как для меня бесконечно тянулся тот день! У Светы были строгие родители. Они заставляли её делать уроки сразу по возвращении из школы, чтобы успеть их проверить вечером, потому что утром им, как и всем, надо было спешить на работу. А потому гулять во двор она выходила часов в семь вечера, а в девять её уже загоняли домой спать.

Но я не выдержал, и пошёл к её дому уже в шесть часов, сразу же, как пришёл из школы. Болтаться там на виду у ребят было чревато ненужными вопросами и подозрениями, а потому я незаметно юркнул в подъезд и решил подняться на второй этаж, чтобы там дожидаться выхода любимой и узнать её мнение о моём стишке. Я был в валенках, шёл практически бесшумно, и целующаяся у батареи парочка заметила меня только в последний момент.

Это была она! А парень оказался дебилом-второгодником, которого учителя с огромным трудом дотянули до восьмого класса и с нетерпением ждали того момента, когда окончательно избавятся от него, так как ни в какой девятый класс тот, разумеется, переходить не собирался.

— Подсматриваешь? — ощерился мой неожиданный соперник и без дальнейших разговоров засветил мне в глаз.

Не помню, как я оказался на улице, сунутый горящим от унижения и боли лицом в сутроб. Но сквозь шум в ушах всё же услышал полный злобы голос:

— Если хоть слово кому скажешь, голову оторву!

Света потом не раз пыталась со мной встретиться, объясниться, даже подсылала свою подругу с записками, так как к тайникам я больше не подходил. Но я не смог её простить. И стихов с тех пор не пишу.

— Да уж, — Лидин постарался сохранить невозмутимый вид, потому что вместо сочувствия оскорблённому в своей первой любви юному Коле Гоголеву ему ужасно хотелось смеяться. — И что же было потом?

— Об этом мы поговорим в следующий раз, — посмотрел на часы Гоголев. — Уже почти шесть, сейчас придёт моя жена, и у нас есть планы на этот вечер.

— Ты женат? — удивился Лидин. — Давно?

— Года два, — невозмутимо ответил Гоголев. — Как вышел на пенсию, так и окрутила меня моя Маша. Помнишь её? Поварихой



у меня на турбазе была. Когда поняла, что жениться на ней я не собираюсь, назло мне выскочила замуж, можно сказать, за первого встречного. Через год родила мужу сына, а ещё через год опять попросилась ко мне на турбазу поварихой, и у нас всё закрутилось вновь.

Три года назад муж её погиб в автомобильной катастрофе. Вскоре после этого сын женился и привёл в дом сноху. Чтобы не мешать молодым, Маша окончательно переехала ко мне. И я, наконец, сдался — мы расписались. Для Маши этот штамп в паспорте очень важен, и это сейчас единственное, чем я могу её порадовать и хоть как-то вознаградить за многолетнюю любовь и заботу обо мне. Ладно, всё — выключай свой аппарат и проваливай.

— Когда мы продолжим?

— Звони завтра, часа в два. Если ничего не изменится, то к четырём приходи.

## 10. Коломенский Гоголь

*Талант — дар, над которым властвует человек; гений — дар, властвующий над самим человеком.*

**Д. Лоуэлл**

Утренняя воскресная прохлада быстро наливалась июльским жаром. Сидя в одних трусах у распахнутого настежь окна, Лидин дословно перенёс на бумагу вчерашнюю беседу с Гоголевым. Поначалу напрягала необходимость то и дело включать и выключать плеер, чтобы прослушать очередной кусок записи, но вскоре Игорь приноровился и закончил работу аккуратно к тому моменту, как из своей комнаты выползла сонная Галина.

— Ну и здорова же ты спать! — не то возмутился, не то восхитился Лидин, посмотрев на часы. — Уже первый час пошёл, скоро обед, а ты ещё не завтракала.

— Совмещу, — пренебрежительно махнула рукой Галка, плюхаясь в кресло. — Гады! Целый сериал решили показать за один день. Мне про него девчонки все уши прожужжали. До трёх ночи глаза паялила в экран, но до конца так и не усидела. Да ещё эта реклама!

— И чего было себя мучить? — улыбнулся Лидин. — Сейчас любой фильм или сериал можно найти в интернете. И безо всякой рекламы.



— Да знаю я! — Галина зевнула и потянулась. Тесная пижама туго обтянула её ладное тело. — На даче телика нет, соскучилась я, наверно, по этому чёртову ящику. А ты что делаешь?

— Работаю над интервью, — показал на плеер Лидин. — Хорошая штучка оказалась, всё записано чётко. Только уши теперь от наушников болят.

— Я ж говорила! — снова зевнула Галина. — А что б уши не болели, надо было файл с плеера на ноут сбросить и слушать через динамик. Эх, не удалось мне сегодня выспаться. Как думаешь, что мне сначала сделать: умыться или кофе выпить?

— Кофе, — решительно ответил Лидин. — Ты ж в ванне не меньше часа плескаться будешь, а там уж и обедать пора.

— Я — девушка, а не солдат, чтобы за сорок секунд одеваться, — фыркнула Галина. — Папуль, свари кофе, ну пожалуйста!

— Ладно, уж так и быть. Но и у меня к тебе будет одна просьба.

— Какая?

— Вот посмотри эту книгу. Вы ж, вроде, изучали древнерусский язык?

— Не изучали, а проходили! — уточнила с недовольным видом Галина, принимая из рук отца толстый фолиант. — Тут есть существенная разница. Сам же был студентом, должен понимать. Прошли, зачёты с экзаменами сдали и тут же забыли!

— Ну, хотя бы определи, что это за книга? На древнерусском она написана или на церковно-славянском? Это ты можешь?

— Лучше я сама пойду и сварю кофе...

— Да в чём проблема?

— Проблема в том, что отличить древнерусский от церковно-славянского может только специалист. А я пока только студентка четвёртого курса!

— А в чём же тогда между ними разница? — удивился Лидин.

— Ну, хорошо, — поудобнее усаживаясь в кресле, начала менторским тоном Галина. — У древнерусского и старославянского языков есть два фундаментальных отличия. Древнерусский язык относится к восточнославянским языкам. Старославянский — к западнославянским или южнославянским, я сейчас точно не помню.

Древнерусский язык был живым языком, на нём люди говорили, он развивался, изменялся и в итоге распался на три восточнославянских языка: русский, белорусский и украинский.



Старославянский язык с самого начала был искусственным, книжным, языком. Его создали в девятом веке на основе болгарского и греческого языков те самые пресловутые братья Кирилл и Мефодий, чтобы перевести Библию на понятный для славян язык. В то время люди в разных странах понимали написанное и сказанное на старославянском почти без перевода. Старославянский язык существовал не более двух веков, а начиная, кажется, с начала или середины двенадцатого века, он превратился в церковно-славянский.

Вот всё, что я помню, — с облегчением закончила Галина свою мини-лекцию. — Раз ты держишь в руках настоящую книгу, то она, скорее всего, написана на церковно-славянском. На древнерусском, насколько я знаю, писали не книги, а письма и записки простые люди. Берестяные грамоты, например, написаны на разговорном древнерусском.

— Не факт, — вспомнил Лидин категорический отказ отца Кирилла даже просто посмотреть книгу. — А у кого-нибудь из твоих друзей есть ксерокс? Я хочу скопировать эту книгу, но так, чтобы не обращаться в официальные предприятия, где есть такая услуга.

— Ты что, украл её?

— Нет, конечно! Просто не хочу светить.

— Да-а, — протянула Галина, с подозрением глядя на отца. — Темнишь ты что-то, папуля. А чего ты не купишь для своей фирмы ксерокс?

— Чего зря деньги тратить? Сейчас на заводе в каждом отделе у секретарши можно любой документ отксерить.

— Ну и...?

— Говорю же — светить раритет не хочу. Разговоры пойдут, вопросы... К тому же, одно дело несколько страничек, другое — целая книга.

— Ладно, пошукаю тебе ксерокс, — задумчиво протянула Галина, всё ещё с некоторым подозрением глядя на отца. — Хотя для тебя будет лучше сканер: не надо таскать пачку бумаги. А любую страницу или книгу целиком ты сможешь дома на своём принтере распечатать, если надо.

— Как скажешь, — с облегчением ответил Лидин, вставая. — Пойду поставлю кофе.

— Не надо, — тоже встав, ответила Галина. — Я и так уже окончательно проснулась. Пойду умываться, одеваться, и будем обедать.



Уже в дверях она обернулась.

— Вот же я шляпа! Мы ж сегодня с девчонками в театр идём. Какая-то московская труппа приезжает. Вот там у Ленки и спрошу насчёт сканера.

— Что за Ленка?

— Однокурсница моя. Ты её не знаешь. Она в нашем институтском издательстве подрабатывает. Я как-то забежала к ней в комнатушку и видела: как раз в её ведении и принтер, и сканер, и ксерокс. Не волнуйся: Ленка умеет держать язык за зубами.

Гоголев встретил Лидина всё в той же вылинявшей футболке и растянутых на коленях «трениках».

— Проходи, Игорь, — радушно улыбнулся он, обнажая ровный ряд удивительно белых зубов.

«Протез, — догадался Лидин, разуваясь и проходя вслед за хозяином на кухню. — Свои такими не бывают».

— Чай сегодня с печеньем, — хлопотал Гоголев, накрывая на стол. — Конфеты твои Маша вчера, извини, «уговорила» под какой-то сериал. Научились наши снимать, куда там мексиканцам и прочим латиносам! И сам иногда вместе с ней подсаживаюсь на какую-нибудь очередную «золушку» из глухой провинции и «принца» на белом дорожном авто. А ты как в этом плане?

— Всяко бывает, — смутился Лидин. — Поначалу тоже с женой старался очередную серию «Санта-Барбары» не пропустить, потом, конечно, и про всяких героических ментов смотрел, а сейчас, в основном, фантастические сериалы меня привлекают. Западные, конечно. Наши так и не научились фантастику снимать, разве что мультфильмы у некоторых получаются неплохие.

— Это по какой же программе?

— Да раньше по цифровухе, то бишь цифровой приставке смотрел. Там этих каналов больше сотни. А последнее время просто с интернета качаю, чтобы не зависеть ни от телепрограмм, ни от времени. Скачал, и смотри, сколько хочешь, когда хочешь и без идиотской рекламы!

— А я не догадался, — посетовал Гоголев, разливая по чашкам чай. — На диски, дурак, трачусь. Тебе сколько сахара? Впрочем, сам себя обслуживай, не дама в гостях! Но я тебе не советую портить вкус сахаром. Печенье достаточно сладкое и свежее, Маша утром специально для нас испекла.



Чай был на травах, очень ароматный и вкусный. Печенье просто таяло во рту, и это не было литературным оборотом, как ранее считал Лидин. Блаженствуя, он реально ощущал, как «плавится» на языке под действием горячего чая изначально твёрдое печенье. Незаметно опустела сначала одна чашка, потом — вторая. Лидин выпил бы и третью, но мысленно взял себя за шкуру и поднял со стула.

— Хватит! Очень вкусно, но пора нам перейти в «кабинет», иначе вместо интервью я начну писать кулинарную книгу «Машины вкусняшки».

Довольный Гоголев быстро убрал со стола, и вскоре они сидели, как и вчера, в стареньких креслах по обе стороны от столь же потрёпанного журнального столика, на который Лидин положил включенный на запись плеер Галина. Старая трёхцветная кошка обнюхала ноги гостя и с трудом запрыгнула на колени хозяина, который тут же начал её машинально поглаживать.

— Вчера мы говорили с тобой о поэзии, — начал Лидин. — Разобрались, почему ты её не пишешь. А теперь мне хотелось бы послушать о твоей прозе.

— Ты, Игорёк, очень узко ставишь вопрос. Это ведь моё первое и, скорее всего, последнее интервью. Поэтому мне хотелось бы рассказать не только о моих книгах, но и вообще о себе, любимом. Я думал, ты это понял ещё вчера, во время нашей первой беседы.

— Да, конечно! — горячо откликнулся Лидин. — Просто я не был уверен, что вправе расспрашивать тебя о личной жизни...

— Спрашивай, не бойся. О чём не захочу, я всё равно не расскажу, — засмеялся довольный Гоголев.

— Ну, тогда, может, ты сам начнёшь? — предложил Лидин. — Наверняка ведь обдумал уже и решил, о чём хочешь рассказать. А я буду по ходу дела задавать вопросы, если что-нибудь захочу уточнить.

— Лады, — кивнул седым бобриком Гоголев. — Твоя машинка работает?

— Как часы!

— Смотри, если что, пересказывать не буду. Итак, родился я, как ты уже знаешь, в Угличе. Но когда мне исполнилось три года, мои родители переехали в Ярославль, где и прошло моё детство. В Угличе, в старом деревянном доме, окружённом небольшим участком с яблонями, вишнями, сливами, кустами малины, крыжовника и



смородины, я несколько раз проводил летние каникулы под при-  
смотром бабушки.

Но мне больше нравилось в Ярославле. Там я был большую часть  
дня предоставлен сам себе, как и мои товарищи по двору. Почти все  
мы были из бедных рабочих семей, плохо одетые, вечно голодные.  
Зато весёлые и компанейские! Сколько дворовых игр мы тогда зна-  
ли! И воровали...

— Ты воровал? — удивился Лидин.

— Да. Очень уж, знаешь, есть хотелось. Тогда на улицах в любую  
погоду стояли такие толстые красномордые бабы. Рядом с ними му-  
жики из «Общепита» выгружали с машины огромные алюминие-  
вые баки, в которых исходили паром и ароматом свежие пирожки.  
В одном баке были пирожки с капустой, в другом — с вкуснейшим  
повидлом, в третьем — с рисом и яйцом, в четвёртом — с мясом.  
Пальчики оближешь! Ничего вкуснее с тех пор я не ел.

Пирожки стоили пять копеек штука, с мясом — десять. Но у нас,  
пацанов, конечно, денег вообще не было. Родители весь день вкалы-  
вали на работе, а нам жрать хотелось неимоверно, особенно, если  
до носов долетал аромат свежих пирожков. И мы придумали новую  
игру. Надо было якобы лениво пройти мимо продавщицы, молние-  
нносно выхватить из алюминиевого бака несколько свежих, горячих  
ещё пирожков и смыться от погони — вот это было дело!

Ребята из более-менее сытых семей, которым родители оставля-  
ли дома «обеда», делали это «за компанию» или из желания пока-  
зать, что и они, как говорится, «не лыком шиты», а некоторые про-  
сто ловились «на слабо» и попадались. Потому что для них пирожки  
не были, как для меня и других ребят жизненной необходимостью,  
средством утолить голод.

Перед каждой продавщицей обычно стояло два-три бака с пи-  
рожками, и мы заранее распределяли, кто из какого бака и сколько  
пирожков должен принести в общий голодный котёл. Со временем  
продавщицы уже знали нас всех в лицо, и это дополнительно ос-  
ложняло задачу. Надо было прятаться в толпе, выжидать момент,  
когда продавщица отвлечётся на разговор с покупателем, счёт де-  
нег, и тому подобное. Многие из нас всё же попадались, но не я. Од-  
нако, когда в нашу игру включился участковый, её пришлось пре-  
кратить. Милиция — это не толстая неуклюжая баба, привязанная  
к огромным кастрюлям с товаром.



— Вам не приходило в голову, что за сворованные пирожки всё равно придётся кому-то заплатить, тем же продавщицам, например? — хмуро поинтересовался Лидин.

— Нет, конечно! С какой стати? — искренне удивился Гоголев. — Эти бабы, между прочим, тоже жрали пирожки, и никто из них денежки за это из собственного кошелька в общественную кучку не выкладывал. Мы это прекрасно видели, ведь внимательно следили за ними, выбирая момент.

— Ну ладно, извини, что прервал...

Лидин смутился. И чего он, в самом деле, лезет с дурацкими вопросами? Моралист какой выискался! Сам-то редкую книжицу за бесценок прикарманил и виноватым себя не чувствует.

— Поговорим, наконец, о книгах, — спокойно продолжил Гоголев. — После той истории с моей первой несчастной любовью, я замкнулся в четырёх стенах нашей комнаты в коммуналке. Конечно, я ходил в школу, но во дворе с ребятами больше не тусовался. Общался я только с одним человеком — Пашкой Лумером.

Семья Пашки жила в одной из комнат нашей коммуналки. Мы с ним были одноклассники, ходили в один класс и даже сидели за одной партой. Из шушуканий соседей на общей кухне я знал, что отец Пашки, дядя Ян, женился на тётке Кате по любви, вопреки мнению и воле своих близких. Вообще-то он был на самом деле Яков Лумер, но жена всегда звала его Яном.

Еврейские родственники отвергли непокорного юношу, женившегося на русской девушке, и влюблённые молодожёны по окончании Киевского института приехали по распределению в Ярославль. Вскоре у них родился Пашка, внешне очень похожий на отца — коренастый, чернявый и кучерявый.

В нашем доме и вообще в районе рабочего посёлка жили люди разных национальностей — съехавшаяся со всех концов страны лимита. И потому такие слова как «русский», «татарин», «еврей», «мордва» и так далее воспринимались в качестве этакой добавки к имени, а не как что-то разделяющее по национальному признаку и, тем более, оскорбительное. Мы, дети, жили в условиях истинного интернационала, хотя между взрослыми порой во время бытовых ссор мне приходилось слышать весьма специфические оскорбления. Но стоило ссоре утихнуть, и интернационал вступал в свои права. Жили-то все практически одинаково бедно, никто особо не





выделялся, кем бы он ни был. Чему было завидовать? В коммуналах и рабочих общагах ничего не скроешь.

У Пашкиных родителей была большая по тем временам библиотека — целый книжный шкаф! И раз уж я всё равно сижу дома и лелею разбитую любовь, Пашка предложил мне почитать что-нибудь, дабы отвлечься от чёрных дум. И чтобы отвязаться от его приставаний и остаться наедине со своим горем, я согласился. Взял с полки шкафа первую попавшуюся книгу. Это оказался, как сейчас помню, «Последний из могикан» Фенимора Купера.

Сначала я бездумно листал, рассматривал картинки, читал подписи под ними. Тогда даже во взрослых книгах были иллюстрации. В какой-то момент мне захотелось узнать больше, чем написано под картинкой. Начал читать книгу с начала и не заметил, как втянулся. А когда прочитал всё, что было у Лумеров, записался в школьную и городскую библиотеки.

Вот так моя первая несчастная любовь отошла куда-то вглубь и уступила своё место любви к чтению. А когда много читаешь, рано или поздно захочется написать и что-то своё! У меня это были наивные попытки переделать по-своему непонравившиеся мне концовки интересных историй. Особенно те, в которых герой погибал. Однажды я забыл тетрадь с моими творческими потугами в школьной парте. Во время урока пытался записать новый эпизод, учитель что-то заметил, направился ко мне, и я сунул тетрадь под портфель, а потом забыл об этом.

Во вторую смену мальчишка, сидевший за той же партой, обнаружил тетрадь, и мой секрет стал известен всей школе. Меня, конечно, начали дразнить «Гоголем», вот почему в дальнейшем я публиковался только под псевдонимом.

— А когда была твоя первая публикация? И о чём? — спросил Лидин, поглаживая урчащую от удовольствия кошку, перебравшуюся к нему с колен хозяина.

— Мне было чуть менее восемнадцати тогда, — явно гордясь, ответил Гоголев. — Как и всех первокурсников в те времена, нас отправили в сентябре не за учебные парты, а в один из подмосковных совхозов — убирать картошку с полей. Я написал тогда заметку о нашем героическом труде, и её напечатала местная районная газета.

Когда мы вернулись с картошки, иногородних студентов собирали в аудитории, и декан объявил, что требуются добровольцы в



квартирьеры для нового корпуса общежития. Те, кто не хочет бесплатно вкалывать, могут безбоязненно остаться в старом, никаких претензий к ним не будет.

И вот мы, десять счастливичков, заселились в огромный пустой дом и начали его обустраивать: вешать карнизы и шторы, врезать в двери комнат замки, разгружать машины с мебелью, таскать эту мебель по всем девяти этажам, собирать её и расставлять, вешать зеркала над умывальниками и тому подобное. Нам даже разрешили пропускать занятия, если ожидается машина с очередной партией мебели.

Это лучшее время в моей студенческой жизни, хотя первые пару недель у нас не было электричества и горячей воды! Мы жили маленькой коммуной, каждый в отдельной, обставленной по собственному вкусу комнате. Делились едой, конспектами и учебниками. А какие жаркие диспуты устраивались в общем коридоре по вечерам, после занятий и работы!

Обычно спор начинали двое-трое. На голоса подтягивались ещё несколько человек, и вот уже комната не вмещает всех, и спор, теперь больше похожий на шумный базар, где каждый кричит своё, не слушая соседа, vyplёскивается в коридор, где гулкое эхо, как манок, привлекает и всех остальных жителей «небоскрёба». Пару раз доходило и до потасовок, но особо задиристых тут же растаскивали в разные стороны и успокаивали. О чём спорили? Да обо всём! О музыке, о женщинах, о Сталине, о книгах...

Молодость хороша тем, что ты уверен на сто процентов, что знаешь о предмете спора всё. Во всяком случае, больше своего оппонента. Плюс юношеский максимализм и нежелание признавать чужую правоту.

Московская общага подарила мне новых друзей. Мы все, разумеется, были «понаехавшие» и нищие. Бывали дни, когда мы сидели буквально на воде и сухарях из чёрного хлеба, которыми запасались в сытые дни. Это были оставшиеся после еды куски и огрызки, засушенные на батареях. Мы шатались от голода, но таскали тяжеленную мебель по этажам, ездили на занятия, слушали в свободные минуты виниловые диски западных рок-групп, купленные у фарцовщиков.

Нам было нелегко, и всё же я считаю это время самым счастливым за всё моё студенчество. Мы были свободны, у нас был свой



собственный дом, у каждого — отдельная комната. И надёжные друзья рядом. Так мне тогда казалось...

Когда мы закончили работу, и общага начала быстро заполняться новыми жильцами, я воспринял это наверно так же, как воспринимали наши предки нашествия наглых завоевателей. Мой дом захвачен, осквернён, и сам я «уплотнён» и вынужден делить свою комнату с совершенно посторонним человеком. Фантом коммуналки злорадно ухмылялся мне во сне и наяву. Нам, бывшим квартирьерам, не разрешили выбрать себе соседа по комнате, но позволили остаться в облюбованных нами и обжитых двухместных «номерах», предназначенных только для старшекурсников и иностранцев.

Все мы растворились в море пришельцев. Наши вечеринки, общие пиршества и массовые диспуты остались в прошлом. Как и взаимовыручка. Оказалось, что когда вокруг все одинаково нищи, то готовы поделиться с соседом последним сухарём. Но вот у некоторых из нас появились сравнительно обеспеченные соседи по комнате, и отношения резко изменились. Они перестали голодать и тут же утратили чувство сострадания.

Однажды, мучимый голодом, я шёл по коридору общежития и уловил умопомрачительный запах свежесваренного борща из комнаты друга, с которым мы не раз прежде делились последним куском. Я открыл дверь и, истекая слюной, радостно сел за накрываемый к обеду стол. Это было у нас раньше в порядке вещей. Но теперь новый товарищ моего друга прямо и недвусмысленно выразил своё неудовольствие подобной бесцеремонностью и прямо указал мне на дверь. Мой друг, не раз сидевший за моим столом, промолчал. Возможно, он был в таком же безденежном положении, как и я, и тоже сидел за столом в качестве нахлебника. А может быть, новый, всегда обеспеченный деньгами сосед по комнате стал ему ближе и нужнее, чем я.

Онемевший от неожиданной обиды, я вышел. Мой бывший друг не догнал меня тогда, не извинился и не объяснился потом. Позднее он неожиданно занялся фарцовкой, благо иностранных студентов со всего мира в нашей общаге было чуть меньше, чем иногородних, и никогда уже не нуждался в деньгах.

А тогда я, душимый слезами обиды, ворвался в свою комнату, рухнул на койку и написал стих. Видимо, мне суждено в момент



возникновения сильных чувств писать стихи. Это конечно не было стихотворением в полном смысле. Скорее наспех зарифмованные чувства.

Гоголев взял с журнального столика потрёпанную записную книжку, на серой обложке которой было написано синей пастой «Стихи, цитаты, афоризмы», открыл на отмеченной закладкой странице и прочёл:

*«Эх, мужики, что же могло случиться?*

*Как вы могли прогнать из-за стола*

*Товарища, как будто он волчица,*

*Что каждый день овец у вас крала?*

*Забыли вы, как сами, и не раз,*

*Сидели за чужим столом и смачно жрали!*

*Стипуху израсходовав за раз,*

*Вы у друзей спокойно деньги брали.*

*Мы бились в карты, водку с пивом пили,*

*Табак у нас кончался ежедневно,*

*Смеясь, «бычок» один по кругу мы курили.*

*И при свечах вели беседу задушевно.*

*Что с вами стало, что случилось, мужики?*

*Забыли вы, как вместе голодали,*

*Как спорили и дружно грызли сухари,*

*И никогда друзей не предавали?*

*А что теперь? — Битком забито здание,*

*Из кранов льётся тёплая вода.*

*Мы разошлись, разбились на компании,*

*У каждой группки на столе своя еда!*

*Что общего у нас — кастрюли, плитки,*

*Заботы институтские, работа.*

*Что с вами стало, мужики? Братишки!*

*Исчезло главное у нас — забота.*

*Забота друг о друге; и везде*

*Выходит в первые ряды наш эгоизм,*

*Круша, ломая в жадной слепоте*

*Всё то, с чем мы идём с тобою в коммунизм!*

*Что с вами стало, мужики?»*



Да, я верил тогда в коммунизм. Я и сейчас в него верю.

— Ты серьёзно? — удивился Лидин.

— Конечно. Ведь коммунизм — это мечта о счастливой безбедной жизни, об обществе, где нет голода и несправедливости. Короче, о рае на земле. А вовсе не о государстве, где правит генсек компартии. При коммунизме ни партий, ни государства быть не должно!

— Ты шутишь! А нам теперь говорят...

— Вам теперь говорят чушь. И нам в то время много чего говорили, неужто ты уже всё забыл? Отличия между коммунизмом и тем, что строили в СССР — это была одна из постоянных тем наших споров. Я защищал от нападок Сталина, не знал, кто такой Берия. Был уверен, что мы «идём правильным путём». В студенческой среде всегда были «стукачи» КГБ, но что удивительно, их не оказалось в нашей маленькой нищей коммуне, и все наши споры, антисоветские высказывания некоторых из нас, проклятия, проорённые в запальчивости, остались без последствий. А вот когда общага заселилась полностью, каждый шаг любого из нас скоро становился известен руководству. Мы быстро узнали тех, кто следил за иностранцами, но вот следящих за нами...

Но это — другая тема. Вернёмся к литературе. В студенческой общаге практически не было условий для творчества: постоянный шум, невозможность уединиться, обдумать сюжет. Но я всё-таки как-то умудрялся сочинять небольшие рассказы. Некоторые из них даже были напечатаны в журналах «Студенческий меридиан» и «Юность». О больших же формах я тогда и не мечтал. Откровенно говоря, мне больше нравилось крутить романы с девушками, чем писать их.

Потом было распределение в Коломну на тепловозостроительный завод, где мы с тобой позднее впервые встретились, не забыл? Летом всё моё время занимали турбаза и, конечно, девушки. А вот когда курортный сезон заканчивался, и мне приходилось возвращаться на завод, чтобы протирать штаны в бюро радиокранов, вот тогда практически всё моё рабочее время занимало творчество. Там, в конструкторском бюро, в закутке, отгороженном кульманом от любопытных взглядов моих работниц, я и начал писать не только рассказы, но и романы. Писал, как говорится, «в стол», никому рукописи не показывал и ни в какие журналы и издательства не посылал.



— Почему? — удивился Лидин.

— Не видел смысла.

— Не понял, — ещё больше удивился Игорь. — В каком смысле, «не видел смысла»?

— Ну, как тебе объяснить? — подбирая слова, Гоголев на несколько секунд задумался. — Я не считал себя не только писателем, но и даже обыкновенным литератором. Ты знаешь, в чём разница между этими понятиями?

— Да как-то не задумывался. А она есть?

— Конечно! Но я сейчас не смогу её чётко сформулировать. Как та собака: всё понимаю, а сказать не могу...

— Может, писатель пишет художественную прозу, а литератор — публицистику? — предположил Лидин.

— Ладно, оставим это. Словом, я не считал, что мои литературные опыты достойны публикации. Для меня они были просто интересным и занимательным способом убить время, потому что сидеть без дела я не могу физически. Даже просто лежать на пляже и загорать для меня — пытка!

А в моём конструкторском бюро приходилось бездельничать целый рабочий день. Работницы мои что-то там обсуждали, вязали или листали какие-то журналы. А я писал очередной роман, чтобы просто не взвыть от безделья. А потом, каждую весну, перед тем, как уехать на всё лето на турбазу, я сжигал во дворе этого дома свои рукописи.

— Зачем? — поразился Лидин. — Что за странное аутодафе?

— А зачем их было хранить? Во-первых, я не собирался их публиковать, во-вторых, папки с рукописями занимают много места, в-третьих, я ж тебе только что объяснил, что для меня написание романа было своеобразной игрой и тренировкой ума. Как, к примеру, раскладывание пасьянса или разгадывание кроссворда. Пасьянс сошёлся, кроссворд разгадан, шахматная партия закончена. Можно, конечно, записать ходы игры или ответы на вопросы кроссворда, но хранить-то их зачем? Я никогда не переписываю свои законченные вещи: ни рассказы, ни романы. Мне это не интересно и скучно.

— А как же тогда получилось, что твои книги стали выходить за рубежом?

— Чисто случайно! — засмеялся Гоголев. — У меня в бюро работала одна девушка. Звали её Оксана. Она была оформлена, как



и все прочие мои работницы, инженером-конструктором, но фактически работала табельщицей и секретарём-машинисткой. Утром собирала пропуска, вечером выдавала, печатала документы, словом — делала всю необходимую канцелярскую работу. Она одна была в курсе моего литературного хобби, потому что печатала мои рукописи. Я тогда писал шариковой ручкой, стараясь угнаться за мыслью, сразу же редактировал и переписывал отдельные слова и куски предложений, так что мои черновики выглядели довольно трудно-читаемыми.

Переписывать текст набело мне было лень, поэтому этим занималась Оксана с помощью пишущей машинки. Разумеется, я за этот труд и сохранение тайны регулярно выписывал ей премию к окладу. Эта премия жутко злила и интриговала остальных моих работниц. Каких только предположений они ни строили, но правду так и не узнали.

— Небось, победила версия вашей с Оксаной тайной любовной связи, — усмехнулся Лидин.

— Нет, — отмахнулся Гоголев. — Я никогда не платил любовницам, так что эта версия даже не могла возникнуть. Конечно, Ксюшу я тоже пару раз брал на турбазу, но ведь не её одну! Кстати, там она и познакомилась с Андреем, своим будущим мужем, и больше в командировку на «Чайку» не просилась.

Андрей работал программистом в нашем вычислительном центре, и когда на Коломзаводе появились первые фирменные персональные компьютеры, он посоветовал мне приобрести один для моего бюро. У меня тогда стоял на рабочем столе самопальный «Синклер», который, конечно, не мог конкурировать с фирменным компом. Я подёргал за нужные ниточки, и вскоре под чутким руководством Андрея Ксюша заменила печатную машинку принтером.

— Всё это, конечно, интересно, — вздохнул Лидин, украдкой посмотрев на часы. — Но я пока не вижу связи между Оксаной и твоими публикациями за рубежом.

— Так я как раз к этому и веду! — всплеснул руками Гоголев. — Пока была предыстория, без которой невозможно обойтись.

— Извини, что перебил, — виновато улыбнулся Лидин.

— Так вот, когда рухнул СССР, Коломзавод приватизировали, и начались всяческие сокращения и прочие прелести дикого капитализма. Андрей, муж Оксаны, уволился с завода и подался в Канаду.



Ему пришло приглашение то ли от родственников, то ли от знакомых. В Канаде довольно большая диаспора русских, украинцев и прочих русскоязычных. Через год Андрей вызвал к себе жену, и мне пришлось самому осваивать текстовый редактор. С тех пор я больше не жгу свои рукописи, ведь текстовые файлы занимают на винчестере компьютера совсем немного места.

И всё бы ничего, но завод стал переходить от одного владельца к другому. И каждый новый владелец начинал очередную реструктуризацию. Вскоре дошла очередь и до моего бюро. О том, как сложилась моя жизнь после ухода с Коломзавода, я тебе уже рассказывал, повторяться не буду. Перейду, наконец, к ответу на твой вопрос.

Однажды я получил письмо от Оксаны. Не по почте, а на е-мейл. Кто ей дал мой интернет-адрес, я сейчас уже не помню. Да это и не важно. Главное состояло в том, что её муж, Андрей, ставил комплекс программ в одном новом канадском издательстве, организованном такими же, как и он, бывшими гражданами Советского Союза. Парни взялись выпускать книги для русскоязычной диаспоры США и Канады и как раз искали авторов. Андрей решил предложить им меня!

Как оказалось, Ксюха, печатая мои рукописи, делала ещё один экземпляр и для себя! Уезжая из России, эта паршивка захватила их с собой. Первые бумажные копии, что она сделала под копирку, и цифровые варианты на дискете. «Чтобы было, что читать на чужбине», — написала она мне в оправдание. Так что Булгаков оказался прав: рукописи не горят! И вот теперь Оксана с Андреем просили моего разрешения показать мои рассказы и романы тем канадским издателям. Я был, конечно, ошеломлён и разозлён. А потом меня разобрал смех.

— Почему? — удивился Лидин.

— Да ведь те произведения, что Ксюха увезла в Канаду, были написаны мною до распада Союза! И я считал, что их темы и содержание давно и безнадежно устарели. Поэтому, отсмеявшись, я посоветовал Ксюхе и её мужу не позориться. Но они продолжали меня упрашивать, и я в конце концов согласился.

И вдруг случилось чудо: канадское издательство прислало мне контракт. Они предлагали издать небольшим тиражом один из моих первых романов. Так как они только начинали свою деятельность, а я был совершенно неизвестен канадским читателям, все коммерческие риски падали на издательство. Поэтому в качестве





гонорара мне полагался только один авторский экземпляр книги. За мною так же оставались все права на издание этого романа в бумажном или цифровом формате в любом ином издательстве. Я с лёгкой душой подписал контракт и тут же забыл о нём. А где-то приблизительно через три месяца по почте пришла бандероль из Канады с моей первой книгой! Вот она.

Гоголев протянул руку и взял с полки книжного стеллажа, отдававшего его «рабочий кабинет» от «зала», где они сейчас сидели, небольшую книжицу в пёстрой обложке и положил её на стол.

— Как видишь, она издана в карманном формате и в мягкой обложке, кажется, это называется «покетбук».

— Ну, я думаю, подобная мелочь не очень-то пригасила твою радость, — взяв книжку, с улыбкой сказал Лидин. Он с любопытством стал рассматривать полуголую блондинку, повисшую в объятиях звероподобного громилы в мундире советского офицера. На эту странную парочку с ярко-красных букв названия книги падали огромные кровавые капли.

— Эта мелочь, Игорёк, конечно, меня ничуть не волнует, — улыбнулся в ответ Гоголев. — Другое дело — рисунок обложки! Его со мною не согласовывали, и он, в общем-то, практически не отражает содержание романа.

— Ну, для триллера вполне подходящая обложка, — неуверенно сказал Лидин.

— Не знаю, — вздохнул Гоголев. — Может, у них там подобные книги и называются триллерами, но я-то писал о любовной драме в одной из советских воинских частей.

— Да какая разница, как издатели обзывают книгу, — решил утешить Гоголева Лидин. — Главное — книга издана! Её можно пощупать, показать друзьям и знакомым.

— Так-то оно так, — с сомнением протянул Гоголев. — Но вот из-за таких вот «мелочей», как ты их называешь, я в своё время и не хотел связываться с издательствами. Они превращают творца в ремесленника. Диктуют жанры, темы, сюжетные ходы. Издатель может в любой момент позвонить автору и сказать: «Любовные драмы сейчас не в моде, переделай-ка быстренько свой роман в женский детектив». А я тогда писал только то, что сам хотел, и так, как сам хотел. Сидя в закутке моего конструкторского бюро, я испробовал практически всё: детектив, фантастику, любовный, исторический,



приключенческий роман, военную драму, сатиру и, конечно же, все виды реализма. Не всё, конечно, получалось с первого раза, но у меня была масса времени на совершенствование, ведь надо мной никто не стоял, не погонял.

А сейчас, говорят, чтобы удержаться в так называемой «издательской обойме», писатель должен «выдавать на-гора» три-четыре романа в год! Вот и заполнены книжные прилавки одноразовой и однотипной макулатурой.

Гоголев вдруг отвернулся от Лидина и закашлялся, едва успев прикрыть рот непонятно откуда вытасненным мятым носовым платком. Когда приступ закончился, он бессильно обмяк в кресле. Лицо его стало багровым, костистая грудь тяжело вздымалась и опадала, стёкла очков запотели.

— Принести воды? — встревоженно привстал со своего кресла Лидин. — Или лекарство какое?

— Не надо, — силно прохрипел Гоголев. — Сейчас пройдёт. Хорошо, Маша не видела, как я здесь разошёлся, а то было бы и тебе, и мне...

— Может, прервёмся или отложим?

— Зачем? — Гоголев спрятал платок и протёр стёкла очков низом майки. Дыхание его постепенно пришло в норму. — Не так уж много мне осталось рассказать. Собственно, больше и нечего. Книга моя в Канаде хорошо пошла. Тираж быстро раскупили. Может, и ещё допечатавали, я не спрашивал. Да и какая мне тогда была разница?

Второй договор на две следующие книги заключали уже на иных условиях. Там и мой гонорар был прописан, и пятилетний запрет издавать в других издательствах. Ну, а уж последний договор вообще стал другим. И тиражи большие, и гонорары. И кроме Канады продажи пошли в США и Австралии. Вон, на полочке стеллажа, видишь, пятнадцать томов в ряд стоят? Мои творения! И, надеюсь, ещё три успеют к ним присоединиться. Я над ними сейчас как раз работаю. Читатели хотят продолжения приключений некоторых моих героев, и я вот пошёл на поводу, изменил своим принципам: пишу теперь по заказу издательства. Нынче ж мода на сериалы и в кино, и в литературе. А на днях подписал с издательством ещё один договор. Они нашли хорошего переводчика, так что скоро будут и на английском языке мои книги выпускать.



Как видишь, Игорь, напрасно я сомневался в успехе и смеялся над Ксюхой. Рукописи мои не устарели, ведь главное в них — люди, их взаимоотношения. Люди, Игорёк, не меняются. Потому что у людей всегда и везде одни и те же проблемы и желания. Где бы они ни жили. Все люди хотят жить лучше, хотят любить и быть любимы. Словом, хотят нормально жить! Во все времена. Никто не хочет воевать, кроме правителей, у которых всё то же неизменное желание — увеличение личной власти. Недаром говорится, что в литературе сюжеты можно пересчитать по пальцам одной руки.

А гонорары очень мнегодились. Не будь их, не разговаривали бы мы с тобой сейчас. На анализы, хорошие лекарства и врачей моей зарплаты не хватало. Были, конечно, сначала трудности в получении гонораров, я же не мог поехать за ними в Канаду. И открыть валютный счёт в российском банке не мог. Пришлось комбинировать всякие полулегальные способы. Сейчас, конечно, с этим проще. Так что, получил поддержку на старости лет оттуда, откуда и не ждал, и живу, по мнению врачей, уже лишний год.

Вот, собственно, и всё, что я хотел тебе, Игорёк, рассказать. Если у тебя остались какие-то вопросы, спрашивай, не стесняйся.

— Спасибо, Николай, — выключил плеер Лидин. — Вопросов пока нет. Надо осмыслить то, что ты мне рассказал сегодня, перенести на бумагу. Вот тогда наверняка что-нибудь захочется уточнить.

Вопросы у Лидина, конечно, были. Нужно записать данные канадского издательства, тиражи и названия книг Гоголева, хотя бы вкратце ознакомиться с их содержанием, уточнить, что нового Николай пишет сейчас, есть ли какие-нибудь отклики читателей или отзывы критиков. Это — самое малое, что Лидину нужно узнать, но он видел, как устал и болезненно морщится Гоголев. Пора, как говорится, и честь знать. Но и оставить старика в таком состоянии одного Игорь боялся.

— А скоро Маша придёт? — спросил он.

— А зачем она тебе?

— Да больно чай у вас вкусный, — невинно улыбнулся Лидин. — Может, успеем до её прихода ещё по чашечке выпить? Говорил в основном ты, а у меня почему-то ужасно в горле пересохло.

— Не вопрос!

И, улыбаясь сквозь болезненную гримасу, Гоголев повёл Лидина на кухню.



## 11. Откровение третье

— Федюша, в прошлую нашу встречу мне стало ясно, что ты пока слишком юн и неопытен, чтобы понять то, о чём я решил тебе поведать. Многого ты просто не в состоянии сейчас осознать, и поэтому мои речи тобою вскоре забудутся. Исправить это можно только одним способом: я запишу всё, что ты должен знать как мой наследник и продолжатель нашего с царём Иваном Васильевичем дела. Книгу с этими записками я оставлю в тайном месте. Тебе передадут её, когда ты сядешь на русский трон и сумеешь удержаться на нём.

— Батюшка, тебе виднее, как лучше поступить, — пролепетал царевич, не смея поднять на отца глаза. — Ты прав, многое из того, что я услышал от тебя, мне странно, а есть вещи, с которыми я не могу согласиться. Кто объяснит мне их, если не ты?

Годунов долго молчал, обдумывая слова Фёдора, съёжившегося на краю его постели.

— Что ж, поступим так, — наконец произнёс он. — Я буду и дальше рассказывать, а ты хотя бы постарайся запомнить мои слова. Если что-то у тебя сейчас или позднее вызовет вопросы, смело спрашивай. Пока я жив, листы с записями будут храниться у меня. Потом их переплетут в книгу и, как я сказал, спрячут до того времени, когда ты будешь в состоянии вновь прочесть их и понять.

— Хорошо, батюшка, — покорно кивнул царевич.

— Что ж, начнём, помолясь.

Оба перекрестились на иконостас.

— На Руси все всегда были свободны: и князья, и дворяне, и крестьяне, и прочий люд. Каждый — сам себе хозяин. Великий князь — всего лишь первый среди равных. Не крестьянину равный, конечно, а другим князьям. Первый, а не хозяин. Любой князь может пойти под его руку, а может и выйти из-под неё. Если под рукой польского или литовского государей ему покажется жизнь слаще. То же самое и крестьяне. Не понравилось мужику у одного помещика, собирает он семью, скотину, скарб и перебирается к другому, у которого условия получше. И каждый князь думал: а почему бы и мне в Великие не выйти? Чем я хуже нынешнего? Особливо те, кто свой род от Рюрика числят. И ведь бывали на Руси времена, когда сразу два Великих князя за престол между собой бились и лили безмерно кровь русскую. А уж когда ордынцы начали ярлык на



Великое княжение выдавать, окончательно старые порядки престолонаследия рухнули. Кто понравился хану, больше золота ему дал, тот и получал ярлык Великого князя. И вместо того, чтобы объединиться и скинуть общими усилиями ордынское ярмо, Рюриковичи ещё больше обособились в своих родовых уделах и смертно бились между собой за ханский ярлык, продолжая напрасно лить кровь русскую на радость врагам нашим.

И лилась русская кровь в междоусобных войнах почти триста лет, пока московские князья где силой, где свадебкой, а где и деньгами собирали и объединяли под своей рукой княжеские вотчины и уделы, превращая эти слабые по отдельности лоскуты земли русской в мощную Московию. И скинули-таки власть ордынцев, избавив нас от ханского произвола.

Но вместе с этим мы окончательно потеряли и поддержку орды в войнах с внешними врагами. Хотя поддержка ордынцев и так с каждым годом становилась всё меньше, а денег за неё каган требовал всё больше. Где сейчас исконно русские южные и западные уделы? Польша, Литва и немцы разодрали на куски и сожрали! Орда их князьям помощи не оказала, устремив свои интересы и воинов на восток и в Азию.

Так-то, Федюша, мотай на ус, вижу расти он у тебя начал. Только в единстве сила! И в безусловном подчинении всех одному властелину. Приняли мы от ромеев веру Христову, правоверную. Надо было и государственное устройство перенять. Ещё тогда, во времена Великого князя Владимира. Я порой думаю, сынок, вот если б в Киеве у нас был не Великий князь, раздробивший землю русскую на уделы в угоду своим многочисленным сыновьям, а император, как в Царьграде, сколь русской крови не пролилось бы в междоусобиях удельных князей, сколь сильна была бы Русь! Но не будем витать в облаках, лучше поговорим о том, что было и есть.

Царь Иван Васильевич, как только принял власть, сразу начал создавать новую армию. Отдельные княжеские дружины себя давно изжили, появилось новое огнестрельное оружие. По приказу царя в русском войске создаются отряды, вооружённые пищальями, — стрельцы. По всей стране в специальных мастерских отливают пушки, под них перестраиваются крепости. Города и монастыри обложили селитряной повинностью, та необходима для изготовления пороха.



Свою новую армию семнадцатилетний царь Иван Васильевич решил испытать на регулярно устраивавших набеги на Русь татарах Казанского ханства. Война с переменным успехом длилась несколько лет и закончилась нашей победой.

Сразу же после взятия Казани, в январе 1555 года, в Москву прибыли послы сибирского хана Едигера и от его имени попросили, чтобы русский царь все его земли Сибирские взял под свою защиту, дань свою на них положил и человека своего прислал, кому эту дань собирать. Так, вдобавок к Казанскому ханству, без какой-либо войны Московия приросла и сибирскими землями, а царская казна новым источником дохода.

Узнав о разгроме единоверцев, османский султан Сулейман Великолепный приказал своему вассалу, крымскому хану Девлет-Гирею, оказать помощь казанцам. Войско из тридцати тысяч крымских татар двинулось на Русь. Юный государь в то время смог противопоставить врагу вдвое меньше всадников, но это его не остановило. Царь Иван Васильевич лично возглавил войско, ринулся навстречу татарам и разгромил их наголову. После этого Казанское ханство перестало существовать, окончательно став частью русского государства.

Известие о падении Казани, привело в ярость астраханского хана Дервиш-Али, и тот, надеясь на помощь и поддержку со стороны турецкого султана, объявил войну Московии. Летом 1556 года русское войско под командованием воеводы Ивана Черемисинова легко разгромило врага, после чего Астрахань была взята без боя. В результате этого похода Астраханское ханство тоже стало частью Руси. В том же году Москве покорились Ногайская Орда, и была полностью разрушена столица Золотой Орды Сарай-Бату.

А дальше события стали нарастать, как снежный ком. В 1559 году князья Пятигорские и Черкасские попросили русского царя Ивана Васильевича прислать им войско для защиты от набегов крымских татар и кумыкского шамхала, а также священников для поддержания христианской веры. Взамен князья Северного Кавказа добровольно присягнули на верность русскому царю. Для укрепления власти над новыми землями царь Иван Васильевич женился в 1561 году на дочери кабардинского князя Темрюка Марии. Таким образом, Русь в считанные годы увеличилась в размерах более чем вдвое и вышла к Чёрному морю.



Султан счёл личным оскорблением то, что подопечные ему раньше волжские ханства отныне подчиняются Москве. Он прислал нашему государю письмо, в котором предъявил ультиматум: либо Русь предоставляет Казани и Астрахани прежнюю независимость, либо царь Иван Васильевич присягает на верность Великолепной Порте, входя в состав Османской империи вместе с покорёнными ханствами.

Османская империя, Федя, в те времена была самым сильным государством в мире и при желании могла бы раздавить Московию, как орех. Вернуть волжским татарам волю царь, конечно, не желал. Это было бы не только предательством погибших в боях с ними русских воинов, но и возобновление грабительских набегов на Русь.

Многие бояре настоятельно советовали царю Ивану Васильевичу покориться турецкому султану. Ведь тогда Московия навсегда обезопасит свои южные и восточные границы. Султан никому не позволит грабить русских подданных, и все грабительские походы крымских и волжских татар будут обращены против недругов Москвы — Польши и Литвы. При помощи султана начнётся быстрое и неизбежное возвышение Руси. И обогащение бояр, конечно, за счёт новых земель и городов. Куда уж лучше!?

Однако государь отказался! Он понимал, что сейчас Порта не нападёт на Русь, потому что её войска заняты войной в Европе, Азии и Африке. В Европе османам уже принадлежали Болгария, Греция и Сербия. Граница империи отодвинулась до Вены, турки приняли под свою руку Венгрию, Молдавию, Трансильванию, начали войну за Мальту, опустошили побережья Испании и Италии. У Московии пока было время для накопления сил к предстоящей войне с Османской империей.

Именно тогда царь Иван Васильевич начал менять русские порядки и законы. Он отменил кормления, заменив назначаемых царём воевод земскими и губными старостами, которых избирают бояре, крестьяне и ремесленники. Но не насильно! Народу был предоставлен выбор: нравится воевода — живи по-старому, нет — местные жители вносят в казну сумму от ста до четырёхсот рублей и могут выбирать себе в старосты кого захотят.

Кроме того, по всей Руси активно строились церковно-приходские школы и крепости. Увеличившейся вдвое Руси требовалось всё больше мастеров: строителей, ремесленников, оружейников,



пушкарей, кузнецов и даже книгопечатников. А где их было взять? Царские вербовщики отправились в Европу.

Некоторые советники царя, такие как члены Избранной рады Алексей Адашев и Иван Висковатый, а также воеводы Иван Шереметев и Андрей Курбский, предлагали Ивану Васильевичу напасть на Крым, разгромить его и включить в состав Руси, как Казань и Астрахань. Ради этого они даже остановили победоносную войну в Ливонии, уговорив царя заключить совершенно ненужное русской армии перемирие.

В 1559 году русская флотилия спустилась по Днепру, успешно миновав турецкую крепость Очаков, и вышла в Чёрное море. Две с половиной недели царское войско на малых челнах захватывало все встречные корабли, а также был высажен десант на берег Крыма в пятнадцати верстах от Перекопа, опустошивший татарские улусы, разоривший крупный крымский порт Гёзлёв и освободивший множество русских пленников!

В Европе, особенно в Польше и Литве, военные успехи русского царя в Ливонии и Крыму произвели ошеломляющее впечатление. Мы довольно легко полностью разгромили орден, большая часть Ливонии была захвачена русскими войсками, которым оказывало всяческую помощь местное население — латыши и эстонцы. Русь вышла к морю и тем самым прорвала блокаду враждебных соседей.

Воспользовавшись перемирием, против Московии впервые открыто объединились вчерашние враги: Польша, Литва, Дания, Саксония и Швеция. Не для того, чтобы спасти Ливонский орден, а чтобы отбросить Русь от Балтики и торговых европейских путей! Они не хотели, чтобы русские купцы сами торговали в европейских городах.

Магистр Готхард Кетлера заставили передать земли Ливонского ордена под покровительство Польши, Литвы, Швеции и Дании. Так неожиданно после окончания перемирия нам пришлось воевать чуть ли не с половиной Европы!

Но особенно был задет нашими успехами турецкий султан. Он написал Ивану Васильевичу, что нападение на Крым считает объявлением войны Османской империи. Султан отпустил крымские тысячи, которые воевали в составе турецких войск в Молдавии и Венгрии, и приказал крымскому хану Девлет-Гирею сокрушить Московию. Татары каждый год стали совершать нападения на Русь,





и мы были вынуждены отгородиться от их набегов протянувшейся на сотни вёрст Засечной Чертой из лесных буреломов, крепостей и земляных валов с вкопанными в них кольями. Эту стену постоянно защищали до семидесяти тысяч воинов, так нужных нам в Ливонской войне.

Царь Иван Васильевич не стал развязывать с Крымом полномасштабную войну, как с Казанью, несмотря на уговоры Адашева, Курбского и прочих ближних советчиков. Огромные пространства пустынного Дикого поля исключали в такой войне фактор внезапности. Пушки, порох, ядра, фураж и прочие запасы сильно ограничивали скорость передвижения войска.

Дороги в Крым тоже были пока не разведаны. Одно дело спуститься на лёгких челнах по реке небольшим отрядом и совершить внезапный набег на татарские улусы, другое — ввести огромное войско в неизвестные земли, где нет разведанных источников воды и необходимого запаса продовольствия. Днепровские пороги и турецкий гарнизон крепости Очаков исключали доставку пушек по реке. Поэтому царь Иван Васильевич решил сосредоточить усилия на укреплении южных рубежей Руси по реке Ока. Крымчаки — плохие вояки, хоть они и живут разбоем, не сеют и не пахут. Русские отряды побеждали их орды, в которых насчитывалось вдвое больше всадников, чем у нас.

Так тянулось почти десять лет. Наши основные войска всё это время отодвигали границу Московии на запад. Продолжалась кровавая Ливонская война. Мы вынуждены были её продолжать, потому что европейским монархам не понравилось усиление Руси. В 1561 году германский император Фердинанд специальным декретом запретил пропускать через подвластные ему земли в Московию европейских мастеров и военные материалы, а в Ливонии за подобное деяние вообще грозила смертная казнь!

Кроме того, на руку врагам Московии были наши внутренние распри. Основной бедой тогдашнего русского войска являлось требование бояр назначения на посты согласно заслугам их предков. Они кричали: коли мой дед командовал крылом войска, значит, и мне тот же пост положен. Пусть я дурак или вьюнош несмышлёный, всё равно пост командира крыла — мой! Пусть этот князь мудр и в военных делах опытен, но он под рукой моего деда ходил. Значит, не я ему, а он мне подчиняться должен!



Происходили и случаи прямой измены. Новгород и Псков тайно вели переговоры с Польшей и Литвой о переходе под власть короля или Великого князя! Они думали таким образом получить для своих купцов свободный выход на европейские рынки. Русские князья и воеводы под действием личных обид или подкупа переходили на сторону врага. Глядя на то, как польская шляхта выбирает себе королей, вынуждая тех давать магнатам всё больше прав и привилегий, русские бояре мечтали и в Московии завести подобные порядки, и эти мечты толкали их на измену.

Поздней ночью 30 апреля 1564 года главный московский воевода всех русских войск в Ливонии князь Андрей Михайлович Курбский вместе с несколькими служилыми людьми бежал из Юрьева в Литву. До этого он, как мы узнали позже, долго вёл тайные переговоры с польским королём Сигизмундом Августом и гетманом Радзивиллом. Король Сигизмунд ещё 13 января 1564 года в своём письме Раде Великого княжества Литовского поблагодарил витебского воеводу Радзивилла «за старания в отношении Курбского». Как оказалось, чтобы доказать Сигизмунду серьёзность своих намерений князь Андрей Курбский передал Радзивиллу планы передвижения русских войск в Ливонии. В результате этого предательства 25 января 1564 года мы потерпели поражение в сражении под Улой.

Король Сигизмунд не обманул знатного перебежчика. В июле 1564 года князь Андрей Курбский получил в своё владение обширные поместья в Литве и на Волыни. Ему было передано староство кревское и до десяти сёл в Упитском повете, а на Волыни — город Ковель с замком, местечко Вижва с замком, местечко Милянчи с дворцом и 28 сёл.

Польскому королю не пришлось пожалеть о своей щедрости. Поскольку бывший главный московский воевода всех русских войск князь Андрей Курбский прекрасно знал, как устроена оборона западных рубежей Руси, при его участии войска Великого княжества Литовского много раз устраивали засады на русские отряды. А уже в конце сентября того же года изменник Курбский пришёл на Русь одним из воевод большого польско-литовского войска.

Измена бывшего ближайшего друга, князя Андрея Курбского, то, что он бежал в Литву и теперь воюет против своей родины на стороне польского короля, явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения государя. Царь. Иван Васильевич окончательно



решил либо покончить с самовластием бояр, либо оставить престол государства. Именно тогда он покинул Москву, переехал в Александрову слободу и согласился вернуться на трон лишь при согласии народа на организацию опричнины. В новой, опричной, армии воины клялись в преданности одному лишь государю, и карьера их зависела только от их личных качеств. Так что введение опричнины было жизненно необходимо для сохранения и упрочения царской власти и русского государства.

Не только государство, но, к сожалению, и армия разделилась на опричную и земскую части, которые взаимно не доверяли друг другу. Это несколько раз приводило к тяжёлым поражениям в битвах и неоправданным потерям. Особенно, когда к несогласованности действий воевод добавлялось прямое предательство обиженных на царя бояр.

Весной 1569 года из Великого Новгорода в Москву были переселены сто пятьдесят семей ненадёжных бояр, мечтавших передать город под власть польского короля. На их место из Москвы переехали в Новгород опричные дворяне. Это была обычная метода Ивана Васильевича замирения земель со времён покорения Казани. Татарская и ногайская конницы давно влились в русские отряды, воевавшие в Ливонии, а вот с Новгородом и Псковом постоянно возникали всяческие неприятные для государя проблемы.

Дополнительные трудности доставляла и свирепствовавшая в это время на Руси, особенно в тех, северо-западных землях, чума. Да и в самой Москве каждый день умирало по шестьсот человек. Города и сёла пустели не только из-за тягот войны в Ливонии и набегов крымских татар, но и по причине три года свирепствовавшего в государстве мора.

В конце лета 1569 года наш тайный соглядатай новгородский помещик Пётр Иванович Волынский сообщил Малюте о новом боярском заговоре. Подкупленный царский повар должен был в указанное время отравить Ивана Васильевича ядом. Одновременно с этим князь Владимир Старицкий при помощи верных ему боярских отрядов обязался уничтожить опричную охрану, арестовать царскую семью и захватить престол. Князя Старицкого немедленно должны были признать царём Всея Руси заговорщики в Москве, в том числе и из высших опричных кругов, боярская верхушка Новгорода и польский король Сигизмунд.



Новый русский царь обязывался отменить опричнину и немедленно завершить Ливонскую войну. Польша должна была получить Псков и Новгород, а новгородская знать — вольности польских магнатов.

Царский повар умер на дыбе, но кто-то всё же сумел отравить царицу Марию Темрюковну, и та после тяжёлой болезни умерла шестого сентября 1569 года. Похоронив жену, царь Иван Васильевич вызвал к себе князя Владимира Старицкого и показал изобличающие того документы.

Я стоял в карауле у дверей и прекрасно слышал, как князь рыдал, ползал на коленях и просил царя пощадить его жизнь. В ужасе от предстоящих пыток, князь Старицкий не стал отпираться, кричал, что на измену его подбила собственная мать, мечтавшая увидеть сына на русском троне.

— Три года назад, — ответил князю Владимиру государь, — моя разведка перехватила письма от польского короля и от литовского гетмана ко многим русским боярам. По совету Малюты их всё же доставили адресатам. И оказалось, что из всех этих бояр один только князь Бельский не вступил с Сигизмундом в переписку и передал мне письмо, в котором польский король предлагал ему за измену обширные земли в Литве. Остальные бояре ответили королю и составили заговор. Они предполагали с верными им воинскими отрядами окружить мой лагерь в Ливонии, перебить опричную охрану и выдать меня полякам. Вот у меня копия письма агента польской короны Шлихтинга, в котором он сообщает Сигизмунду:

«Много знатных лиц, приблизительно тридцать человек, письменно обязались, что предали бы Великого князя вместе с его опричниками в руки Вашего Королевского Величества, если бы только Ваше Королевское Величество двинулись на страну».

А на русский престол изменники опять решили посадить тебя!

— Меня оклеветали! — истерично закричал князь Старицкий. — Ты же знаешь, государь, что суд Боярской Думы меня оправдал.

— Да, знаю, — согласился царь Иван Васильевич. — Тебя спасло то, что главарём мятежников все называли боярина Челяднина-Фёдорова. А знаешь, почему указали на него, а не на тебя? Такова была моя воля, и Малюта её исполнил! Не хотел я, чтобы мой двоюродный брат, Рюрикович, был казнён на площади при всём честном народе за измену и покушение на жизнь помазанника Божия.



Много лет назад, помнишь, брат, когда я тяжело болел и готовился к смерти, бояре отказались присягать на верность моему первому сыну Димитрию. Они хотели посадить на русский трон тебя, князя Старицкого. И ты не воспротивился этому! Я как правове́рный христианин тогда тебя простил и, как завещал нам Господь, подставил вторую щеку. А ты устроил заговор против меня!

Я опять тебя простил, и твою вину переложили на боярина Челюдина-Фёдорова. Я надеялся, что ты, брат, оценишь моё милосердие к тебе, а увидав воочию муки и казнь заговорщиков, навсегда отринешь от себя даже мысли об измене. Но ты почему-то не понял ясного намёка и продолжил идти путём Каина. И вот теперь я говорю тебе:

«Всё, князь Владимир, я не буду больше тебя жалеть. Вы отравили царицу Анастасию, которую я любил без памяти, ныне отравили Марию — мою вторую жену, хотели убить меня! Не брат ты мне отныне, князь».

— Прости, государь! — выл князь Старицкий. — Это всё мать! Она меня заставила. Я не хотел! А про отравление цариц Анастасии и Марии, мне ничего не известно. При мне никогда об этом речи не велись. Сошли меня в самый далёкий монастырь, государь, только избавь от пыток и смерти...

— Ну, что ты, князь Владимир, успокойся, никто тебя пытать не будет. И встань — негоже Рюриковичу на коленях ползать, вымаливая пощаду. Малюта, посади князя Старицкого за стол и налей ему кубок его любимого вина вон из того сосуда, а мне — квасу в чашу. Ты ведь знаешь, князь, я сам вина не пью, но тебе оно сейчас необходимо, так что в вину тебе сей порок не поставлю, пей смело.

Когда князь Старицкий успокоился, Малюта лично проводил его до крыльца, и тот свободно уехал домой. Когда они выходили от царя, Иван Васильевич увидел меня.

— Это ты, Бориска? — сказал он, хмурясь. — Ну-ка зайди и закрой дверь!

Царь долго молчал, испытующе глядя на меня. Потом спросил:

— Всё слышал?

— Всё, государь!

— Хорошо, что не соврал. И хорошо, что Малюта именно тебя у моих дверей сегодня поставил. Молчи, о том, что услышал! Совесть моя чиста — я дважды подставлял щеку. Третьей щеки у меня нет,



поэтому пришло время вспомнить иную библейскую заповедь: око за око! Малюта влил князю в кубок с вином яд, которым должны были отравить меня. Ты теперь, Бориска, знаешь царскую тайну. Проговоришься, умрёшь лютой смертью. Сумеешь молчать, щедро награжу. А теперь иди на свой пост и никого ко мне не пускай. Молиться буду...

На следующий день все узнали, что князь Владимир Старицкий умер в своей постели от внезапного недуга. Но Малюта вскоре узнал, что со смертью князя Старицкого изменники не отказались от своих планов. Теперь заговор возглавил новгородский архиепископ Пимен. Несмотря на чуму, царь Иван Васильевич лично двинулся во главе войск к Новгороду. Вечером 2 января 1570 года передовой отряд опричников выставил заставы вокруг города, а 6 января в Новгород вошли царь и мы, его личная охрана. Были арестованы знатные новгородцы, чьи подписи стояли под договором с королём Сигизмундом.

Иван Васильевич не стал тянуть следствие, и уже через месяц состоялся суд. Были казнены полторы тысячи изменников. Англичанин Джером Горсей в своей книге «Записки о России», пользуясь тем, что в Европе мало кто знает о нашей жизни, написал, будто тогдашней зимой опричники перебили в Новгороде семьсот тысяч жителей. И европейцы в эту ложь верят! По себе, видать, судят. А ведь и в самые лучшие времена в Великом Новгороде не насчитывалось больше тридцати тысяч человек. Подлый англичанин просто нагло списал историю разорения французского города Льежа бургундцами Карла Смелого в 1468 году. Сто лет прошло, кто вспомнит в Англии, что там было во Франции?

И ещё, Фёдор, в те дни, когда мы вошли в Новгород, река Волхов промёрзла до самого дна. А в книге Горсея опричники плавают на лодках, убивая тонущих новгородцев! Какую только ложь не изрыгали враги царя Ивана Васильевича...

Да, той зимой конца 1569 — начала 1570 годов Великий Новгород сильно опустел. Ещё до нашего прихода жизни тысяч новгородцев унесла чума, поэтому и сильного сопротивления опричному войску практически не было. По приговору царского суда казнили полторы тысячи изменников. Многие новгородские семьи переселились на литовскую границу: в Себеж, Озерище и Усвят. В Москву на этот раз никого не взяли, но как показали последующие события,



там и так уже было немалое кубло предателей. Во время следствия в Новгороде было установлено участие в заговоре близких к царю опричников и бояр: Вяземского, отца и сына Басмановых, Фуникова и дьяка Висковатого. Все они были казнены, когда царь вернулся в Александрову слободу.

## 12. Расскажи мне...

*Мы на многое не отваживаемся не потому, что оно трудно. Оно трудно именно потому, что мы на него не отваживаемся.*

**Сенека Старший**

— Мне в типографию, — сказал Лидин замученному пожилому охраннику у входа в пединститут.

Тот молча взял его паспорт, переписал с него что-то в толстенный grossбух и махнул рукой в сторону лестницы.

— Подниметесь на второй этаж, пройдёте по нему налево до конца, там будет ещё одна лестница. Спуститесь по ней в подвал, там увидите железную дверь с табличкой.

Лидин сунул паспорт в карман и пошёл сквозь бурляще-галдящие студенческие толпы к лестнице, пронзающей здание института насквозь широкими зигзагами своих пролётов. Неожиданно на Игоря нахлынуло давно забытое ощущение: когда-то, в далёкой теперь юности, он, одинокий, так же шёл в оглушительно горланящей толпе незнакомых лиц. То были другой город, другой институт, другая страна и другое тысячелетие на дворе. Но лестница в том московском институте была немного уже и круче, и девушки старались держаться на ней ближе к стене, чтобы ребята, толпящиеся в вестибюле и курящие на нижних пролётах, не заглядывали им под мини-юбки. А эти, нынешние, непринуждённо облакачивались о перила, абсолютно не волнуясь о том, что их стринги ничего практически не скрывают от нескромных взоров. Что это: прогресс или регресс — ведь именно дикарей менее всего смущает нагота?

Мы живём в странное время. Лихорадка стяжательства и предпринимательства охватила всех: и людей — вчерашних строителей коммунизма, и организации, в том числе и государственные. В продуктовых магазинах торгуют пылесосами и стиральным порошком,



а в промтоварных — продуктами. Закрылось множество детских садов и ясель, и на их месте появились офисы различных фирм.

Вот и институтская типография, в которой раньше печатались только методички, экзаменационные билеты и статьи местных преподавателей, превратилась в частное предприятие — маленькое издательство, печатающее теперь кроме обычного институтского набора различные визитки, буклеты, рекламные плакаты, небольшие тиражи книг и даже газету, большую часть которой занимают рекламные объявления.

Лидин долго жал на кнопку звонка, прежде чем железная дверь со скрипом отворилась. В издательстве было не до него: здесь вовсю праздновали день рождения начальника. Все сотрудники, видимо, собрались в его кабинете, откуда громко хрипел почему-то модный в среде нынешней российской интеллигенции блатной «шансон». Но Лидина провели в тихую каморку с тремя столами, один из которых был полностью завален папками с рукописями и пачками чистой бумаги, а на двух других мерцали заставками мониторы компьютеров.

— Сейчас придёт Лена и всё вам покажет, — пообещала багровая от духоты и выпитого вина полная женщина, открывшая Игорю дверь, и вышла.

Лидин начал прикидывать: уйти сразу или сидеть и ждать неизвестно сколько? Людям явно не до него. У них, можно сказать, среди дня вечеринка в полном разгаре, а тут припёрся какой-то хмырь и требует к себе внимания. Но с другой стороны — он заранее звонил, договаривался, пришёл без опоздания. Кто устраивает сабантуй в два часа дня на рабочем месте да ещё в понедельник? И всё равно Игоря точило иррациональное чувство вины. Он уж было твёрдо решил уйти, но тут дверь распахнулась...

Лена пришла не одна, но едва взглянув друг на друга, и она, и Игорь тут же позабыли о её спутнике. Свершилось чудо: встретились две половинки. Они поняли это сразу, одновременно. Игорь «узнал» её, а Лена «узнала» его, хотя до этого они никогда не встречались.

Они сели перед одним из мониторов, Лидин достал из сумки тяжёлый фолиант. Лена что-то спросила, попутно выводя компьютер из «спячки», Игорь что-то ответил, а сзади них обиженно пыхтел, переминаясь с ноги на ногу, молодой красавец-атлет. Оба стула





заняты Игорем и Леной, и приткнуться незадачливому кавалеру было совершенно негде. Лидин по знаку девушки открывал крышку сканера и переворачивал толстые листы фолианта. Они с Леной сидели, что-то говорили друг другу, не слыша и не понимая ответов.

«Просто наваждение какое-то! — думал Лидин. — Я вдвое старше неё! У меня дочь ей ровесница. Рядом молодой красавец копытом бьёт, а она с меня глаз не сводит! А я-то сейчас далеко не тот, что был раньше: над ремнём брюк волной нависает небольшое пузико, густые в юности волосы поредели, приобрели пепельный цвет, глубокие морщины избороздили лоб. Хотя вот усы и брови остались по-прежнему угольно чёрными, и зеленовато-голубые глаза не утратили живости и блеска».

— Лен, ну скоро? — басит сзади парень.

— Ты иди, Лёш, развлекайся. У нас тут ещё на полчаса дел, не меньше. Потанцуй пока с Веркой.

Парень бросил на Лидина недовольный взгляд и вышел.

Когда сканирование закончилось, и Лена скинула файлы на флешку Игоря, они ещё минут пять сидели и смотрели друг на друга, не в силах расстаться.

— Подожди меня, — сказала она тихо. — Я только возьму сумочку...

И никто из них не заметил, когда и как они перешли на ты.

Они молча шли, стараясь даже случайно не коснуться друг друга. Куда? Зачем? Кто кого провожал: он — её, или она — его?

«Что ты молчишь? — в десятый раз мысленно спрашивал себя Лидин. — Говори что-нибудь. Язык проглотил? А ещё писателем себя мнишь!»

«А о чём говорить? — отвечал он сам себе. — Я старше неё минимум лет на двадцать! Мы живём с ней в разных мирах. Я и с дочерью-то не всегда могу найти общую тему, хотя знаю все её интересы и наклонности. Или думаю, что знаю».

«Всё равно, что говорить — только не молчи, идиот! Сейчас она остановится, скажет, что пришла, и исчезнет навсегда...»

— Давай зайдём на почту, — вдруг предложила Лена. — Мне надо получить перевод.

Лидин кивнул. Они поднялись по трём выщербленным бетонным ступенькам, Игорь с трудом отворил прижатую тугой пружиной железную дверь и пропустил Лену вперёд.



«Рыцарь, блин, нашёлся! — язвительно обругал он себя. — А язык проглотил...»

В помещении было душно. Воняло потом и злобой. Из трёх окошек работало всего одно, и к нему выстроился скандалящий хвост крикливых пенсионерок, сжимающих в руках ворохи квитанций оплаты жилья, газа, электроэнергии и прочего.

— Ненавижу очереди, — выдавил из себя Лидин и тут же испугался, что Лена сейчас с ним распрощается, сказав, что не хочет его затруднять.

— Подожди, — неожиданно попросила она. — Здесь работает моя подруга: она обычно сидит вон в том окошке. Наверно куда-то отошла или пьёт с почтальонками чай. Но если ты торопишься...

— Нет, — с облегчением ответил Игорь. — Конечно, я подожду.

Лена решительно подошла к неработающему окошку, на прилавке которого лежало объявление: «Касса не работает», и что-то сказала сидящей внутри со скучающим видом полной девице. Та нехотя встала и пошла в соседнее помещение.

Лидин двинулся вдоль витрин, разглядывая содержимое их полок. Чего тут только не было! Рулоны туалетной бумаги всех цветов радуги, постельное бельё, стиральный порошок, детские игрушки, дамские романы, фантастика и детективы, красочные детские книги, диски с фильмами и музыкой, альбомы, батарейки и рамки к фотографиям. И только в самом тёмном углу, в последней секции, он увидел полки с истинно почтовыми товарами: конвертами всех сортов и размеров, открытками, пакетами бандеролей, наборами авторучек...

— Всё в порядке! — Вернулась Лена. — Сейчас Аня принесёт деньги и квитанцию. А что ты тут рассматриваешь столь увлечённо?

— Надо же, гляди — марки продают!

— Ну и что? Это ж почта!

— Я собирал их когда-то, в дни юности...

— У тебя есть коллекция марок?

— Валяется где-то. Удивительно, посмотри: некоторые марки здесь, на витрине, ещё советские! Вот эти, красочные, на которых изображены картины великих художников, парусники и броненосцы, портреты героев и писателей, видишь, на них написано: «Почта СССР». А вот эти, невзрачные, маленькие — «Почта России», их только на конверты клеить, а не в альбомы собирать.



— Я думала, коллекционеры берут всё подряд. Как говорится: для коллекции.

— И я сначала жадно хватал всё, что мог. Зарубежные марки в нашем захолустье были, разумеется, редкостью, а вот выбор советских и тогда был неплох. У нас просто «слюнки текли», когда мы разглядывали всё это красочное богатство на витринах киосков «Союзпечати» и на почте. А вот денег-то в карманах не было! Поэтому мы не покупали марки, а больше менялись ими. Клянчили у соседей и знакомых конверты пришедших им писем и потом аккуратно отклеивали с них марки над паром кипящего чайника. Пусть они были «гашёные», со следами почтовых штемпелей, всё равно каждое приобретение было праздником.

Почтальонку караулили у дома каждый день, чтобы узнать, кому пришли письма. Альбомов, а тем более кляссеров, у нас ни у кого не было. Мы хранили свои коллекции в обычных конвертах. В конвертах и приносили их на обменные встречи. Собирались в каком-нибудь подъезде, раскладывали марки на ступеньках лестницы. Хвастались приобретениями, обменивались. Больше всех задирали нос, кто умудрялся приобрести целый блок.

— Что такое блок?

— Блок — это набор марок общей тематики.

— Как блок сигарет, что ли?

— Нет. В сигаретном блоке все пачки одинаковые. А в марочном все марки разные, хоть и скреплены они между собой в единое целое. Можно, конечно, этот блок разорвать по зубчикам на отдельные самостоятельные марки, и некоторые почтальонки так и делали, когда кончались обычные марки, а клиенту надо было отправить письмо, бандероль или посылку. Простым гражданам было всё равно, из блока марка или простая — лишь бы цена её покрывала стоимость пересылки. А мы, филателисты, конечно, хотели иметь целый блок, а не оторванные от него части. Бывают блоки и из одной марки, но тогда она является как бы частью большой картины, находится внутри неё.

Позднее, когда моя коллекция разрослась, я уже перестал хватать всё подряд. Мне подарили настоящий альбом, и я начал расклеивать в нём марки по тематикам. И вот, когда я их сортировал: эти — живопись, эти — фауна, эти — флора и так далее, мне впервые пришлось в голову, что не все марки мне интересны. Вот тогда я



шагнул на следующую ступень коллекционирования и стал избавляться не только от двойных экземпляров, но и от марок не интересной мне тематики, стараясь обменять их на нужные.

У меня было много марок Ленинианы, самая большая часть моей коллекции, и я, неожиданно для друзей безжалостно пустил её на обмен.

Ленин окружал нас тогда буквально со всех сторон — марки, значки, открытки, плакаты, песни, фильмы, книги, и я считал, что так будет всегда. А вот картины художников, флора и фауна, космос — это в нашем провинциальном городке я мог увидеть только на марках. Теперь я жалею об отринутой тогда Лениниане, так как ситуация кардинально изменилась.

— А теперь ты не собираешь марки?

— Нет. Давно уже. Хотя альбомы храню.

— А почему?

— Почему не собираю марки или почему храню?

— Почему хранишь. Я знаю, что хобби не может длиться вечно. Я сама и мои подруги чего только не собирали! Один знакомый парень даже банки из-под пива собирал. Но со временем все переключались на что-нибудь другое, и ту гору жестянок мы всей компанией однажды дружно сдали в утиль.

— А я не смог расстаться с марками, хотя бывали времена, когда мне просто позарез нужны были деньги, и я не раз видел в газетах объявления: «Куплю марки». Видишь ли, эти альбомы для меня, как напоминание... В общем с марками у меня связана одна история, довольно неприятная. Все мы когда-нибудь делаем подлость или поступок, которого позднее стыдимся. И стараемся как можно быстрее забыть об этом и не вспоминать никогда. Как будто ничего и не было. Кому нравятся муки совести? Но ведь если забыть, то можно и повторить! Ничто не остановит. И вот марки не дают мне забыть...

— Расскажи.

— Рассказать? То, что принято скрывать?

— Расскажи, мне можно.

— Хорошо. Это было в детстве, в классе шестом или седьмом. У нас была обычная для тех времён рабочая школа. Рабочая — не в смысле для рабочих, а просто в ней учились дети рабочих нашего завода. Все практически жили в одном районе сталинских бараков



и хрущовских коммуналок. Все мы были, как сейчас вновь принято выражаться, одного круга.

И вот когда начался очередной учебный год, в сентябре в наш класс вошла новенькая.

— Это — Оля Жупанова, — представила её Кувшинка, наша классная руководительница. — Дочь нового главного инженера Колмзавода. Она будет учиться в вашем классе. Лидин, — обратилась класснуха ко мне, — пересядь пока на заднюю парту. Оля недавно вернулась с родителями из Монголии, ей надо как можно быстрее влиться в наш учебный процесс.

Я не был отличником, но учился довольно ровно по всем предметам, без двоек и почти без троек. А вот мой сосед по парте, Толян, был отпетым хулиганом и двоечником. Поэтому Кувшинка посадила нас за первую парту, прямо перед учительским столом. Типа, я должен помогать Толяну в учёбе, разъяснять ему непонятое на уроке, а бдительное око учителя пресечёт любые попытки хулиганства и отлынивания от учебного процесса. И вчерашний хулигандвоечник волей-неволей перекуётся в «хорошиста».

Разумеется, эта идея была чистой утопией. Да, у Толяна на первой парте стало меньше возможностей для проделок, но и учиться он отнюдь не собирался. Просто назло Кувшинке хотя бы. А каверзы по его приказу стали делать другие ребята. Кулаки Толяна были лучшими стимулами для несогласных и колеблющихся. Зато я неожиданно превратился, так сказать, в «особу, приближенную к императору». Меня перестали задирать и сам Толян, и его хулиганистое окружение. У нас сложился некий симбиоз: я давал Толяну списывать у меня домашние задания, решал за него контрольные, а он стал, как говорят сейчас, моей «крышей».

Ты только не думай, что я помогал Толяну из страха перед ним. Нет! Толян был моим кумиром. Мы жили с ним в одном дворе, и он и там был всеобщим заводилой и атаманом нашей мальчишеской стаи. Только Толян крутил «солнышко» на дворовых качелях. Никто не мог этого повторить. Уверяю тебя, я не раз пытался. Но как только мои ноги начинали отрываться от опоры в близкой к зениту точке, мои руки, на которых повисало почти вниз головой тело, слабели и я, судорожно вцепившись ими в железные поручни прекращал раскачиваться, стараясь прочнее утвердиться на ватных ногах. И, видимо, то же самое происходило и с другими ребятами нашего



двора. И все мы с восхищением следили за тем, как Толян «крутит солнце», замирая на секунду в высшей точке оборота вниз головой.

Так же я никак не мог заставить себя до конца пройти «усыпление». Несколько ребят хватали кого-нибудь за руки и за ноги, зажимали рот и нос, не давая дышать, и сдавливали живот и грудь. От недостатка кислорода парень терял сознание. Его сразу отпускали и клали на землю. Через несколько минут тот приходил в себя. Главное в этой забаве было не струсить и дойти до конца. Преодолеть страх смерти. Дело это было совершенно добровольное, и испытуемый в любой момент мог остановить процедуру просто постучав кистью своей руки по себе или по кому-либо из державших его ребят, как это делают, сдаваясь при болевом приёме, борцы на ринге. Я несколько раз пытался, но так и не смог дойти до конца. А Толян и в этом испытании всегда был на высоте.

Так что он не был банальным тупым хулиганом с большими кулаками и маленьким интеллектом. Думаю, Толян был умнее и способнее меня. Он просто не желал «быть как все», не хотел зубрить уроки «от сих до сих» и тем зарабатывать отметки и авторитет. Он уже тогда знал, что его удел — завод, станок и водка. Всё, как у отца, деда, прадеда... К чему зубрить всякие физики, химии, истории... И когда нас неожиданно посадили за одну парту, я был только счастлив и горд таким соседством. А уж то, что я в чём-то превосхожу своего кумира и могу ему помочь... Сама понимаешь.

Списывать у меня, даже сидя на первой парте, для Толяна не составляло никакого особого труда. Я думаю, сами учителя всячески старались предоставить ему такую возможность. Они не сидели за своим столом, а ходили по классу или долго стояли у окна, глядя на улицу.

И вот неожиданно Кувшинка нарушила сложившееся равновесие. Конечно, новенькая сразу привлекла к себе всеобщее внимание. Это была красочная бабочка среди муравьёв. Даже её школьная форма была сшита из какой-то невиданной у нас, явно дорогой материи. Оля вовсе не была красавицей, нет. Это была пухленькая приземистая девочка, без талии и груди, с короткими и жидкими прямыми волосами неопределённого серо-каштанового цвета, тусклыми маленькими глазками на грушевидном лице и брезгливыми губами. Но вела себя она, как принцесса, случайно зашедшая в свинарник. Девчонки вились вокруг неё стайей, и некоторые из них



тоже стали поглядывать на нас, ребят, свысока. Не походили мы на тех «принцев», что прежде окружали «принцессу». Девочки жадно, с завистью разглядывали фотографии Оли в небывалых нарядах в окружении столь же изысканно одетых мальчиков на фоне экзотических пейзажей.

— Это мы в Африке, это — Вьетнам, а это — в Монголии... — небрежно комментировала «принцесса».

Оля приносила в класс иностранные красочные журналы, и девчонки на переменах с ахами и охами разглядывали фотографии зарубежных див, пытались подражать их манерным позам, взглядам, лицам.

Нам, мальчишкам, всё это было и смешно, и обидно. Конечно, сейчас мы знаем, что Монголия — это нищая страна, большую часть которой занимает пустыня. Но всё равно, это — граница, иной мир. Никто из нас даже не мечтал когда-либо туда попасть. А вот Оля побывала. И не только в Монголии, но и где-то в Африке. И, конечно, многие, а может, и все мы, ей завидовали. И относились соответственно, позволяя ей вести себя с нами надменно и порой пренебрежительно.

Но скоро всё резко изменилось. Пришла пора контрольных, и Толян по привычке сунулся к соседке, чтобы списать решение. Однако Оля, резко отстранив его, громко пожаловалась учительнице, что сосед ей мешает и пытается списывать. Лебезившая перед дочкой Главного инженера учительница приказала Толяну выйти из класса. В звенящей тишине Толян встал. Оглядевшись, принял сочувствующие мужские и ехидные девчачьи взгляды, потом спокойно посмотрел на торжествующую Олю Жупанову и громко сказал ей:

— Жопа ты, а не принцесса.

Мужская половина класса зашлась от хохота. Девчата, потупив глазки, еле сдерживали смех, хотя и не могли сдержать улыбок. Жупанова впала в ступор. Наконец опомнившаяся учительница забежала по классу, застучала указкой по партам, восстанавливая тишину. Толян уже был у двери, когда учительница приказала ему вернуться и извиниться перед Олей Жупановой.

— За что? — удивился Толян. — Разве я виноват, что она — жопа?

Класс снова грохнул, и на этот раз смеялись все: и ребята, и девчонки. Красная, как рак, Жупанова вскочила и вылетела из класса, оставив дверь распахнутой настеж.



— Прекратить немедленно! — заорала испуганно-взбешённая произошедшим училка, замолотив по столу указкой.

На шум, как утка переваливаясь на коротких ножках, прибежала Кувшинка.

— Что здесь происходит?

Училка, лицо которой то бледнело, то покрывалось красными пятнами, что-то быстро зашептала той на ухо, показывая указкой то на Толяна, то на опустевшее место Жупановой.

— Тихо! — Властно взмахнула рукой Кувшинка, ликвидируя последние смешки. — Петухов, завтра я жду твоих родителей.

— А что я сделал? За что? — хмуро поинтересовался Толян.

— За оскорбление Оли Жупановой — раз, и за срыв контрольной — два. И вообще, того слова, которым ты обозвал Олю, в русском языке нет!

Надо сказать, что «Кувшинкой» мы назвали класснуху не в честь цветка. И теперь, когда она стояла перед нами, уперев свои тонкие ручки в мощные бёдра, мы в очередной раз убедились, что не ошиблись в выборе кликухи. И когда Толян, прямо глядя на соответствующую часть амфорообразной фигуры Кувшинки, внятно сказал: «Как же так — жопа есть, а слова нет?», весь класс снова зашёлся от хохота.

Толяна тогда чуть не исключили из школы. Но в конце концов всё обошлось. Отец Жупановой оказался нормальным мужиком, как видно, тоже не любившим ябедников и доносчиков, и не стал требовать драконовских мер по отношению к Толяну. Меня снова вернули на первую парту, а вот Оля Жупанова с тех пор сидела одна.

Сначала она восприняла это как привилегию и по привычке задрала нос, но вскоре оказалось, что никто и не хочет с ней соседствовать. Доносчиков мы не уважали, и Оля из «принцесс» неожиданно упала на самую нижнюю ступень классовой иерархии, превратившись во всеобщую мишень для насмешек и издевательств. Обидная кличка прилипла к ней намертво. Те, кто ещё вчера пресмыкались перед ней, стали самыми ярыми её мучителями.

Я не буду тебе пересказывать все унижения, через которые прошла Оля, пытаясь если не вернуть своё прежнее положение, то хотя бы избавиться от настоящего. Она лестила, лебезила перед своими обидчиками, приносила в класс конфеты, пирожные и торты, делала мелкие подарки — ничего не помогало.





Толян Жупанову не трогал. Ему под страхом исключения запретили даже смотреть в её сторону. Но ты же понимаешь, что Толян и не нужно было участвовать в травле лично. Достаточно было подмигнуть одному, показать кулак другому, кивнуть третьему...

А девчонки просто мстили Жупановой за своё прежнее преклонение перед ней. Нет никого несчастней падшего ангела...

— А причём здесь марки? — спросила Лена.

— Сейчас дойдём и до марок.

Лидин печально вздохнул.

— Однажды Жупанова поняла, или кто-то подсказал ей, что главным дирижёром травли является Толян. Она попыталась подкупить его, но тот презрительно отказывался и от конфет, и от подарков. И тогда Оля обратилась ко мне. Ведь мы с Толяном составляли некий симбиоз, взаимозависимую пару, и только я мог хоть как-то повлиять на него. Она знала, чем подкупить меня и принесла в класс марки. И не просто марки, а монгольские, вьетнамские и африканские! Ничего подобного ни я, ни мои друзья тогда не видели. С красочных зубчатых прямоугольников и треугольников на меня смотрели огромные динозавры, страшные африканские маски и зубастые крокодилы, а на гладких, без зубчиков, вьетнамских марках порхали невиданные бабочки. Да, я не смог устоять. Это была первая и последняя в моей жизни взятка! Никогда не забуду презрения в глазах Толяна, когда я заговорил с ним о Жупановой.

Лидин, рассказывая, смотрел в окно почты, боясь повернуться и увидеть такое же презрение в глазах Лены. Впервые после долгих лет старательного забвения его марочный позор стал известен кому-то ещё, кроме его школьного друга Толяна. И этот кто-то — девушка, перед которой хочется выглядеть рыцарем без страха и упрека, а не предателем и подлецом.

— И что было дальше? — тихо спросила Лена.

— Дальше? Сжимая кулаки, Толян спросил:

— Продал меня?

— Почему сразу продал? — промямлил я.

— Дурак ты, Гарик! Этими марками она столкнула нас с тобой. Жопа в долгу передо мной, потому что выдала училке, и теперь расплачивается за это. Ты был на одной стороне со мной, против неё. А теперь что?

— Я и теперь с тобой...



— Нет! Теперь ты ей должен! Ты взял её марки и обязан их отработать. Перешёл на её сторону. Понял?

— Фигня! Никуда я не переходил. Да, я **был** ей должен, но уже отработал свой долг, разговаривая о ней с тобой. Я обещал ей только поговорить! Заставить-то тебя я не могу что-то сделать или не делать... Просто скажи, будет ли когда-нибудь конец этой травли или нет, и я с ней в расчёте.

Толян выругался и расслабился.

— Ладно, Гарик, не бойсь. Бить тебя не буду. Потому что знаю: для тебя такие марки всё равно, что бутылка водяры для моего паши. Взял марки, и правильно сделал! Но я считал тебя умнее: неужто сам не дотумкался до того, что никак не дойдёт до этой дуры — Жопы? Не тем она со мной пытается расплачиваться! Не нужны мне её подачки. Она меня обидела при всём классе, дураком выставила. А просить прощения её, как видно, никто никогда не учил. Была б она парнем, я б, как положено, отвёл её после уроков за угол и... Ну, ты сам видел, как некоторые на коленках передо мной ползали, размазывая кровь по харе. Быстро понимали, что и как надо делать. А на Жопу мне и смотреть запретили, так что вот я её и вразумляю другим способом, да видно не понимает. Объясни ей, отработай марки...

— Держи деньги и квитанцию, Ленусь, — подошла к ним рыжая веснушчатая девушка, с лукавым интересом постреливая в сторону Лидина карим глазом. — Извини, что долго: старухи прям с ума посходили! И так каждый месяц. Как будто их чёрт разбирает приходить всегда в одно и то же время и толпиться со скандалом к кассам.

— Не судите их столь жестоко. — Ещё недавно немой язык Игоря никак не мог утихомириться. — Большинство из этих старушек одиноки. Где и с кем им ещё удастся поговорить, обсудить цены, пенсии и своё житьё-бытьё?

Они снова молча шли по улице, почему-то в обратном направлении. Вот уже и знакомый институтский скверик. Коробки студенческого общежития были рядом, в десятке метров от учебного корпуса института.

— Мне надо зайти, переодеться, — сказала Лена. — Подождёшь меня? Я мигом!

Лидин кивнул. «Вернётся или нет? — мучился он. Внезапно к горлу подступила изжога. — Зачем я рассказал ей свою постыдную



тайну!» Вокруг дымили сигаретами и громко гоготали группки студентов. Тополиный пух кружил в воздухе.

— Господи! — Поднял глаза к небу Лидин. — Почему мы встретились с ней только сейчас? Почему её не было в той студенческой толпе, четверть века назад? Или была, но я прокурил, прогоготал нашу встречу в такой же вот «петушиной» толпе, где каждый старается самоутвердиться или, по крайней мере, войти в ближний круг уже признанных лидеров и фаворитов?»

Лена действительно вернулась быстро, сменив платье на блузку и джинсы. «Простила!» — возликовал Лидин, и изжога немедленно исчезла. Они вновь пошли, как казалось Лидину, в никуда вдоль бесконечного ряда «студенческих» машин, заполонивших всю дорогу перед институтом, под прицелом насмешливо-недоумённых взглядов и шуточек их хозяев. «Надо что-то говорить, — мучился Игорь. — Но что?»

— Живёшь в студенческом общежитии? — выдавил он наконец из себя очевидную банальность. — А я думал, ты сотрудник издательства.

— Учусь на филологическом. Разве Галка тебе не говорила?

— Не помню, — смутился Игорь. — Кажется, просто сказала, что вы с ней — подруги.

— Не то чтобы подруги, — кивнула Лена. — Просто в одной группе учимся. А в свободное время я подрабатываю в редакции: перевожу рукописи в электронный вид, вычитываю гранки и тому подобное. Стипендии не хватает, не вагоны же мне разгружать!

— Вряд ли владельцы этих «железных коней», мимо которых мы идём, разгружают вагоны, чтобы заработать на бензин.

— Ну, а я не из таких, — вздохнула Лена и искоса взглянула на Игоря. — Нищие мы! Поступала честно, без блата и взяток. Живу в общежитии, подрабатываю вот в редакции и в ещё одном месте... Не в том, что ты подумал.

— Откуда ты знаешь, что я подумал?

— А что, разве нет?

— Нет, — решительно и твёрдо сказал Лидин. — Конечно, я знаю, как и многие в нашем городе, как «подрабатывают» некоторые студентки вашего института. Достаточно позвонить по определённому номеру, и приедет девочка, а то и несколько, по любому адресу, в любое время. Знаю, что «Дом малютки» в основном



заполнен отказными детьми студентов. Но я уверен, что заработки этих девиц позволяют им не подрабатывать в таких местах, как ваше издательство или ещё где-нибудь.

— Прости...

— Ничего.

Они медленно шли по размякшему от жары тротуару. Рядом ослепительно блестели отполированные трамвайными колёсами рельсы. Лена неожиданно взяла Игоря под руку, чтобы встречные прохожие не вклинивались между ними, прерывая и так нелёгкий разговор.

— Конечно, хочется жить не в этой мерзкой общаге, а хотя бы в отдельной комнате, одеваться в «фирму», а не «китайщину», ездить на собственной машине, пусть даже отечественной, — сказала она. — Но не такой же ценой! Здесь у меня, в груди, что-то не даёт. Лучше я буду набивать и править чужие рукописи. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Лидин. — Я ведь тоже из нищих. У нас практически вся страна была и есть из таких. Нас большинство! Также в своё время поступал в институт честно, без блата и взяток, по конкурсу. Это москвичей принимали всех — лишь бы сдали экзамены, хоть на троечку. А вот для нас, «иногородних», был конкурс на те места, что оставались после москвичей и принятых за взятку или по блату. А после основного конкурса — дополнительный: собеседование. Всегда ведь есть абитуриенты с одинаковым количеством баллов. И вот сидят люди в деканате, беседуют с ними (с нами!) и решают, кого взять, а кого отсеять, как «не прошедших по конкурсу». На основании чего они делают свой выбор, я до сих пор не знаю.

Мне повезло: меня приняли, хоть и без предоставления общежития. Для многих из нас, иногородних, в то время мест в студенческом общежитии не хватило, но обещали дать в новом корпусе, который ещё только начали строить. Ты вот считаешь общагу мерзкой, а мне почти два года пришлось скитаться по «углам».

У Надежды Дуровой, известной как «кавалерист-девица» — о ней ещё снят знаменитый фильм «Гусарская баллада», смотрела?

— Сто раз! Поручик Ржевский такой прикольный...

— Так вот, у той самой Дуровой есть небольшая повесть под названием «Угол». Эта девица, ведь, после войны с Наполеоном стала писательницей. Писала чисто женские вещи, хоть и ходила до конца



своей жизни в мужской одежде и велела всем называть себя мужским именем. Малоприятная, видимо, была особа! В той её повести героиня готова с радостью обменять свои шикарные апартаменты в богатом особняке на скромный «угол» в нищей избушке. А я эти «углы» стараюсь забыть, как страшный сон. Потому что «угол» — это просто постель на ночь в углу чужой комнаты, лечь в которую ты можешь только тогда, когда начнут ложиться спать хозяева, и с которой встанешь не позднее опять же хозяев.

После занятий в институте я мотался до позднего вечера по читальным залам и улицам весьма негостеприимной Москвы, — понаехали тут! — чтобы убить столь необходимое мне теперь время и прийти в свой угол к тому моменту, когда хозяева ложатся спать. «Угол» в «детской» комнате из-за постоянных шумных капризов и тихих пакостей детей я выдерживал недолго, а во «взрослой» хозяйева старались сдать все четыре угла! Твоё общежитие — просто рай по сравнению с некоторыми «углами», в которых мне пришлось пожить.

— А скинуться с кем-нибудь из сокурсников и снять комнату на двоих была не судьба?

— Это были первые годы моей студенческой жизни. Я встречался с сокурсниками только на лекциях и в курилках, знал ребят своей группы, а не весь курс. Все они где-то жили, никто не ходил с табличкой: «Ищу сожителей в снятой комнате». Жилищный вопрос — это просто кошмар!

— Кошмар, — согласилась Лена. — Думаешь, нам сейчас легче? Знаешь, мне часто снится один сон. Он каждый раз разный, но в то же время одинаковый. Я захожу в общежитие, иду знакомыми коридорами, подхожу к своей комнате, но за дверью почему-то слышны чужие голоса. В тревоге и недоумении я распахиваю дверь, и на меня с удивлением глядят незнакомые лица. Мои вещи перемешаны с чужими или задвинуты куда-то в угол. Все кровати заняты какими-то людьми. Мне здесь места нет! Меня охватывает внезапное чувство потери. Я выхожу и бреду в поисках коменданта уже почему-то незнакомыми коридорами. Те петляют, превращаясь в запутанный лабиринт. Отчаявшись, я поворачиваю назад, ищу свою комнату, но не могу найти...

В каждом новом сне это всегда другие коридоры и другие лица. Но каждый раз я совершенно уверена, что это именно моё



общеежитие, мои коридоры, моя комната. До того момента, как распахну дверь и войду...

Вот и сегодня ночью я вновь видела этот сон. Но на этот раз это была не каменная коробка, а деревянный барак. Скрипучие, стёртые сотнями ног полы. Грязные стены и двери, расписанные какими-то непонятными рисунками и надписями. И, тем не менее, я снова уверенно шла по своему коридору к своей двери, за которой меня как всегда ждали чужие голоса и незнакомые лица жильцов. И когда я вышла из этой комнаты в поисках коменданта, коридоры немедленно превратились в лабиринт. И начались блуждания...

Раньше я просто просыпалась с безумно колотящимся от страха сердцем и слезами разочарования. Но сегодня сон продолжился! Я каким-то чудом выбралась и нашла комнату коменданта. Это был новый поворот.

Молодая миловидная женщина в простеньком ситцевом сарафане приветливо встретила меня, усадила за небольшой деревянный стол, накрытый старой потрескавшейся клеёнкой, и участливо выслушала. Потом она достала обычную школьную тетрадь, на обложке которой было написано «Список жильцов».

— А компьютера у вас нет? — с удивлением спросила я. — В нём легче и быстрее найти номер моей комнаты.

— Чего? — с недоумением и жалостью взглянула на меня женщина и придвинула мне большой гранёный стакан крепкого ароматного чая. — Как, говоришь, твоя фамилия?

Она открыла тетрадь и стала неторопливо перелистывать её, водя указательным пальцем с коротко остриженным ногтем без малейших следов маникюра по списку имён. Я с изумлением увидела, что все страницы этой странной тетради покрыты разноцветными рисунками, поверх которых разными почерками фиолетовыми чернилами написаны имена жильцов и номера комнат. Портреты сменялись пейзажами и натюрмортами, но моего имени там так и не нашлось...

— И что было дальше?

— Будильник. Как думаешь, почему мне снятся эти сны? — с тревогой спросила Лена.

— Не знаю, — пожал плечами Лидин. — Я не верю толкователям снов. Может, сны — это просто варианты наших страхов и желаний, моделируемых усталым мозгом. Или отблески памяти о



прошлых жизнях. А может — короткие вспышки связи с параллельными мирами, где живут наши двойники. Скорее всего, у тебя обыкновенная тоска по собственному жилью.

— Думаешь?

Они молча прошли мимо трамвайной остановки, заполненной пёстрой толпой изнывающих на солнцепёке пассажиров.

— Может, ты и прав, — задумчиво произнесла Лена. — Знаешь, однажды вечером, когда я пришла с работы в общагу, то увидела, что моя соседка по комнате, Ирка Белая, валяется в непотребном виде абсолютно пьяная на кровати Ирки Чёрной и храпит.

— Интересные у твоих подруг фамилии!

— Это не фамилии. Мои соседки обе — Ирки. Но одна — блондинка, другая — брюнетка. И когда меня кто-нибудь спрашивает об одной из них, то...

— Понял. Продолжай.

— Так вот. Храпела Ирка, лёжа на спине. Юбка задрана до пупа, трусы разорваны, а на одеяле и бёдрах характерные, ещё влажные пятна. То ли её дружок, такой же пьяный, по-быстрому сделал своё дело и ушёл, даже не удосужившись укрыть чем-нибудь свою подружку. То ли кто-то из проходивших мимо нашей комнаты ребят воспользовался ситуацией. Хотя, дружок вряд ли уложил бы Ирку на чужую кровать.

Утром Ирка судорожно металась по комнате. Одна половина лица — белая, другая — красная. Ирки Чёрной в то время не было — она заболела и уехала домой, в деревню, лечиться бабушкиными вареньями и мёдом. Так что на вопросы Ирки Белой о том, что с ней произошло накануне вечером, пришлось отвечать мне. Эта идиотка даже не помнила, как и с кем оказалась вчера дома. Я, естественно, ничем не могла ей помочь. Но Ирка мне не поверила.

И с того дня отношения между нами стали ухудшаться. Чем больше ухмыляются окружающие в её сторону, тем всё более злобно та смотрит на меня. А чем я виновата? Я нашла себе ещё одну работу и стараюсь бывать в общежитии как можно меньше. Так что да, ты наверняка прав — я действительно мечтаю об отдельном собственном жилье! Ладно, оставим догадки и предположения о моих снах. Лучше расскажи, что было с тобой дальше.

— Дальше? Неужели я ещё не надоел тебе своими баснями? — улыбнулся Лидин.



— Нет, что ты! Мне всё о тебе интересно. Продолжай!

— Ну, хорошо. Значит, я остановился на московских «углах»...

На выходные я, конечно, приезжал домой, в Коломну. Отъедался, отсыпался и даже успевал встречаться со своей девушкой. Я был уверен, что живу в ужасных условиях, но настоящий ад начался, когда я лишился последнего «угла».

У нас был такой предмет — сопромат. Сопротивление материалов. В институте ходила присказка: кто сдал сопромат, может смело жениться. В варианте для девушек — выходить замуж. Потому что, «вся суть сопромата — где тонко, там и рвётся!» Вот такие пошлые намёки выдавали нам тогдашние преподаватели. На нашем факультете сопромат вёл довольно молодой и симпатичный мужчина. Назовём его условно — некто Балкин. Всегда ухоженный, модно одетый, довольный жизнью. Свои лекции он начинал с пересказа какого-нибудь западного детектива. Детективы тогда были страшным дефицитом, тем более — западные. И вот первые десять минут своей лекции Балкин рассказывал нам детектив. Не полностью, конечно, а только кусочек, с продолжением на следующей лекции. Это был его метод создания массовости посещения.

— Ой, у нас тоже есть такой препод! — радостно всплеснула руками Лена. — Не молодой, правда, но все девчонки от него год назад были просто без ума! Он с таким юмором вёл свои занятия, сыпал остротами и анекдотами. А однажды заболел и велел нам взять на кафедре его лекции и переписать пропущенные. И представляешь: все его остроты, анекдоты и прочие шуточки, что мы считали экспромтами, оказались аккуратно вписаны в тексты лекций! Облом был страшный! Теперь мы смотрим на него совершенно другими глазами.

— Ну, наше разочарование было намного страшнее, — усмехнулся Лидин. — Детективы Балкин рассказывал с блеском, артистично, а вот лекцию потом читал совершенно бесцветно и, прямо скажу, отвратительно. Преподаватель был из Балкина никудышный. Предмет свой он, конечно, знал прекрасно, но вот объяснить студентам «очевидные» — для него! — вещи не умел или не хотел. В результате, когда началась сессия, весь наш курс взвыл. Не сдал ни один человек! Студенты ходили к Балкину на пересдачу по семь — десять раз. Тот был суров и неумолим. Не миновала и меня сия участь. Этому Балкину, видимо, доставляло какое-то садистское





наслаждение нас «заваливать». А может быть, Балкин таким способом самоутверждался: типа доказывал, что умнее всех нас. Он ведь был не намного старше нас, только недавно закончил аспирантуру.

В очередной раз Балкин собрал нас на пересдачу в последний день сессии. Я ответил ему на все вопросы по билету и решил три задачи из четырёх, что он мне предложил. Любой другой преподаватель поставил бы за такой ответ минимум четвёрку, а этот мерзавец заявил, чтобы я пришёл к нему на пересдачу через три дня!

Ошеломлённый, я пытался протестовать, говорил, что мне не нужна пятёрка, что меня вполне устроит и тройка, но тот с ухмылкой заявил, что заставит нас выучить его предмет на «отлично» сейчас, во время сессии, раз уж на его лекциях мы были столь невнимательны.

— Но ведь сегодня последний день сессии! — говорю я ему.

— Ну и что? — пожал тот плечами в ответ.

— Меня лишат стипендии за неуспеваемость!

— А зачем вам стипендия? — сделал удивлённые глаза Балкин.

— Вы пришли сюда учиться, а не деньги зарабатывать! — с немыслимым пафосом заявил этот лощёный негодяй, окидывая меня и других ребят и девчонок, пришедших к нему на пересдачу экзамена, насмешливым взглядом. Он, видимо, был из обеспеченной московской семьи и никогда не имел материальных проблем. Не из нищих, короче.

Не только я остался тогда без стипендии, была масса жалоб в деканат, в том числе и от тех, кто не привык ходить за отметками более одного раза — сынков и дочек представителей московской «элиты». Стипендия им, конечно, была не особо нужна, но вот своего унижения они проигнорировать не могли, и, наверно, вмешательство именно их родителей привело к тому, что Балкина от нас убрали. Но я всё же на целый семестр тогда лишился стипендии, а с нею и «угла». Пришлось каждый день ездить в институт на занятия из Коломны. Полчаса от дома до вокзала, почти два с половиной часа на электричке до Москвы и от сорока минут до часа (в зависимости от того, в какое здание нужно попасть) на метро и далее пёхом до института. Корпуса нашего института разбросаны по всей Москве, а военная кафедра вообще в Мытищах! Вот и посчитай: треть суток уходила только на дорогу туда и обратно. Короче, я выезжал чуть свет на первой электричке и возвращался практически



уже в темноте. Успевал только наспех поесть и падал в койку. Спать в электричке я никогда не мог, зато на лекциях мои глаза сами закрывались намертво! Какая тут может быть учёба?

— А я засыпаю в любом транспорте, даже в трамвае! Сколько раз проезжала свою остановку. Теперь стараюсь больше ходить пешком. Если есть время, конечно. И что было с тобой дальше?

— Несколько месяцев я был вынужден каждый день мотаться на лекции из Коломны в Москву и обратно на электричках. С тех пор я ненавижу железную дорогу! Спасло меня чудо: достроили наконец наше общежитие. А что это мы стоим?

— Уже пришли... — печально вздохнула Лена.

— Уже? — неприятно поразился Лидин. — И куда ты сейчас?

— Это СЭС, — махнула девушка рукой в сторону стеклянных дверей. — Санэпидстанция. Моя вторая подработка: я тут — ночной сторож. Через десять минут кончается рабочий день, и мне нужно принять дежурство, проверить все окна, запоры и двери. Видишь, народ уже начал расходиться. Пора прощаться...

### 13. Беда любви

*Счастье есть лишь мечта, а горе реально.*

**Вольгер**

— Привет, Елена Прекрасная! Это я.

— Привет! Как ты узнал мой телефон?

— А для чего, по-твоему, существуют телефонные справочники? СЭС у нас в городе одна. Еле дозвонился до тебя, всё время занято...

— Это у тебя всё время занято!

— У тебя есть номер моего телефона? Откуда? — удивился Лидин. — В нашем городском справочнике нет домашних телефонов — только организации. Смотришь порой американские фильмы, и охватывает дикая зависть — у них там в каждой телефонной будке свободно лежат толстые справочники с номерами частных телефонов, а у нас это почему-то всё жутко засекречено. Конечно, как всегда под стандартным лозунгом о благе народа: защита частной информации и прочая подобная лабуда. Как же ты мой номер узнала?

— Эх ты! Забыл, что мы с твоей дочерью почти подруги? — подколола Игоря Лена. — Позвонила Галке, и та дала мне твой телефон. «Элементарно, Ватсон!»



— Если б ты не была так молода, я б назвал тебя «мисс Марпл».

— Не надо говорить о возрасте, ни о твоём, ни о моём! — отрезала Лена. — Ты вовсе не так стар, как преподносишь, а я давно не наивная девушка. У тебя же не отцовское ко мне чувство, а у меня к тебе — не дочернее.

— Ты права. Всё-таки удивительное дело — расстояние. Мы столько времени сегодня провели рядом, а говорили о какой-то ерунде, о том, что не касается нас обоих а только нас по отдельности. И вот мы далеко друг от друга и почти сразу заговорили о чувствах, о том, что нас связало.

— Да. Я только сейчас поняла, почему Татьяна написала то знаменитое письмо Онегину, а не сказала всё, что чувствует, ему при встрече. Мы с тобой шли по шумным улицам, ты рассказывал о марках и каком-то сопромате, а я ждала совсем других слов, и в то же время сама не могла их произнести. Почему так?

— Не знаю. Видимо, это последствия нашего воспитания. С раннего детства нам вдалбливают: это прилично, а это неприлично, нагота постыдна, это хорошо, а то — плохо. Вот и ходим всю жизнь «застёгнутые на все пуговицы», стесняемся наготы и телесной, и душевной. Впрочем, нынешняя молодёжь уже обнажает тела всё больше и больше. Насмотрелся я сегодня в вашем институте практически голых задниц и грудей, пока шёл к вам в издательство.

— Есть такое. Тело обнажить легче. Как и спрятать. А что делать, если чувства сами рвутся наружу? Их тряпками не прикроешь и косметикой не подправишь...

— И всё же именно чувства мы скрываем друг от друга с неизменным упорством. Не желаем раскрываться даже перед самыми близкими людьми. Поэтому, наверно, девушки постоянно требуют от своих парней признаний в любви, а те всячески избегают таких признаний. Легко и непринуждённо говорят о любви только «донжуаны», которые на самом деле вовсе не любят, а просто используют любовный лексикон как средство соблазнения. Обнажить свои чувства — это дать власть над собой. А каждый из нас хочет владеть, а не попадать в рабство.

— А как же мазохисты? — хихикнула Лена.

— Мазохисты не в счёт! — решительно ответил Лидин. — Нет правил без исключений. Никто из нормальных людей не хочет зависеть от других, поэтому нам легче раскрыться перед чужим,



случайным человеком, чем перед близким. Чужак выслушал тебя и исчез, он не сможет использовать полученные сведения против тебя в дальнейшем.

К тому же, перед близкими нам хочется выглядеть как можно лучше, а перед чужаком, на мнение которого нам по большому счёту плевать, можно не скрывать своих отрицательных мыслей, желаний и поступков. Поэтому с проституткой или любовницей мужчина проделывает то, что не смеет предложить жене. Видимо, это суждение справедливо и в отношении жены и её любовника. Каждый из супругов хочет выглядеть в глазах другого лучше — в смысле общепринятой морали, а в результате страдают оба.

— Ну, сейчас-то девушка с парнем сначала испробуют всё, что хотят в сексе, проживут вместе гражданским браком, прежде чем пойдут в ЗАГС.

— Теперь ты мне напоминаешь о возрасте, дорогая. Уверяю тебя — ничего в этой сфере не изменилось! И мы, так сказать, «жили» со своими девушками до свадьбы, и мы экспериментировали в сексе и смеялись над пресловутой фразой: «В СССР секса нет!». Да, у нас всё было не столь открыто и откровенно, как у вас сейчас, но всё же было. И мы не прикрывали обычное сожительство лживым ярлыком «гражданский брак». Потому что на самом деле, гражданский брак — это ЗАГС.

Есть ещё церковный брак — венчание. Всё остальное — просто сожительство. Мы понимали это и не афишировали. Вы не понимаете, публично демонстрируете, но прикрываетесь фальшивым ярлычком. Вот и вся разница между нами. Так что и в СССР секс был.

— Не занудствуй!

— Постараюсь. Ещё пару слов только скажу. Вот ведь какое дело: как только появляются дети, общее хозяйство и так называемые «семейные будни», как все эти сексуальные эксперименты и акробатика постепенно прекращаются, и в интиме начинается такая же рутина, как и в быту. А фантазии и желания остаются, но для их воплощения уже не всегда имеются условия и обоюдное стремление. Вот и появляются любовные связи на стороне. Не потому что любовь прошла, а просто для заполнения возникшего вакуума чувств и желаний. Любовь к этому не имеет никакого отношения. Что у тебя там за шум?



— Это, наверно, Лёшка пришёл. В дверь ломится.

— А как же сигнализация?

— Если б была сигнализация, разве б сидела я здесь всю ночь? Оказывается, дешевле нанять сторожа. Подожди, не вешай трубку. Я сейчас вернусь.

Лидин закрыл глаза и весь обратился в слух. Сгорая от ревности, он старался по звукам в телефонной трубке понять, что происходит там, на другом конце линии: впустила Лена Лёшку или нет? Но, как только затихли быстрые удаляющиеся шаги девушки, в ушах у Игоря всё громче и чаще застучал какой-то далёкий барабан. Когда же сквозь странную дробь, наконец, пробились приближающиеся шаги, и Лена, явно запыхавшаяся от быстрой ходьбы, тревожно спросила: «Алло, ты ещё здесь?», Лидин осознал, что всё это время он не дышал, а барабанная дробь — это его собственный пульс! Игорь глубоко вдохнул, расслабляясь, и ответил:

— Здесь. Кто там стучал?

— Лёшка, конечно! Кто же ещё? Волновался, куда это я пропала с сабантуя. Я сказала, что у меня всё в порядке, и он ушёл. А что это у тебя голос такой странный?

— В каком смысле?

— Будто ты куда-то бегал и никак не можешь отдышаться?

— И часто этот Лёшка ломится к тебе по ночам?

— Какое это имеет значение сейчас? Неужели ты ревнуешь к прошлому?

— Если б мы с тобой сейчас сидели рядом, глаза в глаза, я бы сказал «нет». Чтобы выглядеть «настоящим мужиком». Но расстояние и телефон помогают мне говорить правду: да, я ревную тебя к прошлому! Мысль, что тот же бугай Лёшка может запросто приходить к тебе ночью, просто сводит меня с ума.

— Так вот почему ты пыхтишь! — Лена рассмеялась. — Лучше уйми свою ревность и успокойся. Да, иногда Лёшка приходит ко мне сюда, в СЭС, и мы просто пьем кофе и разговариваем.

— Ты не обязана мне ничего объяснять! — Лидин сам почувствовал, как фальшиво звучит его протест. — Ревновать к прошлому действительно глупо.

Лена удрученно вздохнула.

— Помнишь, ты рассказывал мне о девочке, над которой вы издевались всем классом?



— Конечно.

— Так вот, я тоже была такой же мишенью для насмешек и издевательств. Только в отличие от вашей «принцессы», я была скорее «гадким утёнком». И возраст был такой же — пятый класс.

— Ты была гадким утёнком? Не может быть!

— Не перебивай! Мне и так нелегко это рассказывать.

— Извини, больше не буду.

— Тогда умерла моя бабушка, и папа с мамой решили продать её дом в деревне и обменять нашу однокомнатную развалюху на окраине на двухкомнатную квартиру в центре. С доплатой, конечно. Мы переехали, и, соответственно, я перешла в другую школу, а там, как оказалось, учились детки нашей провинциальной элиты. И верховодила этой избалованной наглой сворой дочка мэра.

Я, конечно, не могла себе позволить такие наряды и украшения, как они. Меня не возили в школу на автомобиле, учителя не ходили передо мной на цыпочках, но я училась на пятёрки и четвёрки, не платя учителям за это ни копейки! Это было единственное, в чём я явно и недвусмысленно превосходила этих чванливых «сверхчеловеков». И, разумеется, они не могли мне этого простить. Так я стала мишенью, в которую каждый мой одноклассник хотел непременно попасть какой-нибудь непристойной шуточкой или гадостью.

Нет, вру — не каждый. Был один мальчик, который решительно стал на мою защиту. Он, как и я, не был ни из числа «золотой молодёжи», ни из клики их прихлебателей. Его родители были обычными инженерами на швейной фабрике. Мой неожиданный защитник был маленьким, тощим, я бы даже сказала, чахлым подростком, страдающим «грудной жабой». При малейшем волнении он начинал задыхаться и пшикать себе в рот лекарство из какого-то баллончика. От уроков физкультуры его, естественно, освободили, и до моего появления в этом классе именно он являлся объектом насмешек.

В любом коллективе всегда имеется человек, над которым постоянно насмехаются и даже издеваются окружающие. Этот мальчик, как я потом узнала, совершенно спокойно сносил шуточки в свой адрес. Он просто презирал всю эту избалованную родителями и учителями компанию и не считал нужным реагировать на их выпады. Но вот издевательств надо мною он стерпеть не смог и смело выступил на мою защиту.



Его били, он падал, задыхаясь в приступах удушья и захлёбываясь собственной кровью, но тут же вскакивал и вновь бросался в драку на превосходящих его и физически, и количественно врагов. Его слабые кулачки не могли причинить мальчишкам особого вреда, но ярость атак, абсолютное бесстрашие и игнорирование собственных ран производили на них сильное впечатление, а потому с каждым разом количество охотников вступать в драку с «бешеным припадочным», как его стали называть, становилось всё меньше.

Мой неожиданный защитник к удивлению родителей и окружающих начал ходить в клуб «Арнольд», где «тягали железо» наши местные мини-шварценеггеры и бандиты. И там, в этом клубе накачанных здоровяков, над ним почему-то никто не смеялся и тем более не издевался. Он стал там этаким «сыном полка». Когда у парня начинался приступ удушья, безжалостные бандюки бережно брали его на руки и относили на брошенный в один из углов специально для него матрас и совали в руку флакон с лекарством.

Это неожиданное увлечение и сопутствующие ему знакомства с теневой властной силой нашего городка окончательно пресекли любые попытки «золотой клики» устраивать избиения моего стойкого защитника. А к выпускным экзаменам с ним и так мало кто посмел бы вступить в драку, потому что из вечно задыхавшегося хилого мальчика он превратился в такого накачанного могучего мужичка, забывшего о лекарствах. И когда я поехала в Коломну поступать в педагогический институт, он отправился за мной. Только я учусь на филфаке, а он на физвосе — физкультурном.

— Я догадался, о ком ты мне рассказала.

— Да, это Лёшка. Он по-прежнему меня опекает и защищает.

— Нет, не по-прежнему: он тебя любит.

— До встречи с тобой мне казалось, что и я люблю его...

— Может, у тебя это была не любовь, а просто благодарность...

— Нет! Ты ошибаешься. Лёшка был для меня как верный рыцарь из средневековых романов, как прекрасный принц из девичьей мечты: явился на белом коне и спас меня от чудовища. Он был (и есть!) самым смелым, самым верным, самым, самым, самым! Разве можно в такого не влюбиться?

— Влюбиться, конечно, можно. Но влюблённость и любовь далеко не одно и то же.



— Я это поняла сегодня. Вы с Лёшкой совершенно не похожи. Ни в чём. И с ним, и с тобой я пошла бы на край земли. Но с ним — чтобы он защищал меня от любых невзгод, а с тобой — чтобы я защищала тебя...

— Ну, спасибо! Не знал, что мне требуется защита...

— Не притворяйся, что ты меня не понял. Или ты шифруешься? У тебя кто-то есть?

— Есть. Аквариум с рыбками. Ещё имеются жена и дочь — тебе ровесница...

— Рыбки — это хорошо. А о прочем я не хочу знать!

— Хочешь. Конечно, хочешь. Не будем, как страусы, прятать голову в песок. Мою дочь ты знаешь, а жена сегодня ночует на даче — сезон в самом разгаре. Что-то там сажает, поливает и тому подобное. Галка с нею, а я вот оставлен дома ухаживать за рыбками... Алло, Лена! Что ты молчишь?

— Жена на даче... А я кто для тебя? Однажды я уже была любовницей, и мне это не понравилось.

— Ты?! Когда?

— Хочешь знать? Тебе интересно?

— Дорогая, конечно, мне интересно. Я хочу знать о тебе всё!

— Хорошо... — Она замолчала, тяжело дыша в трубку. Потом слова полились рекой.

— Это было в летние каникулы, сразу после первого курса. Я приехала домой. Родители ещё были на работе. От нечего делать стала обзванивать подруг. Катька оказалась дома, очень обрадовалась моему звонку и немедленно пригласила меня к себе.

Она всегда была признанной красавицей, эта Катька. Не то, что я. Все мальчишки бегали за ней. А она вдруг положила глаз на моего Лёшку. Конечно, Катька не влюбилась в него, как думали многие. Просто в ней выиграло... как бы это сказать... обида, что ли, или нечто вроде спортивного интереса: все парни её, а этот даже не глядит! И Катька решила заполучить Лёшку во что бы то ни стало. Вот поэтому признанной приме нашего класса волей неволей пришлось сблизиться со мной. Однако, это ей ничуть не помогло.

И вот я у неё в гостях. К моему удивлению, Катька ни разу не спросила о Лёшке. Зато поведала мне, что у неё сейчас сразу два любовника. Но на горизонте появился некий третий вариант, поэтому Катьке надо как-то избавиться от прежних.





— Один из них сейчас придёт сюда, — Катька схватила меня за руку и потащила к трюмо. — Ты мне должна помочь. Господи! Ты до сих пор так и не научилась пользоваться косметикой!

— Мне это ни к чему.

Улыбаясь, я позволила Катьке «делать из меня красавицу». Наблюдая в зеркале, как моё лицо покрывается слоем крема и краски, я спросила:

— Зачем всё это? Как я тебе могу помочь?

— Ты немного построишь глазки Вадиму, он с тобой наверняка начнёт флиртовать, а я типа приревную, устрою скандал, и...

— Поняла, — засмеялась я. — Только я не умею строить глазки.

— Ерунда! Все мы это умеем. У нас это в крови. Главное — начать. Боже, а волосы! Что у тебя на голове? Ты хоть когда-нибудь, делаешь причёску?

Она занялась моими волосами, потом я примеряла её платья, блузки, юбки... Одним словом, когда прозвенел звонок в дверь, я была в полной боевой готовности: одета и раскрашена, как ресторанная путана. Сдерживая смех, я сидела в картинной позе на тахте и ждала жертву нашей интриги. И вот Вадим вошёл. В руках он держал бутылку французского шампанского и большую коробку конфет. Я медленно, как учила Катька, повернула к нему голову и, с трудом взмахнув длинными накладными ресницами, томно бросила взгляд на вошедшего. Сердце моё оборвалось, и я обрадовалась, что лицо у меня покрыто слоем грима...

Все мы, девушки, в детстве создаём себе образ «принца на белом коне». Вадим почти полностью соответствовал моему идеалу. Высокий, красивый, умный и так далее. Только вместо коня у него был белый «мерседес». Я моментально втрескалась по уши!

Каждый день я прибегала к Катьке в надежде застать у неё Вадима. И тот приходил. С шампанским и конфетами. Приходил не к Катьке, ко мне. Мы пили пенное вино, танцевали в полумраке ночника, и моя кровь бурлила не хуже шампанского в бокале. Катька с усмешкой наблюдала за нами, подмигивала и делала ободряющие жесты. Родители её отдыхали где-то на курорте, то ли в Турции, то ли в Египте, так что нам никто не мог помешать и прервать мою эйфорию.

И всё же однажды вечером интимность нашей встречи нарушил звонок в дверь. Катька многозначительно посмотрела на нас и ушла



в прихожую. Вскоре она вернулась и заявила, что уходит в кино со своим новым другом.

— Вернусь не скоро, — сладко улыбнулась она нам. — Когда будете уходить, просто захлопните дверь.

И мы, наконец, остались одни. Вадим по-хозяйски открыл бар и достал пузатую бутылочку коньяка.

— Настоящий французский! — щёлкнул он пальцем по этикетке и разлил рубиновую жидкость по маленьким рюмочкам.

Мы пили жгучий напиток, закусывали его горьким шоколадом, и оба понимали, что вот сейчас произойдёт то, чего со мной до этого никогда не бывало. Конечно, в мечтах я тысячу раз переживала это событие. По книгам, фильмам и рассказам той же Катьки я знала, что испытаю неземное блаженство. И я позволила Вадиму ответить меня в спальню... Ты слушаешь?

— Да, любимая.

— Осуждаешь меня?

— За что? Вы любили друг друга, и ты стала женщиной в объятиях любимого человека...

— Замолчи! — закричала Лена и неожиданно зарыдала.

Игорь ждал, ошеломлённый, казня себя невозможностью чем-либо ей помочь, не понимая сути трагедии. Наконец, Лена успокоилась и, всхлипывая, продолжила.

— Ничего этого не было...

— Ты всё придумала? — с облегчением воскликнул Лидин.

— Нет. Был Вадим. Был тот вечер. Вот только праздник любви оказался ложью. Мои мечты не сбылись. Подожди...

Она положила трубку на стол. Лидин услышал шаркающие шаги, потом струя воды с грохотом ударила в металлическую раковину.

«Смывает слёзы, — понял Лидин. — Бедная девочка! Что ж они с тобой сделали?» Игорь сам весь дрожал, сжимая в потной руке телефонную трубку.

— Мои мечты оказались наивной сказкой, — наконец, продолжила Лена свою исповедь. Мой «принц» поначалу был нежен и ласков. Но я никак не могла преодолеть скованность, стыд и страх. Даже коньяк не помог. А Вадим распалился и начал терять терпение. В конце концов, он заставил меня выпить какую-то таблетку.

— Это поможет тебе расслабиться и успокоиться, — сказал он мне. — Не бойся, это не наркотик.



Я поверила ему, так как знала, что он работает врачом в нашей больнице. Вскоре таблетка подействовала. К тому же, видимо, спиртное усилило её действие. Я действительно расслабилась, и Вадим, наконец, смог полностью овладеть моим телом. Он хрипел на мне, его красивое лицо в свете ночника превратилось в жуткую маску, глаза закатились, изо рта прямо мне на лицо капала слюна. А я лежала, как труп, и ничего не чувствовала: ни боли, ни блаженства. Только стыд и отвращение...

— Леночка...

— Не перебивай! Ты хотел всё знать, так слушай.

Когда всё закончилось, Вадим слез с меня и закурил. Он даже не поцеловал меня, ни о чём не спросил. Только лежал рядом и вонял потом и дымом сигареты. Докурив, он встал, включил полный свет и спросил, не глядя на меня:

— Тебе не пора домой? Могу подвезти.

— Вот подонок! — в ярости прохрипел Лидин в трубку. Ему хотелось колотить её о стену, разбить к чёртовой матери телефон о собственную голову. Зачем он заставил бедную девочку вновь пережить весь этот ужас и кошмар?

— Это ещё не всё! — тихо продолжила Лена. — Оказывается, в спальне работала видеокамера. Катька наняла Вадима, чтобы он соблазнил меня. Она хотела показать запись Лёшке, чтобы тот бросил меня, и у неё, наконец, появился шанс заполучить его.

— Не может быть!

— Может. Но я слишком долго сопротивлялась, и плёнка кончилась раньше чем... Ты понимаешь?

— Да. — Лидин чувствовал себя полным подонком, но всё же спросил: — И что сказал Лёшка?

— Ничего. Мы никогда с ним не говорили об этом. Я знаю только, что Вадим вскоре попал в больницу. Кто-то его сильно избил. И сейчас он не такой красавчик, как раньше. И, говорят, с женщинами у него теперь большие проблемы. Даже жена от него ушла.

— Молодец, Лёшка!

— Да, Лёшка молодец. Вот только я с тех пор не верю в принцев. Не верила, пока не встретила тебя...

— Какой же я принц, — проямлил Лидин. — Не высок, не строен, не красив...

— Ты ещё скажи, стар, — неожиданно захихикала она в трубку.



— Ну-у, не то чтобы... — затанул Игорь, радуясь, что она повеселела.

— Господи, какое всё это имеет значение? — вздохнула Лена. — Только теперь я понимаю, что вовсе не любила Вадима. Я любила в нём свою мечту. И как только действительность разбила мои грёзы, «принц» исчез, а с ним и призрачная любовь. С тобой всё совершенно иначе...

Она замолчала. Лидин не знал, что делать, что сказать. Возражать — глупо, соглашаться — смешно. Тишина в трубке давила, и он робко произнёс:

— Лена, милая, не молчи. Скажи ещё что-нибудь.

— Я не молчу, — послышался в ответ её голос, полный горя. — Я привыкаю к разлуке...

— К какой ещё разлуке?

— Ты же не бросишь ни жену, ни дочь, ни даже своих рыбок ради меня. Ведь так? Вот видишь — теперь ты молчишь, хотя между нами расстояние и телефон.

Боже мой! Сколько мы спорили с девчонками об Анне Карениной и Татьяне Лариной: что важнее — любовь или семья? И большинство из нас, и я в том числе, стояли на том, что любовь всего важнее! Ради любви можно пойти на всё, пожертвовать всем! Какая же я была дура...

— Ты не дура. Вы с девчонками правы. Любовь — это главное в нашей жизни. И любовь всегда сопровождается жертвенностью. Тут главное — не ошибиться: кто и чем должен пожертвовать. Неправильный выбор приводит вместо счастья к трагедии.

Мне всегда были омерзительны богатенькие сладострастные старички и их молоденькие продажные любовницы. Эти сатиры знают, что скоро конец, и торопятся ухватить от жизни как можно больше удовольствий. Их не очень-то волнует, как к ним относятся на самом деле их сексуальные куколки. К счастью, мы с тобой не из таких. Я не богат, а ты не продаёшься.

Есть ещё другие персонажи, о которых говорят: седина в бороду, бес в ребро! Эти могут бросить всё ради своей «последней любви». Разрушают семью, разругиваются насмерть с женой и детьми и уходят к молодой и красивой, но почему-то одинокой. Я могу понять такого бедолагу: действительно, последняя любовь, неожиданная свежесть чувств и страсти. С женой уже такого



нет, с нею всё давно в прошлом. И дети выросли и давно живут своею жизнью. Ради чего же отказываться от столь близкого и манящего счастья новой любви? И с треском, скандалами рвут «старое», уходят в «новое», вот только что-то я никак не могу припомнить счастливых концов таких историй. А ты?

— Ты опять прав. Чего ж тогда удивляешься, что я привыкаю к разлуке?

— Не торопись привыкать. Мы нашли друг друга. Наше чувство взаимно и пока живо. Мы можем встречаться, общаться...

— Ты всё же предлагаешь мне роль любовницы?

— Противно, да? Любовь — это чувство. Огромное, всепоглощающее. Но как любое чувство, оно со временем может ослабеть или усилиться, пройти или трансформироваться в другое чувство, порой совершенно противоположное!

Юность безоглядна и почти всегда сопровождается максимализмом: всё или ничего! И это понятно: юности нечего терять — всё ещё впереди, всё ещё возможно. Поэтому можно отринуть разум и подчиниться велению чувств. А зрелость не так легко отодвигает в сторону полученный в безоглядной юности опыт.

Ты ведь не думаешь, что я женился без любви на совершенно безразличной мне женщине, родил и вырастил с ней дочь и прожил не один десяток лет? Когда мы с Любой решили пожениться, наши родители были категорически против.

— Сначала надо закончить институт, а потом уж создавать семью, — говорили они нам.

Мы с Любой учились в одном институте, но жили в разных общежитиях: я — в Лосинке, она — в Мытищах. Оба были из «нищих» — сильно зависели от стипендий и родительской помощи. И оба считали, что «любовь важнее всего», и что «с милым рай и шалаше».

Нет, мы не разругались с родителями, не побежали вопреки их воле в ЗАГС, а просто стали жить вместе. Как вы теперь говорите — «гражданским браком». Совершили своеобразный обмен: парень из моей общаги переехал к своей девчонке в мытищинскую, а Люба — ко мне в Лосинку.

Для Любы такое решение было совсем не просто принять: тогда провинциальные девушки весьма неохотно шли на подобное открытое сожительство. Но свобода студенческой жизни и нравов,



отдалённость от родительского ока и огромное желание быть вместе помогли нам переступить моральные рамки.

Однако, хоть между Москвой и Коломной более ста километров, наши родители всё же вскоре обо всём узнали. «Добрые люди» всегда и везде находятся — донесли. Был, конечно, страшный скандал, когда мы однажды приехали домой на выходные. Особенно бушевала Любина мать, всегда зависевшая от мнения своих подруг и соседей.

Но и мы были непреклонны. И на четвёртый курс я вступил уже женатым человеком, а диплом получал молодым и счастливым отцом. Любе пришлось брать академический отпуск и доучиваться позднее, что не прибавило мне тётчиной любви.

Нас долго сопровождали бытовые и материальные трудности. Всё было: и семейные общаги, и голодные праздники, когда нечего было поставить на стол, и работа по полторы-две смены, и ссоры по пустякам, и примирения. Всё было, и через всё мы прошли вместе, рука об руку.

Как видишь, у нас с Любой тоже были любовь, чувства и желания. Да, сейчас они не те, что в начале, изменились: одни стали глубже, другие спокойнее, третьи ослабли, появились новые и так далее. Но они не исчезли совершенно! Мы по-прежнему близкие люди, а не чужаки, просто живущие под одной крышей. Неужели надо всё забыть, порвать, отринуть как устаревшее и ненужное? А что впереди?

Анна Каренина никогда не любила своего мужа, а у нас с Любой совершенно иная ситуация. Тут приходится резать по живому, и выбор совершенно иной: между одной любовью и другой любовью. Старую семью придётся разрушить, а будет ли новая — неизвестно: секс и совместное проживание — это ещё не семья.

— Вот, это где-то здесь... — Лидин услышал, как зашуршали листы книги. — Это повесть нашего земляка, Сергея Малицкого. Послушай. — И Лена, задыхаясь и шмыгая носом, прерывистым голосом начала читать:

«Сейчас несчастны трое. Он. Его жена. И его любовница. Примем за основу, что мы рассматриваем классическую схему. Без отягощений. Итак, несчастны трое. Он уходит к любовнице. Он счастлив. Любовница, скорее всего, счастлива. Ну, хотя бы пока. Несчастлива только жена. Но и она, опять же, изменила позицию к



лучшему, имеет шансы на счастье. Понимаешь? Было три чёрных шара, остался один. Всё просто».

— Всё просто! — неожиданно закричала Лена в трубку.

— Да, — тихо ответил Игорь. — В книжке. А в жизни? Куда мы с тобой уйдём? К тебе в общагу? В «угол» в чужой квартире? В «шалаш»? У меня уже нет той энергии и силы, а главное долгих лет, необходимых для преодоления трудностей быта, а, значит, впереди у нас нет счастья. Только разочарования и боль. Или ты предлагаешь мне ограбить семью, разделить имущество, квартиру и на чужом горе попытаться построить наше счастливое гнёздышко?..

Лена опять заплакала. Лидин сидел, сжимая в дрожащей от напряжения руке трубку, и ждал, что она скажет. Наконец, сквозь рыдания донеслось:

— Значит... ты предлагаешь... расстаться...

— Нет, я предлагаю тебе роль Дульсинеи. Моей Дульсинеи. Любовь — это в первую очередь чувство, а не секс. Ты всегда будешь со мной, как Дульсинея с дон Кихотом, я постоянно буду разговаривать с тобой, если не в реальности, то мысленно. Мы можем не становиться любовниками, если ты этого не хочешь, и от этой жертвы моя любовь к тебе ничуть не ослабеет. Я счастлив, что мы с тобой встретились.

— А я нет! Для меня наша встреча — беда! Прощай...

— Не решай споряча, милая, — взмолился Лидин. — Успокойся. У нас обоих были волнительный день и, наверно, будет бессонная ночь. Давай отложим этот разговор. И тебе, и мне есть о чём подумать. Не торопись. Помни: даже если ты выберешь разлуку, наша любовь не исчезнет...

Лена бросила трубку, но Игорь ещё долго сидел, слушая короткие гудки, придавленный ощущением огромной беды, обрушившейся на его спокойный и сравнительно благополучный до сей поры мирок. Наконец и он положил телефонную трубку.

«Всё просто!» — считает Лена. А может, она права? Почему Игорь так уверен, что Люба станет несчастной, если он с ней разведётся? У него же вот были кратковременные связи с другими женщинами.

А вдруг у Любы тоже кто-то был или даже есть сейчас? Может быть, она остаётся с Игорем из чувства долга, из-за дочери или просто по привычке? Как и Лидин, не хочет ничего менять? Последние годы Люба практически всё лето живёт на даче. Приезжает домой



только постирать и приготовить Игорю запас еды на неделю. Дочь, Галина, уже выросла, через год закончит институт. По вечерам Лидин звонит жене, чтобы узнать, как у неё дела, не надо ли приехать помочь? Иногда, обычно после дождя, она ему звонит, интересуется, не разыгрался ли его радикулит? Не надо ли приехать, сделать укол? Идиллия!

До сих пор Лидин считал, что ему повезло с дачей: можно вполне «официально» ходить «налево», ночевать иногда в чужих постелях. Жены с дочерью дома нет — отчитываться и врать, где и с кем он провёл время, не надо. А что если Любу тоже устраивает такое положение? Что если и она с кем-то встречается? Она мужа не контролирует, тот — её! Откуда Игорю знать, одна ли его жена ночует на даче? И на даче ли?

«Стоп, стоп, стоп! Куда это меня занесло? — опомнился Лидин. — Как же легко, оказывается, идти по тропе подлости. Надо всего лишь приписать собственные низменные побуждения и пороки другим, и вот ты уже вовсе не подонок, а «как все». Почему бы не своровать, если «все воруют»? Почему не гульнуть с чужой женой — а кто не изменяет? Сам Иисус Христос однажды воскликнул: «Кто без греха, пусть первый кинет камень!» И не нашлось ни одного праведника! И даже сам Иисус не поднял камень...

Стоп! Опять меня куда-то не туда заносит. Я ищу оправдания. Для чего? Ведь не для моей же очередной измены жене? Раньше, до знакомства с Леной, мне не требовались оправдания. Угрызения совести были, но оправданий я не искал. Зачем же они мне сейчас? Неужели, всё же готовлю почву для разрыва? Ищу тот камешек, который обрушит лавину подлости?»

Неожиданно зазвонил телефон. «Лена или Люба?» — пытался угадать Лидин. Он не мог заставить себя снять трубку. Кто бы из любимых им женщин ни звонил, Игорь не знал, что им сейчас сказать. Телефон умолк, но через несколько секунд ожил сотовый. «Ну, вот, — с тоской подумал Лидин. — Теперь я точно узнаю, кто это».

Он взглянул на засветившийся экран телефона и не сразу понял, чьё имя там видит. Но от того, что это не Лена и не Люба, Игорь испытал огромное облегчение. И вдруг до него дошло, кто пытается до него дозвониться...

— Добрый вечер, Игорь Владимирович, — услышал он весёлый голос Эдгара Мыльникова. — Вот звоню тебе, чтобы обрадовать.





Рассказы твои, как я и обещал, члены редакции прочитали и обсудили. Поздравляю, дружище, один твой рассказ рекомендован к публикации в следующем номере альманаха. Но нам с тобой надо ещё кое-что уточнить. Ты сможешь завтра утром подъехать в мой офис?

— Конечно, смогу, — еле выдавил ошеломлённый Лидин. — В какое время?

— Утром, часикам к десяти. Где мой офис знаешь?

— Конечно. Буду ровно в десять!

Возбуждённый событиями Лидин долго ворочался в постели, не в силах уснуть. Два чувства попеременно терзали Игоря: беда несвоевременной любви к Лене и неожиданная радость публикации в альманахе «Коломенский текст». Что делать с бедой, Игорь не знал. В конце концов он понял, что пока не готов принять окончательное решение и переключился на радость, гадая, какой из трёх переданных им в редакцию рассказов отобран для публикации. Неужели **это** наконец свершилось, и он станет одним из авторов городского ежегодника? Лидин заснул только под утро, когда за окном проскрежетал на повороте первый трамвай.

#### 14. Откровение четвёртое

— Сынок, намерен я рассказать тебе о том, как был раскрыт заговор новгородцев и о казни изменников, в числе коих оказались и знатные опричники. Со смертью двоюродного брата государя князя Владимира Старицкого, давнего претендента на русский престол, царь Иван Васильевич надеялся, что теперь-то бояре перестанут замышлять козни против законного государя. Но корни измены оказались не вырваны! Причём, сам царь пересадил их из новгородской земли в московскую.

В мае 1571 года сто тысяч всадников хана Девлет-Гирея переправились через Оку под Кромами, а не у Серпухова, где их ожидало царское войско, доверившись донесениям разведки. Более того, в русском стане кто-то распространил слухи, будто хан, узнав о том, что его приход ожидает огромное войско во главе с самим царём, не решился напасть на Московию и ушёл назад, в Дикое поле.

В действительности татарское войско, перейдя через реку, двинулось по Пахнутцевой дороге на север к Болхову. На Злыньском поле хана встретили изменники из числа московских детей боярских,



среди которых верховодили Тишенков и Сумароков. Кудеяр Тишенков сообщил Девлет-Гирею, что все основные русские войска сейчас находятся в Ливонии, а царь с сыном Иваном в сопровождении небольшого отряда опричников в две тысячи человек, не дождавшись нападения татарского войска под Серпуховом, находится на пути в столицу. Поэтому у Девлет-Гирея есть прекрасная возможность вместо Болхова напасть на Москву и разграбить её. Малюта позднее выяснил, что по плану бояр-изменников царь Иван Васильевич должен был либо погибнуть в бою с татарами, либо попасть в плен к хану.

Когда прискакал гонец и сообщил царю Ивану Васильевичу, что татары появились под Калугой, наши войска были растянуты по берегу Оки от Серпухова до Коломны, и быстро собрать их для защиты Москвы было невозможно. Однако воевода князь Иван Дмитриевич Бельский, стоявший в Коломне, снял свои полки с защиты берега Оки и повёл их к Москве, оставив для сдерживания наступления татар лишь небольшой отряд опричников под началом опричного воеводы Попадейкина-Волынского.

К счастью, князю Бельскому удалось убедить царя не вступать в сражение с многократно превосходящими силами татар. Царь Иван Васильевич с царевичем Иваном покинули Москву и в сопровождении небольшого отряда личной охраны, состоящего из опричников, усаkali в Ростов. Я тоже был в этом отряде и поэтому остался в живых. Опричники, стоявшие в заслонах, выполнили свою задачу: они задержали орду Девлет-Гирея, и значительная часть русских войск под началом воеводы Михаила Воротынского успела подойти от Серпухова к Москве днём 22 мая 1571 года. А ночью под стенами Москвы появились татары.

Утром 23 мая хан Девлет-Гирей начал сражение с защитниками города. Под руководством опытного воеводы князя Ивана Бельского было отбито несколько штурмов города. Несмотря на огромное численное преимущество, татары никак не могли сломить сопротивление защитников Москвы, которые не раз переходили в контрнаступление.

Однако и тут в дело вмешались бояре-изменники. Они помогли одному из отрядов татар проникнуть в предместье города и провели его узкими, покинутыми жителями улочками к самому лагерю князя Бельского. Охрана воеводы героически сражалась с непонятно



откуда взявшимся в тылу русских войск врагом, но князь был несколько раз тяжело ранен и в конце концов увезён в своё московское подворье, где им занялся лекарь.

Объединённое русское войско лишилось главы. Земские и опричные воеводы утратили взаимодействие, начались смятение и хаос. Земские воеводы зачем-то ввели свои отряды в узкие переулки деревянной Москвы. Что это было: глупость, предательство или наивный расчёт свести на нет численное преимущество врага? Ответить уже никто не сможет. Однако результатом такой стратегии стала ужасная катастрофа.

Когда татары подожгли город, множество его защитников и жителей сгорело заживо или задохнулось в дыму, в том числе и воеводы. Не от ран, а от удушья погиб в своём доме и воевода князь Иван Бельский. Сгорело и несколько мелких отрядов татар, решивших пограбить пылающий город и не успевших вовремя его покинуть. Почти вся Москва превратилась в пепелище, уцелел только каменный Кремль, но в нём от жара пожара взорвались пороховые погреба, разрушив в двух местах стены.

Ужаснувшись размерами огненного бедствия, хан Девлет-Гирей отвёл свои отряды в село Коломенское. В сгоревшей Москве грабить было нечего, к тому же вокруг неё стояли уцелевшие русские войска, сражаться с которыми татарам было совершенно незачем. Поэтому 26 мая хан ушёл от Москвы по рязанской дороге, опустошил юго-восточные земли Руси и с огромной добычей без каких-либо помех вернулся в Крым.

Царь Иван Васильевич жестоко отомстил предателям. Бояре, как земские, так и опричные, не сообщившие государю вовремя об изменении маршрута татарского войска, допустившие позорный разгром и упустившие врага, были обвинены в измене и казнены. Ведь в пылающей Москве вместе с мирными жителями погибло не всё русское войско, а только его небольшая часть, вошедшая в город. Остальные отряды — и земские, и опричные — были в таком смятении от разразившегося на их глазах огненного бедствия, что ничего не сделали, чтобы помешать татарам безнаказанно уйти с добычей в Крым.

Один только воевода Михаил Воротынский со своим полком проводил хана Девлет-Гирея до границы Дикого поля, чтобы убедиться в том, что татары действительно покинули пределы Руси.



Царская семья, казна и все службы переехали из сгоревшей Москвы в Великий Новгород. Там на месте Ярославого дворища после подавления прошлогоднего мятежа бояр был построен новый дворец для нашего государя. Отсюда царю Ивану Васильевичу было легче руководить Ливонской войной.

Но это вовсе не значит, что царь бросил Русь на произвол татар. Был разработан детальный план мести крымчакам. Никто не сомневался, что те обязательно нападут в следующем году.

Ещё по пути в Крым ослеплённый успехом Девлет Гирей написал царю Ивану Васильевичу оскорбительное письмо:

«Жгу и пустошу всё из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество божие. Я пришёл на тебя, город твой сжёг, хотел венца твоего и головы; но ты не пришёл и против нас не стал, а ещё хвалишься, что-де я московский государь! Были бы в тебе стыд и дородство, так ты б пришёл против нас и стоял».

Грамоту эту царю Ивану Васильевичу вручили ханские посланники. Государь принял их 15 июня в дворцовом селе Братошино, что стоит на Троицкой дороге к северо-востоку от Москвы. Не только сам хан Девлет-Гирей, но и его посол вёл себя по отношению к нашему государю подчёркнуто оскорбительно: он громко заявил:

— Великий хан Девлет-Гирей послал меня узнать, по душе ли царю пришлось наказание саблей, огнём и голодом? Если нет, то Великий хан вместо сильно уставших в походе аргамаков посылает тебе избавление от всех бед. — При этих словах посол вынул грязный от засохшей крови нож. — Пусть царь перережет себе горло этим ножом!

Хан Девлет-Гирей категорически потребовал, чтобы Москва отдала ему Астрахань, Казань и заплатила дань за несколько лет, иначе он захватит всё Русское царство. Царь Иван Васильевич, разыгрывая уничтожение, вышел к ханским посланникам в сермяге и в ответ сказал:

— Видите, в чём я одет? Таким бедным меня хан сделал! Всех людей моего царства выпленил и казну в Москве пожёг, дати мне хану нечего.

В ответном послании царь написал хану:

«Ты в грамоте пишешь о войне, и если я об этом же стану писать, то к доброму делу мы не придём. Если ты сердишься за наш отказ



отдать тебе Казань и Астрахань, то теперь мы Астрахань можем тебе уступить. Только для решения этого дела должны быть у нас твои послы, а с гонцами такого великого дела сделать невозможно. До приезда послов ты бы пожалел нас, дал срок для обсуждения всех условий и земли нашей не воевал».

Царь Иван Васильевич тянул время, проглатывая татарские оскорбления и частично вроде как соглашаясь на удовлетворение притязаний хана. Он завязал с Девлет-Гиреем переписку, якобы согласовывая с ним условия передачи Крыму Астрахани. На самом же деле государь не собирался прощать столь нагло и публично нанесённых ему оскорблений и серьёзно готовился к предстоящей войне с Крымом.

Был разработан план сражения, выбрано место решающей битвы, подготовлены необходимые для отпора врагу отряды, а главное — пресечены любые возможности измены. В Ливонии в войне со шведами впервые основательно отработали взаимодействие опричных и земских полков. В каждый отряд назначались по двое воевод: один — земский, второй — опричный. Именно они обеспечивали взаимодействие полков. Подобная схема отлично показала себя в войне со Швецией.

В том же селе Братошино 5 февраля 1572 года царь принял прибывшего из Крыма ханского посла Джан Болдуя. На этот раз государь не стал разыгрывать уничижение. Он вообще отказался обсуждать судьбу Казани и Астрахани. Когда же Джан Болдуй передал требование Девлет-Гирея, чтобы царь передал ему две тысячи рублей на подарки сыновьям и дочерям хана, царь Иван Васильевич с нескрываемой насмешкой написал:

«Ты в грамоте своей писал к нам, что на твоих глазах мои богатства и казна во время пожара в прах обратились. Как же ты можешь теперь делать к нам такие великие запросы? Вот есть у нас двести рублей, их мы и посылаем тебе».

Девлет-Гирей понял, что его дурачат, пришёл в ярость и стал готовить новый набег на Русь.

В Стамбуле как раз тоже решили, что пришла пора покорять Московию. Узнав подробности похода крымских татар на Москву, советники убедили султана, что основные русские силы увязли в Ливонской войне, а оставшиеся в городах немногочисленные отряды предпочитают отсиживаться за крепостными стенами. Самое



время напасть и захватить не только утраченные десять лет назад Казань, Астрахань и Северный Кавказ, но и вообще всю Русь.

Татарская конница не могла брать укрепления, поэтому султан направил в помощь Девлет-Гирею не раз успешно штурмовавшую европейские города и крепости двадцатитысячную турецкую армию, в том числе семь тысяч янычар и двести пушек. Были заранее назначены мурзы в пока ещё русские города и наместники в ещё не покорённые княжества. Османские купцы получили разрешение на беспошлинную торговлю в новых имперских владениях. Покорять русские земли собрались все мужчины Крыма и часть Ногайской орды!

Главным воеводою по отражению татарского нашествия царь назначил князя Михаила Воротынского, полк которого находился в Серпухове. В Коломне из толстых дубовых щитов, установленных на подводах, построили гуляй-город. В щитах сделали прорезы для пищалей и пушек. В апреле, после пасхи, под Коломной царь Иван Васильевич лично произвёл смотр всех войск и окончательно утвердил план предстоящего сражения с татарами.

На этот раз наша разведка сработала хорошо. В этом набеге пропало основное преимущество татар — быстрота и подвижность конницы. Верблюды, пушки и пешие янычары сильно замедляли передвижение отрядов Девлет-Гирея. Мы знали, где, когда и какими силами идут на Русь татары. Оставалось только направить армию султана по нужной нам дороге в приготовленную западню.

В субботу 26 июля 1572 года Девлет-Гирей подошёл к Оке около Серпухова и увидел на другом берегу мощные укрепления и большое русское войско. Целый день грохотали пушки: татары и русские обстреливали друг друга, но ханскому войску, несмотря на все усилия, так и не удалось переправиться через реку.

Двое детей боярских, один из земского войска, другой — опричник, сознательно пошли на мучительную смерть. Они вроде как случайно попали в плен и под пытками рассказали татарскому хану о том, что ему противостоит на другом берегу Оки всё русское войско под командованием князя Михаила Воротынского. Зато немного вверх вдоль реки есть Сенькин брод, о котором мало кто знает, а потому его караулит небольшой отряд из двухсот бояр.

На самом же деле у князя Воротынского было в четыре раза меньше людей, чем у хана Девлет-Гирея. Хан послал ногайскую конницу проверить показания пленных. Переправившись через



реку у Сенькина брода, ногаи легко разогнали боярский заслон и закрепились на другом берегу реки. Русские отряды не пытались их оттуда выбить, но хан не обратил на это обстоятельство никакого внимания. Он поверил, что наши мученики сказали ему правду, и что татарам противостоит всё огромное русское войско.

Девлет-Гирей решил обмануть Воротынского, связать его войско пушечным боем на берегах Оки, а тем временем захватить беззащитную, как он думал, Москву. Хан оставил в лагере на берегу Оки свой шатёр, весь обоз, пушки и пару тысяч воинов, которые должны были убеждать князя Воротынского, что татарское войско остаётся здесь.

В ночь на 28 июля Девлет-Гирей с основными силами переправился через реку у Сенькина брода. Этой же ночью ногайская конница поскакала к Москве и перекрыла все ведущие к городу дороги. Утром отряды Девлет-Гирея двинулись к русской столице, как мы и хотели, по Серпуховской дороге. Князь Воротынский тоже оставил небольшой отряд пушкарей, чтобы те продолжали перестреливаться через Оку с татарами, а сам со своим войском тайно двинулся следом за Девлет-Гиреем.

Татарскому войску долго никто не препятствовал двигаться по Серпуховской дороге, и только когда оно миновало деревню Молоди, что находится в пятидесяти вёрстах южнее Москвы, пяти тысячный отряд опричников, возглавляемый опричным князем Дмитрием Хворостининым и земским князем Андреем Хованским, внезапно атаковал врага. Сначала он полностью уничтожил татарский арьергард, а затем врубился у реки Пахры в основные силы.

Изумившись подобной наглости, татары развернулись и бросились на небольшой русский отряд всеми своими силами. Опричники кинулись бежать. Враги гнались за ними до самой деревни Молоди, где неожиданно наткнулись на войско князя Воротынского, успевшее установить гуляй-город на близлежащем холме и выкопать вокруг него глубокий ров. Из щелей между щитами по татарской коннице ударили пушки и пищали, поверх укрепления хлынул ливень стрел. Дружный залп смёл передовые татарские отряды, а Хворостинин развернул своих воинов и снова ринулся в атаку.

Узнав о нападении на арьергард, Девлет-Гирей не рискнул идти дальше, имея на хвосте русское войско, и разбил лагерь в семи вёрстах южнее реки Пахры. Хан приказал уничтожить русское войско.



Но это оказалось не так просто. Холм, на котором закрепились воины князя Воротынского, с трёх сторон был окружён речкой Рожайкой и впадающими в неё ручьями. Кроме того, восточный и южный склоны покрывали густой кустарник и редкий лес.

Подходившие по единственной дороге конные тысячи татар одна за другой попадали в жестокую мясорубку. Уставшие рубить опричники отходили за щиты гуляй-города, под прикрытие плотного огня и, отдохнув, вновь бросались в атаку. Османы, пытаясь уничтожить неведомо откуда взявшуюся крепость, кидались на штурм волна за волной, обильно заливая русскую землю своею кровью, и только ночная тьма остановила сражение.

Ночью хан Девлет-Гирей передвинул свой лагерь назад, к Молодям, и встал в пяти вёрстах от холма. А утром он понял, что угодил в ловушку. Впереди его ожидали прочные каменные стены Москвы, идти к которым, имея на хвосте войско Воротынского, явное самоубийство. Штурмовать укреплённый город — дело долгое. Хан Девлет-Гирей рассчитывал, перекрыв ногайской конницей все дороги к Москве, лишить её связи и, соответственно, какой-либо помощи. Пока русские узнают о нападении и соберутся с силами, пока придут к Москве, город падёт. А если осада затянется, можно и пушки от Серпухова подтянуть. Но раз князь Воротынский уже находится здесь, а не на берегу Оки, то, видимо, и русский царь скоро узнает, куда идёт татарское войско. От Москвы до Новгорода гонец скачет три-четыре дня, значит, в любой момент из Ливонии на помощь князю Воротынскому может прийти царское войско!

Окрестности Москвы пограблены и разорены татарами в прошлом году, так что не только славы, но и добычи войску хана Девлет-Гирея в этом набеге на Московию не видать. Теперь хану нужно было думать уже не о покорении Руси, а о том, как выбраться из ловушки обратно в Крым. А путь назад преграждал гуляй-город с закованными в железо опричниками и стрельцами. Можно было, конечно, эту крепость просто обойти стороной, но тогда хан в Крыму ждал небывалый позор и, скорее всего, мучительная смерть.

Ещё два дня татары пытались уничтожить русское войско и тем самым снизить тот позор, что ждал их дома после возвращения из столь бесславного похода. Они осыпали гуляй-город стрелами, кидались на него в верховые атаки, надеясь прорваться в оставленные





для прохода опричной конницы щели. Воевода Воротынский стал посылать в бой полки по очереди. Пока один бился с татарами, другие отдыхали, поэтому при почти непрерывном бое у русских всегда были в запасе свежие силы.

Потери татар были огромны. На третий день Девлет-Гирей отозвал от Москвы ногайскую конницу, приказал своим воинам спешиться и атаковать русских вместе с янычарами. Татары пытались разломать щиты крепости руками, янычары в ярости грызли их зубами и рубили ятаганами, кровь лилась рекою, но к вечеру гуляй-город продолжал всё так же стоять на своём месте.

Холм, на котором стоял русский лагерь, был со всех сторон окружён татарами, съестные припасы и вода быстро кончились, и воины князя Воротынского жестоко страдали от голода и жажды, тем более что стояла сильная летняя жара. Ещё день-два, и обессилившее русское войско не смогло бы противостоять непрерывному татарскому штурму. У татар положение было получше: они тоже голодали, но могли пить речную воду.

Увидев, что ногаи ушли, московский воевода князь Токмаков понял: князю Воротынскому нужна помощь. Как и было условлено, он послал ложного гонца. Это был ещё один мученик — добровольно пошедший на смерть коломенский опричный дворянин Иван Васильчиков.

В ночь на первое августа татары схватили его по пути в русский лагерь на холме и отобрали грамоту Токмакова, в которой тот писал, что на помощь князю Воротынскому идёт из Новгорода рать под командой самого царя Ивана Васильевича, а в Москву уже пришло сорокатысячное войско боярина Ивана Мстиславского.

Под пыткой гонец рассказал, что сам был очевидцем прибытия полков князя Мстиславского к Москве. Девлет-Гирей поверил ему и понял, что если ещё на день задержится у Молодей, то рискует оказаться под ударом с двух сторон: из гуляй-города и со стороны подошедшего от Москвы свежего царского войска.

Этой же ночью воевода Воротынский с частью воинов по тайной лощине обошёл вражеский лагерь и затаился там. Ранним утром второго августа битва возобновилась. После дружного залпа по атакующим османам навстречу им устремились опричники Хворостинина и завязали жестокую сечу. Кровавая карусель завертелась вновь.



Когда солнце повернуло на закат, хан Девлет-Гирей бросил в бой все свои оставшиеся силы. И в это время отряд князя Воротынского неожиданно ударил им в спину. Татары решили, что подошло свежее московское войско, у них началась всеобщая паника, и сражение мгновенно превратилось в бойню.

Оставив заслон из трёх тысяч всадников, в ночь на третье августа хан Девлет-Гирей оставил лагерь со всем, что в нём было, и на легке поскакал на юг. Через несколько часов он переправился через Оку под Серпуховом и, не заезжая в свой основной лагерь с обозом, где остались на произвол судьбы две тысячи воинов и всё имущество, побежал в Крым. И заслон, и татар, бывших в лагере на берегу Оки, полностью уничтожили или взяли в плен воины князя Воротынского, преследовавшие бегущих крымчаков от самых Молодей.

В Дикое поле наши воины вслед за ханом не пошли. У них на это просто не было сил, да и зачем? Мы и так сделали больше, чем планировали. Имея вчетверо меньше сил, нежели у татар, на поле у деревни Молоди русские воины полностью уничтожили всех янычар и османских мурз. Погибло почти всё мужское население Крыма, в том числе сын, внук и зять самого Девлет-Гирея. Живыми в Крым удалось вернуться не более чем двадцати тысячам татарских всадников. С тех пор Крым не представляет для Руси особой опасности.

То же можно сказать и об Османской империи. Таких поражений у турок никогда не было. Потеряв в битвах с нами за три года почти двадцать тысяч янычар и всю огромную армию крымского хана, султан отказался от планов вернуть Астрахань и Казань, и эти земли навсегда закрепились за Русью. Южные границы Московии по Дону и Десне были отодвинуты на юг почти на триста вёрст. На новых землях вскоре были основаны город Воронеж и крепость Елец. Русские люди начали покорять богатые плодородные земли Дикого поля.

Мне не пришлось участвовать в этой знаменательной не только для Руси, но и для всей Европы битве. Я же числился тогда во втором царском саадаке, был рындой при царевичах Иване и Фёдоре, а царь Иван Васильевич как раз в это время лично командовал осадой крепости Вайсенштайн в Ливонии. Город мы, конечно, взяли, но в ходе штурма многие бояре из личной свиты царя были убиты или получили ранения. Под стенами Вайсенштайна героически сражался и погиб твой, Федя, дед и мой друг Малюта Скуратов.



Я не буду рассказывать о других сражениях. Запомни главное: царь Иван Васильевич Грозный за свою жизнь не проиграл ни одной войны. Наши войска были вынуждены оставить Ливонию, которую тут же поделили между собой Польша, Литва, Дания и Швеция. В Ливонской войне мы не победили, но и не проиграли! Да, нам пришлось заключить мирные договора с польским и шведским королями на условиях «мир в обмен на возвращение всех захваченных земель». Но земли-то вернули не только мы, но и нам! И, в отличие от наших врагов, мир в то время нам был нужен, как воздух: одновременная война на западе чуть ли не со всей Европой и на юге с огромной крымско-турецкой армией основательно подорвала наши силы. А тут ещё и постоянные заговоры и измены бояр!

Победа над турками и крымчаками на юге и признание Европой границ Руси на западе продемонстрировали всему миру мощь и несокрушимость русского государства. Самовластия бояр был положен предел, и раздел Московии на опричнину и земщину стал не только не нужен, но и вреден, особенно во время войны, так как опричные и земские войска часто действовали без согласования друг с другом. Сокрушительный успех совместных действий опричных и земских отрядов у деревни Молоди показал необходимость объединения государства. Опричнина была отменена, и некоторые земские бояре, отличившиеся в боях, даже получили назад свои родовые земли.

Неожиданно для всех Московия из раздираемого удельными склоками княжества стала одним из сильнейших государств в Европе, воевать с которым один на один никто уже не решался. Не знаю, кто бы мог сделать что-либо в тех условиях больше и лучше для возвышения Руси, чем царь Иван Васильевич Грозный.

## 15. Роман Всеславный

*В каждом человеке Природа всходит либо злаками, либо сорной травой.*

**Ф.Бэкон**

В конце пятидесятых годов двадцатого века в уважаемой в Колмне семье Жабских родился ребёнок. Мальчика назвали Марком. Стален Иосифович Жабский был убеждённым коммунистом,



доктором исторических наук, профессором Коломенского педагогического института, где преподавал студентам историю КПСС и научный коммунизм. Он имел огромное влияние в Горкоме партии и Горсовете. Его жена, Инна Марковна Жабская, возглавляла Горono Коломны.

Марк был поздним и к тому же единственным ребёнком, и поэтому родители смотрели на него сквозь розовые очки, прощая и оправдывая все его шалости. В результате мальчик рос в ложном убеждении собственной исключительности. В школе он неожиданно столкнулся с реальностью: одноклассники издевались над его неказистой внешностью и тупостью, девочки либо презирали, либо вообще не замечали. Учителя с трудом терпели ленивого, нерадивого ученика, но из уважения к его родителям вместо двоек ставили тройки. Четвёрок, а тем более пятёрок у Марка до девятого класса вообще не было.

Контраст между любовью родителей и презрением одноклассников превратил Марка Жабского в мрачного, нелюдимого и мстительного карлика. Нет, он не был уродом — просто, как говорится, ростом не вышел.

— Ничего, — утешала сына Инна Марковна. — Гигантов тела всегда хватало, а вот гигантов мысли во все времена был дефицит. Владимир Ильич Ленин, Иосиф Виссарионович Сталин и Наполеон Бонапарт тоже не отличались высоким ростом, а кто с ними может сравниться?

То, что Марк вырастет в гиганта мысли, для Жабских и их отпрыска было аксиомой. Поэтому, когда Марк окончил восьмой класс, у его родителей не было никаких сомнений в том, что он должен продолжить образование и перейти в девятый. Сам Марк учёбу, а тем более школу, ненавидел.

Но какая у него была альтернатива? Техникум или ПТУ? Стать простым рабочим на одном из коломенских заводов? Сыну Сталена Жабского пойти работать на станке или класть кирпичи на стройке? Ни сам Марк, ни его родители ничего подобного категорически не хотели. Но тут папа впервые в подробностях рассмотрел аттестат сына о восьмилетнем образовании. Столбик однообразных «удовлетворительно» привёл его в ярость.

— Что это такое? — вопил Жабский-старший, размахивая «корочкой». — И это мой сын? А ты куда смотрела? Мать называется!



Как ты можешь руководить городским отделом народного образования, если твой собственный сын в лучшей школе Коломны не может подняться выше тройки?

Буря бушевала долго и закончилась сердечными каплями и мокрым полотенцем на голове обессиленного отца. Однако её следствием стало прозрение Марка. Он был ленив, но не глуп, а потому отчётливо понял, что ещё два года протянуть на троечках вполне сможет, но вот что делать потом?

Безработных в СССР нет, а бездельники получают рабочие специальности, как говорится, в местах не столь отдалённых, а соответственно, и не столь комфортных, как родной город. Оставался один путь: поступать по окончании школы в коломенский пединститут, под крылышко к папе.

Однако с тройками в аттестате это было нереально, даже если Марк сдаст все вступительные экзамены на одни пятёрки. Жабский-старший сообщил сыну средний проходной балл в институт и тем самым задал ориентир, к которому тот должен стремиться. Мать тоже пообещала провести по своей линии соответствующие беседы с учителями в школе Марка. Но основное, всё же, Жабский-младший должен сделать сам.

И чудо произошло: Марк закончил школу почти без троек и поступил на исторический факультет коломенского пединститута. Как он там учился, абсолютно не важно. Единственным его достижением в этот период является женитьба на Сонечке Мицкевич, студентке с филологического факультета, дочке директора коломенской канатной фабрики.

Это не был брак по любви — всё решили родители жениха и невесты, связанные давней дружбой. В ЗАГСе молодые смотрелись комично: макушка низенького толстенького жениха едва доставала до острого подбородка тощей и плоской невесты.

По окончании института Жабского-младшего и его жену, разумеется, направили на работу в одну из школ Коломны, а не послали по распределению к чёрту на кулички в какое-нибудь село. Но оказалось, что Марк Жабский не только не любит учиться сам, но и не может учить других. В отличие от его жены, с упоением погрузившейся в работу. С трудом отработав три положенных по закону года, Марк подал заявление об уходе, а директор школы не стал его удерживать.



Папа вновь подсуетился и устроил сына в местный Краеведческий музей, располагавшийся в то время в бывшей церкви Архангела Михаила.

Эта церковь была построена примерно в середине XIV века и находится буквально через дорогу от кремлёвской стены. К XVI веку сложился комплекс из двух храмов: Чуда Архангела Михаила в Хонех и Собора Архистратига Михаила. В 1828-1833 годах на средства коломенских купцов Романа, Авксентия и Якова Колесниковых и братьев Вавилы и Василия Константиновых церковь капитально перестроили. В холодной части храма был освящён главный престол в честь Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, в трапезной — престолы в честь Казанской иконы Божией Матери и Трёх Святителей, а также мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

В 1906 году на средства церковного старосты и благотворителя Иоанна Постникова в трапезной был устроен придел преподобного Серафима Саровского. Так, к началу XX века сложился комплекс пятипрестольного храма. Три престола: центральный — собора сил Архистратига Михаила — и два боковых: Казанской иконы Божией Матери и Трёх святителей — находились в летнем храме. Ещё два занимали тёплую трапезную: преподобного Серафима Саровского и мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Это был самый большой храм в Коломне.

В 1930-е годы церковь закрыли. В здании сначала размещался склад, потом контора. В 1936 году его передали Краеведческому музею. И теперь, в начале лета 1983 года, в это огромное древнее здание, робко ступая по белокаменному полу, вошёл младший научный сотрудник Марк Жабский.

Директор музея был уже не молод, часто и подолгу болел, и Марк вскоре официально стал его заместителем. Это была явная синекюра, хоть и мало оплачиваемая. Но выбирать не приходилось.

Коломна — древний русский город, имеющий большую и славную историю, в нём сохранилось около пятидесяти церквей и часовен, четыре монастыря, остатки кремля, в одной из башен которого по преданию провела последние свои дни Марина Мнишек.

Но в советские времена Коломну не стали включать в Золотое Кольцо. Здесь находились важные оборонные предприятия, а потому город был закрыт для туристов и тем более иностранцев. Так



что посетителей в музее было мало, работники сами справлялись с любимыми неожиданностями, и Марк от нечего делать стал почитывать на рабочем месте книжки, благо городская библиотека имени Ивана Лажечникова находилась в пяти минутах неспешной ходьбы от места его работы.

Директор музея, когда появлялся на работе после очередного больничного, с головой окунался в какие-то исследования и постоянно возился с различными документами, неустанно пополняя созданный им архив фактов, легенд и мифов из истории Коломны и её окрестностей. Материалами его снабжали даже студенты филологического факультета коломенского пединститута. Они разъезжали по окрестным деревням и сёлам, записывая у местных старожилов частушки, сказки, были и небылицы. Старик часто встречался и подолгу беседовал с краеведами и местными художниками, стараясь убедить последних больше рисовать исчезающие под новостройками пейзажи и Старую Коломну. На Марка он не обращал никакого внимания, не пытаясь привлечь того к своим делам и не спрашивая с него отчёта. По-видимому, не хотел тратить время и здоровье. Обоих сложившееся положение вполне устраивало.

Но вот наступил год, в котором случилось сразу несколько событий, кардинально изменивших жизнь и судьбу Марка Жабского. В январе у него родилась дочь Снежана. В феврале во время очередного приступа болезни умер директор музея, и Марка назначили на его место. В марте Генеральным секретарём ЦК КПСС стал Михаил Горбачёв, в результате чего, не выдержав новых веяний, в октябре внезапно скончался от инфаркта Стален Иосифович Жабский, и безутешную Инну Марковну, переставшую уделять работе должное внимание и усердие, вскоре с почётом отправили на пенсию.

Так закончилась беззаботная жизнь Марка Жабского. На работе на него свалились всяческие квартальные отчёты и планы, дразги и проблемы работников, отопление, освещение, сохранность экспонатов, школьные экскурсии и прочие организационные дела. Не привыкший к какой-либо ответственности Марк растерялся. А дома его ждали замотанная жена, плач ребёнка, запах мокрых пелёнок и подгоревшего молока.

Инна Марковна из статной властной женщины без возраста превратилась в слезливую неопрятную старуху не от мира сего, живущую воспоминаниями.



Проблемы росли, как снежный ком, а Марку никогда до сих пор не приходилось преодолевать какие либо трудности. Даже от службы в армии он был освобождён по причине плоскостопия. И вот тут-то, когда Марка охватила паника, его и поймали в свои сети «утешители».

О религии выросший в семье убеждённых коммунистов Марк Жабский знал только то, что успел прочесть в «Справочнике атеиста». Но в зарубежных фильмах он видел, как отчаявшиеся люди приходят в церковь и находят там утешение и поддержку. И Марк решился.

Опыт оказался неудачным. В церкви былолюдно и душно. Не было никаких укромных исповедален, знакомых Марку по фильмам. Поп стоял прямо посреди церкви, и к нему выстроилась длинная очередь желающих исповедаться. Всё происходило явно, на глазах у всех. Ни о какой тайне исповеди в таких условиях и речи быть не могло. Да и об утешении тоже. Конвейер!

Марк выскочил из церкви, его душили слёзы обиды на всё и всех. И здесь его ожидания обманули!

— Что, сынок, не понравилось тут?

Рядом стояла и сочувственно смотрела на Марка маленькая тощая старушка, одетая во всё чёрное, как монашка.

— Да, не в тот храм ты пришёл, — продолжила она. — Тебе бы надо с нашим отцом Серафимом встретиться. Вот он — истинный утешитель горя людского, не то что здешний. У отца Серафима для каждого страждущего и время, и слова найдутся. И службы он ведёт на обычном языке, каждое слово понятно и прямо в душу ложится.

Так Марк Жабский попал в секту неообновленцев. Собирались в каком-то старом бревенчатом доме на окраине Коломны. Комната была явно мала для подобных соборищ. И когда речь зашла о том, что пора бы Марку совершить обряд крещения, тот предложил отцу Серафиму совершить это действие в Краеведческом музее. Вернее, в бывшей церкви Архангела Михаила, отданной советскими властями под музей. Место это было намоленное, хоть и осквернено ныне. Но всё же музей — это не склад и тем более не конюшня!

Каким-то образом властям стало известно о соборищах сектантов в помещении Краеведческого музея. В память о Сталене Иосифовиче Жабском скандал замяли, но Марка выгнали с работы и больше нигде не хотели принимать. Под «нигде» следует понимать





библиотеки, музеи, дворцы и дома культуры, школы и институты. Двери отделов кадров заводов и фабрик были открыты для всех, но Марк Жабский ничего не умел и не хотел делать своими короткими пухлыми, как у ребёнка, руками. Он никогда в жизни не поднимал ничего тяжелее авторучки. Всесильного папы рядом больше не было, а мать, узнав о позоре сына, слегла с инсультом и через несколько дней воссоединилась с мужем в общей могиле.

Так как скандал замяли, увольнялся Марк Жабский «по собственному желанию». Отработал положенный по закону срок, сдал дела новому директору и освободил кабинет от личных вещей. А через пару недель один из краеведов по привычке пришёл в музей, чтобы поработать с архивом. И тут выяснилось, что все папки исчезли! Новый директор только разводил руками — он принимал вещи по описи, архив же ни в каких официальных бумагах не числился. Доказать вину Марка было невозможно, а сам он, конечно, признаваться в краже не собирался.

Безуспешно помыкавшись в поисках непыльной работы, Жабский ещё больше озлобился на весь белый свет. Особенную ненависть у него теперь вызывали коммунисты и советская власть. И он обратился за помощью к их естественному, как ему казалось, врагу — Русской православной церкви. Марк покался, заново крестился и начал работать ночным сторожем в Тихвинском соборе. Первое время ему было на новой работе не по себе и даже страшно, вспоминался жуткий Вий из повести Гоголя. Но вскоре Марк привык к одиночеству, потрескиванию свечного огня перед иконами и душному запаху ладана. Чтение книг нагоняло на него сон, и тогда Марк попробовал писать сам. Начал он со стихов, так как поиск рифм и математический подсчёт слогов в строках прогоняли сонливость и ускоряли время. Долгие ранее ночи теперь пролетали незаметно.

Однако городские газеты почему-то не желали печатать на своих страницах поэтические шедевры Марка Жабского. «Это поганые коммуняки мстят мне!» — решил он и послал свои стихи в московские журналы. Но и те отделались вежливо-издевательскими отписками в стиле «пиши ещё».

Между тем семья Жабских стремительно нищала. Заработок Марка был чисто символическим, зарплата жены-учительницы не могла покрыть всех расходов — дочь Снежана росла, и ей постоянно требовались новые обувь и одежда.



И тогда Марк перешёл на прозу. То, что он считал мезью городу, вдруг стало источником дохода. В коломенских газетах появились статьи некоего нового краеведа по имени Роман Всеславный об истории и тайнах Коломны. Вскоре обнаружилось, что Марк Жабский и Роман Всеславный — один человек. Вновь всплыла и стала активно муссироваться история пропавшего из Краеведческого музея архива, но доказать ничего было нельзя, тем более, что были ещё живы и оставались во власти друзья и соратники Сталена Жабского, жёстко пресекавшие любые «инсинуации» в адрес его сына. Гонорары несколько облегчили материальное положение Жабских, но кардинально ничего не изменили. Сонечке пришлось подрабатывать репетитором.

Развал СССР и запрет КПСС привели к резкому взлёту влияния Русской православной церкви. Государственная поддержка на самом высоком уровне и массы уверовавших и воцерковленных ощутило повысили церковные доходы. Марку предложили «на общественных началах» возглавить отдел церковного краеведения и беллетристики в новой православной газете «Благо». Тот, подумав, согласился. Правда, оказалось, что других сотрудников в этом отделе нет, и вряд ли они в ближайшее время появятся. Марку пришлось самому под разными псевдонимами заполнять свой раздел газеты материалами. Это отнимало массу времени и сил. Пришлось уйти из сторожей и довольствоваться одними гонорарами.

Зато Марк обзавёлся новым социальным статусом и вскоре получил ещё более важный бонус — заказ на написание статей и книг о коломенских православных храмах и монастырях. Причём, ему даже не надо было искать материалы — церковные архивы сами предоставили их в необходимых объёмах. Этот лакомый кусок не только материально обеспечил на несколько лет семью Жабских, но и имел важные последствия как для самого Марка, так и для Коломны — Роман Всеславный стал обязательным гостем всех культурных мероприятий города. Без тени сомнения он всегда садился в первом ряду, предназначенном для VIP-персон. Сначала ни у кого не хватило духа согнать наглеца с престижного места, а потом уже подобное поведение Марка стало восприниматься как должное. Роман Всеславный стал активно выступать на всех городских мероприятиях, и вскоре его представляли публике не иначе как «известного коломенского историка, литератора и краеведа».



На одном из таких мероприятий и произошло знакомство Романа Всеславного с Эдгаром Мыльниковым. Как это ни удивительно, но обычно нелюдимый Марк быстро сошёлся и даже, можно сказать, подружился с Эдгаром. У них были общая любовь (графомания) и общая беда — их «нетленки» не желали печатать толстые московские журналы. Кстати, вскоре выяснилось, что подобная проблема в полный рост стоит и перед многими другими коломенскими поэтами и прозаиками.

В ходе нескольких жарких дискуссий были выделены две основные причины подобного положения: субъективная и объективная. Первую — собственное литературное бессилие — Марк с Эдгаром отвергли сразу, хоть и не исключили её для прочих коломенских литераторов. А вот вторая стояла перед ними несокрушимой стеной.

Ещё в советские времена главные редакторы «толстяков» нашли выход, чтобы без очереди проталкивать свои рукописи в печать. Они использовали знаменитый принцип «ты — мне, я — тебе». То бишь «журнал А» публиковал стихи главного редактора «журнала Б», а «журнал Б» в свою очередь печатал повесть главного редактора «журнала А». А так как главными редакторами советских «толстяков» были, как правило, знаменитые писатели, то в выигрыше оказались все: и авторы и читатели.

Но сейчас, когда ликвидированы всяческие ограничения, в том числе и нравственные, главные редакторы без малейшего стеснения печатают свои «нетленки» как в собственных журналах, так и во всех прочих, продолжая активно использовать принцип «ты — мне, я — тебе». Более того, к редакционному начальству присоединились и подчинённые, а также их друзья, фавориты и протеже. О качестве публикуемых текстов при такой системе говорить вообще смешно! Развеялись дымом репутации и тиражи. Кому интересно годами читать одних и тех же авторов, тексты которых к тому же дублируются в различных журналах?

И всё же авторитет «толстяков» пока был достаточно высок, и не было ни одного провинциального автора, не мечтавшего попасть на их страницы. Но пробиться в этот отныне почти замкнутый на себе «кружок» стало неимоверно трудно! Один из способов для человека со стороны — создать свой журнал и включиться в «систему». Мыльников и Жабский, конечно, быстро нашли этот выход. Дело было за малым — претворить его в жизнь.



Однако начальник управления по культуре Коломны отвергла идею создания городского альманаха сразу: «В Коломне нет прозаиков, а поэты и так издают свои книжки».

— Что ж, придётся действовать своими силами, — сказал Мыльников Жабскому. — Надо поскорее определиться с авторами и спонсорами.

Марк скептически кивнул. Он не привык, да и не был способен к решительным действиям. Эдгар же был лёгок на подъём, и вскоре первый сборник альманаха «Коломенский текст» был составлен, и что самое невероятное — найдены спонсоры! Разумеется, вёрстку и издание альманаха было решено доверить редакции московского «толстяка», тем более, что журнал «Москва» имел и собственное издательство с одноимённым названием. Так одновременно убивалось несколько зайцев: обеспечивалось высокое качество печати, завязывались необходимые связи, и новый провинциальный альманах сразу же выходил на столичный уровень.

Расчёт себя оправдал. Конечно, в альманах пришлось включить рассказ главного редактора журнала «Москва», но зато и рассказ Мыльникова в ответ был, наконец, опубликован в толстом московском журнале.

— Не переживай, — утешал Эдгар Марка. — Вот выпустим второй номер альманаха и протолкнём твою подборку стихов в московский журнал.

Но шло время, выходили номера коломенского ежегодника, уже со второго номера всё же взятого под крыло городской Администрацией вместе с его Главным редактором Эдгаром Мыльниковым. Стихи же Романа Всеславного по-прежнему отвергались редакциями московских «толстяков» и печатались только в «Коломенском тексте». Зато Эдгар Мыльников заматерел и даже немного поверил в собственный литературный гений. Его рассказы стали регулярно печатать московские журналы. Конечно, с текстами предварительно серьёзно работали редакторы и корректоры, но на то она и Москва!

Мыльников, ставший штатным работником управления по культуре, начал приглашать в Коломну московских писателей и художников, устраивать им творческие вечера, а вот коломенские литераторы перестали его интересовать. Он сделал Марка своим заместителем в редакции альманаха и свалил на него всю работу с местными поэтами и прозаиками.



Пользуясь тем, что никто — ни Администрация Коломны, ни спонсоры — не проверяет, как расходуются деньги, данные на подготовку и издание альманаха «Коломенский текст», Мыльников в том же московском издательстве выпустил несколько небольших книжечек со своими рассказами и повестями и вступил в Союз писателей России.

А Жабского, конечно, душили злоба и зависть. И он отводил душу, «редактируя» стихи и прозу коломенцев, желавших опубликоваться в городском альманахе. Из подборок присланных стихов он отбирал самые слабые. Если же таковых не находилось, Марк доводил форму чужого стихотворения до формального канонического совершенства, одновременно вытравливая из содержания авторские мысли и чувства, в результате чего получалась холодная пустышка, никак не трогающая читателя.

Собственно, и стихи самого Марка были таковыми, но лишь потому, что у их автора не было ни оригинальных мыслей, ни чувств, которые тот мог бы вложить в свои тексты. Наглядное же доказательство того, что ему, Марку, недоступно то, что легко получается у других поэтов, ещё больше разжигало злобу и зависть Жабского.

С прозой было чуть сложнее, но и тут Марк находил способы испохабить чужой текст так, чтобы тот не возвышался над уровнем рассказов Мыльникова, делая тем самым главного редактора коломенского ежегодника ещё более обязанным и зависимым от него. Кроме того, Мыльникову теперь приходилось и своим авторитетом поддерживать тот редакторский беспредел, что устроил Жабский коломенским прозаикам и поэтам.

Мало кто из коломенских литераторов пытался протестовать против столь наглой и убийственной «редакторской правки», а если таковой смельчак находился, перед ним ставился простой выбор: либо его текст будет напечатан в альманахе в отредактированном виде, либо автор может обращаться в другие журналы. Постепенно все смирились с подобным положением дел.

Вскоре и у Романа Всеславного появились спонсоры, и местное издательство выпустило несколько тоненьких сборников его стихотворений. Марк получил, наконец, и презентации, и поздравления, и награды. Но хотя с помощью Эдгара Мыльникова он и вступил в Союз писателей России, московские «толстяки» остались для него недоступной мечтой. Хотя несколько стишков Романа



Всеславного Мыльникову удалось-таки пристроить в пару московских газет, за что пришлось сделать ответную любезность в коломенском альманахе их главным редакторам.

И вот ежегодник «Коломенский текст» уверенно подошёл к «совершеннолетию». За восемнадцать лет его существования Марк Жабский достиг нескольких целей: во-первых, он показал собственную значимость в глазах окружающих и тем самым стал для них непререкаемым авторитетом в области поэзии и прозы; во-вторых, Эдгар Мыльников и Роман Всеславный были признаны в культурных кругах города и района ведущими писателями Коломны; в-третьих, Роман Всеславный стал для Эдгара Мыльникова незаменимым другом и помощником, а все возможные конкуренты были заранее отсечены или дискредитированы.

Никто в Коломне не осмеливался оспаривать мнение Мыльникова или Всеславного, когда те кого-либо из местных литераторов хвалили или ругали, и уж тем более было немислимым критиковать тексты самих «ведущих писателей»!

Но если Эдгар Мыльников всё же в глубине души знал истинную цену своим литературным успехам, то Марк Жабский всерьёз уверовал в собственный поэтический гений. А раз он, то бишь Роман Всеславный, является величиной №1 в поэтической иерархии Коломны, то почему его семья в материальном плане еле сводит концы с концами?

Искренне возмущённый подобным положением дел, Марк написал письмо в Администрацию города, в котором поставил вопрос ребром: почему лучший поэт Коломны влечит нищенское существование? Ведь это унижительно не только для самого Романа Всеславного, но и для одного из старейших городов России! Уже сейчас признанный гений поэзии, а в будущем наверняка классик российской литературы вынужден буквально каждодневно тратить время и силы на добывание хлеба насущного вместо того, чтобы творить нетленку. В конце своего длинного и весьма эмоционального письма Марк Жабский категорически потребовал, чтобы Администрация Коломны немедленно назначила ему соответствующее ежемесячное денежное содержание за счёт городского бюджета.

Конечно, в любое другое время власти города в лучшем случае просто проигнорировали бы подобную наглость, но тут вмешались в дело два важных фактора.



Во-первых, письмо Романа Всеславного завизировал лично митрополит Крутицкий и Коломенский, попросивший Администрацию Коломны отнестись со вниманием к человеку, столь много сделавшего и делающего для прославления Церкви и города на ниве краеведения.

Во-вторых, через несколько месяцев должны будут состояться очередные выборы депутатов городской думы. Никто в Администрации не хотел в такой момент ссориться с Церковью в лице митрополита и тем самым потерять поддержку соответствующего и весьма многочисленного электората.

— У кого какие будут предложения? — мрачно задал вопрос мэр, срочно собрав на закрытое совещание начальников управлений и отделов Администрации.

— А мы-то тут причём? — послышался в ответ общий возмущённый ропот. — Пусть управление по культуре думает, это по их части.

— С какой это стати? — взвилась Ольга Петровна Маркова, начальник управления по культуре. — Из нашего бюджета и так немалый кусок вырван на издание ежегодника «Коломенский текст» и зарплату его Главного редактора. Давайте вызовем сюда Эдгара Ивановича, и пусть он решает: либо мы сократим затраты на альманах, уменьшив его объём и тираж, либо Мыльников и Жабский поделят между собой ставку Главного редактора. Других денег у нашего отдела нет!

— Нет, — отрицательно покачал головой Иван Петрович Шуйский. — Альманах и Мыльникова, пока я мэр, трогать не разрешаю. Ищите другой вариант.

— Но, Иван Петрович, это просто неслыханно! — возмущённо всплеснула руками Маркова. — Нигде в России не платят зарплату писателям только потому, что они — писатели. Такого даже при советской власти не было! Этот Всеславный-Жабский за свои статьи и книги получает гонорары. За что ему ещё зарплату платить?

— Ольга Петровна, — откинулся на спинку кресла мэр. — Мы все тут прекрасно знаем, что этого поганца Жабского город содержать не обязан. Давайте не будем терять время на эмоции и неконструктивные высказывания.

— А ведь в словах Ольги есть рациональное зерно, — вдруг сказал Илья Ильич Миркин, начальник управления по экономике.



— Вот как? — удивился Шуйский. — И какое же?

— Как в подобной ситуации поступали при советской власти? — усмехнулся Миркин. — Взять хотя бы спортсменов: официально все они числились где-нибудь рабочими или офицерами, хотя ничем, кроме спорта, не занимались!

— Вот! — с удовлетворением обвёл всех присутствующих взглядом мэр. — Наконец-то конструктивное предложение. Итак, господа и дамы, у кого какие на данный момент вакансии имеются?

Общая тишина была ему ответом.

— Мне что, в кадры звонить? — вновь нахмурился мэр, и все с укором посмотрели на Маркову.

— Так ведь никакого толку от этого Жабского на работе не будет! — с отчаянием воскликнула та.

— От советских спортсменов на местах, где они официально числились работниками и получали зарплату, тоже никакого толку не было, — твёрдо ответил Шуйский.

— Так ведь и вреда не было! — парировала Маркова. — А этот негодяй, Жабский, помните, что в Краеведческом музее наворотил?

— Ну, пока он там числился в замах, вреда от него не было, — буркнул Миркин.

— У кого из твоих зама сейчас нет? — спросил мэр Маркову.

— У всех есть, — уныло ответила та. — Вот разве только в клубе посёлка имени Кирова...

— Ну вот! — с облегчением улыбнулся мэр.

— Но там только пол ставки свободно...

— Тем лучше! — развёл руками Шуйский. — Мы тогда сразу несколько зайцев убьём: и на просьбу митрополита положительноотреагируем, и гадёнышу этому, Жабскому, не столь уж большой кусок кинем, и работе клуба не повредим, раз там нормальный зам имеется. Пусть только выборы спокойно пройдут, а потом мы эту синекуру прикроем, найдём способ — никакой митрополит не дерётся...

Вот так Марк Жабский вновь стал государственным чиновником и отныне присутствовал на всех городских мероприятиях в качестве штатного сотрудника управления по культуре Коломны, вполне законно занимая место среди VIP-персон. Его мнением по различным вопросам в областях истории, литературы и краеведения стали интересоваться представители культурной богемы





города и репортёры местных СМИ. Он выступал на коломенском телевидении, читал лекции школьникам и жёстко «критиковал» и «редактировал», не утруждая себя какой-либо аргументацией, теперь не только чужие рукописи, отобранные им или Мыльниковым для публикации в альманахе «Коломенский текст», но и авторские сборники коломенских поэтов, которые те собирались напечатать за свой счёт в местном издательстве. И то, что никто не пытался оспаривать слова и поступки Романа Всеславного и тем более критиковать его собственные тексты, окончательно утвердило его в собственной исключительности и гениальности.

И что самое удивительное и печальное, в исключительность и гениальность Романа Всеславного вскоре стали верить и окружающие! Давно прошли выборы мэра и депутатов городской Думы, но о лишении Марка Жабского синекуры в управлении по культуре Коломны никто даже не заикается, хотя тот в клубе посёлка имени Кирова появляется только на официальных мероприятиях.

Слова Игоря Лидина по поводу редакционной политики коломенского альманаха чувствительно задели и так весьма неустойчивое самомнение Эдгара Мыльникова. Пару дней после той неприятной встречи на фестивале «Госпожа Вьюга» Мыльников маялся, не в силах успокоиться.

— Да кто он такой, этот Лидин? — кипел Эдгар Иванович. — Как посмел критиковать меня, Главного редактора лучшего ежегодника Московской области, да ещё при девушке? Ведь он же даже не настоящий писатель, а так, не пойми что, какой-то фантаст! И ещё имеет наглость рассуждать о настоящей прозе!

На третий день Мыльников начал было постепенно успокаиваться, как вдруг ему на e-мейл пришло письмо от Лидина с тремя рассказами. Эдгар Иванович вновь вскипел и с трудом подавил желание сразу же удалить неприятное послание. Он позвонил Роману Всеславному и почти прокричал в трубку, что тот ему срочно нужен. Когда Всеславный приехал, красный от ярости Мыльников сунул ему пластиковую папку с распечатками рассказов Лидина и злобно прорычал, что не желает, чтобы эти тексты были опубликованы в альманахе.

— Так зачем ты мне их даёшь? — удивился Всеславный.

— Затем! — рявкнул Мыльников. — Прочти их и разнеси в пух и прах. Только аргументированно.



Всеславный открыл папку и бегло просмотрел страницы.

— Игорь Лидин, не знаю такого. Кто он? Москвич?

— Никто, — с трудом взял себя в руки Мыльников. — Местный графоман, к тому же — фантаст.

— Тогда к чему эти сложности? Сошлись, как и раньше, на то, что редакция рукописи не возвращает и ответов не даёт.

— Ты уж постарайся, Рома, — отводя глаза, попросил Мыльников. — Я, понимаешь, при свидетелях обещал рассмотреть возможность публикации текстов этого Лидина. Сделай для меня...

— Ладно, Иваныч, не вопрос, — самоуверенно пообещал Всеславный, быстро сообразив, что потребовать в качестве ответной услуги. — Насколько я помню, ты на следующей неделе устраиваешь у нас презентацию новой книги главного редактора журнала «Москва»? Как насчёт того, чтобы протолкнуть, наконец, подборку моих стихотворений в этот московский «толстяк»?

Отложив другие дела, Всеславный взялся за рассказы Лидина. В результате он не спал всю ночь! Его душили зависть и злоба. Откуда взялся этот Лидин? Почему Роман до этого никогда о нём не слышал? Даже если бы Мыльников ни о чём Всеславного не просил, тот и сам бы ни за что не позволил опубликовать такие тексты на страницах коломенского альманаха. Нет, таких, как Лидин, надо душить в зародыше! Всё, что не укладывается в «прокрустово ложе» творческих возможностей Эдгара Мыльникова и Романа Всеславного должно безжалостно отсекается.

Конечно, тексты московских авторов Мыльников уродовать Всеславному не позволял. Но и это обстоятельство в конечном итоге тоже работало на имидж Главного редактора альманаха и его заместителя: ознакомление с содержанием очередного номера ежегодника «Коломенский текст» укрепляло в чиновниках Управления по культуре Коломны уверенность в том, что в городе нет достойных поэтов и прозаиков, разве что Эдгар Мыльников да Роман Всеславный. И это сложившееся у чиновников Администрации мнение ничто не должно было поколебать.

— Раздавлю! — шипел Всеславный, сжимая пухлые кулачки. — Уничтожу...

Нет, вдруг понял он, нельзя просто взять и отказать Лидину в публикации. Отказ, пусть даже и подкреплённый жёсткой критикой, может оставить у свидетелей того дурацкого обещания



Мыльникову некое сомнение, мыслишку, что рассказы Лидина «зарезали за фантастику».

«Надо обязательно опубликовать один из рассказов, предварительно отредактировав его так, чтобы любому читателю было ясно, что этот текст написан явным графоманом», — решил Всеславный.

## 16. Откровение пятое

— Царь Иван Васильевич хотел превратить Москву в Третий Рим. Царьград был вторым. А что значит «стать Римом»?

— Ну, — нерешительно промолвил царевич Фёдор, — сделать Москву центром веры Христовой.

— Да, это так. — Годунов кивнул. — До воцарения Ивана Васильевича Грозного за шесть веков христианства на Руси было причислено к лику святых всего двадцать два праведника, а при нём канонизировали тридцать девять русских святых! Царь основал шестьдесят монастырей, по его велению возведено сорок каменных церквей, украшенных золотыми куполами. Иван Васильевич под именем Парфения Юродивого написал Канон и молитву архангелу Михаилу, назвав его «Грозным Ангелом». Царь действительно сделал многое, чтобы превратить Москву в центр веры Христовой. Но разве этого достаточно, чтобы она стала Третьим Римом?

— А что же ещё нужно, батюшка? — удивился царевич.

— Центр веры — это важно, но ты поразмысли, Федя, вот над чем: Рим — оплот католицизма, Царьград — был светочем греческой веры, в которую князь Владимир крестил шестьсот лет назад Русь. Почему же Москва — Третий Рим, а не второй Константинополь, как называли Царьград ромеи?

— Не знаю, батюшка, — озадаченно ответил царевич. — А, действительно, почему?

— Рим и Византия, Фёдор, это в первую очередь величайшие христианские империи! Когда пала Римская империя, её место в мире заняла Византийская. Царьград стал Вторым Римом. Совсем недавно, на наших глазах, под ударами османов пала Византийская империя, до этого преданная и разграбленная крестоносцами католического Рима. Ромейский Константинополь стал турецким Стамбулом. Величайшая христианская святыня, храм Софии, превращена мусульманами в мечеть.



Но прежде, чем это случилось, Царьград предал свою веру, пойдя на религиозное объединение, а вернее подчинение, католическому Риму. Уния об объединении греческой и католической церквей была подписана в 1439 году во Флоренции. Римский папа думал, что это соглашение отдаёт в его подчинение и Русь. Но в 1448 году Собор епископов в Москве объявил Русскую Православную\* Церковь автокефальной, то бишь независимой от Константинопольского патриарха. С тех пор мы не обязаны соблюдать Флорентийскую унию, и Римский папа нам не указ!

При царе Иване Васильевиче Грозном прошло несколько церковных Соборов, на которых были утверждены основы нашей русской веры. У нас ведь Федя, раньше вера была особая: не греческая и не католическая, а православная! Рим пока стоит, но он купается в грехе, как свинья в грязи. Для истинной христианской веры он живой труп. Даже сами Папы Римские открыто предаются всем известным порокам! Москва сейчас осталась единственным центром и примером истинной христианской веры.

Чтобы она, наконец, стала Третьим Римом, мы должны извлечь из истории несколько уроков, дабы не повторить ошибок греков и римлян. Первый: для устойчивости империи одной христианской веры мало, Византию это не спасло. Кроме того, на Руси теперь есть мусульмане, православные и сибирские язычники. Но вести религиозные войны с ними, как в Европе, мы не будем.

Второй: чтобы русская империя была единой и сильной, она должна находиться под безусловной властью одного правителя. Раздробленность — это всегда междоусобия и крах государства.

Третий: католическому Риму доверять нельзя! Ни в чём. Он всегда преследовал и преследует только собственные цели и стремится распространить свою власть на весь мир, не брезгуя для этого ничем. Даже уния с католической верой не спасла Византию — Рим не пришёл ей на помощь в войне с османами. Более того — во время одного из крестовых походов крестоносцы Рима сами напали на Константинополь и разграбили его!

И помни, Фёдор, Рим давно точит зубы на наши земли и души. Для того он и создал Ливонский орден. Не зря ещё князь Александр Невский предпочёл склонить свою гордую голову перед ордынским

---

\* Правовереие – "правильная вера" христиан до Никоновской реформы, проведённой в середине XVII века.



ханом, чем отдаться под защиту и власть католической Европы. Он понимал, что хану нужны только деньги, а римский папа заберёт и деньги, и душу. Прими князь Александр иное решение, и мы тоже стали бы частью Польши, Литвы или Ливонии.

Только соблюдая все три условия можно построить единое сильное государство. Руководствуясь этим, царь Иван Васильевич начал решительно превращать Московию в третий Рим.

Первый шаг — он стал царём, а это в Европе означает то же самое, что быть императором. Но назваться, не значит стать. Князья и бояре не поняли, что русский мир изменился. Они по-прежнему продолжали считать царя всего лишь Великим князем, первым среди равных. И царь Иван Васильевич начал искоренять княжеско-боярскую вольницу.

А как это можно сделать? Никто свою волю просто так не отдаст. Веками русские люди жили свободными, сами выбирали себе властелина и меняли его на другого в случае необходимости. Как заставить их беспрекословно подчиняться воле царя? Без крови подобное совершить невозможно. Даже нападение внешнего врага заставляло князей объединяться под чьей-либо властью лишь на короткое время.

К тому же, многие из бояр понимали, что им придётся навсегда отказаться не только от полной свободы действий, но и от мечты самому когда-нибудь стать Великим князем. Ведь цари передают свой трон не по старшинству в роду, а по наследству, то есть братья, дяди и прочие родственники царя не могут претендовать на престол при наличии живых царевичей.

Конечно, многочисленных Рюриковичей не устраивала такая перемена. Они всячески сопротивлялись намерениям царя изменить древний порядок престолонаследия. Начались боярские заговоры с целью ограничения царской власти и даже убийства самого царя Ивана Васильевича и членов царской семьи. Да-да, Фёдор, было, к сожалению, и такое злодейство.

Первый раз царя Ивана Васильевича отравили вскоре после взятия Казани, ещё в январе 1553 года. Все были настолько уверены в скорой смерти царя, что многие бояре отказались присягать на верность его малолетнему сыну Димитрию. Некоторые, не дожидаясь, кончины царя Ивана Васильевича, поспешили изъять свою преданность двоюродному брату государя князю Владимиру



Старицкому. Но молодой могучий организм Ивана Васильевича победил отраву, и царь вскоре поправился. Но не забыл поведения бояр. А вот первой и самой любимой жене царя Ивана Васильевича царице Анастасии через несколько лет не повезло, и 7 августа 1560 года она умерла от яда. Странно болели и умирали также и малолетние царевны.

Поэтому в конце 1564 года, когда борьба с боярским самовластием и предательством достигла апогея, царь, узнав от верных людей о смертельной угрозе, нависшей над ним, делает решительный шаг: забирает семью, казну и вместе с самыми преданными ему людьми 3 декабря покидает Москву. Он едет в Вологду, где по его приказу строится новая столица Руси. Однако в пути его всё же настигает рука отравителя! Царский обоз вынужден был остановиться в селе Коломенское. Две недели царь Иван Васильевич боролся с отравой, и победа далась ему нелегко. Если из Москвы царь выезжал, имея мощный и цветущий вид, то Коломенское покидал очень похудевший, осунувшийся, с потухшим взглядом и сильно поредевшими волосами на голове и в бороде.

22 декабря царский поезд прибыл в Троице-Сергиевый монастырь, где был отслужен молебен о здравии царя и его семьи, после чего царский караван отправился в Александрову слободу. В Вологду царь Иван Васильевич ехать не рискнул, предполагая, что его враги уже и там имеют своих людей. В Александровой слободе начали спешно строить новый дворец для царской семьи и дома для сопровождавших его бояр.

Возвращаться в Москву государь наотрез отказался. Морозным днём третьего января 1565 года к митрополиту Афанасию прибыл царский гонец Поливанов и передал тому грамоту, в которой царь Иван Васильевич обвинил князей и бояр в самоуправстве, беззаконии, постоянных изменах и приготовлении убийства государя, а церковь — в их защите от заслуженных наказаний. Государь объявил, что раз он не властен над боярами-изменниками, то и царская власть ему не нужна!

— Царь Иван Васильевич сильно рисковал, — с жаром сказал царевич. — А вдруг бояре всё же сговорились бы, объявили государя не способным или не желающим править и выбрали нового?

— Нет, Федя, это было невозможно. Оставив московских князей грызться за власть, царь прекрасно знал, что никто из них не



позволит другому возвыситься над собой. Подобные перевороты надо долго и кропотливо готовить. Заранее выбрать претендента, договориться с ним и между собой о выгодах такой замены. Ведь не за просто же так остальные должны отказаться от престола! Главная сложность в этом деле в том, что каждый из них мечтал стать Великим князем. И народ надо подготовить и убедить в необходимости замены государя тем более что тот вполне себе пока живой и здоровый. А народ, да и сами бояре отлично помнили, каково это: жить, когда вместо законного царя правят самовластные правители. Вот прочту тебе, сынок, кусочек из письма царя Ивана Васильевича изменнику князю Курбскому:

«Когда же суждено было по божьему предначертанию родительнице нашей, благочестивой царице Елене, переселиться из земного царства в небесное, остались мы с почившим в бозе братом Георгием круглыми сиротами — никто нам не помогал...

Было мне в это время восемь лет. Подданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили! Сколько бояр наших и доброжелателей нашего отца и воевод перебили! Дворы, и сёла, и имущество наших дядей взяли себе и водворились в них...

Тем временем князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и таким образом воцарились. Тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе... И на церковь руку подняли: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать.

Нас же с единокровным братом моим, в бозе почившим Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но всё делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети... Сколько раз мне и поесть не давали вовремя.

Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Всё расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалованье, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначили не по достоинству. А бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные



сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние...

А о казне наших дядей что говорить? Всю себе захватили. Потом напали на города и сёла, мучили различными жестокими способами жителей, без милости грабили их имущество. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и чинили беспорядки, от всех брали безмерную мзду и в зависимости от неё и говорили так или иначе, и делали...»

— Как же такое возможно, батюшка? — возмущённо вскричал царевич. — После такого царь Иван Васильевич вправе был казнить всех своих обидчиков...

— Но он этого не сделал! Как и подобает доброму христианину, простил обидчиков своих. Бежавшему в Литву Курбскому царь писал:

«Разве же мы не оценили твоих ничтожных ратных подвигов, если даже пренебрегли заведомыми твоими изменами и противодействиями, и ты был среди наших вернейших слуг, в славе, чести и богатстве? Если бы не было этих подвигов, то каких бы казней за свою злобу был бы ты достоин! Если бы не наше милосердие к тебе, если бы, как ты писал в своём злобесном письме, подвергался ты гонению, тебе не удалось бы убежать к нашему недругу».

В пятнадцать лет взяв власть в свои руки, царь Иван Васильевич многие годы пытался подвигнуть князей и бояр к повиновению и службе на благо русского государства. А те противились, строили ему козни, отравили любимую жену царицу Анастасию, погубили сына Димитрия, изменяли на поле боя, покушались на его собственную жизнь. В том же письме Курбскому, царь Иван Васильевич писал:

«В этом ли состоит достойная служба нам наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи стаи, убивают наших бояр да ещё наших родственников? И так ли душу свою за нас полагают, что всегда жаждут отправить душу нашу из мира сего в вечную жизнь? Нам велят свято чтить закон, а сами нам в этом последовать не хотят! Что же ты, собака, гордо хвалишься и хвалишь за воинскую доблесть других собак-изменников?»

Но вот терпение государя лопнуло и он, как я начал рассказывать тебе, покинул Москву, оставив власть в руках московского





митрополита Афанасия. И пока князья с боярами между собой грызлись, царь Иван Васильевич превратил Александрову слободу в надёжную крепость. Время шло, государственные дела ждать долго не могли. Но нового правителя бояре так и не смогли найти, и пришлось им идти к царю на поклон и просить того вернуться на трон. На любых условиях!

Бояре посчитали, что государь просто слегка накажет своих обидчиков, как делал он это ранее. Все они были уверены в защите московского митрополита, всегда оберегавшего бунтовщиков от царского гнева. Ведь, как объясняли бояре, противясь воле царя, они всего лишь отстаивали свои древние права и привилегии. Ну, пусть накажет кого-то царь, выкажет свою власть, а потом всё опять пойдёт по старинке, думали бояре.

Но неожиданно для всех царь Иван Васильевич объявил о создании опричнины, с помощью которой в дальнейшем ему удалось ликвидировать родовые уделы и вотчины, сломить самовластие князей и бояр и заставить их служить царю и русскому государству. Вольница на Руси закончилась! И только когда все сословия признали новые порядки государства, когда были заложены и укреплены основы новой русской христианской империи, царь опричнину отменил.

Вот как начинал царь Иван Васильевич Грозный превращать Великокняжескую Русь в имперский Третий Рим.

Однако возвышение Руси сильно не понравилось европейским монархам и Папе Римскому. При Дворе графа Эльзасского в 1578 году даже разработали план, как превратить Московию в одну из имперских провинций. Управлять ею должен был один из братьев императора. Жители бывшей Московии по этому плану обязаны обеспечивать немецких воинов всем необходимым.

Для этого за каждым военным укреплением необходимо было закрепить необходимое количество русских крестьян и торговых людей, чтобы они выплачивали жалованье немецким воинам и доставляли всё, что тем нужно. У русских людей захватчики должны были прежде всего отобрать лошадей, все струги и лабды. Немцы хотели выводить русских на работы в железных кандалах, залитых у ног свинцом.

А теперь, Фёдор, будь особенно внимателен: в предлагаемом графу Эльзасскому плане, был один очень важный пункт. По всей Руси



должны были строиться только каменные немецкие церкви. Наши же каменные храмы и монастыри были бы сразу же захвачены немецкими священниками. Когда же русские деревянные церкви сгниют или разрушатся во время войны, мы волей-неволей станем молиться в немецких. Так по замыслу захватчиков просто и естественно должна была произойти смена нашей веры. Уверен, к этому дьявольскому плану наверняка приложили руку иезуиты!

— Плохо же они знают наш народ, батюшка, если составляют такие планы! — воскликнул царевич.

— Да, плохо, — согласился Годунов. — Потому они и не осуществились. Однако Папа Римский сумел всё же объединить в войне против Руси Речь Посполитую, Швецию, Германию и Венгрию. По указке папы Римского польским королём был избран знаменитый воевода Стефан Баторий. Именно Баторий возглавил огромную объединённую армию, вторгшуюся в Московию. В качестве благословения на Крестовый поход против русских «схизматиков» — так они называют нас, правоверных христиан, — Папа Римский прислал Баторию освящённый им меч.

Одновременно с этим новым Крестовым походом против Руси, Папа Римский начал свою собственную интригу, план которой предложил ему папский легат, иезуит Антонио Поссевин. Католический Рим надеялся воспользоваться нашим тяжёлым положением, военными неудачами и вынудить царя Ивана Васильевича подчинить Русскую Православную Церковь папскому престолу, как это произошло в Литве.

В первые годы Ливонской войны мы почти покорили Великое княжество Литовское, нашего вечного соперника и врага. Сейчас я уверен, что для Литвы вхождение в состав Московии стало бы благом: на наших землях живёт один народ, у нас один язык и общая вера. Но тамошние князья и дворяне не захотели подчиняться московскому царю. Они цеплялись за свои древние привилегии и боялись опричнины. Поэтому ещё в 1569 году на сейме в Люблине был подписан договор о том, что Польское королевство и Великое княжество Литовское объединяются в Речь Посполитую.

Но так как Литва по сравнению с Польшей в момент объединения находилась в отчаянном положении, власть в новом государстве захватили поляки. Польские магнаты получили имения в белорусских и украинских землях. И, конечно, католическая церковь,



особенно орден иезуитов, сразу же начала активно обращаться в латинскую веру «схизматиков».

Сначала белорусы и украинцы<sup>\*</sup> яростно отстаивали свою веру, дело доходило до кровавых столкновений. Но, в конце концов, Папа Римский всё же добился своего, и, как когда-то это произошло с византийскими греками, сопротивление правоверных христиан бывшего Великого княжества Литовского было сломлено, и в 1596 году они заключили с католиками Брестскую унию.

Точно так же Папа Римский вознамерился покорить и нас. В 1581 году папский легат Антонио Поссевин сам направился в Московию как посредник между царём Иваном Васильевичем и королём Стефаном Баторием в деле заключения перемирия. Иезуит был почему-то полностью уверен, что сумеет склонить Русскую Церковь на унию с католической. Польский гетман Замоиский, лучше знающий нас, русских, сомневался в успехе легата. Вот слова гетмана о Поссевине, переданные нашим согладателям:

«Он готов присягнуть, что Великий князь к нему расположен и в угодку ему примет латинскую веру, а я уверен, что эти переговоры кончатся тем, что князь ударит его костью и прогонит».

Папа Римский устами Антонио Поссевина предлагал царю Ивану Васильевичу все земли бывшей Византийской империи, если тот позволит строить на Руси латинские храмы и согласится на унию русской и католической Церквей на основе правил Флорентийского собора. Однако наш государь упорно уклонялся от разговора на эту тему, предпочитая видеть в папском легате лишь посредника в переговорах о мире между Русью и Речью Посполитой. И хитроумному иезуиту ничего иного не оставалось, как в надежде на будущую благодарность русского царя, заставить польского короля заключить с Москвией мир на выгодных для нас условиях. В 1582 году в Запольском Яме было подписано перемирие на десять лет. Согласно мирному договору Речь Посполитая получила часть Ливонии и свой же собственный город Полоцк, отнятый нами у короля Сигизмунда ещё в 1563 году. Взамен она вернула Московии все русские города и земли, захваченные Польшей.

Когда мы заключили мир с польским королём Стефаном Баторием, Антонио Поссевин предвкушал триумфальное возвращение в Рим. Однако на его туманные обещания в случае заключения

---

\* Автор даёт здесь современные названия народов.



унии Церквей отдать Московии земли бывшей Византийской империи, царь Иван Васильевич твёрдо ответил:

— Ты говоришь, Антоний, что ваша вера римская — одна с греческою вера? А мы носим веру истинно христианскую, но не греческую. Греки нам не евангелие. У нас не греческая, а русская вера.

Царь Иван Васильевич отказался обсуждать с папским легатом вопрос об объединении Церквей. Да он никогда и не обещал этого! Позор провала основной задачи поездки в Москву сделал иезуита Антонио Поссевина личным врагом царя Ивана Васильевича.

Как известно, иезуиты часто расправляются со своими и папскими врагами при помощи яда. В августе 1582 года в отчёте Венецианской синьории Антонио Поссевин заявил, что московскому государю жить осталось недолго.

Откуда, Федя, иезуит Поссевин узнал о смерти царя Ивана Васильевича за полтора года до его кончины?

— Не думаешь же ты, батюшка, что папский легат сам организовал убийство русского царя? — недоверчиво промямлил царевич.

— Конечно же, именно так я и думаю! — раздражённо воскликнул Годунов. — Иезуиты или подкупленные ими изменники могли пропитать ядом страницы подаренной царю книги, его одежду, смертельный яд мог быть в перстне допущенного к царю человека, в его пуговице на камзоле.

Посуди сам, Фёдор, в начале марта 1584 года царь Иван Васильевич ещё занимался государственными делами. Впервые он почувствовал недомогание 10 марта. Через несколько дней наступило резкое ухудшение, и 16 марта царь впал в беспамятство. Лекарь применил горячие ванны, оттянувшие часть яда, и 17 марта царь Иван Васильевич почувствовал облегчение. Однако яд проник уже слишком глубоко. Тело государя распухло и дурно пахло.

Утром 18 марта, за несколько часов до своей кончины, царь Иван Васильевич призвал меня и в присутствии своего духовного отца архимандрита Феодосия сказал:

— Тебе, Борис, приказываю: сбереги дело моё, сына моего Фёдора Ивановича и дочь мою Ирину.

И я берёг, как мог. И строил Третий Рим, помогая править царю Фёдору Ивановичу и царице Ирине, сестре моей.

Царица вела переписку с королевой Англии Елизаветой, патриархами Вселенским и Александрийским. Словом, Ирина взяла на



себя все усилия для скорейшего признания Русской Православной Церкви, которая тогда ещё не являлась патриархатом.

После падения Византии Константинопольский патриарх Иеремия оказался отрезанным турками от всех стран, исповедующих восточную христианскую веру. Поэтому ездить к нему за благословением стало невозможно. Московские митрополиты возводились в сан Собором русских епископов.

В 1586 году в Москву приехал Антиохийский патриарх Иоаким, осуществлявший связь между Константинопольским патриархом и всеми остальными. Царице Ирине удалось убедить Иоакима, что теперь только одна Русь способна отстаивать Православие от натиска мусульманской и католической Церквей, но для этого нам необходим собственный русский патриарх. Иоаким выступил посредником между Русской Церковью и остальными. Переговоры длились два года, и наконец в январе 1589 года в Москву прибыл Константинопольский патриарх Иеремия, чтобы учредить в России патриаршую кафедру.

Первым русским патриархом 25 января 1589 года был избран митрополит Иов. После этого архиепископы Казанский, Новгородский, Ростовский и Крутицкий были возведены в митрополиты, а епископы Владимирский, Суздальский, Смоленский, Рязанский, Тверской и Нижегородский посвящены в сан архиепископов. В честь этого события в Успенском соборе был отслужен пышный молебен. Патриарх Иов, подобно Иисусу Христу, верхом на осле и в сопровождении огромной свиты въехал в Кремль.

Состоялся пир в Государевом дворце. Царица Ирина приняла Константинопольского патриарха Иеремию в своей Золотой палате. Это было, как ты понимаешь, Андрей, грандиозное событие. У меня не хватит мастерства, чтобы описать его во всех красках. К счастью, за меня это сделал епископ Арсений Елассонский, сопровождавший Иеремию:

«Тихо поднялась царица с своего престола при виде патриархов и встретила их посреди палаты, смиренно прося благословения. Вселенский святитель, осенив её молитвенно большим крестом, воззвал:

— Радуйся благоверная и любезная в царицах Ирина, востока и запада и вся Руси, украшение северных стран и утверждение веры православной!»



Затем царицу благословляли патриарх московский, митрополиты, архиепископы, епископы и прочие князья Церкви. Поблагодарив патриарха Иеремию и прочих, Ирина отступила немного и стала между своим мужем, царём Фёдором Ивановичем, и мною.

Греческих гостей потряс наряд царицы Ирины. Епископ Арсений написал, что если бы у него было десять языков, то и тогда он не смог бы рассказать о всех виденных им богатствах царицы:

«И всё это видели мы собственными глазами. Малейшей части этого великолепия достаточно было бы для украшения десяти государей».

Я передал обоим патриархам подарки от царицы: по серебряному кубку и бархату чёрному, по две камки, по две объяры и по два атласа, по сороку соболей и по сто рублей денег. Вручая дары, я сказал патриарху:

— Великий господин, святейший Иеремия цареградский и вселенский! Се тебе милостивое жалованье царское, да молишь усердно Господа за великую государыню царицу и великую княгиню Ирину и за многолетие великого государя и о их чадородии.

Довольный патриарх ещё раз благословил царицу и тут же помолился о даровании ей «царского наследия плода». Когда я вручил подарки и другим гостям, в том числе и епископу Арсению, царица Ирина вновь обратилась к патриарху и всем присутствующим с просьбой усерднее молиться о даровании ей и царству наследника. После чего государь Фёдор Иванович и царица Ирина проводили патриархов до дверей Золотой палаты и приняли от них ещё одно благословение. Но, как показало время, то ли князья Церкви не очень-то молились, то ли враги постарались: Фёдор Иванович остался последним царём из рода Рюриковичей. Царица Ирина не смогла родить ему наследника, а их единственная дочь Феодосия, родившаяся 29 мая 1592 года, умерла ещё во младенчестве.

Как ты теперь знаешь, Фёдор, когда юный царь Иван Васильевич начал править сам, казна русского государства была пуста. При этом за всё время его правления не было ни одного года, когда бы Русь с кем-либо не воевала. Вдобавок к военным потерям и разрушениям несколько лет Московию опустошала чума. Удивительно, но при всём при этом за почти полвека своего царствования Иван Васильевич превратил небольшое раздираемое боярскими склоками Великое княжество Московское в единую могучую державу,



земли которой по величине превышают все земли европейских государств вместе взятые!

И ещё, сынок, я не из пустого бахвальства рассказал тебе, о том, как были поражены греческие гости и сам патриарх Константинопольский Иеремия богатством одного лишь платья царицы Ирины. А ведь они повидали за свою жизнь многих европейских царей и цариц.

Теперь ты можешь представить себе, Фёдор, какую казну оставил после себя царь Иван Васильевич потомкам. И это, повторюсь, после полвека непрерывных войн, восстановления разрушенных и строительства десятков новых городов, крепостей, церквей и монастырей!

Я, конечно, не могу делами своими равняться с государем моим Иваном Васильевичем, но завет, данный им мне на смертном одре, я по мере скромных сил моих старался выполнять. Не так много, как при царе Иване Васильевиче, но всё же строились новые города и крепостные укрепления. В Москве, например, Фёдор Савельев по прозвищу Конь возвёл из известняка стены и 29 башен Белого города. В Кремле по моему приказу соорудили водопровод, по которому сейчас вода по подземелью поднимается насосами из Москва-реки на Конюшенный двор.

В Прибалтике мы в 1590 году возобновили войну со шведами и сумели вернуть себе отданные по условиям окончания Ливонской войны города Ивангород, Ям, Копорье и Корелу. Многие сейчас согласны с тем, что Москва всё же стала Третьим Римом, и Русь ныне является единственным светочем правоверного христианства.

## 17. Беда не приходит одна

*Противник, вскрывающий ваши  
ошибки, гораздо полезнее, чем друг,  
скрывающий их.*

**Леонардо да Винчи**

К зданию Администрации, именуемому в народе за цвет фасада «Белым домом», Лидин приехал на маршрутке за полчаса до назначенного срока. Перейдя на другую сторону улицы, он вошёл в торговый центр «Глобус» и стал убивать время, переходя из одного магазинчика в другой. Что-то вроде бы внимательно рассматривал,



что-то даже брал в руки, но чётко в его сознании фиксировалось только движение минутной стрелки на стареньких наручных часах.

Ровно в десять Лидин подошёл к двери офиса редакции альманаха «Коломенский текст». Та была распахнута настежь.

— Разрешите? — спросил Лидин, входя.

— А-а, вот и наш новый автор пожаловал! — Мыльников встал из-за стола и, в три огромных шага оказавшись рядом с Лидиным, протянул руку для приветствия. Эдгар Иванович, как всегда, нестерпимо благоухал французской туалетной водой. Он приветливо улыбался Игорю, но взгляд его при этом почему-то никак не мог сфокусироваться на лице гостя, постоянно уходя куда-то в сторону.

— А мы вас, батенька, ждём, — журчал Мыльников, вводя Лидина в комнату и ставя его перед низеньким пузатым человечком, одетым, несмотря на жару в потрёпанный джинсовый костюм. — Знакомьтесь: это — Роман Всеславный, мой заместитель, а это — Игорь Лидин, наш новый автор.

Лидин пожал вялую потную ладонь бородатого карлика, чуть косящие глаза которого тоже смотрели непонятно куда, и незаметно вытер руку о штанину.

— Присаживайтесь, — предложил Мыльников.

Комната редакции была довольно маленькой. Три стола, поставленных буквой «Т», десяток стульев, книжный шкаф, заполненный томами альманаха «Коломенский текст» и книгами местных авторов, «рогатая» вешалка в углу у двери, стены увешаны грамотами и медалями. Мыльников сел в кресло во главе буквы «Т», Всеславный и Лидин пристроились на ближайших к нему стульях напротив друг друга.

— Итак, Игорь Владимирович, — перешёл на официальный тон Мыльников. — Я говорил вам, что решение по каждой публикации принимается редакцией, а не мною. Все члены редколлегии альманаха прочитали ваши рассказы, высказали своё мнение, и Роман Сталенович сейчас озвучит общее решение.

Всеславный не спеша достал из нагрудного кармана очки в массивной старомодной оправе, надел их и раскрыл лежавшую перед ним на столе тонкую пластиковую папку. Вынув распечатки рассказов Лидина, исчерканные красным фломастером, Всеславный искося бросил на Игоря злобный взгляд и елеинным голосом начал разбор.





— Рассказ «Находка». В далёком космосе земной корабль встретился с инопланетным. Тот на сигналы людей не реагировал. Десантная группа проникла на корабль инопланетян и обнаружила там агрессивное ящероподобное существо, в ходе контакта убившее одного из людей. В дальнейшем захваченный ящер оказался не разумным существом, а инопланетной «собачкой», запущенной в космос жителями одной из планет звёздной системы, где произошёл тот случай. Инопланетяне, как и мы когда-то, делали первые шаги по выходу в космос.

Этот рассказ единогласно отвергли все члены редколлегии. Сюжет банален, текст состоит из сплошного диалога, без каких-либо описаний персонажей и места действия. Тут и обсуждать нечего...

— Позвольте, как это нечего? — возмутился Лидин. — Тут как раз есть много чего для обсуждения.

— Вы не волнуйтесь так, Игорь Владимирович, — поднял в миротворческом жесте руки Мыльников. — Мы и собрались здесь для обсуждения. Если вам есть что сказать, говорите! Никто вам рот не затыкает.

— В этом рассказе я экспериментировал с формой, — Лидин сжал кисти рук в замок, стараясь унять нервную дрожь. — Тут не просто диалог, как вы говорите, а протокол судебного разбирательства. У польского фантаста Станислава Лема есть рассказ, построенный по такому принципу, и я решил попробовать сделать нечто похожее.

Да, в рассказе «Находка» нет привычных вам описаний места действия и внешности персонажей, потому что они даны иными способами. Вы же, Роман, прекрасно поняли и пересказали фабулу рассказа, несмотря на нестандартную форму её подачи! Разве нет? Но почему-то остановились на внешней стороне, так сказать, сюжета. Да, описанная ситуация банальна, но вовсе не она является главной составляющей рассказа.

На Земле идёт суд. Почему погиб человек? Кто виноват? Можно ли было избежать трагедии? И уверяю вас, описать ситуацию, характеры, внешность и поступки персонажей при помощи одних только судебных диалогов было неизмеримо труднее, чем сделать это обычным способом. Попробуйте сами, если не верите!

— Верим, Игорь Владимирович, — снисходительно усмехнулся Роман Всеславный. — Верим, что у Станислава Лема получилось с



новой формой, но вот про ваш рассказ этого сказать нельзя. Таково общее, даже единогласное мнение всех членов редколлегии. Увы!

Мыльников в ответ на отчаянный взгляд Лидина только развёл руками. Мол, что я могу поделать?

Всеславный взял следующую распечатку.

— Рассказ «Месть ведьмы». Некий молодой человек по имени Славка работает программистом в одной из маленьких фирм. Он, как сказали бы ранее, бабник, хоть и любит свою жену. Неожиданно Алла, весьма красивая женщина, пришедшая не так давно работать в их фирму Главным бухгалтером, предлагает Славке вступить с ней в сексуальную связь. Начальник предупреждает Славку, что Алла — настоящая ведьма, уже не первый век сохраняющая молодость и красоту за счёт любовного пыла многочисленных любовников. Отказывать ей в чём-либо чревато большой бедой для Славки. Я правильно излагаю, Игорь Владимирович?

— Пока, в общих чертах — да.

— Итак, наш, вернее — ваш, господин автор, бабник вступает в любовную связь с Аллой, не веря ни в какие её ведьмины способности. Но однажды этот Славка во время свидания с Аллой выбрасывает в окно её рыжего кота, так как тот нагадил в его обувь. Ведьма, разумеется, оказывается на стороне своего домашнего любимца и накладывает на Славку заклятие, в результате которого незадачливый бабник становится импотентом. Кроме того, бедолагу с подачи всё той же Аллы увольняют с работы и больше никуда не берут.

Вскоре от Славки уходит жена, и над его импотенцией начинает насмехаться молодая одинокая соседка, безуспешно пытавшаяся соблазнить его до этого.

Помыкавшись без работы и женщин, Славка вымаливает у Аллы прощение, его вновь принимают на работу в ту же фирму, он в извращённой форме насилует зашедшую к нему за солью соседку, доказывая той свою мужскую состоятельность, и, наконец, к нему возвращается любящая жена. Довольно неправдоподобный хэппи-энд, не находите?

— Что значит — неправдоподобный? — стараясь говорить спокойно, спросил Лидин. — Как...

Звонок сотового прервал его. Игорь нервно достал из кармана телефон и выключил.

— По какому критерию вы определяете правдоподобность?



— Определял не только я, — снисходительно усмехнулся Роман Всеславный. — Я лишь зачитываю вам общее мнение редакции. Этот ваш так называемый рассказ, господин Лидин, не только в нашем альманахе, но и в любом другом журнале России никто никогда не опубликует. Порнография в нашей стране запрещена законом! Кроме того, в чём идея вашего рассказа? Где логика? Какова мораль? Ничего этого в нём нет, есть только грязь секса и откровенная порнография. Все члены редколлегии возмущены. Удивляюсь, как вы вообще осмелились предложить в наш альманах подобную мерзость!

Лидин давно кипел от возмущения и обиды — так исказить и испохабить его рассказ! Но внешне он решил ничем не выдавать своего состояния, а вот какую-либо дипломатию решил отбросить. Раз уж его тут нагло стараются смешать с грязью, то и он не собирается покорно и молча это терпеть.

— Вы спрашиваете, в чём идея моего рассказа? Где логика и мораль? Утверждаете, что в нём нет ничего, кроме «грязи» секса. Объясняться с читателем — занятие для автора двусмысленное: то ли автор плохо выразил в тексте свои мысли, то ли читатель недостаточно развит, чтобы их понять. Я склонен в данном случае выбрать второй вариант. А потому постараюсь ответить на ваши вопросы и претензии.

По поводу порнографии и секса. В моём рассказе нет ни порнографии, ни даже эротики. Этак вы и «Лолиту» Набокова с «Ямой» Куприна в порнографию запишите! Ваши слова о «грязи» характеризуют вас, Роман Сталенович, как «истинно верующего христианина» или старого коммуниста, выросшего в убеждении, что «в СССР секса нет». Потому что в нашей стране только моральные запреты этих двух учений могут заслонить у читателя идею рассказа и логику поступков персонажей, хотя и то, и другое лежит на поверхности, и даже прямо указывается автором заголовками и отдельными фразами. Но не будем обсуждать вас, лучше рассмотрим текст рассказа.

Главный герой — обычный молодой человек, живущий, как и большинство из нас, не логикой, а чувствами. Он не обдумывает заранее своих поступков, а действует импульсивно. И это нормально для его возраста и жизненного опыта. Не зря народная мудрость гласит: «Знать бы, где упасть — соломки бы подстелил». «Семь раз



отмерь, а потом отрежь» — эта мудрость для каких-то глобальных поступков, а не сиюминутных жизненных ситуаций, не для банальности (обыденности) бытия. Поэтому не надо искать логику в поступках персонажей рассказа. Ищите авторскую логику в их изображении. Жизнь Славки, как и у всех, делится на две сферы: работа и семья. В обеих сферах он считает себя вполне успешным и состоявшимся. По крайней мере — до встречи с ведьмой. И когда Славка, как обычно, то есть — под влиянием чувств, совершает поступок, воспринятый ведьмой как личное оскорбление, та его наказывает. Как? Наносит удар по обеим сферам его самоуверенности и самодостаточности: лишает работы и делает импотентом, потому что и то, и другое играет в жизни Славки огромное значение. Это внешняя канва рассказа, за которой вы, к сожалению, не увидели ничего более: ни идеи, ни логики поступков, ни морали.

По поводу морали, не зная точно ваших убеждений, я ничего говорить не буду. У каждой религии она своя. «Общечеловеческих ценностей» не существует, это «сферический конь в вакууме», что бы там ни говорили либерасты всех мастей.

Идея же рассказа проста и вечна, как мир, в котором мы все живём. Человек сам всегда наказывает себя. Каждый его поступок, даже простое слово влекут за собой соответствующие последствия. Как говорил всенародно любимый капитан Жеглов устами Владимира Высоцкого: «Наказания без вины не бывает!». Главным врагом человека был и остаётся он сам. Ведьма — только инструмент наказания. Потеряв работу и находясь на грани распада семьи, Славка вынужден, наконец, остановиться и задуматься. Он осознал и признал свою вину, перестав перекладывать ответственность за произошедшее на отомстившую ему ведьму.

Славка уже понял, что жизнь не так проста, как ему казалось. Он это понял, но не осознал до конца, потому что привык жить сегодняшним днём, не думая о том, что будет завтра. Он ещё недостаточно страдал, чтобы его натура изменилась.

А ведь начальник принял его назад только по указке ведьмы! Он наверняка не простил и не забыл оскорбление, которое нанёс ему Славка, сначала проигнорировав совет не связываться с ведьмой, а потом пренебрежительно отозвавшись о его фирме при увольнении. Славка пока задумался, но не одумался. Не сделал никаких попыток объясниться и примириться с начальником.



Решая сегодняшнюю проблему, Славка сделал ставку на ведьму и победил. Но ведь Алла, как известно, нигде надолго не задерживается! Ей приходится регулярно менять место работы, чтобы её вечная молодость не вызывала у окружающих ненужные вопросы. Что будет со Славкой, когда ведьма покинет фирму? Славка совершил поступок — обидел начальника, и расплата за него его ещё ждёт впереди.

То же самое касается и импотенции. Сняв проклятие, сделал ли Славка выводы из своей беды? Изменился ли? Нет! Славка был наказан, но не сломлен, многому научился, но не изменился. Он по-прежнему действует импульсивно, что мы и наблюдаем в сцене изнасилования соседки. Славка остался верен своей натуре. Но соседка никому обет молчания не давала! И это значит, что расплата за совершённый поступок наверняка ждёт Славку впереди. Удастся ли ему сохранить семью? Какой же это хэппи-энд?

На этом я закончу свои пояснения по поводу идеи рассказа и логики поступков персонажей. Если и теперь вы их не видите, то я больше ничем не могу вам помочь.

— Зачем же так горячиться, Игорь Владимирович? — побагровел Мыльников. — Этак у нас с вами вместо обсуждения получится... ничего не получится!

— Извините, Эдгар Иванович, — процедил сквозь зубы Лидин. — Я не ожидал, что члены редколлегии вашего альманаха скользят по верхам сюжета, даже не делая попытки проникнуть в суть произведения.

— Не знаю, есть ли смысл при таком отношении автора к критике продолжать разбор? — всё тем же елейным голоском обратился Всеславный к Мыльникову.

— Конечно, есть, — с деланным энтузиазмом откликнулся тот. — Мы же всё же отобрали для публикации рассказ Игоря Владимировича! И вы, батенька, напрасно столь враждебно настроили себя против членов редколлегии. — Мыльников укоризненно посмотрел на Лидина. — Им пришлось немало потрудиться над вашим текстом, чтобы довести его до нужного уровня. Продолжай, Рома!

Всеславный тяжело вздохнул и взял третью распечатку.

— Рассказ «Вампир». У главного героя, мужчины лет тридцати пяти по имени Андрей, умирает мать. Он берёт на работе отпуск и едет в село, где та жила, чтобы определиться с оставшимся ему в



наследство домом и прочим хозяйством. В деревне Андрей встречается с другом детства Толяном, от которого узнаёт, что в одном из домов села появился вампир, сосущий из людей кровь. Многие жители уже умерли из-за этой твари.

Вампир, оказывается, в незапамятные времена был убит и захоронен на местном кладбище. Река подмыла берег, на котором находилось сельское кладбище, могила сползла в воду, и чудовище каким-то образом ожило. Далее по сюжету Андрей с Толяном вступают в схватку с вампиром и убивают его. Всё правильно, Игорь Владимирович?

— Вы опять передали только внешнюю сторону сюжета.

— И эта сторона тоже не блещет оригинальностью, — с приторным сожалением покачал кудлатой головой Всеславный. — Не только рассказов, но и всяческих фильмов о вампирах сейчас столько, что смотреть — не пересмотреть! Редакции пришлось изрядно потрудиться, чтобы придать вашему рассказу оригинальную идею и тем самым выделить его из массы тупых ужастиков. Вот, ознакомьтесь.

Всеславный передал Лидину распечатку. Тот быстро пробежал глазами странички и вскочил из-за стола, не в силах усидеть на месте от охватившей его ярости. Стул с грохотом опрокинулся, Лидин поднял его, поставил на место, сел и, изо всех сил сдерживая рвущийся из груди крик, просипел:

— Вы что, издеваетесь? Кого вы считаете идиотом: меня, читателя или всех сразу?

— Ну, вот, — обратился Всеславный к Мыльникову. — Я ж говорил, что лучше не продолжать. По-видимому, господин Лидин не из тех, кто ценит добро...

— Добро?! — всё же взорвался Игорь. — Вы изуродовали мой текст графоманскими фразами, подменили идею рассказа на явный идиотизм, даже название поменяли на какое-то ханжеское «По воле Господней...» и называете всё это добром? Что вы тут на написали!

Лидин лихорадочно шурша листами распечатки нашёл нужное место и громко прочёл: «Тут, понимаешь, такое дело... Над тем селом, где жители церковь сломали, какое-то проклятие повисает. Нельзя ведь из храма ничего тащить. А местные не только на попов доносили — они и церковь-то разобрали на свои нужды. Теперича это самое аукнулось...»



Эту идею вы втюхиваете читателю от моего имени? Жители села после революции разрушили и разграбили церковь, и теперь, почти через сто лет после тех событий Господь Бог наслал на них вампира? Вернее, на их потомков! Сын за отца, а внук за деда по воле Господа на съедение вампиру отданы? Адская тварь — орудие запоздалой мести Бога? Невинных досуха выпивает! Кто же автор столь «доброй» идеи? А то, что церковь эту никто не разрушал, и сейчас она работает, вас ничуть не смущает?

— Спокойнее, спокойнее, Игорь Владимирович, — замахал руками Мыльников. — К чему так горячиться? В вашей версии рассказа вообще никакой идеи не было.

— Как это не было? — Повернулся к нему Лидин. — Я писал не просто ужастик о вампире. Идеей рассказа было то, что Зло живёт не за тридевять земель в лесной избушке Бабы Яги или в замке Кощея Бессмертного. Ты можешь встретиться с ним в любой момент там, где живёшь, просто завернув за угол родного дома. И если струсишь, отступишь, смиришься со Злом, то оно не только усилится и вырастет, но и, в конце концов, сожрёт тебя, как бы ты ни твердил, что «твоя хата с краю». Только в непримиримой борьбе со Злом у тебя есть шанс победить, а значит и уцелеть. И не важно, что это за Зло — вампир, коррумпированный чиновник или пьяный хулиган в трамвае. Но вы опять прошлись по верхам сюжета да ещё, исказив текст, подменили идею на чёрти что!

— Да, Игорь Владимирович, — изобразил на лице скорбь Мыльников. — Не так я представлял себе сегодняшнюю встречу с вами.

— Я тоже, — буркнул Лидин. — В одной из своих книг Михаил Анчаров, песни которого столь вам, Эдгар Иванович, когда-то нравились, написал, что когда критикуют не за то, то это значит — хвалят! Так что я всё же благодарен вам за эту встречу.

— Что ж, — подвёл итог Всеславный. — Раз господина Лидина не устраивает наш вариант правки его рассказа, то редакции остаётся только пожалеть о потраченном на него времени и усилиях. Увы, но больше мы ничем помочь этому автору не можем.

— Очень жаль, Игорь Владимирович. — Мыльников встал из-за стола, давая понять, что аудиенция закончена. — Приносите другие рассказы, мы рассмотрим. В этот номер альманаха они уже точно не попадут, я отдаю его через неделю на вёрстку в издательство, но, может быть, в следующий чего отберём. А если всё же надумаете



согласиться с редакторской правкой рассказа о вампире, звоните. Как я сказал, у вас есть ещё неделя на раздумья.

Позднее Лидин не мог вспомнить, как он добрался от офиса Мыльниково до Коломзавода. Игорь просто выпал из реальности и очнулся только перед вертушкой проходной. Предъявив пропуск хмурой охраннице, он прошёл на территорию завода. Взглянув на часы, Лидин увидел, что уже без четверти двенадцать. В цехах пятнадцать минут назад началось время обеденного перерыва, и, значит, его ребята сейчас находятся в офисе. Очень хорошо — не придётся дышать смрадом Чугунки, где «Моремна», фирма Лидина, подрядилась капитально отремонтировать электрическую часть чугунолитейной печи.

Офис «Моремны» находился на четвёртом этаже Четырнадцатого механического цеха. Раньше здесь было несколько офисов различных подрядных организаций. Но когда завод стал переходить из рук в руки, каждый новый хозяин первым делом начинал устанавливать свои правила и порядки, менять всех директоров, главных инженеров, финансистов, экономистов и бухгалтеров. Поэтому договора, сметы, акты и счета подрядчиков либо мёртво застревали в бюрократических инстанциях, либо вообще пропадали.

Новые заводские начальники ничего не подписывали, так как им требовалось немалое время на то, чтобы войти в курс текущих дел, а их заместители, которые при всех пертурбациях в основном оставались на своих местах, не рисковали брать на себя ответственность и что-либо подписывать. И каждая новая Администрация рано или поздно начинала всяческие реструктуризации, в результате которых количество инженеров и рабочих сокращалось, а управленцев увеличивалось! А раз увеличивалась заводская бюрократия, то и количество подписей на договорах, сметах и актах выполненных работ тоже росло, как и время хождения документов по различным инстанциям.

Самым же неприятным для Коломзавода было то, что каждая новая Администрация в профессиональном плане была хуже предыдущей. Откуда новые хозяева брали свои кадры, какие ставили перед ними задачи, простым работникам завода было неизвестно, но по цехам ходили слухи, что Коломзавод намеренно разрушают и банкротят. Лидину не хотелось верить этим слухам, но и он однажды столкнулся с вопиющей безграмотностью нового финансового





начальника, присланного очередными хозяевами на Коломзавод. Было это так.

Однажды Лидина вызвали в Финотдел завода и под расписку вручили документ, из которого следовало, что фирма «Моремна» с первого числа следующего месяца обязана оплачивать своё пребывание на территории Коломзавода: предоставленную под офис площадь, отопление, воду и электроэнергию. Конкретные суммы оплаты рассчитают специалисты Финотдела в ближайшее время. Позднее Лидин узнал, что подобные уведомления получили все подрядные организации, имеющие офис на территории Коломзавода. Начальник Финотдела решил выслужиться перед хозяевами, найдя новый источник дохода и, заодно, указать на разбазаривание средств и ресурсов прежней Администрацией.

Подрядные фирмы не стали терять время и нервы на споры, а просто вывезли своё имущество и освободили заводские помещения. Они держали своих представителей здесь в основном для ускорения решения возникающих вопросов и проблем, связанных с работой на территории Коломзавода. А основные их офисы находились в городе. Таким образом, никакого дополнительного дохода Финотдел не получил, а только усложнил взаимодействие завода с подрядчиками. Опустевшие же помещения оказались никому не нужны: ни заводским структурам, ни внешним организациям. Первые периодически сокращались в процессе реструктуризаций, так что им и старых площадей хватало, а вторых отпугивал пропускной режим.

У фирмы Лидина в отличие от других подрядчиков была иная ситуация. Помещение на территории Коломзавода ей было жизненно необходимо. Ведь что такое «Моремна»? Мо — монтаж, ре — ремонт, м — модернизация, на — наладка. Фирма Лидина занимается капитальным ремонтом станков и прочего электрооборудования. Если конкуренты «Моремны» сдирали станки с фундамента и увозили на свои производственные площади, то работники Лидина ремонтировали оборудование прямо в цехах Коломзавода. Это значительно уменьшало затраты и время простоя оборудования. Помещение, предоставленное фирме «Моремна» заводом, использовалось под офис, рабочую раздевалку, ремонтно-наладочную мастерскую и склад запчастей, материалов и приборов.

Прежняя Администрация Коломзавода понимала всю выгоду



подобного сотрудничества, тем более что предоставленное фирме «Моремна» помещение всё равно пустовало. А вот новый начальник Финотдела вникать во все тонкости не пожелал. Лидин дважды пытался с ним объясниться. В первый раз тот вообще не пожелал встречаться, а во второй высокомерно отфутболил Игоря к своей заместительнице. В отличие от прочих вечных замов, эта пришла на Коломзавод вместе с новым начальником, и оказалась столь же тупа и невежественна, как и он. Она честно попыталась вникнуть в аргументы Лидина, но так и не смогла.

Тогда Лидин написал письмо на имя Генерального директора Коломзавода, в котором объяснил сложившуюся ситуацию и привёл те же аргументы, что и в Финотделе. Прямым текстом Игорь написал, что если завод выставит фирме «Моремна» счёт за помещение, воду, отопление и электроэнергию, то фирма просто внесёт эти расходы в смету на ремонт станков Коломзавода. В конечном результате, разжёвывал суть проблемы в своём письме Лидин, Коломзавод фактически сам оплатит счёт Финотдела, причём сумма увеличится на соответствующие налоги, которые фирме «Моремна» нужно будет уплатить государству. Видимо, Генеральный директор понял, или ему разъяснили, всю дурость инициативы начальника Финотдела, и Лидина больше никто не беспокоил по данному поводу, а фирма «Моремна» осталась одна на весь этаж, хоть в футбол играй!

Однако через месяц или два у начальника Финотдела появилась новая идея, как сэкономить заводские денежки. Опустевшие после ухода подрядчиков комнаты быстро очистили от оставшегося мусора, и заселили гастарбайтерами из Таджикистана. Кого завод уволил, чтобы заменить неквалифицированными, плохо говорящими по-русски молодыми парнями из бывшей братской республики, Лидин так и не узнал. Да его это и не интересовало. Таджики практически не покидали территорию завода, разве что посылали гонцов в магазин за продуктами и, наверно, в банк для отправки заработанных денег на родину.

Однако вскоре начальникам «горячих» цехов начали поступать жалобы от женщин, работавших во вторую и третью смены на наглые сексуальные домогательства со стороны горячих азиатских парней. Начальники отмахивались и отшучивались, да и что они могли сделать, чем помочь? Напуганные женщины отказывались работать ночью, требовали хоть какую-нибудь охрану. Завод давно



уже работал в одну смену, и только некоторые участки «горячих» цехов, где нельзя было останавливать или прерывать производственные процессы, работали круглосуточно. Освещение территории завода ради экономии электроэнергии по ночам было отключено, цеха стояли пустые и тёмные. Помощи в случае нападения ждать было неоткуда. И в конце концов трагедия произошла: группа таджиков подкараулила и изнасиловала одну из женщин. Утром об этом узнал весь завод. Разразился жуткий скандал, приехала милиция (тогда её ещё не переименовали в полицию), и, чтобы избежать самосуда, всех таджиков убрали с территории Коломзавода, а потом и вообще из города.

В ходе следствия выяснилось, что азиатские гастарбайтеры официально нигде не были прописаны, не числились в списках работников Коломзавода и, соответственно, ни в каких зарплатных ведомостях не расписывались. Конечно, ни подробностей, ни результатов следствия никто коломенцам не сообщал, но начальника Финотдела хозяева срочно заменили, а в тёмное время суток два-три охранника с мощными электрическими фонарями и с огромной овчаркой на поводке начали патрулировать территорию Коломзавода, пугая женщин не меньше, чем ранее пугали таджики. Вот только, какой смысл «махать кулаками после драки»?

Возмущённые голоса своих работников Игорь услышал уже на первом пролёте лестницы. «Чего это они так расшумелись?» — удивился он. От неприятного предчувствия засосало под ложечкой. Лидин ускорил подъём, почти побежал, перешагивая через ступеньку. В ушах застучала кровь, и к чуть приоткрытой двери офиса Игорь подошёл весь красный и потный. Мелькнула мысль немного постоять, отдышаться, а заодно и послушать, о чём спорят мужики, но не выдержал и вошёл.

— Что за крик? — спросил он, пряча беспокойство, и пошёл вокруг сдвинутых обеденных столов, здороваясь по пути с каждым работником. Те молча чуть привставали со стульев, протягивая для рукопожатия руку. — Так что случилось, бригадир?

— Что у тебя с телефоном? — вместо ответа спросил, хмурясь, Виктор Павлов. — С десяти часов тебе звоним, звоним...

— Да вроде всё нормально с утра было...

И тут Лидин вспомнил, как выключил телефон во время спора с гнусным недомерком Романом Всеславным.



— Вот чёрт! — выругался Игорь.

Он вынул из кармана телефон и включил. На экране появилось сообщение о тринадцати пропущенных вызовах.

— Хреново всё, Владимирыч, — прогудел бригадир.

— Конкретнее!

Лидин взял с полки когда-то подаренную ему женой в честь какого-то праздника кружку, сел на своё место во главе стола и налил яблочный сок из ближайшего к нему открытого пакета.

— С утра всё было, как обычно, — загудел Павлов. — Пришли в цех, начали работу. Подгребли два местных электрика, стали «звонить» и маркировать кабель управления. А около десяти вдруг прибежал злой, как чёрт, энергетик цеха, обматерил нас, проорал, что мы его подставили, и что он свою подпись с акта выполненных работ снимает. И электрикам приказал больше нам не помогать. Я пытался до тебя дозвониться...

— Ну, а в чём мы его подставили, энергетик не сказал?

— Нет. Обматерил и всё. А ты у Ерофеева был?

— Зачем?

— Так он тоже тебя ищет! И в цех приходил, и сюда по внутреннему телефону звонил.

Лидин допил свежий холодный сок — хоть с этим повезло! — и вновь достал сотовый. Среди пропущенных вызовов было два от заместителя Главного энергетика Коломзавода. Игорь встал, отошёл к окну — внутри комнаты связь была неустойчивой — и набрал номер Ерофеева. Тот практически сразу взял трубку и, не здороваясь, закричал:

— Ты где пропадаешь? Почему «вне доступа»?

— Привет, Володя, — стараясь говорить спокойно, ответил Лидин. — Что случилось?

— Безопасники не подписали ваш промежуточный акт по ремонту печи в Чугунолитейном цехе.

— Почему? — замер в нехорошем предчувствии Лидин.

— Не знаю. Тебя ждёт сам Летов. И поторопись — он уже три раза звонил и спрашивал, когда ты придёшь. Что у тебя с сотовым? Почему на вызовы не отвечаешь?

— Аккумулятор разрядился, — буркнул Лидин.

— Немедленно иди к Летову, решай вопрос.

— Уже иду.



— Потом ко мне зайди, я буду ждать.

— Ладно.

Лидин отключился и убрал телефон в карман. Обернувшись, он увидел, что все смотрят на него, ожидая разъяснений.

— Ну, что вы на меня уставились? — Игорь через силу улыбнулся. — Сейчас пойду разбираться. А вы пообедайте — и в цех, никто за нас нашу работу не сделает.

Лет пять-шесть назад по приказу очередного хозяина Колом-завода была организована новая структура — бюро безопасности. Три бывших сотрудника некогда могущественной государственной организации с похожим названием заняли небольшую комнату в одном из конструкторских отделов, персонал которого был значительно сокращён в ходе нескольких волн «оптимизации и реструктуризации».

Теперь же Управление безопасности занимало целый этаж, все комнаты которого кишели деловыми и весьма занятыми сотрудниками. Все сметы и акты выполненных работ подрядных организаций обязательно проходили через Управление безопасности.

Игоря Лидина, озабоченного новой неожиданной неприятностью, в кабинете начальника встретили два человека, похожие, как близнецы: оба среднего роста, спортивного телосложения, неопределённого возраста, с неприметными лицами без усов и бород, коротко стриженные, одетые, несмотря на жару, в похожие светлые костюмы. Самого Летова Лидин видел ранее всего пару раз, но всё же узнал и спросил, обращаясь именно к нему:

— Разрешите, Валентин Сергеевич? Я из...

— Проходите, — прервал его объяснения Летов. — Мы вас давно ждём.

Как только Лидин вошёл в кабинет, Летов безо всяких объяснений вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Присаживайтесь, Игорь Владимирович, — сказал оставшийся мужчина. — Побеседуем, пока Валентин Сергеевич отсутствует. Можете называть меня Илья Ильич.

Лидин сел на предложенный стул, безопасник по-хозяйски расположился напротив него в кресле начальника.

— Что же не так с нашим актом? — спросил Лидин.

— Это вы выясните у Валентина Сергеевича, — небрежно отмахнулся Илья Ильич. — Я хочу поговорить с вами о другом.



— О чём? — с недоумением посмотрел на него Лидин.

— Верните книгу, Игорь Владимирович, — сказал вдруг Илья Ильич. — Верните по-хорошему. Зачем вам лишние проблемы?

— Какую книгу?

— Ту самую, что вы недавно приобрели у одного алкаша на Стометровке.

— Я покупаю много книг, — хрипло сказал Лидин. — О какой именно речь?

— Давайте не будем играть в эти детские игры, Игорь Владимирович. Вы прекрасно поняли, о чём речь. От тех двух дебилов из полиции вы ушли, да они особо вас и не искали. Но от нашей организации скрыться невозможно.

— Так вы не...

— Разумеется, я не из Управления безопасности Коломзавода. Просто для ускорения принятия вами правильного решения мы решили провести встречу здесь.

— И всё же я не понимаю! — Лидин упрямо набычился. — Какие ко мне претензии? Даже если я и купил что-то на рынке, то в этом нет ничего криминального! Я ничего не украл, никого не ограбил...

— Вы всё ещё не поняли, с кем имеете дело. — Илья Ильич сокрушённо покачал головой. — Мы не занимаемся банальным криминалом, сфера деятельности нашей организации — безопасность государства.

— Так может тогда мне стоит называть вас Владимиром Владимировичем? — съязвил Лидин, ошеломлённый ещё одним, третьим за утро ударом.

— Нет, не стоит, — серьёзно ответил Илья Ильич. — Владимир Владимирович у нас один, других не требуется.

— Как вы меня нашли?

— Чтобы не тратить попусту время, посмотрите вот эти фото.

Илья Ильич жестом опытного картёжника разложил на столе ряд глянцевых фотографий, на которых Лидин увидел себя, сидящего в автобусе и с любопытством разглядывающего купленный у алкаша древний фолиант.

— В каждом автобусе или маршрутке теперь стоят устройства, записывающие всё, что происходит в салоне. Борьба с терроризмом! — Илья Ильич усмехнулся. — Надеюсь, этот вопрос закрыт? Фотографии можете оставить себе на память.



— Нет, спасибо, — выдавил ответ Лидин. — Обойдусь.

Илья Ильич спокойно собрал фотографии и спрятал в боковой карман пиджака.

— Итак, Игорь Владимирович, что вы решили?

— Ничего! — Лидин с вызовом выпрямился на стуле. — С чего это я должен за просто так отдать вам книгу? Причём тут безопасность государства?

— Не хотите отдавать, продайте. — Пожал плечами Илья Ильич.  
— За сколько вы её купили? Мы компенсируем...

— Смеётесь? — ухмыльнулся Лидин.

— Какова же ваша цена?

— Я не продаюсь!

— Вижу, вы продолжаете играть в игры, — вздохнул Илья Ильич.  
— Что ж, когда вам это надоест, звоните.

Он аккуратно положил перед Лидиным визитную карточку, на которой ничего, кроме номера сотового телефона, не было, встал и, не прощаясь, вышел.

Через минуту в кабинет вошёл хмурый Летов и сел в своё освободившееся кресло.

— Зря вы, Игорь Владимирович, осложняете жизнь себе и нам, — раздражённо сказал он. — Жаль будет, если после пятнадцати лет сотрудничества Коломзаводу придётся расстаться с вашей фирмой.

— О чём вы? — Лидин почувствовал, что сильно вспотел. — Это Илья Ильич вам приказал?

— Какой ещё Илья Ильич? — деланно не понял Летов. — Не знаю такого. Речь о вашем промежуточном акте по ремонту печи в Чугунолитейном цехе.

— А что с ним не так? Обычный акт...

— Он не соответствует действительности, — прервал Лидина Летов. — Наши сотрудники проверили его на месте, в цеху. В вашем акте указаны работы, которые в действительности не выполнялись, и якобы установленные в шкаф управления материалы, которых на самом деле там нет! Это явный подлог!

— Простите, Валентин Сергеевич, но ваши люди не могли не заметить, что взамен указанных в акте мы выполнили иные работы и установили другие материалы.

— Ну, так и указывали бы в акте то, что вы сделали в действительности, а не составляли фальшивку!



— Вы же знаете, что это обычная практика, — с трудом сдерживаясь, сказал Лидин. — Во время составления сметы ремонта любого станка или установки невозможно выявить все необходимые работы и потребные материалы. Всегда всплывает что-то ещё.

— Для подобных случаев существуют дополнения к сметам.

— Да, только нам в данном случае никто не позволит их оформить, так как на ремонт этой печи выделена конкретная сумма, рассчитанная в смете и забитая в договор. У завода нет денег на увеличение сметы. Поэтому у нас была устная договорённость с цеховым начальством, что мы выполним отсутствующие в смете работы, но оформим их теми, что указаны в смете, на ту же сумму. Эти же работы, указанные в смете, цех выполнит своими силами, с нашей помощью, конечно. То же самое касается и материалов. Мы всегда так делали, и раньше никаких проблем не возникало, потому что главное для цеха — чтобы станок надёжно работал. За все годы нашего сотрудничества к работе моей фирмы у завода никогда не было никаких претензий. Уж вам-то это наверняка известно!

— Да, до сегодняшнего дня к вам претензий не было, — согласился Летов. — И именно поэтому я сейчас с вами разговариваю. Любая другая фирма уже давно была бы за воротами и внесена в чёрный список. Я ничего не хочу слышать про какие-то устные договорённости. Есть официальный документ — смета. Вы обязаны выполнить все работы, указанные в ней. Если всплыли какие-то иные, оформляйте как положено дополнение к смете.

— Но эти дополнения, даже если разрешат их оформление, будут ходить по инстанциям не менее трёх месяцев! — вспыхнул Лидин. — А у нас срок сдачи отремонтированной печи кончается через шесть недель.

К тому же, зам Главного энергетика Ерофеев, с которым я обсуждал эту возможность, когда обнаружилась необходимость выполнения неуказанных в смете работ, категорически её отверг — у завода нет денег.

— В таком случае, вам не следовало их выполнять, — невозмутимо ответил Летов.

— Но без них печь не будет надёжно работать! Вы сами просили нас выполнить ремонт печи, обещали всяческую помощь, мы пошли вам навстречу, а теперь...

— Мы вас просили? — удивился Летов. — Когда?





— Не вы лично, а завод в лице Главного энергетика и начальника Чугунолитейного цеха.

— Вряд ли они это подтвердят официально. — Летов презрительно усмехнулся. — Энергетик цеха уже отозвал свою подпись под вашим актом. Но даже если бы он этого и не сделал, Акт с фактически не выполненными работами и с несоответствующими смете материалами я не подпишу.

— Но тем самым вы ограбите нас почти на полмиллиона...

— Всё, господин Лидин, более нам говорить не о чем. Переделывайте акт, составляйте дополнение к смете, если хотите, а там посмотрим. И ещё хочу предупредить вас: на следующей неделе к нам из Москвы приезжает комиссия. Будут проверять работу Коломзавода с некоторыми подрядными организациями. Ваша фирма, как мне сказали, возглавляет их список. А позднее и из налоговой инспекции могут позвонить насчёт внеплановой проверки вашей бухгалтерии. Так что, Игорь Владимирович, советую вам поторопиться с принятием правильного решения...

## 18. Проблема выбора

*То, что нельзя исправить, не следует и оплакивать.*

**Б. Франклин**

«Могут и из налоговой инспекции позвонить», — как заевшая пластинка, повторялись в памяти Игоря Лидина слова Летова. В Управление Главного энергетика к Ерофееву он не пошёл и к ребятам своим в офис не стал возвращаться. А уж в Чугунку и подавно идти было бесполезно: никто на Коломзаводе не решится спорить с Управлением безопасности, в этом Летов стопроцентно прав. Откажутся от всех устных договорённостей и глазом не моргнут.

Ерофеев, гнида, наверняка знал, какие, мягко говоря, неприятности решил организовать Летов подрядной фирме «Моремна», но даже не предупредил! Не в курсе он, видите ли! Энергетик Чугунолитейного цеха в курсе, а заместитель Главного энергетика Коломзавода — нет!

Этот Вова Ерофеев с самого начала, с первой их встречи, инстинктивно не понравился Игорю Лидину. Вроде бы он был парень как парень, не урод и не дурак. Пришёл после окончания института работать на Коломзавод на год позже Лидина. Без раздумий



устроился инженером в одно из бюро Отдела Главного Энергетика. Между прочим, на место, от которого ранее отказался Лидин! Но вряд ли неприязнь возникла из-за этого.

Впервые Вова Ерофеев попробовал прибиться к компании ребят, в которую входил и Игорь Лидин, во время торжественного собрания, посвящённого Дню энергетика. Желание Ерофеева сойтись поближе с молодыми парнями из бюро ремонта и наладки особо сложных станков было вполне естественным, учитывая тот факт, что во всех прочих бюро Отдела Главного энергетика работали практически одни женщины.

Представителями же мужского пола были в основном руководители разного уровня: Главный энергетик, два его зама, парторг и три начальника бюро, причём последние вплотную приблизились к пенсионному возрасту.

Главный, его замы и парторг, естественно, расположились на сцене, в президиуме. Старички же сидели в первом ряду и в свою компанию молодого специалиста Вову Ерофеева не пригласили. Нет, в зале, конечно, присутствовало множество мужчин и женщин из различных цехов и подразделений, входящих в ОГЭ, но их-то Ерофеев вообще не знал и, скорее всего, видел впервые. А с Игорем Лидиным и другими ребятами из бюро ремонта и наладки особо сложных станков Вова Ерофеев стоял каждый день в очереди к окошку в табельную, когда сдавал или получал свой пропуск на завод. И поэтому, когда он подошёл к ним в зале собраний и спросил, можно ли ему сесть вместе с ними, никто из ребят не возразил.

В их общий разговор Вова вклиниться не мог, так как был, как говорится, не в теме. Шуточек и приколов не понимал по той же причине. Напрямую к нему никто из ребят не обращался, а сам он так и не успел что-либо сказать, потому что вскоре началось торжественное собрание, и все разговоры прекратились.

А под Новый Год комсорг ОГЭ попросила Лидина написать сценарий праздничного вечера. Как она узнала, что Игорь был в институте активным членом факультетской команды КВН и к тому же пишет фантастические рассказы, комсорг так и не призналась. Очевидно, кто-то из ребят-сослуживцев проболтался. Как бы там ни было, Лидин такой сценарий написал. Но работал над ним не один, а заставил ребят тоже поучаствовать в этом деле, раз уж кто-то из них его так подставил.



Вечер удался. Он прошёл в субботу, за неделю до Нового Года, в рабочей столовой. Вот в организации этого вечера Вова Ерофеев принял самое живое участие. Причём сам пришёл на час раньше и напросился, чтобы ему что-нибудь поручили. Кто ж хочет пахать в праздник? И Лидин, и другие ребята, не говоря уже о девчонках, с удовольствием свалили на неожиданного помощника самые трудные или малоинтересные дела из разряда «сбегай-подай-принеси». И Ерофеев безропотно и старательно выполнял все поручения.

После этого вечера он уже в дальнейшем почти всегда принимал участие во всех сабантуях, устраиваемых ребятами из бюро наладки особо сложных станков, никогда не отказывался сбежать в ближайший магазин, если «горючее» кончалось, а расходиться по домам никто пока не хотел. И всё же уже тогда без каких-либо ясных причин Игорь Лидин ощущал, что Вова Ерофеев ему почему-то несколько неприятен.

Потом рухнул СССР, на Коломзаводе началась чехарда собственников и начальников, начались сокращения. Кто-то из бывших заводчан начал возить из Турции шмотки и бижутерию, а Игорь Лидин организовал свою маленькую фирму по ремонту и наладке станков, набрал работников и даже переманил к себе пару бывших сослуживцев, из-за чего Главный энергетик Коломзавода, как говорится, «затаил на него зуб». Фирме «Моремна» пришлось начинать свою деятельность на иных предприятиях города и района.

Однако вскоре у Коломзавода вдруг поменялся хозяин, а вместе с ним и вся верхушка управления. Новый Главный энергетик, столкнувшись с проблемой износа станочного оборудования и частых простоев из-за поломок, вызвал своего заместителя и приказал тому срочно найти решение проблемы, если он хочет остаться на своём месте, а не вылететь за ворота вслед за своим бывшим шефом. Заместитель, конечно, не горел желанием за пару лет до пенсии искать себе новую работу. Он позвонил Лидину, и уже через неделю на стол Главного энергетика лёг Договор о сотрудничестве между Коломзаводом и фирмой «Моремна».

Шли годы, менялись хозяева Коломзавода, и после каждой смены росла бюрократия. Директор превратился в «Генерального директора», а его заместители стали именоваться «Директорами по...». У Главного инженера тоже появились «Заместители по...». Отделы преобразовались в Управления, бюро — в отделы. Лидин однажды



по какой-то служебной надобности побывал в бюро, в котором работало всего два человека — начальник и рядовой инженер. И вся эта вакханалия переименований и преобразований, разумеется, сопровождалась соответствующими повышениями зарплат.

Казалось бы, какое до всего этого дело директору фирмы «Моремна» Игорю Владимировичу Лидину? Пусть и поменяли заводские чиновники таблички на дверях своих кабинетов и названия должностей, но люди-то на местах остались те же самые. Ан нет! На деле оказалось, что все организационные и бюрократические пертурбации Коломзавода прямо и непосредственно повлияли и на работу подрядных фирм.

Во-первых, увеличилось количество подписей заводских начальников на договорах, сметах и актах, что, соответственно, удлинило время блуждания документов по инстанциям.

Во-вторых, некогда скромный и услужливый Вова Ерофеев вдруг превратился в хамоватого заместителя Главного энергетика, не стесняющегося тыкать всем, кто ниже него по должности, и громко материть подчинённых, невзирая на их возраст и пол.

А когда Лидин пришёл к Ерофееву, чтобы поздравить того с новой должностью, Вова заявил, что отныне условия работы подрядных организаций и фирмы «Моремна» в том числе несколько изменятся. Так Игорь Лидин на собственном опыте узнал значение слова «откат», и ему больше не пришлось ломать голову, почему Вова Ерофеев вызывает у него антипатию.

«Да, поддержки от этого двуличного гада ждать не приходится», — вздохнул Лидин. Он давно понял, что Ерофеев берёт взятки не за то, что в чём-то поможет его фирме, а за то, что просто позволяет ей работать на Коломзаводе. Откажись Лидин платить откат, и вместо фирмы «Моремна» договор будет заключён с более покладистой подрядной организацией.

«Что же мне делать? — размышлял Лидин. — Переделать акт, составить дополнение к смете, как советует Летов? Утопия! Ерофеев точно их не подпишет, к гадалке не ходи! Чтобы выбить дополнительные деньги, нужно идти к начальству, убеждать, спорить, а значит, рисковать собственным положением».

Лидин знал, что после очередной смены Дирекции Коломзавода некий присланный хозяевами из Москвы административный «гений» объявил во всеуслышание, что любой, кто ходатайствует за



подрядную фирму, — наверняка взяточник! Потому что честный руководитель должен блюсти интересы завода, а не подрядчика. И Ерофеева подобная «логика» полностью устраивает, позволяя отклонять любые просьбы Лидина о помощи даже в тех ситуациях, в которых он не просто может, но и обязан помочь. Были уже прецеденты...

«Ну я и тупица!» — Лидин вдруг осознал всю глубину пропастей, в которую стараниями начальника Управления безопасности Коломзавода вскоре рухнет его фирма. Даже если случится невозможное, и Ерофеев подпишет новый вариант акта и дополнение к смете, эти бумаги будут ходить по инстанциям полтора, а то и два месяца, без каких-либо гарантий утверждения. А через три недели Лидину надо выплатить своим работникам зарплату! Но на счету фирмы «Моремна» в банке практически пусто. Лидин рассчитывал, что за оставшееся до зарплаты время он успеет оформить промежуточный акт выполненных работ, выставит на его основе счёт, и завод этот счёт оплатит. Теперь же Игорь с ужасом понял, что денег на зарплату нет, и вряд ли они в ближайшее время будут.

Можно, конечно, попросить в банке кредит. Но, во-первых, Лидин всегда был категорически против каких-либо займов, а во-вторых, даже если он нарушит свой принцип и возьмёт кредит, чтобы выплатить работникам зарплату, то чем потом отдавать? Летов дал ясно понять, что нынешний акт он не подпишет. Составлять новый акт нет смысла, так как выполненных фирмой «Моремна» работ в смете нет, а те работы, что указаны в смете и злосчастном акте, должны были выполнить согласно устной договорённости электрики Чугунолитейного цеха. Должны были, и даже начали, но не успели закончить. Их же постоянно отрывают на какие-то текущие внутрицеховые дела. А теперь, судя по тому, как напуган Ерофеевым или Летовым энергетик цеха, вряд ли его работники будут доделывать начатое.

Лидин может, конечно, бросить на доделку этих работ своих парней, и, скорее всего, ему теперь так и придётся сделать, но Летов всё равно найдёт к чему придраться и затянуть подписание акта. Безопасникам даже искать компромат на фирму «Моремна» не надо, потому что Лидин сам откровенно всё Летову рассказал. А тут ещё и какая-то комиссия из Москвы, и возможная проверка из налоговой инспекции.



«А может, и не только из налоговой... — угрюмо подумал Лидин. — Да, крепко меня обложили, ничего не скажешь. Что же это за книгу такую я купил у алкаша?»

Будь Лидин один, сам по себе, он, может быть, и поборолся бы с той силой, что пытается его если не сломать, то хотя бы сломить любое его сопротивление и принудить сделать то, чего Игорь делать не хочет. Но он не один, и по его вине могут пострадать другие люди. Если Лидин упрётся рогом, то накроется медным тазом не только зарплата работников его фирмы за прошедший месяц, но и сама фирма «Моремна»!

«Прям, как в сказке, — с горечью подумал Игорь. — Налево пойдёшь — коня потеряешь, то бишь загадочную книгу. Направо пойдёшь — назад не вернёшься, окончательно рухнет бизнес, и так еле держащийся на плаву, и придётся начинать жизнь заново. А если прямо пойти? А куда, собственно?»

Лидин остановился и с недоумением огляделся. Оказывается, он на автомате пешком прошагал от Коломзавода до городского центрального парка. Прямо перед Игорем в свете солнца сверкали струи фонтана, с громким шелестом падающие в круглую чашу. За ними в ослепительном небе вращалось колесо обозрения. Вокруг фонтана медленно прогуливались молодые мамы, везя в колясках грудных младенцев, дети постарше тянули родителей в парк аттракционов.

Лидин купил у разомлевшей на солнцепёке продавщицы заиндеветый брикет мороженого, нашёл в одной из аллей свободную лавочку в тени дерева и сел, дав отдых гудящим ногам. А вот голова отдыхать не желала. Даже мороженое не смогло отвлечь мысли Игоря от обдумывания возникшей перед ним проблемы.

«Нет никакого третьего пути, — понял он, машинально поглощая быстро таявшее крем-брюле. — Опять развилка! Сколько уже их было в моей жизни?» Лидин откинулся на спинку лавочки и, чтобы отвлечься от горьких мыслей, стал вспоминать. До окончания школы от Игоря мало что зависело — почти всё решали родители. Первая развилка в его жизни произошла, когда он поехал в Москву поступать в институт.

С раннего детства Игорь взхлёб читал фантастику, любую, какую удавалось найти в библиотеках Коломны. Советская фантастика его детства была так называемой «научной фантастикой



ближнего прицела». То бишь фантастические достижения героев были направлены на удовлетворение ближайших нужд людей и советского хозяйства: автоматические самопашущие трактора, подводное телевидение, вечная одежда, думающие электронно-вычислительные машины и тому подобное. Поэтому выбор будущей профессии был Игорем сделан давно. Бионика! Сплав биологии и техники. Самая передовая и перспективная, как он был тогда уверен, специальность.

Но оказалось, что его мечта недостижима! Чтобы поступить на этот факультет, нужно быть москвичом. Или сдать все экзамены на пятёрки, имея одновременно аттестат круглого отличника. А у Лидина в аттестате красовались три четвёрки. Что ж, он свернул на запасной путь, подсказанный той же фантастикой. Вот она — развилка! Игорь решил изучать кибернетику и поступил на факультет автоматизированных систем управления. Но и здесь его ждала та же ситуация: развилка, где выбор пути вновь практически отсутствовал! На факультете оказалось две специальности: электронные вычислительные машины и промышленная электроника.

Разумеется, первая досталась москвичам и круглым отличникам, а Лидин оказался во второй, имевшей весьма слабое соприкосновение с кибернетикой. Эта политика совать везде москвичей, пусть даже те — закоренелые троечники, и привела к тому, что советские ЭВМ так и не смогли достойно конкурировать с западными компьютерами, а о достижениях бионики вообще ничего не слышно. Разве что замки-молнии на брюках, куртках и сумках широко вошли в нашу жизнь.

По окончании института Лидина распределили в Москву. Это было необыкновенное везение! Почти всех остальных иногородних с его факультета разбросали по городам и весям Советского Союза. Родственники и друзья поздравляли Игоря и советовали «зацепиться» за Москву покрепче. Но он за пять лет учёбы возненавидел эту «большую деревню» и её жителей с их презрительным «понаехали тут» и, добившись свободного распределения, вернулся в родную Коломну. А ведь мог стать москвичом! Была такая возможность, но тут уж он впервые сделал выбор сам.

Когда Лидин в качестве молодого специалиста пришёл в отдел кадров Коломзавода, ему предложили на выбор несколько мест. Одно из них — инспектор в бюро по технике безопасности отдела



Главного энергетика. В первый же рабочий день они с наставником пошли по цехам завода. Что-то там инспектировали, Игорь даже не понимал, что именно!

— Главное — не показывай цеховым, что ты чего-то не знаешь или не понимаешь, — учил Игоря наставник. — Придирайся ко всему подряд. Они начнут оправдываться, и сами всё тебе покажут и объяснят: где у них что-то не так, и кто в этом виноват.

Лидину подобная работа почти сразу показалась скучной и противной, и он попросил, чтобы его перевели в бюро ремонта особо сложных станков при том же отделе. Там было трудно, зато интересно. Ремонтник — всё равно, что сыщик или врач: надо найти неисправность и «вылечить» её. К тому же, эта работа была гораздо ближе к его специальности.

А вот Вова Ерофеев, который пришёл на Коломзавод через год после Лидина, сразу согласился на отвергнутое Игорем место инспектора и сейчас уже дослужился до должности заместителя Главного Энергетика завода. Он достиг потолка своей карьеры, так как всех «Главных» и директоров новые хозяева присылают из Москвы.

А Лидин по-прежнему ремонтирует заводское оборудование, но уже в качестве директора самостоятельного малого предприятия, которое он организовал, когда распался Советский Союз. Выиграл Игорь или проиграл?

С одной стороны, Лидин — сам себе хозяин. Он смог приобрести прекрасную квартиру, дачу, гараж, машину и всё необходимое для семьи. Правда, после дефолта 1998-го, кризиса 2008-го и начала войны на Донбассе с работой и деньгами у фирмы Лидина начались всё увеличивающиеся трудности. Московский холдинг, оказывается, приобрёл не только Коломенский тепловозостроительный завод, но и Луганский. И теперь восстановленный после бомбёжек завод в Луганске пашет в три смены, а коломенский еле дышит после массовых сокращений в одну!

Пришлось Лидину уволить половину сотрудников и продать машину, чтобы удержать фирму на плаву. А, между прочим, у зама Главного энергетика Коломзавода Вовы Ерофеева со временем тоже появились и хорошая квартира, и дача, и машина! И это Лидин вынужден регулярно носить Ерофееву откаты, а не наоборот!

И в творчестве у Игоря Лидина была развилка. Писать он начал ещё в школьные годы, а когда пришёл после окончания института





на Коломзавод, стал внештатным корреспондентом главной на то время городской газеты. Вскоре ему предложили стать штатным фельетонистом. Он отказался: на заводе платили больше, а Лидину надо было содержать жену и маленькую дочь. К тому же, Игорю хотелось писать научно-фантастические рассказы, а не статьи и фельетоны. Он же не знал тогда этой газетно-журнальной системы: «ты печатаешь меня, я печатаю тебя». А если бы согласился? Сколько связей и знакомств у него бы вскоре появилось! Лидину не пришлось бы мыкаться по различным редакциям в безуспешных попытках опубликовать свои рассказы: он стал бы своим в этой системе. Сколько времени и сил он сохранил бы для творчества, сколько нервов сберёг!

А сколько в личной жизни Лидина случилось развилок! Ещё в институте у Игоря их было несколько. Сразу после поступления новоявленных студентов-первокурсников отправили «на картошку». Это была пора знакомств и установления дружеских связей. Там Игорь закрутил роман с одной разбитной москвичкой из соседней группы. Если бы он перевёл этот колхозный роман в серьёзную плоскость, то уже на первом курсе мог стать москвичом и избавить себя от прелестей «углов» и общежитий. Но «картошка» закончилась, а с ней и интерес Игоря к той девушке.

На втором курсе у Лидина начался скоротечный роман с девушкой из его группы. Она была дочкой полковника, чья часть стояла под Москвой. Через три года, когда в военных лагерях Лидин сдавал госэкзамен по военной кафедре, ему предложили остаться в армии офицером. Если бы Игорь женился на той дочке полковника, её папа наверняка добился бы для зятя перевода в свою часть под Москвой и... Кем бы Игорь мог теперь быть? Генералом? А почему нет? Ещё одна нереализованная возможность. Лидин отказался и от девушки, и от военной карьеры. Роман — это только временное увлечение, а по-настоящему Игорь любил совсем другую, ту, что и стала его женой, с кем он живёт до сих пор. А армейской дуростью Лидин был сыт по горло: нахлебался за четыре года военной кафедры и два месяца военных лагерей.

После четвёртого курса у группы Лидина была практика на московском заводе низковольтной аппаратуры. Студенты сидели за настоящим конвейером. По двое на одном месте, чтобы успевать за кадровыми рабочими. Втыкали в платы и быстро запаивали



радиодетали: сопротивления, конденсаторы, транзисторы. Работа нудная, чисто механическая. Почему это называют «практикой», Лидин до сих пор не понимает. Но дело не в этом.

Курс закончен, зачёты и экзамены сданы, все жители шумной общаги разъехались по домам, на каникулы. Кроме них, практикантов того конвейера. В комнатах неожиданно освободилось много мест. И однажды вечером, после работы, Игоря поймали «на слабо». Одна девушка поспорила с ним, что он не сможет устоять, если она решит его соблазнить. Дело было в компании. Все присутствующие к тому времени достаточно разгорячились спиртным. Лидин не смог уклониться от спора. То, что он к тому времени уже был женат на Любе, только подлило масло в огонь.

— Вот и испытаем твою верность жене! — смеялись окружающие. Тут же выработали условия. Неделью Лидин обязан проводить все ночи в одной постели с той девушкой. Дозволяются любые ласки. Если за указанный срок у них не произойдёт полноценного секса, девушка ставит Игорю бутылку шампанского. В противном случае, он — ей.

Эту неделю Лидин, наверно, никогда не забудет. Бессонные ночи, истощающие ласки, глубокий сон за конвейером. Друзьям Игоря пришлось всю неделю поработать за него. В результате Лидин выиграл эту чёртову бутылку шампанского! О чём глубоко жалеет до сих пор. Шампанское он может купить и выпить в любой момент, а вот провести ночь страсти с той девушкой уже никогда. Она была красива и хотела его, иначе зачем бы ей провоцировать тот спор?

А Лидин был дураком, сделавшим не тот выбор и напрасно измучившим и девушку, и себя. Правду всё равно бы никто, кроме них двоих, никогда не узнал. А Люба, которой, конечно же, не преминули донести об этом «эксперименте» «доброжелатели», так до конца и не поверила в победу Игоря. И это единственная развилка в жизни Лидина, где он полностью уверен в том, что выбрал в своё время не тот путь. А теперь вот он встретил Лену...

Стоп! Ведь, если Игорь упрётся, то пострадает не только фирма «Моремна» и её персонал, но и самые близкие для него люди! Так называемый Илья Ильич наверняка уже выяснил о Лидине всё, в том числе и о его встрече с Леной, и о копировании ею этой проклятой книги. И, возможно, у них есть запись телефонных откровений Игоря и Лены! Что если Илья Ильич пошлёт запись Любе и Галине?



Мороженое вдруг показалось Лидину горьким, и он бросил размякший остаток брикета в урну. Подойдя к фонтану, Игорь сел на горячий бордюр чаши, сполоснул липкие пальцы и, зачерпнув ладонью прохладную воду, смочил раскалывающуюся от мрачных мыслей голову. «Нет, я не могу этого допустить, — твёрдо решил он. — Ни одна книга не стоит таких жертв».

Лидин достал носовой платок и тщательно вытер голову и ладони. Потом отошёл от фонтана, чтобы шум водяных струй и крики детей не заглушали разговор, и вытащил сотовый телефон. А куда же он положил визитную карточку? В портфель! А где портфель? Да вон он — спокойно лежит там, где растяпа-хозяин его оставил. Лидин чуть не бегом вернулся к лавочке, нашёл визитку и трясущимся пальцем набрал номер. Ответили почти сразу.

— Илья Ильич? — хрипло спросил Лидин.

— Слушаю вас, Игорь Владимирович, — донеслось в ответ. — Как я понимаю, вы приняли решение?

— Да, я согласен отдать вам книгу.

— Отдать или продать?

— Отдать.

— А флэшку со сканами?

Лидин мысленно вскрикнул: «Я был прав — они всё знают! Значит, я сделал правильный выбор. Сам сделал, и нечего себя казнить». И без колебаний твёрдо ответил:

— И флэшку.

— Что ж, прекрасно!

— Когда и куда вам их привезти?

— Они уже у нас. В нашей работе, Игорь Владимирович, нельзя руководствоваться лишь доброй волей граждан. Надеюсь, мы расстаёмся с вами без каких-либо обид?

— Да, без обид, — с трудом сдерживая ярость, прохрипел Лидин. — Но у меня появилась к вам просьба...

— Не стоит, Игорь Владимирович. Не такие уж мы звери, как нас выставляют. Я позвоню Летову. Идите утром на завод и решайте возникшие проблемы. Думаю, у вашей фирмы на Коломзаводе всё наладится. Прощайте!

— Спасибо, Илья Ильич! До свидания!

Лидин почувствовал огромное облегчение, и тут же обругал себя. Чему он, собственно, радуется? За что благодарит? Нашёл тоже



благодетеля! Ведь это Илья Ильич устроил ему проблемы на Колом-заводе. И чего он ляпнул это дурацкое «до свидания»? Нет уж, больше никаких свиданий с Ильёй Ильичём!

— О, на ловца и зверь бежит! — вдруг услышал Лидин за спиной знакомый голос.

Он обернулся и увидел Дениса Минаева и какого-то стройного молодого мужчину.

— Как удачно, Игорь, что мы вас встретили.

— Значит, зверь — это я? — хмуро спросил Лидин, отвечая на крепкое рукопожатие обоих. — А кто из вас ловец?

— Мы оба, — улыбнувшись, ответил Минаев. — Знакомьтесь: это — коломенский писатель-фантаст Игорь Лидин, а это — московский поэт и прозаик Сергей Антипов. Мы познакомились с Сергеем в интернете на одном из литературных порталов, сдружились, начали сначала переписываться, потом перезваниваться, и вот сегодня, наконец, он приехал ко мне в гости. Я уже показал ему наш кремль, фабрику пастилы, домик Пильняка и скамейку Ахматовой. Теперь вот осматриваем городской парк.

Лидин, занятый своими мыслями, без особого интереса окинул взглядом московского гостя. Но всё же он не мог не отметить спортивную осанку, стройность и даже некую упругую гибкость фигуры Антипова, его короткую, почти военную стрижку. Москвич был высок, но при этом ничуть не сутулился, как это обычно делают рослые люди, стараясь не выделяться из окружающей толпы.

— Баскетболом занимаетесь? — спросил Антипова Лидин.

— Нет, айкидо, — кратко ответил тот. — Денис недавно мне рассказывал о вас, о вашем споре на берегу...

— Да, а как ваши успехи? — подхватил тему Минаев. — С коломенским альманахом всё сложилось?

— Увы! — вздохнул Лидин. — Как и ожидалось...

— Мыльников обманул? — Денис понимающе нахмурился. — Я тоже пролетел, а ведь, помните, как он с высокой трибуны обещал напечатать в альманахе стихи и рассказы лауреатов и дипломантов фестиваля «Госпожа вьюга»? Так вот я почему-то в число счастливых не попал...

— Нет, не обманул, — с горечью сказал Лидин. — Хуже: так испохабил редактурой мой текст, что я сам от публикации отказался. А зачем, собственно, вы меня искали?



— Ну, искали-то мы не вас конкретно, а вообще коломенских литераторов, — ответил Денис Минаев. — Видите ли, Игорь, я уже несколько лет занимаюсь организацией выпуска сборников поэзии и прозы. Стихи, если вы не в курсе, напечатать в каком-либо официальном журнале практически невозможно, а уж выпустить сборник поэзии за счёт издательства вообще из области фантастики, если ваше имя неизвестно широкой публике. Поэтому возникла мысль собрать команду авторов и издать сборник за свой счёт.

— Это не столь уж ново, — вздохнул Лидин. — Тот же коломенский альманах начинался точно так же и только позднее стал издаваться за счёт городского бюджета.

— Конечно, мы не изобрели что-то новое, — согласился Денис. — Многие поэты Серебряного века, ставшие впоследствии классиками русской литературы, первые свои книжечки тоже издавали небольшим тиражом за свой счёт, так что ничего обидного или унижительного я в этом не вижу.

— Я тоже, — кивнул Лидин. — Как я понимаю, вы хотите предложить мне поучаствовать в одном из ваших сборников?

— И это тоже, — подтвердил Денис. — Но наши планы гораздо масштабнее. Вот Сергей Сергеевич Антипов, здесь присутствующий, предлагает организовать собственное издательство, чтобы сократить денежные издержки авторов. Потому что это наше издательство будет ставить своей целью бескорыстную помощь творческим людям, а не наживу.

— Это, конечно, благородная цель, — скептически усмехнулся Лидин. — Но лично я бы за такой проект не взялся...

— Почему? — поинтересовался Антипов. — Зарегистрировать новую фирму сейчас не проблема. Опыт составления сборников и даже редактуры текстов у Дениса есть, какой-то минимальный крут авторов тоже.

— Зарегистрироваться, конечно, не проблема, — согласился Лидин. — Но вот налоговая инспекция очень не любит фирмы, работающие без прибыли. Это — во-первых. Во-вторых, чтобы минимизировать затраты нужно будет найти человека, согласного делать вёрстку книги в издательской программе за небольшую в сравнении с расценками типографий и других издательств зарплату. Опять же нужен художник для рисования обложек и иллюстраций, готовый работать не по коммерческим расценкам.



А корректор нормальный у вас есть? Я уж не говорю про бухгалтерию и первоначальный взнос...

— Материальные вопросы и налоговую я беру на себя, — твёрдо сказал Антипов. — А всё остальное Денис уже делал не раз.

— У вас есть лишние деньги? — недоверчиво посмотрел на москвича Лидин.

— Лишних денег не бывает, — улынулся тот в ответ. — Но бизнес, которым я занимаюсь, позволит мне выделить необходимую сумму на первоначальные расходы по созданию микроиздательства. Речь же не идёт об организации огромного предприятия.

— Успешный бизнес — это хорошо! — С долей зависти вздохнул Лидин. — Однако именно сегодня я в очередной раз убедился, насколько он хрупок в нашей стране, и как его легко погубить...

— У вас какие-то проблемы? — нахмурился Минаев.

— У кого их нет? — махнул рукой Лидин. — Не будем об этом. Лично мне ваша идея очень нравится. Сам я пока никогда и нигде не печатался, и был уверен, что в век интернета мне и не захочется уже это делать, но история с коломенским альманахом показала, что желание увидеть свои тексты напечатанными во мне до сих пор сидит крепко. Так что можете считать, что завербовали меня в свои авторы. Вот только стихов я не пишу...

— И не надо! — воскликнул Денис. — Поэтов у нас с избытком, а вот с прозаиками пока не очень, а уж фантастов вообще нет. Поэтому приглашаю вас в наш будущий новый альманах.

— Вы хотите издавать свой альманах? — поразился Лидин.

— А почему нет? — засмеялся Антипов. — И альманах, и тематические сборники поэзии и прозы, и авторские сборники. Кстати, при случае расскажите об этом, пожалуйста, и другим коломенским авторам.

— В том числе и тем, кого отфутболили в редакции «Коломенского текста», — добавил Минаев.

— А где вы будете всё это издавать: в Москве или Коломне?

— В Коломне, — ответил Минаев.

— Денис будет в нём директором, — пояснил Антипов. — Он живёт здесь, а не в Москве. А я по мере возможностей буду ему помогать во всём.

— Мыльников будет в ярости. — Лидин злорадно усмехнулся. — Он не потерпит конкуренции и начнёт вставлять палки в колёса.



— Думаете? Что ж, поглядим. — Минаев тоже усмехнулся. — Если Мыльников воспримет нас своими конкурентами, то это — его проблемы. Повторю: мы организовываем издательство не в пик Мыльникову, а чтобы поддержать творческих людей! Ведь альманах «Коломенский текст» выходит раз в год, и даже если бы редакция хотела, она всё равно не может опубликовать всех желающих. Так что речь тут может идти не о конкуренции, а о расширении возможностей для авторов.

— Что ж, — протянул ему руку Игорь, — звучит заманчиво. Поздравляю, господин директор издательства! Как, кстати, вы его хотите назвать?

— Мы тут посоветовались, и Сергей Сергеевич решил: «Серебро Слов».

— Понимаю, — рассмеялся Лидин. — «Молчание — золото!», слова — серебро. И то, и другое — драгоценно. Так?

— Типа того! — тоже засмеялся Минаев. — Хотя мне больше нравится фраза: «Можешь не писать — не пиши!», но раз уж человек всё же пишет, значит, это кому-то нужно.

Антипов посмотрел на часы.

— Приятно было с вами познакомиться, Игорь, но мне, к сожалению, уже пора. Рад, что вы отныне с нами.

— И я рад. — Лидин протянул руку для прощания. — Надеюсь, у вас всё получится...

— У нас! — перебил его Минаев. — Мы отныне в одной лодке: издательство без авторов не бывает!

— Да, у нас. — Лидин согласно кивнул. — Счастливого пути, Сергей! Созвонимся, Денис.

Игорь тоже направился к выходу из парка, но не центральному, как новоявленные издатели, а к выходящему на улицу Ленина. Там находилась стоянка маршрутных такси. Однако, увидев на остановке группку ожидающих, Лидин передумал. Лучше пройти пешком, решил он. Надо проветрить голову и кое-что обдумать, а в душном салоне маршрутки сосредоточиться вряд ли удастся. Погода хорошая, до дома всего-то минут тридцать или сорок неторопливой ходьбы.

Ну и утречко выдалось у него сегодня! Сплошные нервы, беда за бедой. Одно лишь положительное событие — встреча с Денисом Минаевым и его другом.



До Лидина вдруг дошло: теперь же можно и ещё одну проблему решить! Материальчик-то о Гоголеве давно превысил все мыслимые газетные объёмы. Это уже не интервью получается, а полноценная журнальная статья. Вряд ли «Коломенская правда» посвятит неизвестному в Коломне писателю Николаю Гоголеву несколько номеров — и по поводу известных-то не было пока подобных прецедентов. По крайней мере, Лидин о таковых пока не знал. Да и Зинка Ляпина требует от Игоря именно интервью с Гоголевым, а не статью о нём. И сам Гоголев ясно дал понять, что коротенькое газетное интервью его не устроит, он хочет, чтобы ставшая родной Коломна узнала о нём как можно больше. И как Лидину угодить обоим? А он теперь и не будет этого делать.

В свете последних невзгод, выпавших на долю Лидина, спор о правилах русского языка с каким-то самовлюблённым интернетовским снобом показался Игорю глупым ребячеством. В самом деле, Лидин уже давно вышел из того возраста, когда, мягко выражаясь, меряются величиной мужских половых органов. Добывать, прости господи, членство Союза журналистов России, чтобы просто похвастаться им перед совершенно неизвестным Лидину идиотом? Игорь себя не узнавал. Прав был Марк Твен, когда сказал, что споря с дураком, сам невольно опускаешься до его уровня.

Если Гоголев одобрит короткое интервью для «Коломенской правды», так тому и быть. Нет — Зинка Ляпина вряд ли на Лидина обидится. Судя по всему, она не очень-то в это интервью верит. Ну и ладненько — одной заботой меньше. Заботой, но не проблемой. В отличие от Ляпиной, Гоголев на Лидина надеется, и кидать его просто непорядочно. Вот эта проблема давно подспудно грызла Игоря, хоть он до сегодняшнего дня старался о ней не думать, малодушно откладывая на потом. Ну, не к Мыльникову же идти на поклон! Раз тот так поступил со всего лишь раз поспорившим с ним о литературе Лидиным, то уж материал о Гоголеве он и подавно печатать в своём ежегоднике не будет. Это совершенно ясно из тех высказываний, что Мыльников с Гоголевым сделали в адрес друг друга. Нет непримиримее врагов, чем бывшие друзья.

До сегодняшнего дня по извечной русской привычке Лидин надеялся на авось: вдруг само всё как-нибудь разрешится. Каким образом? Да хотя бы, как в старинном анекдоте о ходже Насреддине, взявшего у султана деньги на то, чтобы за год научить своего ишака





говорить по-человечески. Насреддин надеялся на то, что за отпущенное на обучение ишака время либо султан умрёт, либо ишак, либо сам Насреддин.

И опыт предков полагаться на авось не подвёл! Лидин напишет о Гоголеве. Не монографию, конечно, но на полноценную статью его журналистского опыта и умения точно хватит. А теперь есть где можно эту статью опубликовать — новый коломенский альманах Дениса Минаева.

Что ж, ради сохранения самоуважения придётся вновь пожертвовать любимой фантастикой, которую от него ждут в «Серебре слов». Игорь почему-то был уверен, что в редакции пойдут ему навстречу и согласятся напечатать в одном из номеров альманаха сначала статью о неизвестном коломенском писателе Николае Гоголеве.

## 19. Нежданная вербовка

*Самое главное — понять, в чём состоит твой долг. Выполнить его легче лёгкого.*

### Английская пословица

Ноги опять привели Лидина не туда, куда он собирался прийти — вместо родного подъезда перед ним сверкала отражённым солнцем стеклянная дверь пединститута. Зачем Игорь сюда пришёл? Впрочем, отмахиваться от намёков подсознания глупо. Раз уж чёрная полоса — Лидин трижды мысленно сплюнул через левое плечо, чтобы не взглянуть — сменилась белой, почему бы и здесь не попытать счастья? Что он теряет? И Лидин решительно шагнул на широкие ступени, ведущие к дверям института.

Железная дверь на этот раз была распахнута настежь, но музыки слышно не было. Три женщины курили сбоку от двери и, хихикая, о чём-то оживлённо шептались. Увидев подошедшего Лидина, они замолчали и с интересом посмотрели на него. Одна из женщин оказалась той самой толстушкой, что в прошлый раз (Игорь поразился: неужели, это было вчера?) открыла ему эту дверь. В её глазах застыл мучительный вопрос: кто этот мужчина, которого она явно когда-то где-то видела? Лидин приветливо кивнул курильщицам и, проходя мимо, спросил:



— Лена у себя?

— Ах, это вы! — с облегчением узнавания ответила толстушка.

— Да, была у себя.

— Спасибо! — Лидин улыбнулся, постаравшись сделать это так, чтобы каждая из женщин приняла его улыбку исключительно на свой счёт, и вошёл в коридор редакции.

Пройдя вдоль ряда закрытых дверей, Игорь остановился перед коморкой Лены. Подмигнув следившим за ним курильщицам, он стукнул костяшками пальцев в дверь, не дожидаясь ответа, уверенно распахнул её и вошёл. И тут же пожалел, что вообще сюда пришёл. Потому что рядом с удивлённо воззрившейся на Игоря Леной сидел, вальяжно откинувшись на спинку стула и положив ногу на ногу, Илья Ильич!

— Ты? — смущённо пролепетала Лена. — То есть, я хотела сказать: «Зачем вы здесь?»

Лидин стоял дурак дураком, не зная, что делать и что ему думать о столь странной встрече.

— Извините... — начал он, но Илья Ильич, резко встав, бесцеремонно прервал его:

— Леночка, вы не познакомите меня с вашим гостем?

— Да, конечно! — Лена зарделась и тоже поднялась со стула. — Это — Игорь Лидин, наш коломенский писатель-фантаст. А это — известный историк и краевед, доцент нашего института Илья Ильич Монахов.

— Что вы говорите?!

Удивление Ильи Ильича выглядело настолько искренним, что Игорь и сам бы поверил в него, не зная он, кем Монахов является на самом деле. — Никогда не встречал живого писателя-фантаста, — с энтузиазмом пожимая Лидину руку, воскликнул доцент. — Игорь, а по батюшке вас как величать?

— Владимирович. — Лидин криво, через силу улыбнулся. — А я никогда не видел известных историков. Однако ваше лицо почему-то мне кажется смутно знакомым...

— Обман зрения, уважаемый Игорь Владимирович. — Илья Ильич добродушно рассмеялся и, незаметно показав глазами в сторону Лены, предостерегающе отрицательно качнул головой. — У меня такая заурядная внешность, что многим людям ошибочно кажется, будто мы где-то ранее встречались.



— Не буду спорить, — сказал Лидин, опомнившись. — Наверное, вы правы.

— Знаете, Игорь Владимирович, — задумчиво произнёс Илья Ильич, — я ведь тоже большой поклонник фантастики. У вас что-то срочное к нашей Леночке?

— Я буду занята ещё не менее часа, — вместо Лидина ответила Лена. — С вами, Илья Ильич, мы вроде бы всё решили, но у меня на сегодня есть ещё один срочный заказ.

Она вновь села, повернулась к дисплею и её тонкие, чуть дрожащие пальчики забегали по клавиатуре.

— Замечательно! — радостно воскликнул Илья Ильич. — В таком случае, не могли бы вы, Игорь Владимирович, уделить мне немного вашего драгоценного времени для короткой беседы? Мне здесь совершенно не с кем поговорить о фантастике. Не студентам же задавать вопросы! Как-то не по чину. Вы ведь не торопитесь?

— Раз уж мне всё равно надо где-то прокантоваться часок, то я полностью к вашим услугам, Илья Ильич, — покорно ответил Лидин, с тоской глядя на напряжённо застывшую спину Лены.

Илья Ильич молчал, пока они не вошли в одну из пустующих аудиторий. Плотнo затворив дверь, Монахов жестом гостеприимного хозяина предложил Лидину право выбора любого места. Игорь прошёл к ближайшему окну и сел за стол в первом ряду. Илья Ильич легко подхватил стоявший рядом стул и непринуждённо расположился напротив. Теперь они сидели за одним столом лицом друг к другу. Игоря мучила подлая мыслишка. Он старательно гнал её, не желая верить в очевидное, но та не уходила.

— Вы напрасно мучаете себя, Игорь Владимирович, — угадал терзания Лидина Монахов. — Леночка не знает о моей второй профессии. Для неё я только и исключительно доцент кафедры истории коломенского пединститута.

— И наша встреча в её камерке совершенно случайна! — саркастически усмехнулся Лидин.

— Вот именно! — сухо подтвердил Илья Ильич. — Ну подумайте сами: откуда же мне было знать, что вы туда заявитесь именно сейчас? Разногласия наши благополучно преодолены, так что следить за вами нет ни малейшей необходимости. И зачем мне расшифровывать себя, да ещё в присутствии Леночки? Включите же логику!



— Да, — кивнул Лидин. — Вы, как всегда, правы. А главное, я сам просто жажду вам поверить...

— Что же вам мешает? Ведь вы сами познакомились с Леночкой, мы вам её не подставляли.

— И опять вы правы, Илья Ильич.

— И?

— Уж больно странное совпадение...

— Ничего странного! — отрезал Монахов, решительно пристукинув ладонью о столешницу. Я работаю в этом институте много лет, пишу статьи, методички. Лена их обрабатывает и отправляет в типографию. Других работников, кто бы занимался этой работой, в издательстве нет.

— Вы не очень-то удивились моему знакомству с Леной, — упрямо гнул своё Лидин.

— Не будьте наивным, Игорь Владимирович, разумеется, мы почти сразу узнали об этом знакомстве. Довольно неосторожно с вашей стороны вести такие, как бы это сказать помягче, откровенные разговоры по телефону. Впрочем, если раньше были романы в письмах...

— Вы!... — Лидин вспыхнул от негодования.

— Не надо так смотреть на меня, Игорь Владимирович. Ваш телефонный роман вряд ли станет достоянием общественности. Согласитесь, до сего момента я о нём вам даже не намекал.

— Как благородно!

— Бросьте этот тон, господин Лидин. — Монахов нахмурился. — Не вам читать мне мораль. Я, возможно, и совершаю иногда какие-то неблагоприятные поступки, но я делаю это в силу служебной необходимости, а не ради удовольствия. Для меня благо государства выше личного благополучия.

— Это всё — красивые слова! — огрызнулся Лидин. — За что вы на меня наехали? Как старинная книга может угрожать нынешней России?

— Не России, а государству, — поправил Игоря Илья Ильич. — Надеюсь, мне не надо объяснять вам разницу? Что касается книги, то мы же с вами договорились: вы никогда её не видели, не так ли?

— Конечно. Но любопытство-то гложет, — остывая, признался Лидин. — Откровенно говоря, Илья Ильич, будь я сам по себе, вы бы меня так легко не сломали...



— Верю, Игорь Владимирович. — Монахов примирительно улыбнулся. Мне нравится то, что вы не ставите собственное эго выше интересов окружающих вас людей, как близких, так и посторонних. Это даёт мне надежду на наше сотрудничество в будущем.

— Хотите меня вербануть? — недобро прищурился Лидин.

— Хочу, — откровенно признался Монахов.

— Даже не надейтесь! — решительно отрезал Лидин и встал, намереваясь уйти.

— Да вы, Игорь Владимирович, типичный русский интеллигент! — Насмешливо посмотрел на Лидина снизу вверх Илья Ильич. — Западлю вам сотрудничать с властью и уж тем более с нами, опричниками, душителями свободы. Так что ли?

— У меня другая специальность. — Попытался сгладить ситуацию Лидин.

— Сядьте, Игорь Владимирович, сядьте! — вроде бы мягко сказал Монахов, но в голосе его прозвучало нечто такое, что Лидин предпочёл подчиниться. — Никто вас в ряды кремешников насильно тянуть не собирается. Я просто откровенно отвечу на ваши вопросы, сделаю вполне невинное даже на ваш интеллигентский взгляд предложение, а уж там вы сами решайте, соглашаться или нет. Обещаю: никаких угроз и репрессий в случае вашего отказа с нашей стороны не последует. Так что, вам всё ещё интересно, что за книга недавно попала в ваши руки? Если нет, вот она, дверь. Идите к Леночке или куда хотите.

Лидин встал, подошёл к выходу из аудитории, попробовал открыть дверь. Убедился — не заперто. Действительно, он может свободно уйти. А что потом? До конца жизни мучиться от упущенной возможности узнать некую тайну? А ведь он будет мучиться, себя-то нечего обманывать. Игорь решительно закрыл дверь и вернулся на своё место.

— Что это за книга?

— Нечто среднее между дневником и исповедью царя Бориса Годунова.

— И что? В чём прикол?

— Дело в том, Игорь Владимирович, что по большей части в этой книге Годунов рассказывает не о себе, а о царе Иване Четвёртом, более известном как Грозный.

— Это тот, что своего сына убил?



— А откуда, Игорь Владимирович, вы знаете, что царь Иван Грозный убил своего сына?

— Так все знают, — смутился Лидин. — И у Репина картина такая есть...

— Да, все знают, — грустно и одновременно язвительно произнёс Илья Ильич. — Ладно, когда враги России эту ложь твердят — на то они и враги. Но мы-то сами зачем её повторяем? И даже верим, что так оно и в жизни было!

— А разве нет? — удивился Лидин. — Вроде и в школе так учат...

— Вот именно! — Монахов заиграл желваками. — И в школе нас этой лживой сказкой четыре сотни лет пичкают. В нашей русской школе! Вам за державу не обидно, Игорь Владимирович?

— Я что-то никак не пойму, Илья Ильич, к чему вы ведёте? Так царь не убивал сына?

— Нет, Игорь Владимирович, не убивал. Эту мерзкую ложь придумал папский легат, высокопоставленный иезуит Антонио Поссевино. Он разработал и лично попытался осуществить политическую интригу: с помощью поляков, литовцев и шведов поставить Россию в такие нестерпимые условия, что царю Ивану Грозному для спасения страны придётся подчинить Русскую Православную Церковь Папе Римскому.

Но царь обыграл самоуверенного иезуита и сам использовал Поссевино для подписания мира с Польшей, ничего не дав за это Риму. В отместку иезуит Поссевино придумал и распространил по всей Европе подлую ложь о том, что царь Иван Васильевич «в приступе ярости» убил своего сына Ивана. Затем эту сплетню с небольшими изменениями повторили немецкий авантюрист Штаден, а также английские купцы Горсей и Флетчер, которым Иван Грозный не позволил за бесценок скупать и вывозить в Англию русский лес и пеньку.

Если вы, Игорь Владимирович, найдёте книгу Антонио Поссевино «Исторические сочинения о России», то сможете прочесть там такую историю. В ноябре 1581 года в Александровской слободе Великий князь Иван Грозный застал свою беременную сноху царевну Елену, лежащей на скамье в одной исподней одежде. Та тотчас поднялась, но царь уже впал в ярость, ударил Елену по лицу, а затем так избил своим посохом, что на следующую ночь у бедняжки случился выкидыш.



На крик в покои вбежал царевич Иван и стал просить отца не избивать его супругу, но этим только обратил на себя гнев и удары отца. Он был очень тяжело ранен в голову, почти в висок, этим же самым железным посохом. Ссора эта произошла 14 ноября, а 19 ноября царевич от полученных побоев скончался. Вот такая история!

— Жуть! — содрогнулся Лидин. — Но вы, как я понял, уверены, что этого в действительности не было. Почему?

— Ни в одном русском источнике вы ничего похожего не найдёте. Ни в одном!

— Ну, как чистят архивы...

— Архивы, конечно, чистят, летописи и хроники переписывают, — согласился Монахов. — Но в этом конкретном случае и подчищать ничего не требуется. Всю эту историю мог придумать только человек, совершенно не знакомый с реалиями тогдашней Москвы. И целевой аудиторией такой нелепицы являлась Европа. Там до сих пор свято верят в любую ложь о России, как бы дико она ни звучала.

— Про Европу спорить не буду, — усмехнулся Лидин. — А вот про русские обычаи хотелось бы конкретнее.

— Конкретнее? — Илья Ильич на мгновение задумался. — Во-первых, папский легат Антонио Поссевино приехал в Россию ненадолго, московские обычаи совершенно не знал. К моменту его приезда в Москву царевич Иван был уже мёртв. Ни один русский боярин не мог рассказать иезуиту дикую историю о том, как царь убил сына из-за неподобающей одежды снохи.

— Почему это?

— Потому что Иван Грозный никак не мог встретить царевну Елену в покоях сына. Каждый из членов царской семьи жил в отдельных хорах, соединённых с основным дворцом отдельными переходами. Законы и обычаи того времени сильно отличались от сегодняшних. Комнаты знатной девушки или женщины обычно находились в глубине дома и были заперты на ключ, который постоянно находился у отца или мужа. В женскую часть дома не мог попасть ни один мужчина. Кроме мужа, конечно. Поэтому Иван Грозный никак не мог где-либо неожиданно увидеть царевну Елену, тем более — полуодетую.

— Прям мусульманский гарем какой-то, — недоверчиво воскликнул Лидин.



— Да, в то время у русской женщины было много строгих ограничений. Даже в церковь она могла пойти только с разрешения мужа и в обязательном сопровождении доверенных слуг. Это вам не нынешние эмансипированные феминистки...

— А во-вторых?

— Во-вторых, из русских источников известно, что царевич Иван долгое время тяжело болел. Он даже намеревался из-за этого постричься в монахи.

Пишут, что, почувствовав резкое ухудшение здоровья, царевич выехал из Москвы в Кирилло-Белозёрский монастырь, чтобы там принять перед смертью монашеский постриг. В дороге ему стало совсем плохо и, доехав до Александровской слободы, царевич окончательно слёг. Так что последние одиннадцать дней своей жизни царевич Иван провёл в Александровской слободе, а не в Москве, где оставался занятый неотложными делами его отец. Там он и скончался, как пишут, от «горячки», не дожив до двадцати семи лет.

Ну, и в— третьих, Игорь Владимирович, самое неопровержимое. В 1963 году в Архангельском соборе Кремля учёные вскрыли могилы Ивана Грозного и его сыновей. Вот что пишет историк Боханов.

Илья Ильич прикрыл глаза рукой.

— Цитирую по памяти:

«Теперь о крови, которая, как уверяют некоторые авторы, «лилась ручьём». На картине Репина её набралось на целую лужу. Сохранились волосы царевича ярко-жёлтого цвета 5-6 сантиметров длиной. Анализ показал, что признаков крови на волосах не обнаружено. Молекулярная структура крови такова, что отмыть от неё волосы без следа невозможно».

И последнее, в-четвёртых. После вскрытия гробниц в царской усыпальнице и исследования царских останков бесспорно установлено, что отравлены мать Ивана Грозного царица Елена Глинская, его жёны — царицы Анастасия Романова, Мария Темрюковна и Марфа Собакина. Отравлены и дети царя: маленькие царевны, царевич Иван и царь Фёдор Иванович. Отравлен и сам царь Иван Васильевич Грозный.

Травили самым популярным ядом того времени — сулемой. Самого Грозного и царевича Ивана травили долго, постепенно добавляя соли ртути. В их останках криминалисты при медико-химическом исследовании обнаружили присутствие и мышьяка, и ртути,





но именно ртуть превышает допустимую норму в 32 раза! Травили много лет, постепенно, пока яд не накопился в достаточных количествах. И поэтому в летописях содержатся сообщения о длительной болезни, которая, в конце концов, приводила к смерти. Что теперь скажете, Игорь Владимирович?

— Что тут скажешь? — развёл руками Лидин. — Убедили, иезуит придумал лживую байку об Иване Грозном.

— Я не проверял, но слышал одну не менее фантастическую байку. — Монахов лукаво улыбнулся. — Вам как фантасту, я думаю, она будет особенно интересна. Говорят, после того как Репин написал эту свою знаменитую картину «Иван Грозный и его сын Иван», у него отсохла правая рука. Позировавший в образе царя художник Мясоедов внезапно впал в беспричинную ярость и чуть не убил своего маленького сына, тоже, между прочим, Ивана. А писатель Всеволод Гаршин, с которого Репин писал царевича, будто бы вскоре сошёл с ума и выбросился в лестничный пролёт.

— Вы во всё это верите, Илья Ильич?

— Это не вопрос веры, Игорь Владимирович. «Есть многое на свете, друг Горацио,...

...что и не снилось нашим мудрецам»\*, — закончил цитату Лидин. — Думаете, совпадения?

— Всё может быть, — уклонился от прямого ответа Монахов. — Во всяком случае, Карамзина, вписавшего в историю России лживую байку Поссевино об убийстве русским царём сына, никакое несчастье за это не постигло. С тех пор она так и кочует из учебника в учебник.

— Но почему? Если была экспертиза останков...

— А вы подумайте сами. Могу ещё подбросить дровишек в костёр ваших размышлений. Вы знаете, Игорь Владимирович, что в архивах почти все материалы эпохи царствования Ивана Грозного и Бориса Годунова до сих пор строго засекречены? Четыреста с лишним лет прошло, а документы для историков остаются недоступны.

— Так вот почему вы так искали ту книгу...

— Именно, Игорь Владимирович, вы, я вижу, начинаете изображать. Книга, в которой написана правда о царе Иване Грозном, должна исчезнуть, как когда-то пропала Либерия.

---

\* В.Шекспир "Гамлет"



— А это ещё что за зверь?

— Игорь Владимирович, вы меня удивляете. — Монахов недоверчиво посмотрел на Лидина. — Шутите или всерьёз?

— Да не знаю я ни о какой Либерии! — признался Лидин. Стыдно, конечно, он даже покраснел, но решил, что надо пользоваться моментом и вытянуть из загадочного доцента как можно больше сведений. — Впервые сейчас от вас услышал.

— Эх, молодежь, молодежь, — печально выдохнул Илья Ильич, делая ударение на первый слог. — Так и быть, просвещу вас и на этот счёт.

Итак, Либерия. Дед Ивана Грозного Великий князь Московский Иван III женился на византийской царевне Софье Палеолог. В приданое он получил среди прочего семейную реликвию династии Палеологов — уникальную библиотеку, принадлежавшую последнему императору Византии Константину XI. Софья пригласила в Москву знаменитого итальянского художника и архитектора Аристотеля Фиораванти, и тот построил под Кремлём белокаменный тайник. В нём и хранилась эта библиотека, к которой добавились книги, собранные Ярославом Мудрым, Александром Невским, Иваном Калитой, греческими митрополитами в Москве Феогностом и Киприаном, а также самим Иваном Третьим. Вот это собрание книг и есть библиотека Ивана Грозного, известная с тех пор как Либерия.

— А зачем было строить для библиотеки подземный тайник да ещё приглашать для его постройки европейскую знаменитость? — удивился Лидин.

— Видимо, чтобы никто, кроме Великого князя не мог воспользоваться книгами из этой библиотеки.

— Не понял.

Монахов вздохнул.

— Вы, Игорь Владимирович, слышали про Индекс запрещённых книг?

— Намекаете на «отречённые» книги, Илья Ильич?

Монахов не смог скрыть удивления.

— Вы о них знаете?

— Не такой уж я дремучий, — гордо усмехнулся Лидин.

— Тем лучше, — улыбнулся в ответ Монахов. — Мне меньше объяснять. По наследству библиотека перешла к Ивану Грозному. Когда царь впервые покинул Москву и обосновался на долгие годы



в Александровской слободе, библиотеку он забрал с собой. По примеру деда Иван Грозный под всеми своими дворцами, во всех городах, где он жил, построил подземный ход к тайнику с библиотекой. Эти тайники и подземные ходы разыскивают до сих пор, так как со смертью Ивана Грозного исчезла и Либерея.

— А известно, что в ней было?

— Более-менее, — неопределённо покрутил в воздухе кистью руки Илья Ильич. — За время Ливонской войны в России оказалось множество пленных ливонцев. Их расселяли по разным провинциальным городам. Среди них был и Дерптский пастор Иван Ваттерман. Иван Грозный вызвал пастора к себе в Александровскую слободу и предложил заняться переводом древних книг. Побывав в хранилище и увидев собственными глазами сокровище, о котором по Европе ходили противоречивые слухи, пастор был поражён огромным количеством раритетов и имён.

Ваттерман составил каталог царской библиотеки, в котором оказалось, к примеру, почти восемьсот рукописей с Востока. В составе Либереи значилась и «Итхифалеика», книга, популярная среди современников Вергилия, но ко времени Смуты на Руси уже считавшаяся утерянной. Кроме известных литературоведам гимнов Пиндара, библиотека содержала и другие его стихотворения, о которых не знал никто. Древние же писатели-историки были представлены почти все и в полном объёме! Представляете, Игорь Владимирович, все сочинения древних историков в полном объёме! Всемирную историю, как вы знаете, разные правители переписывали множество раз, большинство рукописей просто уничтожено, а в Либереи, оказывается, хранилось всё в первоначальном виде.

— Неужели, ничего не сохранилось?

— Почему же, — печально усмехнулся Илья Ильич. — В ноябре 1944 года в газете «Труд» каким-то чудом промелькнула информация о том, что в шкафах Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина находятся пять книг большого формата в старинных кожаных переплётах из личного собрания царя Ивана Грозного. Пять, Игорь Владимирович, всего пять книг!

— А куда же делись остальные?

— А вот это — величайшая загадка! Либерию искали Борис Годунов, Лжедмитрий, Пётр I и даже Наполеон Бонапарт! А уж про самодеятельных чёрных археологов и говорить не стоит.



— Неужели всё так безнадежно?

Монахов насмешливо посмотрел на Лидина.

— Вот мы и подошли к главному, Игорь Владимирович. 16 сентября 1997 года восьмидесятисемилетний московский пенсионер Апалос Иванов в личной беседе с мэром Москвы Юрием Лужковым сообщил ему, что знает местонахождение знаменитой библиотеки Ивана Грозного! Иванов долгое время работал в Кремле и, якобы, однажды случайно побывал в тех подземельях, где до сих пор находится библиотека, и те, «кому положено», о её местонахождении прекрасно осведомлены.

— Как это? — поразился Лидин. — Но с тех пор прошло уже восемнадцать лет! Почему же Либерию до сих пор не нашли?

— Официальная версия: никто не разрешит проводить раскопки на территории Кремля, дабы не нарушать режим секретности.

— Что за чушь?

Медленно, делая паузы между словами, Монахов произнёс:

— Игорь Владимирович, вы не замечаете главного: **те, кому положено, прекрасно знают, где находится Либерия.** Иван Грозный очень внимательно читал книги и делал на полях множество отметок и даже подробных комментариев. Улавливаете?

Лидин опешил и задумался. Потом столь же медленно сказал:

— Вы хотите сказать, Илья Ильич, что наши власти просто не дают найти Либерию?

— Это вы сказали, Игорь Владимирович! — Монахов грустно улыбнулся. — Однако подразделение, в котором я работаю, отслеживает и пресекает все подобные попытки.

— Вы сейчас какую работу имеете в виду? — Не удержался от ехидства Лидин

— Обе, — спокойно ответил Монахов. — Разумеется, я не случайно работаю в местном институте именно на кафедре истории. Мои коллеги точно так же контролируют истфаки во всех других российских вузах, а также редакции специализированных журналов и крупные издательства. Меняются правители, государственный строй, а наша служба по-прежнему востребована. У нас не бывает сокращений штатов, и вряд ли мне и моим коллегам в обозримом будущем угрожает безработица.

Ошеломлённый Лидин надолго впал в ступор, обдумывая услышанное...



## 20. Искушение

*Уничтожьте записи о прошлом народа, оставьте его жить в невежестве относительно деяний предков — и опустевшие сосуды душ легко будет заполнить новой историей.*

**Оруэлл**

— Ладно, я уже понял, что правда о царе Иване Грозном почему-то до сей поры у нас в стране является табу. — Лидин с силой потёр лицо и испытующе посмотрел на Монахова. — Хоть и не понимаю, почему. А вы объяснять не хотите...

— Хотелки тут не при чём, — хмуро уточнил Илья Ильич. — Я подписку о неразглашении давал. И не делайте круглые глаза — ничего секретного я вам пока не выдал. Всё, о чём рассказал, уже есть в свободном доступе в сети Интернет или официально опубликовано в виде журнальных статей и книг.

— Скажите хотя бы о том, как та книга с мемуарами Годунова попала к какому-то алкашу.

— Досадная случайность, — ответил Илья Ильич, чуть поморщившись. — У нас в институте есть группка студентов, вообразивших себя археологами. Тоже ищут Либерию...

— У нас, в Коломне? — поразился Лидин.

— А почему бы и нет? Коломна — удельный город московских князей. Не случайно здесь венчался с юной княжной Евдокией Суздальской Дмитрий Донской. Иван Грозный в Коломне не раз бывал. Под Коломенским кремлём обнаружены подземные галереи, которыми основательно никто пока не занимался. Известные лазы и двери в подземелье либо заперты, либо замурованы, чтобы не подвергать опасности жизнь самозванных исследователей. Однако некоторым из них, особо настырным, всё же удаётся время от времени проникать в запретные туннели.

Вот и месяц назад одна такая группа, возглавляемая, между прочим, бойкой девицей, проникла в подземный ход. Видимо, когда-то по нему защитники осаждённой врагами Коломны ходили к реке за водой. В одном из ответвлений от основного хода юные диггеры обнаружили дверь, взломали её и почувствовали себя Али-Бабой в пещере разбойников. Что они там обнаружили, я вам не скажу,



однако их радостное скакание привело к обрушению потолка. Словом, ребята успели вынести только то, что держали в руках. Повезло, что никто не погиб.

После этого они более часа блуждали по подземелью — ход назад тоже завалило. Но, в конце концов, обнаружили дверь, открыв которую счастливицы и выбрались наружу, очутившись ночью на берегу Москва-реки. Пробираясь в город, они прошли через огород известного вам алкаша, где и обронили книгу. Далее понятно?

— Вполне. — Лидин удовлетворённо кивнул. — А как об этом узнали вы, если не секрет?

Монахов укоризненно покачал головой.

— Я всё же не понимаю, зачем вы мне всё рассказали? — устало откинулся на спинку стула Лидин. — Какой смысл меня вербовать? Я не историк, не редактор журнала и даже не чёрный археолог.

— Вы — писатель...

— ...которого не печатают!

— Это исправимо, Игорь Владимирович. Прежде чем ответить на ваш последний вопрос, мне нужно знать, как вы относитесь к тому, что сейчас узнали?

— У меня довольно сложное чувство, — признался Лидин. — Я не понимаю, почему правда о царе Иване Грозном столь тщательно скрывается сотни лет. Мне очень не нравится, что нам впаривают о нём ложь, да ещё в школах! Я допускаю, что во всём этом есть некий смысл, раз была создана специальная служба, охраняющая эту странную тайну, но я не хочу принимать в этом участие. Так и доложите вашему начальству.

— Прекрасно! — неожиданно воскликнул Монахов, вставая.

Он прошёлся несколько раз от окна к двери и обратно, что-то тихо бормоча или напевая. Наконец, видимо, решившись, вновь сел перед Лидиным и испытующе посмотрел тому прямо в глаза.

— Я сейчас открою вам ещё одну тайну, Игорь Владимирович, — тихо сказал Илья Ильич. — Брать с вас слово, что никому не расскажете, не буду. Но хочу предупредить: если проговоритесь, уберут нас обоих. Без всяких разговоров. Так мне продолжать?

Горло у Лидина вдруг пересохло, и он еле смог прохрипеть:

— Да, продолжайте.

— Внутри организации, охраняющей тайну Ивана Грозного, существует группа людей, желающих эту тайну обнародовать.



Я предлагаю вам оказать ей помощь. Ведь, насколько я понял, это не будет противоречить вашим убеждениям?

— Но что я могу?

— Как, по-вашему, правдивые факты об Иване Грозном проникают к простым людям?

— Утечки? — предположил Лидин.

— Правильно! Я сам передам вам перевод на современный русский язык не только мемуаров Бориса Годунова, но и некоторых других документов той эпохи. По этим материалам вы, Игорь Владимирович, напишите исторический роман...

— Не получится! — с досадой воскликнул Лидин. — Я всегда писал только научно-фантастические рассказы. Вы мне предлагаете невозможное: сменить одновременно и жанр, и форму произведения. И при этом выдать нечто читабельное! Вы, Илья Ильич, ещё больший фантаст, чем я.

— А вы попробуйте, — попросил Монахов. — Отказаться-то всегда успеете, если не получится. Я, Игорь Владимирович, честно говоря, не вижу особой разницы между историческим и фантастическим романом. Как оно было в прошлом, мы уже не знаем, а как будет в будущем, ещё не знаем. Разница не столь уж велика.

— Ну, это вы хватили, Илья Ильич! — возмутился Лидин. — О прошлом сохранились всякие документы: летописи, письма, статуи, картины, мемуары...

— Бросьте, Игорь Владимирович, — пренебрежительно махнул рукой Монахов, — вы сами прекрасно знаете, что летописи и хроники постоянно редактируются в угоду сиюминутной власти, а письма и мемуары всегда выражают лишь чьё-то личное мнение. На этой спорной основе и работают официальные историки.

— Откуда же мне тогда знать, что те материалы, которые вы мне дадите, более правдивы?

— Мы знаем точно, за что Европа до сих пор ненавидит русского царя Ивана Грозного: он не отдал северо-западные земли Руси Польше и Швеции, Поволжье — Турции, а остальную часть Московии — под власть германского императора Священной Римской империи, а также отказался подчинить Русскую Церковь Папе Римскому.

Против русского царя ещё при его жизни в Европе была развёрнута беспрецедентная клеветническая кампания, в которой



приняли участие и бежавшие из Руси бояре-предатели, самым известным представителем которых являлся князь Андрей Курбский. Было написано и отпечатано большими тиражами множество откровенно лживых «воспоминаний» бывших опричников из числа иностранных наёмников, авантюристов и шпионов, нарисованы оскорбительные карикатуры, которые массово распространялись в виде листовок. Теперь все эти лживые измышления средневековой информационной войны выдаются нынешними историками за достоверные первоисточники, написанные якобы незаинтересованными современниками.

Самое противное, что точно также поступают и российские историки! Из учебника в учебник, из книги в книгу кочует образ царя Ивана Грозного — безжалостного тирана, массового убийцы собственного народа, пьяницы и распутника, убившего в припадке безумия собственного сына. Утверждается, что страна при нём обнищала и обезлюдела, что и привело позднее к Смуте.

— С Европой всё понятно, — отмахнулся Лидин. — Но я-то спрашивал вас о царе. Ладно, сына он не убивал, под Европу не лёг, но для Руси-то он что хорошего сделал? Ужасы опричнины, например, разве тоже выдумка ангажированных историков?

— Оставим пока в стороне опричнину, — сказал Монахов. — Вы достаточно подробно узнаете о ней из мемуаров Годунова и других материалов. Что, спрашиваете, сделал Иван Грозный для России? Что ж, могу вкратце перечислить.

Илья Ильич достал из кармана пиджака потрёпанную записную книжку, нашёл нужную страницу и, сверяясь с ней, сухим лекторским тоном произнёс:

— Царь Иван IV правил сорок три года. Когда юный Иван Васильевич вступил на престол, территория России составляла 2,8 миллиона квадратных километров. В конце его царствования она увеличилась почти вдвое — до 5,4 миллиона квадратных километров. То бишь Московия по территории стала больше всей остальной тогдашней Европы. За это время население Руси, несмотря на непрерывные войны, выросло почти на 40 процентов и достигло 12 миллионов человек. Это по поводу баек про обезлюдевшую при Иване Грозном Русь.

Далее. Царь провёл, как бы сказали сейчас, административную, судебную и военную реформы. У стрельцов появилась первая на





Руси военная форма. При Грозном был принят Судебник — свод законов, где было сто статей. Тринадцать видов преступлений карались смертью. Высшим судьёй по любому делу был государь, и только после его вердикта приговор приводился в исполнение. Царь мог отменить смертный приговор и часто пользовался своим правом. Это к вопросу о тиране и массовом убийце собственных подданных.

Были созданы сеть церковно-приходских школ и почтовая служба, организовано книгопечатание, основано 155 новых городов и крепостей, построено более ста церквей и монастырей. Внимание, вопрос: когда и как всё это сумел сделать разрушитель страны? Вот только не надо говорить, что всё создал сам народ вопреки тирану.

— Не буду, — покорно склонил голову Лидин. — Вопреки тирану сделать ничего невозможно. На то он и тиран.

— Правильно.

Монахов одобрительно кивнул.

— Пойдём далее. Иван Грозный даже по отзывам врагов был очень умён, расчётлив, ехиден, хладнокровен и смел. Несмотря на безрадостное сиротское детство, царь был поразительно начитан — не зря всю жизнь Либерию возил с собой, — имел отличную память, любил петь и сочинял музыку (его стихиры сохранились и исполняются по сей день). Он прекрасно владел пером, оставив богатое эпистолярное наследие и, принимая во внимание его полемическую переписку с Курбским и другими лицами, можно сказать, что царь Иван Грозный является основоположником русской публицистики. Достаточно?

Илья Ильич сунул записную книжку обратно в карман.

— Вполне! — согласился Лидин и ехидно посмотрел на Монахова. — Однако, как вы сказали, территория России увеличилась вдвое, а население всего на сорок процентов. А куда же ещё шестьдесят делось?

— Так ведь за счёт Дикого поля, Поволжья и Сибири! — усмехнулся Илья Ильич. — А эти земли и в то время были не столь густо заселены, как русские. Ну и конечно война с чумой тоже собрали свои жертвы.

— Ладно, убедили. — Лидин кивнул. — Но Смута-то всё же произошла после смерти Ивана Грозного! Значит, не всё так уж хорошо было, как вы говорите, Илья Ильич.



— Да, это излюбленный аргумент ненавистников Ивана Грозного. А вы можете назвать даты смерти царя и начала Смуты?

— Нет, — признался Лидин. — Война с поляками и самозванцами вроде бы была в 1612 году...

— Хорошо, я вам помогу, — сказал Монахов, снисходительно усмехаясь. — Царь Иван Грозный умер в начале 1584 года, а Лжедмитрий I двинулся вместе с польским войском и казаками на Русь в конце 1604 года. Двадцать лет разделяют эти два события, Игорь Владимирович! Идём дальше: до Смуты на русском троне успело смениться два царя: сын Грозного Фёдор Иванович и Борис Годунов, хотя конечно все эти годы правил именно Годунов. И правил, надо сказать, довольно хорошо.

Монахов вновь извлёк и раскрыл свою записную книжку.

— В 1585 году в России была построена крепость Воронеж, в 1586 — Ливны. Вдоль Волги от Казани до Астрахани построили города Самара (1586), Царицын (1589) и Саратов (1590). В 1592 году восстановили город Елец. На Донце в 1596 году был построен город Белгород, южнее в 1600 году был выстроен Царёв-Борисов. В Сибири в 1603 году был основан Томск. По личному приказу царя в 1602 году была построена самая современная на тот момент в Европе крепостная стена Смоленска, которую впоследствии стали называть «каменным ожерельем Земли русской». Через несколько лет, когда в Москве уже давно хозяйничали поляки, их король Сигизмунд со всей своей армией всё никак не мог взять Смоленск!

Так что, Игорь Владимирович, и после смерти Ивана IV Грозного обширное строительство по всей России активно продолжалось, что свидетельствует о наличии в царской казне необходимых для этого денежных средств!

— Так почему же возникла Смута? — с недоумением, спросил Лидин. — Может быть не царь Иван Грозный, а Борис Годунов в ней виноват?

— Я кратко обрисую вам, Игорь Владимирович, некоторые ключевые моменты, произошедшие в те двадцать лет между кончиной Ивана Грозного и началом Смуты.

Илья Ильич привычно перешёл на лекторский тон, время от времени сверяясь с записями в своей записной книжке.

— Пропустим время правления царя Фёдора Ивановича. Этот последний сын Ивана Грозного скончался 17 января 1598 года, не



оставив наследников. С его смертью прервалась мужская линия московского рода Рюриковичей.

На девятый день после смерти мужа вдова царя Фёдора, сестра Бориса Годунова царица Ирина заявила, что она отрекается от престола и удаляется в монастырь. Ирина хотела передать трон своему брату, ведь он и так фактически правил Россией вместо царя Фёдора, но Борис Годунов категорически отказался. Он понимал, что родовитые бояре, тем более те, что были в родстве с Рюриковичами, ни за что не согласятся уступить ему право на русский трон.

И грызня между боярами не заставила себя ждать. Громче всех кричали о своих правах московские бояре Романовы. Но и другие, например, Шуйские, не собирались им уступать. Тогда Патриарх созвал 17 февраля Земский собор, который большинством голосов избрал царём России Бориса Годунова. Так что Годунов вовсе не захватывал власть, как некоторые думают, а получил её, как сказали бы сейчас, в результате прямых и открытых выборов в честной конкурентной борьбе с именитыми соперниками-боярами.

Но и теперь Годунов занимать трон не торопился, потому что бояре не смирились со своим поражением, и Борис не желал развязывания гражданской войны. Ещё два месяца он продолжал жить у сестры в монастыре, и только после многочисленных просьб москвичей вернулся в Москву, где 13 мая 1598 года получил благословение от Патриарха и поселился со своей семьёй в Кремле.

Всё лето люди Годунова собирали подписи российской знати под документами в поддержку царя Бориса. Когда большинство знатных боярских родов смирились с избранием Годунова и подписали клятву верности новому царю, Борис окончательно решил принять власть. Вот почему избранный Земским собором 17 февраля, Годунов венчался на царство лишь 11 сентября 1598 года.

Но некоторые знатные боярские семьи, особенно Романовы, не смирились и продолжали всячески интриговать против нового царя. В их среде за Годуновым закрепилось нелестное прозвище — рабоцарь. Так как московские Романовы продолжали громко претендовать на российский трон, всё их семейство подверглось опале. В 1600 году Фёдор Никитич и его жена Ксения Ивановна Романовы были насильно пострижены в монашество под именами Филарет и Марфа. Это окончательно лишило их права на корону. Но остался их сын Михаил Романов, которому в то время было всего четыре



года. Его отправили в поместье дяди под Владимиром. Годунов пожалел мальчика, не приняв во внимание, что тот со временем может вырасти во взрослого и опасного соперника. Борис удалил с доски ключевые фигуры, забыв, что имеются и другие: родственники, соратники, единомышленники и, наконец, подчинённые, способные объединиться вокруг пока малолетнего вождя. Да и Филарет с Марфой вряд ли оборвали все связи с миром.

Словом, в 1604 году по стране стали расползаться слухи, что погибший в Угличе сын Ивана Грозного царевич Дмитрий якобы выжил и находится среди казаков. Самозванца поддержали не только иезуиты, но некоторые польские магнаты и русские бояре.

Но даже через двадцать лет после смерти Ивана Грозного польский король Сигизмунд не осмелился напасть на Россию. Помочь Лжедмитрию завоевать русский трон согласились лишь несколько польско-литовских магнатов — Мнишек, Сапёга и Вишневецкий, а также украинские и запорожские казаки. Король был против этой авантюры, и до определённого момента Польша соблюдала условия мира с Россией. Так что Лжедмитрий пошёл на Москву фактически во главе частной армии. Эта армия была легко разбита царским войском 21 января 1605 года у Севска, самозванец вынужден был бежать и долго скрывался где-то в районе Путивля.

Но вдруг — вот странное совпадение! — русского царя Бориса Годунова внезапно сразил смертельный недуг. Отобедав 13 апреля 1605 года с иностранными послами в Золотой палате, царь поднялся на балкон верхних покоев, и у него внезапно хлынула кровь изо рта, носа и ушей. Врачи не смогли спасти государя. Промучившись два часа и успев принять иноческий сан, царь скончался.

— Да, история... — задумчиво протянул Лидин. — Похоже, что и Годунова тоже того — отравили...

— Скорее всего, — не стал возражать Монахов. — Но продолжим. Последними словами Годунов благословил на царство сына Фёдора. Это был весьма умный и прекрасно образованный юноша. К примеру, царевич лично составил первую в истории географическую карту России. По планам Бориса Годунова Фёдор должен был жениться на дочери карталинского царя Георгия X Елене и присоединить Картли к России, но не успел.

Часть российских бояр, изначально недовольная избранием Бориса Годунова русским царём, подняла в Москве бунт против



воцарения его сына и 11 июня 1605 года объявила царём Лжедмитрия. Фёдор был низложен и арестован, а 20 июня он и его мать погибли от рук подосланных убийц. Сестру Фёдора Ксению Лжедмитрий, обосновавшись в Кремле, сделал своей наложницей. Вот таким образом русские бояре отблагодарили Бориса Годунова за двадцать лет процветания России под его руководством. Добровольно отдав без боя русский трон Лжедмитрию, бояре ввергли страну в гражданскую войну. Вот как, Игорь Владимирович, началась Смута!

— Но почему же тогда в ней обвиняют Ивана Грозного?

— Слушайте дальше, Игорь Владимирович, и вы сами всё поймёте. Когда Лжедмитрий I утвердился на русском троне, он тут же приказал вернуть из ссылки Романовых. Интересно, да? Освобождённый Филарет занял при Лжедмитрии главный церковный пост. Когда же самозванца сверг Василий Шуйский, Филарет с 1608 года взял на себя роль «наречённого патриарха» Лжедмитрия II. Однако попадающим в лагерь самозванца гостям Филарет называл себя его пленником.

Самозванцы, как известно, действовали не сами по себе, а по указке иезуитов и поляков. Но у Филарета были свои планы насчёт русского трона, и поэтому позднее он наотрез отказался подписывать составленный поляками договор о передаче русского престола польскому королевичу, католику Владиславу. За непослушание поляки и в самом деле арестовали Филарета. На что рассчитывал признавший царями двух Лжедмитриев Филарет, стало понятно через несколько лет.

В 1612 году войска ополчения освободили Москву. В начале 1613 года был созван первый всеобщий Земский собор. Путём голосования предстояло избрать нового царя. Было выдвинуто более десяти кандидатур, в том числе князей Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского. Иностранцев в качестве претендентов на русский престол уже не рассматривали.

Подросший к этому времени Михаил Фёдорович Романов доводился внучатым племянником Ивану Грозному и двоюродным племянником последнему русскому царю из московской ветви династии Рюриковичей — Фёдору Ивановичу. Это родство явилось решающим аргументом в его пользу, и 3 марта 1613 года юный Михаил Романов получил царскую корону.



В 1619 году было заключено перемирие с Польшей. Филарет, освобождённый из плена, возвратился в Москву, после чего в России на долгие годы перестали созывать Земские соборы. Большинство историков уверено, что вплоть до кончины патриарха в 1633 году именно Филарет правил Россией, а не его сын.

А вы бы, Игорь Владимирович, будучи на месте польского короля, отпустили бы такого человека, как Филарет, точно зная, что именно он станет фактическим правителем страны, с которой вы давно и безуспешно воюете? Причём, между вами заключено всего лишь перемирие, а не мир.

— Что-то не верю я в подобную доброту поляков, — не задумываясь, ответил Лидин.

Монахов только одобрительно хмыкнул.

— После кончины Филарета его сын Михаил ещё двенадцать лет правил самостоятельно. Уже при нём, первом царе из династии Романовых, начал складываться миф, что в Смуте виноваты последствия якобы дурного управления царя Ивана Грозного, тем более, что вступить за того было некому. Да и Европу эта версия вполне устраивала, так как отлично вписывалась во всю ту ложь, что была придумана на Западе о Грозном.

— Хотите сказать, Илья Ильич, что Романовы переложили собственную вину на того, кого в Европе никто защищать не стал, а на Руси не решился?

— Заметьте: это вновь вы сказали, Игорь Владимирович!

— Ладно, подведём итоги. С Романовыми всё понятно: им было выгодно изображение Западом царя Ивана Грозного кровожадным, сумасшедшим негодяем, разрушившим страну. Борис Годунов был опорочен как интриган и властолюбец, погубивший царевича Дмитрия ради захвата русского престола. Большевикам оправдывать и возвеличивать царей Ивана Грозного и Бориса Годунова было абсолютно не с руки. Но зачем скрывать от народа правду нынешней российской власти?

— Ответу вам словами Алексея Константиновича Толстого, автора исторического романа об опричниках «Князь Серебряный»:

*«Ходить бывает склизко  
По камешкам иным,  
Итак, о том, что близко,  
Мы лучшие умолчим».*



— Присягу блюдёте, — с досадой произнёс Лидин.

— Блюду, — закрыл тему Монахов. — Так что вы решили, Игорь Владимирович, насчёт романа? Жанр, как мы с вами почти согласились, не проблема. Что касается формы — ну попробуйте составить роман в виде последовательности бесед Бориса Годунова с сыном. Каждая беседа — отдельный рассказ. А роман можно назвать хотя бы так — «Откровения царя Бориса». Как вам такая идея?

— Попробовать, конечно, можно, — с сомнением ответил Лидин. — А как же вы? Ваши коллеги сразу поймут, кто дал мне материалы для романа.

— За меня беспокоитесь?

Илья Ильич улыбнулся.

— Это приятно...

— Не столько за вас, сколько за себя, — честно ответил Лидин. — Сами же сказали: в случае чего уберут обоих.

— Да, уберут, не сомневайтесь, — серьёзно подтвердил Монахов. — Но, во-первых, вы могли и сами прочесть ту книгу до того, как мы её у вас изъяли. Во-вторых, вы напишете и опубликуете художественный роман, а не перевод и уж тем более не сканы оригинала книги Годунова.

У нас сейчас чего только ни печатают — свобода! Ваш роман легко впишется в эту пёструю массу. Всерьёз его мало кто воспримет. А вот если с автором, то бишь с вами, что-нибудь случится, это привлечёт к роману гораздо больше читателей. Нашей службе это совершенно не нужно.

— Но зато нужно той группе в недрах вашей службы, от имени которой вы меня сейчас вербуете...

— Бог с вами, Игорь Владимирович, — возмущённо взмахнул руками Илья Ильич. — Нам гораздо выгоднее сотрудничать с вами и далее, чем использовать вас однократно. Материалов, которые по нашему мнению необходимо обнародовать как можно скорее, у нас на сотню таких, как вы, хватит. Только где ж эту сотню взять? Чем больше вовлечено участников, тем больше вероятность нарушения секретности.

— Ладно, проехали. Но если, как вы сами сказали, мало кто поверит в то, что я напишу в романе, в чём же тогда смысл?

— Курочка по зёрнышку клюёт, Игорь Владимирович. Вот вы сказали что «все знают», как Иван Грозный убил сына. Что это не



так, известно в основном только немногим историкам. А простому народу продолжают впаривать ложь, и тот принимает её за истину. Как же нам донести правду до народа, не вступая в прямую борьбу с государством в лице той организации, в которой я состою?

— Ну не в виде же романа!

— Почему нет? Пушкин написал о том, как Сальери из зависти отравил Моцарта, и множество людей твёрдо в это верит! Такова сила искусства. Если появится один правдивый роман о царе Иване Грозном, другой, десятый, а там и сериальчик по ним кто-нибудь снимет...

— Понял, — вздохнул Лидин. — Идея неплоха.

— Итак, можно считать, что я вас завербовал?

— Считайте.

Лидин засмеялся.

— Дьявол вы, искуситель. Но подписывать кровью я ничего не буду. И не кровью тоже!

Монахов вздохнул с нескрываемым облегчением.

— Последний вопрос, Илья Ильич, как книга Годунова оказалась в подземелье нашего кремля?

— Кто ж теперь скажет? — Пожал плечами Монахов. — Возможно, книга была частью бесследно пропавших сокровищ бывшей жены обоих Лжедмитриев полячки Марины Мнишек. Эта аватюристка какое-то время прожила в Коломне вместе со своим последним мужем атаманом донских казаков Иваном Заруцким, здесь она и окончила свои дни в Круглой башне нашего кремля.

— Вы говорите про Маринкину башню?

— Конечно. Я очень рад, что мы договорились, Игорь Владимирович. — Монахов встал. — Извините, что задержал вас на целых два часа, вместо одного. Леночка, по-видимому, уже ушла...

— Не беда, я знаю, где её сейчас можно найти, — взглянув на часы, рассеянно ответил Лидин и тоже встал. — Скажите, Илья Ильич, неужели вы всё это затеяли только ради Ивана Грозного?

— Не только, — поразмыслив, ответил Монахов. — Вы следите за тем, что творится в мире? Всё сейчас происходит в точности так же, как при Иване Грозном. Россия укрепляется и возвышается, прирастает утерянными в прежние годы территориями. Европа и США ведут против неё информационную войну, распространяют лживые обвинения, того и гляди объединятся и нападут. «Бояре»





ненадёжны, так же смотрят на Запад, различные «курбские» предадут и сбегают, встают в ряды наших откровенных врагов. Подконтрольные Западу «самозванцы» рвутся к власти в России. А если ненавистного Западу русского «царя» так же, как и в прошлом, отравят? Вам нужны иностранные властители в Кремле и новая Смута в стране, Игорь Владимирович?

Лидин содрогнулся и вслед за Монаховым направился к двери...





### *Послесловие автора*

Это мой первый и, скорее всего, последний роман. До этого я писал только рассказы, эссе и публицистические статьи. Попробовать себя в большой форме меня подбил один коломенский писатель, чьё имя пусть останется неизвестным. С темой, жанром и формой произведения мы определились сразу. За образец был взят роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Мой соавтор обязался написать главы о современной Коломне, а я о реалиях Московской Руси времён царя Ивана Грозного.

Однако, написав небольшой текст о первой встрече Игоря Лидина с Зинаидой Ляпиной в редакции газеты «Коломенская правда», мой соавтор неожиданно отказался от сотрудничества, на которое долго и упорно сам меня агитировал. А у меня к этому времени уже была готова первая историческая глава. Передо мною встал выбор: бросить затею с романом или закончить начатое дело в одиночку.

Я склонялся к первому, так как у меня не было никакого опыта в написании романов, в отличие от коварного соблазнителя, уже написавшего их более десятка и клятвенно обещавшего мне всемерную помощь и подробные консультации. Но я не привык останавливаться на полпути и стараюсь любое начатое дело доводить до конца, поэтому решил рискнуть и осуществить задуманное без напарника.

Бывший соавтор любезно подарил мне написанный им кусочек текста, и тот стал частью второй главы романа. Из уважения к автору я не стал кардинально переписывать этот чужеродный фрагмент и убирать из него не свойственные мне скачки фокала, а лишь немного подкорректировал текст, чтобы он не очень сильно отличался от остального.

И так как мне пришлось самому писать обе составляющие части романа, то пришлось заменить образец. У меня не было намерения высмеивать реалии современной Коломны, тем более — очернять кого-либо или что-либо. Поэтому от ориентации на булгаковский роман пришлось отказаться. Сатира — дело нужное, но я — противник того, чтобы делать Зло или его представителей привлекательными. Белое, на мой взгляд, должно оставаться белым, а чёрное — чёрным. Но сочетание в романе исторической и современной частей я решил оставить. В качестве нового ориентира я выбрал



роман очень уважаемого мною советского писателя Павла Загребельного «Диво».

Что — правда, а что придумано в исторической части романа «Исповедь царя Бориса»? Почти всё — правда! Цитаты из реальных документов даны в переложении на современный русский язык. Что придумано мною? Служба царевича Ивана Ивановича, Бориса Годунова и Малюты Скуратова в русской разведке. А почему бы и нет? Может, оно так и было! Архивы-то до сих пор засекречены.

Даты событий с русского календаря переведены на Григорианский, более привычный для читателя. Каждый раз делать это в сносках я посчитал обременительной и для автора, и для читателя формальностью.

Теперь о современной Коломне. Разумеется, у некоторых персонажей имеются реальные прототипы. Но не надо искать и находить абсолютное сходство с оригиналом. «Исповедь царя Бориса» — не документальная хроника, а художественный роман. Более того, с некоторыми персонажами я поделился кусочками моей собственной биографии. В романе есть только два героя, действующих под настоящими именами, на что у них мною было испрошено и получено согласие.

Хочу поблагодарить отца — Колабухина Владимира Гавриловича. У нас с ним фамилии отличаются одной буквой. Это не опечатка, а ошибка паспортистки, замеченная слишком поздно. Также благодарю жену Лидию и дочь Наталью за помощь, понимание и терпение. Без поддержки моих близких эта книга не увидела бы свет.

Коломна, 2018 г.



## Об авторе

**Сергей Владимирович Калабухин** родился в 1958 году в городе Коломна Московской области, где и проживает до сих пор. Окончил Московский инженерно-строительный институт имени В.В.Куйбышева (МИСИ). Инженер-электромеханик по автоматизации производства. Работал инженером-электриком, инженером-электроником, инженером-конструктором, генеральным директором малого предприятия.

Был внештатным сотрудником газеты «Коломенская правда», членом редакции ежегодника «Коломенский альманах».

Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, Белоруссии, США, Англии, Канады и Финляндии.

Автор восьми книг:

«**Лабиринт чувств**», избранное, (2008г.);

«**Спорные мысли**», сборник эссе, (2011г.);

«**Тайные хроники**», сборник фантастики, (2011г.);

«**Спасти Герострата**», сборник рассказов, (2013г.);

«**Взрослые сказки**», сборник рассказов, (2014г.);

«**Мой Лермонтов**», монография, (2015г.);

«**Мысли по поводу...**», сборник эссе, (2015г.);

«**Необыкновенные приключения обыкновенных людей**», сборник фантастики, (2017г.).

Член Союза писателей России.

Награждён Почётным дипломом СП России имени Александра Трифоновича Твардовского, Дипломом СП России «За сохранение литературных традиций и активную работу по пропаганде исторического и культурного наследия древнего города Коломны», медалью СП России «Иван Бунин», медалью «И.И. Лажечников» и иными наградами. Лауреат Третьего всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «проза» (2012г.), дипломант Пятого всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «проза» (2015г.), лауреат литературного конкурса «Звёздное перо» имени Георгия Кольцова (2017г.), финалист Германского международного литературного конкурса русскоязычных авторов «Лучшая книга года» (2018г.).



## Библиография Сергея Калабухина

### *Газетные публикации:*

1. «Голос Аура», рассказ, «Северная магистраль» №87 (5280), 23 июля 1978г., Ярославль.
2. «Жизнь по Жванецкому, или Размышления пассажира», фельетон, «Коломенская правда» №17 (14675), 31 января 1987г., Московская обл., г.Коломна.
3. «А на кладбище всё спокойненько...», фельетон, «Коломенская правда» №47 (14705), 21 марта 1987г., Московская обл., г.Коломна.
4. «...Всего за рубль проездной», юмореска, «Коломенская правда» №53 (14711), 1 апреля 1987г., Московская обл., г.Коломна.
5. «Кто на свете всех сильнее», сказка, «Ярославский строитель» №34 (2480), 30 апреля 1987г., Ярославль.
6. «Берегите нервы, изучайте электронику», фельетон, «Коломенская правда» №156 (14814), 29 сентября 1987г., Московская обл., г.Коломна.
7. «Сюжет для кино», фельетон, «Коломенская правда» №189 (14847), 27 ноября 1987г., Московская обл., г.Коломна.
8. «Интервью», юмореска, «Коломенская правда» №13 (14879), 23 января 1988г., Московская обл., г.Коломна.
9. «Дело – труба!», фельетон, под псевдонимом «С.Владимиров», «Коломенская правда» №36 (14902), 3 марта 1988г., Московская обл., г.Коломна.
10. «Из услышанного», юмореска, «Коломенская правда» №53 (14919), 1 апреля 1988г., Московская обл., г.Коломна.
11. «Чудеса медицины», юмореска, «Куйбышевец» №87 (7934), 18 ноября 1988г., Московская обл., г.Коломна.
12. «Кто даст ответ?», фельетон, «Коломенская правда» №191 (15057), 30 ноября 1988г., Московская обл., г.Коломна.
13. «В шутку и всерьёз», юмореска, «Коломенская правда» №1 (15075), 1 января 1989г., Московская обл., г.Коломна.
14. «Кто на свете всех сильнее», сказка, «Куйбышевец» №52 (7997), 12 июля 1989г., Московская обл., г.Коломна.
15. «Договор дороже денег?», фельетон, «Коломенская правда» №134 (15208), 22 августа 1989г., Московская обл., г.Коломна.
16. «Бюрократиада», фельетон, «Коломенская правда» №148 (15222), 15 сентября 1989г., Московская обл., г.Коломна.

17. «Экскурсия», юмореска, «Куйбышевец» №75 (8020), 29 сентября 1989г., Московская обл., г.Коломна.
18. «Инженер в зеркале перестройки», статья, «Куйбышевец» №94 (8039), 13 декабря 1989г., Московская обл., г.Коломна.
19. «Шефы или крепостные?», статья, «Коломенская правда» №115 (15397), 20 июля 1990г., Московская обл., г.Коломна.
20. «Автограф Гагарина», рассказ, «Советская Коломна» №42 (127), 17 октября 2000г., Московская обл., г.Коломна.
21. «Тема войны на страницах «Коломенского альманаха», статья, «Советская Коломна» №36 (224), 10-16 сентября 2002г., Московская обл., г.Коломна.
22. «Ведьмак», рассказ, «Вопрос-ответ» №47 (836), 23 июня 2010г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г.Коломна.
23. «Свеча на ветру. Интервью», рассказы, «Вопрос-ответ» №57 (1047), 15 августа 2012г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г.Коломна.
24. «Народ и культура», эссе, «Московский Литератор» №17 (сентябрь) 2012 г., Москва.
25. «Посмертный раб», рассказ, «Вопрос-ответ» №61 (1242), 20 августа 2014г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г.Коломна.
26. «Злая любовь», рассказ, «Грань», №2 (1231), Московская обл., г.Раменское, 20 января 2015г.
27. «Иван да Анна», очерк, «Грань», №8 (1237), Московская обл., г.Раменское, 03 марта 2015г.
28. «Иван да Анна», очерк, «Угол зрения», №17 (746), 06 мая 2015г., Московская обл., г.Коломна.
29. «Почему дельцы в провинциальных альманахах печатают одних московских графоманов», статья, «Литературная Россия», №36, 16 октября 2015г., Москва.
30. «Портрет Лажечникова», статья, «Вопрос-ответ» №88 (1366), 25 ноября 2015г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г.Коломна.
31. «Благо дара», рассказ, «Вопрос-ответ» №96 (1374), 23 декабря 2015г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г.Коломна.
32. «Махмудыч», рассказ, «Вопрос-ответ» №98 (1376), 30 декабря 2015г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г.Коломна.
33. «Гадкий утёнок», рассказ, «Любовь плотская», эссе, «Вопрос-ответ» №39 (1415), 25 мая 2016г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г.Коломна.
34. «Мечта и случай», рассказ, «Вопрос-ответ» №66 (1442), 24 августа 2016г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г.Коломна.

35. «Взятка», рассказ, «Вопрос-ответ» №68 (1444), 31 августа 2016г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г. Коломна.

36. «О юных невестах и злобных старухах», рассказ, «Вопрос-ответ» №74 (1450), 21 сентября 2016г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г. Коломна.

37. «Рыцарь-Дракон», рассказ, «Вопрос-ответ» №103 (1479), 28 декабря 2016г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г. Коломна.

38. «Надо, Федя. Надо!», статья, «Мы», «Нет, не скифы мы!», «Братья», стихотворения, «Вопрос-ответ» №3 (1483), 18 января 2017г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г. Коломна.

37. «Лермонтов - памятник или человек?», статья, «Молодой ленинец» №18 (7846), 02 мая 2017г., г. Пенза.

38. «Жизнь продолжается», статья, «Вопрос-ответ» №60 (1540), 15 августа 2017г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г. Коломна.

39. «Развилки Игоря Лидина», рассказ, «Вопрос-ответ» №3 (1582), 16 января 2018г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г. Коломна.

40. «Рука тьмы», рассказ, «Вопрос-ответ» №7 (1586), 31 января 2018г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г. Коломна.

41. «Карбункул», рассказ, «Вопрос-ответ» №25 (1604), 11 апреля 2018г., ISSN: 2222-9698, Московская обл., г. Коломна.

### ***Сетевые публикации:***

1. «О крахе русской культуры», эссе, Международная Гильдия Русского Литературного Искусства - International Guild for Russian Literary Art, IGRULITA Press, USA, 25 декабря 2010г.

2. «О крахе русской культуры», эссе, сетевой журнал «Великороссъ», 2 января 2011г. <http://www.velykoross.ru/1160/>

3. «В круге первом, или Вечная востребованность иуд» эссе, сетевой журнал «Великороссъ», 16 января 2011г. <http://www.velykoross.ru/1171/>

4. «В круге первом, или Вечная востребованность иуд», эссе, сетевой журнал «Клаузура», №3, 2011г. <http://klauzura.ru/2011/08/sergej-kalabuxin-v-kruge-pervom-ili-vechnaya-vostrebovannost-iud/>

5. «Гетман Мазепа — герой России», эссе, сетевой журнал «Великороссъ», №23, 2011г. <http://www.velykoross.ru/1190/>

6. «Загадки Твин Пикса», критика, сетевой журнал «Клаузура», №4, 2011г. <http://klauzura.ru/2011/09/sergej-kalabuxin-zagadki-tvin-piksa/>

7. «О крахе русской культуры», эссе, сетевой журнал «Клаузура», №5, 2011г. <http://klauzura.ru/2011/10/sergej-kalabuxin-o-kraxe-russkoj-kultury/>

8. «Трагедия Дона Руматы, или Слон в посудной лавке», эссе, сетевой журнал «Клаузура», №6, 2011г. <http://klauzura.ru/2011/11/sergej-kalabuxin-tragediya-dona-rumaty-ili-slon-v-posudnoj-lavke/>

9. «Ночь и вся жизнь», рассказ, сетевой журнал «Клаузура», №7 (13), 2012г. <http://klauzura.ru/2012/06/sergej-kalabuxin-noch-i-vsya-zhizn/>

10. «О крахе русской культуры», эссе, сетевой журнал «Камертон» № 33, Июль 2012г. <http://webkamerton.ru/2012/07/o-kraxe-russkoj-kultury/>

11. «Авария Сашки Сэкондхэнда», эссе, сетевой журнал «Великороссъ», №41, 2012г. <http://www.velykoross.ru/1960/>

12. «Битва за Прибалтику», эссе, сетевой журнал «Молоко» № 9 2012г. <http://moloko.ruspole.info/node/3268>

13. «Слезливый витязь в звериной шкуре», эссе, сетевой журнал «Молоко» № 9 2012г. <http://moloko.ruspole.info/node/3270>

14. «О крахе русской культуры», эссе, официальный сайт Объединения русскоязычных литераторов Финляндии (он же –литературный журнал «Vierrat Rannat» («ИНЫЕ БЕРЕГА») ноябрь 2012г. [http://finlito.tk/tribune\\_kalabuhin\\_krakh.htm](http://finlito.tk/tribune_kalabuhin_krakh.htm)

15. «Авария Сашки Сэкондхэнда», рассказ, онлайн-журнал «Эстетоскоп.инфо» №22 (88) от 1 декабря 2012 года. <http://issuu.com/aesthetoscope/docs/kalabuhin>

16. «Злая любовь», рассказ, сетевой журнал «Великороссъ», №44 (декабрь) 2012г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_6/article\\_78/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_6/article_78/)

17. «Демоны московских интеллигентов», критика, сетевой журнал «Клаузура», №2 (20), 2013г. <http://klauzura.ru/2013/01/sergei-kalabuhin-demony-moskovskih-intelligentov/>

18. «Рифы любви. Ночь и вся жизнь», рассказы, сетевой журнал «Великороссъ», №46 (февраль) 2013г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_8/article\\_189/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_8/article_189/)

19. «Демоны московских интеллигентов», критика, сетевой журнал «Великороссъ», №48 (апрель) 2013 г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_10/article\\_280/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_10/article_280/)

20. «Спасти Герострату», рассказ, сетевой журнал «Клаузура», №3 (21), 2013г. <http://klauzura.ru/2013/02/sergei-kalabuhin-spasti-gerostrata-rasskaz/>

21. «По прозвищу «Классик», статья, сетевой журнал «Клаузура», №7(25), 2013г. <http://klauzura.ru/2013/06/sergei-kalabuhin-po-prozishhu-klassik-o-russkom-prozaik-vladimire-orlove/>



22. «Благо дара», рассказ, сетевой журнал «Клаузура», №1 (31), 2014г. <http://klauzura.ru/2013/12/sergei-kalabuhin-bлаго-dara/>

23. «Мечта и случай», рассказ, сетевой журнал «Клаузура», №2 (32), 2014г. <http://klauzura.ru/2014/01/sergei-kalabuhin-mechta-i-sluchai/>

24. «Братья», стихотворение, сетевой журнал «Великороссъ», №65 (сентябрь) 2014г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_27/article\\_1050/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_27/article_1050/)

25. «Кто убил старика Мюэ?», эссе, сетевой журнал «Великороссъ», №66 (октябрь) 2014г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_28/article\\_1178/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_28/article_1178/)

26. «Битва за Прибалтику», эссе, сетевой журнал «Великороссъ», №67 (ноябрь) 2014г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_29/article\\_1228/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1228/)

27. «О крахе русской культуры», эссе, сетевой журнал «Рефлексия Абсурда» № 9 - 2014г. [http://refleksiya-absurda.ru/About\\_collapse\\_of\\_Russian\\_culture.html](http://refleksiya-absurda.ru/About_collapse_of_Russian_culture.html)

28. «Махмудыч», рассказ, сетевой журнал «Великороссъ», №69 (январь) 2015г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_31/article\\_1461/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_31/article_1461/)

29. «Портрет Лажечникова», эссе, сетевой журнал «Великороссъ», №70 (февраль) 2015 г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_32/article\\_1485/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_32/article_1485/)

30. «Иван да Анна», очерк, сетевой журнал «Клаузура», (февраль), 2015г. <http://klauzura.ru/2015/02/sergei-kalabuhin-ivan-da-anna-ocherk-k-dnyu-pobedy/>

31. «Мой Лермонтов», монография, сетевой журнал «Клаузура», (март), 2015г. <http://klauzura.ru/2015/03/sergei-kalabuhin-moi-lermontov/>

32. «Благо дара», рассказ, сетевой журнал «Великороссъ», №72 (апрель) 2015г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_34/article\\_1653/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_34/article_1653/)

33. «Иван да Анна», очерк, сетевой журнал «Молоко», №4 (апрель), 2015г. <http://moloko.ruspole.info/node/6250>

34. «Иван да Анна», очерк, сетевой журнал «Великороссъ», №73 (май) 2015г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_35/article\\_1754/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_35/article_1754/)

35. «Любовь плотская», эссе, сетевой журнал «Великороссъ», №77 (сентябрь) 2015г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_39/article\\_2073/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_39/article_2073/)

36. «Гетман Мазепа — герой России», эссе, сетевой журнал «Осиянная Русь», 18.09.2015г. <http://www.osrussia.ru/free/getman-mazepa-geroy-rossii>

37. «Сезам, откройся!», рассказ, сетевой журнал «Великороссъ», №78 (октябрь) 2015г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_40/article\\_2143/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_40/article_2143/)

38. «Коломенский ли «Коломенский альманах?», статья, Общественное специализированное Информационное Агентство Афиша «ПроАртИнфо», 02.10.2015 г. <http://proartinfo.ru/article/1015385-kolomenskii-li-kolomenskii-almanakh>

39. «Сезам, откройся!», рассказ, сетевой журнал «Осиянная Русь», 11.10.2015г. <http://www.osrussia.ru/free/sezam-otkroysya>

40. «Нет, не скифы мы!», стихотворение, сетевой журнал «Великороссъ», №79 (ноябрь) 2015г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_41/article\\_2261/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_41/article_2261/)

41. «Вечный сюжет, или Зверь внутри нас», эссе, сетевой журнал «Великороссъ», №80 (декабрь) 2015г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_42/article\\_2288/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_42/article_2288/)

42. «Посмертный раб», рассказ, сетевой журнал «Великороссъ», №83 (март) 2016г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_45/article\\_2559/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_45/article_2559/)

43. «Карьера Марка Жабского», рассказ, сетевой журнал «Топос», 11 августа 2016г. <http://www.topos.ru/article/proza/karera-marka-zhabskogo>

44. «Карьера Марка Жабского», рассказ, сетевой журнал «Великороссъ», №90 (октябрь) 2016 г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_52/article\\_2899/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_52/article_2899/)

45. «Вечный сюжет, или Зверь внутри нас», эссе, портал «Золотое Руно», 23 октября 2016г. <http://zolotoeruno.org/literaturf/kritika/newsid/7818.aspx>

46. «О крахе русской культуры», эссе, сетевой журнал «Что есть Истина?», №47 (декабрь) 2016г. <http://istina.russian-albion.com/ru/chto-est-istina--47-dekabr-2016/sergey-kalabuhin-o-krahe-russkoy-kultury>

47. «Градации Зла», статья, сетевой журнал «Клазура», (декабрь), 2016г. <http://klauzura.ru/2016/12/sergej-kalabuhin-gradatsii-zla/>

48. «О юбилейном альманахе и почётном графомане «Коломенского текста»», статья, сетевой журнал «Клазура», (февраль), 2017г. <http://klauzura.ru/2017/02/sergej-kalabuhin-o-yubilejnom-almanahe-i-pochyotnom-grafomane-kolomenskogo-teksta/>

49. «Градации Зла», статья, сетевой журнал «Великороссъ», №94 (февраль) 2017г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_56/article\\_3145/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_56/article_3145/)

50. «Ведьмак», рассказ, сетевой журнал «Великороссъ», №94 (февраль) 2017г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_56/article\\_3144/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_56/article_3144/)

51. «Гетман Мазепа — герой России», эссе, сетевой журнал «Что есть Истина?», №48 (март) 2017г. <http://istina.russian-albion.com/ru/chto-est-istina--48-mart-2017/c-kalabuhin-getman-mazepa---geroy-rossii>

52. «Фантастика – основа литературы», статья, сетевой журнал «Клаузура», (апрель), 2017г. <https://klauzura.ru/2017/04/sergej-kalabuhin-fantastika-osnova-literatury-materialy-lektsij-o-fantastike/>

53. «Больничные байки», рассказ, сетевой журнал «Клаузура», (июль), 2017г. <https://klauzura.ru/2017/07/sergej-kalabuhin-bolnichnye-bajki/>

54. «Автограф Гагарина», рассказ, сетевой журнал «Великороссъ», №99 (июль) 2017г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_61/article\\_3578/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_61/article_3578/)

55. «Фантастика – основа литературы», статья, сетевой журнал «Великороссъ», №100 (август) 2017г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_62/article\\_3667/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_62/article_3667/)

56. «Мой Лермонтов», монография, сетевой журнал «Что есть Истина?», №51 (декабрь) 2017г. (Начало) <http://istina.russian-albion.com/ru/chto-est-istina--51-dekabr-2017/guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza>

57. «О юных невестах и злобных старухах», рассказ, «Кольцо А» №111 (декабрь) 2017г. <http://soyuzpisateley.ru/publication.php?id=912>

58. «Сила слова», рассказ, сетевой журнал «Клаузура», (февраль), 2018г. - <https://klauzura.ru/2018/02/sergej-kalabuhin-sila-slova-rasskaz/>

59. «Сила слова», рассказ, газета «День литературы», (февраль), 2018г. [http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles\\_id=3077](http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=3077)

60. «Мой Лермонтов», монография, сетевой журнал «Что есть Истина?», №52 (март) 2018г. (Окончание) <http://istina.russian-albion.com/ru/chto-est-istina--52-mart-2018/sergej-kalabuhin-moy-lermontov>

61. «О крахе русской культуры», эссе, сетевой журнал «Что есть Истина?», №52 (март) 2018г. <http://istina.russian-albion.com/ru/chto-est-istina--52-mart-2018/kultura---sergej-kalabuhin-o-krahe-russkoy-kultury>

62. «Больничные байки», рассказ, сетевой журнал «Велико-россь», №100 (август) 2017г. [http://www.velykoross.ru/journals/all/journal\\_69/article\\_4154/](http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_69/article_4154/)

63. «Карбункул», рассказ, сетевой журнал «Клаузура», (март), 2018г. <https://klauzura.ru/2018/03/sergej-kalabuhin-karbunkul-rasskaz/>

### ***Журналы и сборники:***

1. «Злая любовь», рассказ, журнал «Край городов», №17, «Век искусства», Рязань, январь 2004г.

2. «И попустил Господь...», рассказ, «Коломенский альманах» №15, «Москва», Москва, 2011г.

3. «Разочарование», рассказ, журнал «Молодая гвардия» №7-8, Москва, 2011г.

4. «Сказка о понаехавших и чудо-пылесосе», сказка, журнал «Викинг» №4-5 за 2011 год, Великий Новгород, 2011г.

5. «Битва за Прибалтику», эссе, «Коломенский альманах» №16, «Москва», Москва, 2012г.

6. «Битва за Прибалтику», эссе, журнал «Vierrat Rannat» («ИНЫЕ БЕРЕГА») №1 (15), 2013 г., Финляндия, г.Хельсинки, 2013г.

7. «Свеча на ветру. Проблема веса. Интервью», рассказы, «Коломенский альманах» №17, «Инлайт», Московская обл., г.Коломна, 2013г.

8. «О крахе русской культуры», эссе, альманах «Серебряный дождь», №1, 2013г, ИД «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна.

9. «Ведьмак», рассказ, альманах «Серебряный дождь», №2, 2013г, ИД «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна.

10. «Благо дара», рассказ, альманах «Серебряный дождь», №3, 2014г, ИД «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна.

11. «Чёрный следопыт», рассказ, «Коломенский альманах» №18, «Инлайт», Московская обл., г.Коломна, 2014г.

12. «Чудеса медицины», миниатюра, сборник «Литературная мозаика», ИД «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна, 2014г.

13. «Авария Сашки Сэкондхэнда», рассказ, альманах «Эстетоскоп 2014. Проза» декабрь 2014 года.

14. «Портрет Лажечникова», эссе, альманах «Серебряный дождь», №4, ИД «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна, 2015г.

15. «Посмертный раб», рассказ, «Коломенский альманах» №19, «Инлайт», Московская обл., г.Коломна, 2015г.

16. «Иван да Анна», очерк, сборник «Не меркнет золото победы», ИД «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна, 2015г.

17. «Махмудыч», рассказ, журнал «Великороссъ», №4 (18), 2015г, ISSN: 2227-4413, ООО «Издательский дом ВЕЛИКОРОССЪ», Московская обл., г.Лобня.

18. «Гадкий утёнок», рассказ, журнал «Метаморфозы», №4 (10), 2015г, ISSN: 2306-465X, Белоруссия, г.Гомель.

19. «Трагедия Дона Руматы, или Слон в посудной лавке», «Демоны московских интеллигентов», «По прозвищу «Классик», статьи, журнал «Клаузура», №2'15, ISBN: 978-5-4474-2930-0, «Ridero.ru», 2015г.

20. «Трагедия Дона Руматы, или Слон в посудной лавке», «Демоны московских интеллигентов», «По прозвищу «Классик», статьи, журнал «Клаузура», №2'15, 2016г, Издательство: «Издательские решения».

21. «Загадки Твин Пикса», статья, журнал «Клаузура», №3'15, ISBN: 978-5-4474-2971-3, «Ridero.ru», 2016г.

22. «Загадки Твин Пикса», статья, журнал «Клаузура», №3'15, 2016г, Издательство: «Издательские решения».

23. «Ночь и вся жизнь», рассказ, журнал «Клаузура», №2'16, ISBN: 978-5-4474-5244-5, «Ridero.ru», 2016г.

24. «Ночь и вся жизнь», рассказ, журнал «Клаузура», №2'16, 2016г, Издательство: «Издательские решения».

25. «Любовь плотская», эссе, сборник «Книги и судьбы», «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна, 2016г.

26. «Рыцари и драконы, кто они?», статья, альманах «Серебряный дождь», №8, «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна, 2016г.

27. «Спасти Герострата», рассказ, альманах «Луховинь литературная», №1, «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна, 2016г.

28. «Загадки Твин Пикса», статья, сборник «Слово о кино и театре», ISBN: 978-5-906800-80-0, «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна, 2016г.

29. «Мой Лермонтов», монография, журнал «Сура», №1(137), 2017г., ISSN: 2077-7604, ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова», г.Пенза, 2017г.

30. «Ведьмак», рассказ, журнал «Великороссъ», №1 (23), 2017г, ISSN: 2227-4413, ООО «Издательский дом ВЕЛИКОРОССЪ», Московская обл., г.Лобня.

31. «Гадкий утёнок», рассказ, сборник «Здесь начинается Россия», ISBN: 978-5-906926-56-2, «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна, 2017г.

32. «Ангел в трубке», рассказ, сборник «Давайте будем бережней друг к другу», ISBN: 978-5-906926-90-6, «Серебро Слов», Московская обл., г. Коломна, 2017г.

33. «Авария Сашки Сэкондхэнда», «Взятка», рассказы, журнал «Южная звезда», №4 (65), 2017г, ООО «БЛИЦ-ИНФО», г. Ставрополь.

### ***Электронные журналы и сборники:***

1. «Десять минут счастья», рассказ, сборник №4 «Своя война», «Тараканы и фломастеры», 2015г. <http://spasitefantastov.ru/sbornik/sbornik-no-4-svoya-voyna>

2. «Чулан для непослушных детей», рассказ, сборник №5 «Свои миры», «Тараканы и фломастеры», 2015г. <http://spasitefantastov.ru/sbornik/sbornik-no5-svoi-miry>

### ***Переводы с болгарского:***

1. Илиана Димитрова «Впечатления от одного путешествия», очерк; Благовеста Касабова «Болезнь любви», миниатюра; Антология писателей Болгарии и России «Созвучие – 3», ISBN: 978-5-906438-50-8, ИД «Серебро Слов», Московская обл., г. Коломна, 2015г.

### ***Книги:***

1. «Лабиринт чувств», избранное, ООО ИПК «Индиго», Ярославль, 2008г.

2. «Спорные мысли», сборник эссе, ISBN: 978-5-91722-065-9, ООО ИПК «Индиго», Ярославль, 2011г.

3. «Тайные хроники», сборник фантастики, ISBN: 978-5-91722-069-7, ООО ИПК «Индиго», Ярославль, 2011г.

4. «Спасти Герострата», сборник рассказов, ISBN: 978-5-906438-61-4, ИД «Серебро Слов», Московская обл., г. Коломна, 2013г.

5. «Спасти Герострата», сборник рассказов, ISBN: 978-5-906800-34-3, «Серебро Слов», Московская обл., г. Коломна, 2016г.

6. «Взрослые сказки», сборник рассказов, ISBN: 978-5-906438-90-4, ИД «Серебро Слов», Московская обл., г. Коломна, 2014г.

7. «Мой Лермонтов», монография, ISBN: 978-1-329-16002-6, «Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.», Huntsville, Ontario, Канада, 2015г. <http://www.lulu.com/shop/sergey-kalabuhin/moy-lermontov/paperback/product-22184946.html>

8. «Мысли по поводу...», сборник эссе, ISBN: 978-5-906800-14-5, ИД «Серебро Слов», Московская обл., г. Коломна, 2015г.

9. «Мой Лермонтов», монография, «Бёркхаус», г.Пятигорск, 2015г.

10. «Необыкновенные приключения обыкновенных людей», сборник фантастики, ISBN: 978-1-387-28916-5, «Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.», Huntsville, Ontario, Канада, 2017г. <http://www.lulu.com/shop/sergey-kalabukhin/neobyknovenniye-priklyucheniya-obyknovennykh-geroev/paperback/product-23365642.html>

11. «Необыкновенные приключения обыкновенных людей», сборник фантастики, ISBN: 978-5-4485-9854-8, «Издательские решения», 2017г. [https://ridero.ru/books/neobyknovennye\\_priklyucheniya\\_obyknovennykh\\_geroev/](https://ridero.ru/books/neobyknovennye_priklyucheniya_obyknovennykh_geroev/)

### ***Электронные книги:***

1. «Тайные хроники», сборник фантастики, ISBN: 978-0-9869345-2-0, «ePressario Publishing Inc.», г.Монреаль, Канада, 2011г.

2. «Взрослые сказки», сборник рассказов, ISBN: 978-5-906800-41-1, «Серебро Слов», Московская обл., г.Коломна, 2016г.

3. «Необыкновенные приключения обыкновенных людей», сборник фантастики, ISBN: 978-5-4485-9854-8, «Издательские решения», 2017г. [https://ridero.ru/books/neobyknovennye\\_priklyucheniya\\_obyknovennykh\\_geroev/](https://ridero.ru/books/neobyknovennye_priklyucheniya_obyknovennykh_geroev/)



## Содержание

1. Витёк и "черти"	3
2. Задание	11
3. Жизнь по науке	25
4. Откровение первое	41
5. Эдгар Мыльников	53
6. «Госпожа вьюга»	63
7. Пикник на берегу	82
8. Откровение второе	101
9. Начальник турбазы	106
10. Коломенский Гоголь	125
11. Откровение третье	143
12. Расскажи мне...	154
13. Беда любви	173
14. Откровение четвёртое	188
15. Роман Всеславный	198
16. Откровение пятое	214
17. Беда не приходит одна	226
18. Проблема выбора	244
19. Нежданная вербовка	260
20. Искушение	272
<i>Послесловие автора</i>	285
<i>Об авторе</i>	287
<i>Библиография Сергея Калабухина</i>	288





**Сергей Владимирович Калабухин**

## **ИСПОВЕДЬ ЦАРЯ БОРИСА**

Роман

Книга издаётся в авторской редакции

Художник:  
*Н.Ковалёва*

Корректор:  
*Н.Ковалёва*

Компьютерная вёрстка:  
*С.Калабухин*



**ООО Издательство "Серебро Слов"**

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: [srebro.slov@gmail.com](mailto:srebro.slov@gmail.com)

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин: <http://tvoyakniga.ru/content/magazin/>



Сергей Владимирович Калабухин родился 3 июля 1958 года в городе Коломна Московской области, где и проживает до сих пор. Печатался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, Англии, Белоруссии, США и Финляндии. Автор восьми книг.

Московия времён царя Ивана Грозного и современная подмосковная Коломна переплелись на страницах этой книги. Измены бояр, битвы с татарами, турками и ливонцами, интриги иезуитов, реалии провинциальной литературной тусовки и происки спецслужб – всё это вы найдёте в романе коломенского писателя Сергея Калабухина «Исповедь царя Бориса».

